

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Научный коммунизм и его фальсификаторы

Экспансионизм в пограничной политике Пекина

**Принципы Бандунга и великодержавный курс
маоистов в «третьем мире»**

**Народ Вьетнама в борьбе за выполнение
Парижского соглашения**

Культурное строительство в КНДР

**1
1975**

1 [13] 1975

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

25 W

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

КНР, итоги 1974 г.:

- 3 Внешняя политика
С. Г. Юрков
- 13 Экономика
И. Н. Коркунов, А. П. Морозов, М. М. Никольский
- 25 Принципы Бандунга и великодержавный курс КНР в
«третьем мире»
М. В. Михайлова
- 36 Экспансионизм в пограничной политике Пекина
В. С. Ольгин
- 48 Спекуляции маоистов понятием «неравноправный дого-
вор»
Е. А. Григорьева, Е. Д. Костиков
- 59 Африканская политика Пекина
И. П. Беляев
- 73 Современные тенденции развития Южной Кореи и их
воздействие на ее внешнюю политику
И. Гетель (ГДР)

ИДЕОЛОГИЯ

- 88 Об антимарксистской сущности маоизма
Г. Хидаши (ВНР)
- 99 Научный коммунизм и его фальсификаторы
В. Я. Сидихменов

ИСТОРИЯ

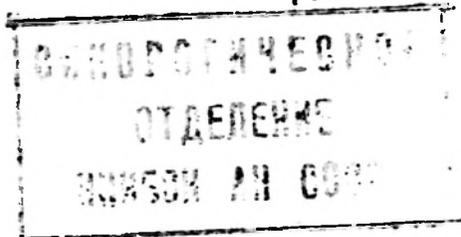
- 112 О роли пролетариата в китайской революции (к 50-ле-
тию IV съезда КПК)
В. И. Глушин

КОММЕНТАРИИ

- 125 Народ Вьетнама в борьбе за выполнение Парижского
соглашения
С. И. Иваньшин, И. А. Осотов

КУЛЬТУРА

- 133 «Критика» У Ханя — канун «культурной революции»
В. Г. Градов
- 141 Становление норм литературного языка в КНР
Ю. Н. Мазур

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

- 150 Китайская история в Китае и в Европе
В. М. Алексеев
Несколько замечаний к статье академика В. М. Алексеева
- 164 *Л. З. Эйдлиг*

ВОСПОМИНАНИЯ

- 168 Китайские мемуары
С. А. Далин

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- 180 «Бичуринский период» русской синологии
П. Е. Скачков

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 187 Историческое исследование судеб корейского народа
А. М. Дубинский
- 191 Монография о Нацагдорже
С. Ю. Неклюдов
- 194 Новое издание по проблемам современной Японии
Г. Е. Светлов
- 196 О подлинном облике маонстов
М. Н. Юмин
- 200 Идеалы советско-китайской дружбы восторжествуют
А. Г. Яковлев
- 202 Книга по истории китайского кино
С. А. Торопцев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ

- 204 Конференция в Южно-Сахалинске
И. Т. Мороз
- 205 Всесоюзная научная сессия по декоративному искусству Китая
Л. А. Шмотикова
- 208 **НОВЫЕ КНИГИ**

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь),
В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1975

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

КНР, ИТОГИ 1974 г.:

Внешняя политика

С. Г. Юрков

Позади 1974 год. Для Китайской Народной Республики он был юбилейным: исполнилось 25 лет после ее провозглашения. Китайские руководители вступили в 1974 г. с весьма своеобразным «багажом», который накопился за годы предательства дела социализма и борьбы против империализма.

Основные моменты, характеризующие идейно-политическую деградацию маоистов, правильно отмечены О. Е. Владимировым.

В отношении к марксизму-ленинизму нынешние китайские руководители начали с того, что объявили своим руководством к действию «сочетание всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», «китаизированный марксизм», а дошли до того, что провозгласили «идеи Мао Цзэ-дуна» высшим этапом развития человеческой мысли, полностью отказались от марксизма-ленинизма.

Во внутренней политике они начали с преувеличения национальных особенностей и утверждений о возможности построить коммунизм «в три года», а пришли к тому, что разрушили народно-демократический строй, установили жестокую военно-бюрократическую диктатуру и отложили решение задач строительства социализма на 50—100 лет.

В международном революционном движении они начали с того, что обвинили марксистско-ленинские партии и многие отряды национально-освободительного движения в «боязни империализма» и «утрате революционности», а пришли к прямому классовому предательству и подрывной деятельности против коммунистического движения, к открытой смычке с самыми реакционными силами.

В вопросах борьбы двух мировых систем они начали с путаных рассуждений о «промежуточных зонах», а кончили тем, что объявили «социалистическую систему несуществующей» и вступили на путь сговора с лагерем империализма на враждебной содружеству социалистических государств основе.

В советско-китайских отношениях они начали с утверждений о том, что разногласия всего лишь «один палец из десяти», а пришли к тому, что организовали вооруженные провокации на советско-китайской границе, пытаются приклеить первой стране социализма ярлык «социал-империализма» и сделали антисоветизм основой своей политики*.

Главным девизом их политики в истекшем году были слова из докладов на X съезде КПК: «Разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться и дальше».

Конечно, такие семена не могли дать хороших всходов.

Стратегическая цель внешней политики китайских руководителей со-

* О. Е. Владимиров. Современный этап идеологической борьбы против маоизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3, стр. 123.

но-техническим достижениям ради наращивания военного потенциала Китая и помешать оздоровлению международной атмосферы, налаживанию сотрудничества между этими державами и социалистическими странами.

В прошлом году подписаны некоторые практические соглашения между Китаем и Японией, быстрый скачок сделан в торговле — с 2 млрд. долл. в 1973 г. почти до 3 млрд. долл. в истекшем году. В Токио, однако, имеются значительные круги, которые считают, что Япония заплатила слишком большую цену за нормализацию отношений с Китаем, и требуют восстановления связей с Тайванем. Премьер-министр Танака подвергался критике и за то, что он слишком ретиво заигрывал с Китаем. В Японии имеются различные точки зрения по поводу стремления Пекина ускорить заключение договора о мире и дружбе с Японией. Высказывается, например, мнение, что Пекин хотел бы противопоставить этот договор будущим соглашениям о безопасности и сотрудничестве в Европе, а также осложнить развитие отношений Японии с другими странами. Подчеркивается также, что этот договор, если бы он был заключен, не снимает территориальных притязаний Китая к Японии. В Японии были возмущены той бесцеремонностью, с которой китайцы вмешивались в дела их страны в попытке спасти Танака и не допустить его отставки.

Явный холодок чувствовался в прошлом году и в китайско-американских отношениях, хотя определенные круги в США стремятся играть на трудностях в отношениях между СССР и КНР, а рулевые китайского политического корабля делают ставку на рыцарей «холодной войны» в США.

Пекин, несомненно, рассчитывал на скорый вывод американских войск с Тайваня и разрыв дипломатических отношений между Вашингтоном и Тайбэем. Этого не получилось. Больше того, США продолжают оказывать военную и экономическую помощь Тайваню, а в конгрессе имеется влиятельное тайваньское лобби. В Пекине раздражены тем, что заокеанские гости, недавно восторгавшиеся поделками из слоновой кости и китайским шелком, ныне пишут, что эти товары стали слишком дорогими и замечают, например, что в китайской руководящей элите идет борьба за власть и что внешний облик китайской деревни мало чем отличается от того, как она выглядела в период Минской династии. Это привело к заметному сокращению американских визитеров в Китай. Не может не сказаться на отношениях между двумя странами и то обстоятельство, что в Вашингтоне не знают, что будет после Мао Цзэ-дуна, задумываются, стоит ли себя связывать со страной, смена руководства которой может привести к новому раунду политической и иной нестабильности. Наконец, и это играет немалую роль, Пекин хотел бы возвращения США назад к «холодной войне», но это, как понимают в Вашингтоне, не соответствовало бы прежде всего национальным интересам США. Сейчас Пекин — за военное присутствие США в Азии. Но в Вашингтоне опасаются, как бы Китай, нарастив не без помощи Запада потенциал, не приступил к реализации своих экспансионистских замыслов на Азиатском континенте, что поставило бы под угрозу интересы Соединенных Штатов, да и не только их одних.

Что касается отношений Китайской Народной Республики с западноевропейскими странами, то 1974 г. принес обеим сторонам разочарование. В Пекине разочарованы по поводу того, что Запад все более оказывается в тисках экономического кризиса, что НАТО и Общий рынок раздирают противоречия, что западноевропейские государства идут на разрядку, что расширяются отношения между странами Западной Европы и Советским Союзом, социалистическими государствами. В Западной Ев-

ропе разочарованы тем, что, несмотря на некоторое расширение торговли, особенно ФРГ с Китаем, расчеты на то, чтобы заработать на торговле с КНР, не оправдались, внешнеторговые возможности Китая весьма ограничены. Их не может также устраивать негативистская позиция Пекина по многим международным вопросам. «Таймс» писала 4 ноября 1974 г.: «Продолжающееся стремление многих европейских стран добиться лучших отношений с Россией заставляет их реагировать с раздражением, когда китайцы отвергают концепцию разрядки как мошенничество».

Оценивая нынешнее состояние отношений развитых капиталистических стран с Китаем, международные наблюдатели единодушно отмечают, что «медовый месяц» этих отношений закончился, начались будни. С этим выводом можно согласиться. Как говорится в одном китайском стихотворении, которое привел Чжоу Энь-лай на X съезде КПК, «ничего не поделаешь, цветы опадают».

Второе место в китайской политике занимает «третий мир». В прошлом году Китай посетили многие руководители стран Азии и Африки. Внешне как будто бы дела идут хорошо. Китай действительно имеет хорошие отношения с несколькими государствами Азии и Африки. Одни, страдая от крайней бедности, хотят получить хоть какую-то помощь от Китая, другим импонируют некоторые пекинские лозунги, третьи опираются на поддержку Пекина в борьбе против соседних государств. Но внимательный наблюдатель, знакомый с положением вещей, не может не заметить, что страны Азии и Африки не воспринимают многие китайские тезисы. Они не согласны с тем, что в своем развитии они должны опираться на собственные силы, так как понимают, что сотрудничество с развитыми странами на здоровой основе, и прежде всего с СССР и другими социалистическими государствами, является важным фактором их прогресса. Китай явно сократил помощь странам Азии и Африки, труднее у него получить новые кредиты, ранее предоставленные займы плохо реализуются. «Не можешь строить хорошо, строй красиво» — этот пекинский подход не удовлетворяет страны — получатели китайской помощи. Они видят, что технический уровень китайской помощи низок, они убедились, что военные самолеты, которые поставляет КНР, на много лет отстают от мирового уровня, а танки и того хуже. Руководители многих государств не могут проходить мимо того, что маоисты пытаются пролезть в вооруженные силы, внедряться в молодежное движение, ищут «запасные фигуры», которые можно было продвинуть к власти.

Народы арабских стран убедились, что помощь Китая в их борьбе против израильской агрессии — это всего лишь трескучие заявления, суть которых состоит не в том, чтобы поддержать справедливое дело арабов, а в том, чтобы затруднить урегулирование, осложнить обстановку и сохранить почву для постоянных войн и конфликтов на Ближнем Востоке. Египетская газета «Аль-Яум» отмечала 1 октября 1974 г.: «Позиция маоистского руководства не может обмануть арабские народы, ведущие тяжелую борьбу за свой суверенитет». Курс пекинского руководства, подчеркивает газета, направленный против политики СССР и других социалистических стран, имеет целью ослабление национально-освободительной борьбы против международного империализма. Другая иракская газета «Аль-Джумхурия» писала 9 сентября 1974 г., что фактически ближневосточная политика Китая направлена против арабов и зачастую воспринимается с большим удовлетворением израильскими руководителями и лидерами мирового сионизма.

Обратило на себя внимание то, что Пекин, стремясь гальванизиро-

вать конфликты в Африке, пытался помешать политике деколонизации, которую проводит новое правительство Португалии. Наконец, страны Азии и Африки не могут не делать выводов из того, что Пекин осуществляет военное вмешательство в дела Бирмы, пытается засылать отряды диверсантов в Индию, провоцирует выступления экстремистов в Бангладеш, вмешивается в дела других стран Юго-Восточной Азии. Одно время Пекин приглушил поддержку антиправительственных сил в ЮВА, рассчитывая на быстрое признание со стороны официальных кругов стран района. Когда же процесс этот замедлился из-за не снятых опасений относительно вмешательства Пекина, последний вновь прибег к подталкиванию своих сторонников на борьбу против существующих режимов, чтобы сделать их более «сговорчивыми». Индийская «Бхарат» указывала 18 июня 1974 г., что вопреки всем принципам «панча шила» Китай вмешивается во внутренние дела других государств и пытается провоцировать их друг против друга. Этот подход разоблачает решительное нежелание Китая разрядки напряженности на Южноазиатском субконтиненте, свидетельствует об империалистическом характере его экспансионистских притязаний.

Подобно персонажу Салтыкова-Щедрина, «закрывшему Америку», они даже «ликвидировали» социалистическое содружество. «Социалистический лагерь, существовавший некоторое время после второй мировой войны, уже перестал существовать», — заявил китайский представитель Дэн Сяо-пин на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 1974 г.

Социалистическое содружество не только существует, но крепнет вопреки потугам маоистов разрушить его. Организация Варшавского Договора — важный и мощный щит мировой социалистической системы против агрессии. Успешно осуществляется Комплексная программа интеграции, разработанная государствами — членами СЭВ, и темпы их развития такие, какие и не сняты маоистам. За четверть века промышленное производство стран — членов СЭВ увеличилось в 12 раз, сельскохозяйственное — почти утроилось. Пекин тем не менее продолжает тактику дифференцированного подхода к социалистическим государствам: одних хвалит, других ругает, с одними расширяет торговлю, с другими сокращает, в отношении одних ведет себя корректно, на границах других совершает провокации. Итог все же для Пекина неутешителен: даже в отношениях с той страной, которую маоисты считают самым надежным союзником, появляются новые трещины.

Китайские руководители утверждают, что они борются против СССР, а это, дескать, не должно беспокоить другие страны. Но в социалистических странах видят, что политика Пекина направлена и против их собственных интересов. Выходящий в ГДР журнал «Дейче ауссенполитик» писала 12 августа 1974 г.: «Открыто клеветца на СССР, Пекин из тактических соображений воздерживается от нападок на некоторые социалистические страны, пытаясь тем самым постепенно вбить клин в их отношения с СССР и между собой. С этой же целью китайской пропагандой делаются попытки выпятить отдельные особенности и проблемы социалистических стран, исказить их и опять-таки использовать для борьбы с СССР».

Когда Чжоу Энь-лай и другие заявляют, что войска США не должны уходить с Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, что Япония должна вооружаться, что японо-американский военный союз должен быть сохранен, разве это не направлено также против КНДР, против ДРВ, против освободительного движения в Юго-Восточной Азии? Когда китайские руководители ведут военные приготовления вдоль северных границ, ког-

да они совершают провокации на границах, разве это не враждебная политика в отношении МНР, тем более что время от времени в Китае высказываются экспансионистские претензии на всю социалистическую Монголию? Когда Пекин пытался сорвать заключение договоров СССР, ПНР, ГДР, ЧССР с ФРГ, когда он из шкуры лезет вон, только бы торпедировать Совещание по сотрудничеству и безопасности в Европе, когда он подбрасывает всякие реваншистские идейки насчет временного характера сложившихся после войны границ в Европе, когда он ведет подрывную работу против СЭВ и Варшавского договора и призывает к укреплению могущества НАТО и расширению Общего рынка, когда он выступает против сокращения войск и вооружений в Центральной Европе, разве это не затрагивает интересов Польши, ГДР и ЧССР, Венгрии и Болгарии, Румынии и Югославии? Когда Мао и его группа всемерно противодействуют тенденциям к оздоровлению международного климата, пытаются помешать урегулированию на Ближнем Востоке и на Индостанском субконтиненте, когда они выступают против любой международной акции, ведущей к сдерживанию гонки вооружений, к укреплению доверия между государствами, и, напротив, провоцируют обострение международной обстановки где только можно, разве это не противоречит политике и интересам всех социалистических государств? Когда руководители Китая пытаются делить мир по расовому признаку, когда они стремятся противопоставить одни континенты другим, разве такая политика может оставлять равнодушными социалистические государства? «Борьба маоистов против социалистического лагеря и Советского Союза не является внутренним делом социалистического мира, — писала 30 октября 1974 г. «Руде право». — Она касается всего мира в целом. Тем, что маоисты постоянно пытаются вбить клин между социалистическими странами и международным рабочим движением, между СССР и развивающимися странами, между социалистическим сотрудничеством и прогрессивным человечеством, они объективно выступают против разрядки напряженности, а следовательно, и против мира во всем мире. Именно в этой политике, направленной против мира, и состоит подлинная опасность внешней политики маоистского руководства Китая».

Совершенно естественно, что тезис Пекина о возможности развития сотрудничества с социалистическими странами при сохранении антисоветского курса получил отпор со стороны многих социалистических государств. Китайским руководителям было заявлено, что без отказа Пекина от антисоветизма невозможно развитие отношений с соответствующими братскими странами. Ежедневник «Хорионт» (ГДР) отмечал 3 октября 1974 г.: «Ярый антисоветизм составил основу взаимных интересов маоизма и империализма. Реакционеры руководствуются им, пытаясь разорвать узы дружбы между социалистическими странами и Советским Союзом, делая при этом главную ставку на национализм. Старый рецепт «разделяй и властвуй», за который с такой живостью ухватились маоисты, не в силах вбить клин между СССР и братскими социалистическими странами».

Заметно усилились попытки Пекина проникнуть в социалистические страны, навязать им свои концепции. В нарушение законов и порядков, существующих в социалистических странах, и даже принципа мирного сосуществования, предложенного Пекином в качестве основы отношений с этими государствами, посольства КНР в этих странах пытаются рассылать враждебные и клеветнические материалы предприятиям, учреждениям, учебным заведениям, подбрасывают их в почтовые ящики частных лиц. Сотни людей, в том числе совершенно не имеющие отношения к ведомствам внешних сношений, получают приглашения на различные

приемы и встречи в посольствах КНР. Китайские работники рвутся в высшие учебные заведения, пытаются проникнуть в студенческую среду.

В основе внешнеполитического курса Мао и его группы лежит патологический антисоветизм. Правда, в прошлом году маонстам пришлось отказаться от одного антисоветского мифа, который они раздували не сколько лет, — мифа насчет советской военной угрозы Китаю. Как сообщалось в зарубежной печати, один из китайских руководителей заявил в беседе с иностранными визитерами, что миллион солдат, будто бы сосредоточенный на советском Дальнем Востоке, «нацелен не столько против Китая, сколько против США и Японии. Если они хотят напасть на Китай, миллиона солдат, конечно, недостаточно» («Вашингтон пост», 5 октября 1974 г.). Населению, однако, продолжают внушать, что советское нападение может произойти в любой момент. Маоисты явно опасаются, что без создаваемой ими обстановки «окруженной крепости» им труднее будет навязывать народу свою власть.

В целом же прошлый год отмечен усилением антисоветизма в Пекине. В январе китайские власти арестовали пять советских дипломатов и учинили расправу над ними. В марте был захвачен советский вертолет, сделавший вынужденную посадку на территории КНР недалеко от границы, и китайские власти до сих пор задерживают трех советских летчиков и даже отказались допустить к ним представителя Международного Красного Креста. Все яростнее становятся пропагандистские нападки Пекина на Советский Союз.

Иногда, правда, китайские руководители не прочь в тех или иных целях пустить пыль в глаза международным наблюдателям. В ноябре 1974 г. в зарубежной печати появились комментарии по поводу телеграммы, присланной Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей и Государственным советом КНР в адрес Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в связи с 57-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Об этой телеграмме сообщалось в советской печати 9 ноября.

Одни комментаторы усматривали в телеграмме какие-то «сдвиги» в политике Пекина, другие, напротив, отмечали, что она не добавляет ничего нового к тому, что известно о позиции руководства КНР по вопросам советско-китайских отношений. Одним словом, появилось обилие разного рода оценок и предположений. К спекуляциям по этому поводу подключились китайские официальные представители, преимущественно дипломатические, в различных странах. Они всячески привлекали внимание к этой телеграмме, одновременно подчеркивая, что было бы неправильно истолковать ее как отступление от позиции Китая в вопросах, по которым между КНР и СССР имеются расхождения.

Как же обстоит дело в действительности?

Верно то, что в телеграмме содержались слова о дружбе народов Советского Союза и Китая, слова о том, что разногласия между двумя странами не должны мешать нормализации советско-китайских отношений. Однако главная идея, которую китайские руководители выражали в телеграмме, состояла вовсе не в этом. Наряду с благозвучными высказываниями излагалась и подтверждалась позиция, которая отнюдь не предназначена для того, чтобы способствовать действительной нормализации отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Именно она завела в тупик советско-китайские переговоры по многим вопросам, включая пограничные.

Суть подхода китайского руководства к отношениям между СССР и КНР, если очистить его от словесного камуфляжа, состоит в том, что возможность достижения договоренности о ненападении и неприменении

силы ставится в зависимость от перенесения Советским Союзом границы в глубь своей территории. Только так следует расценивать содержащиеся в телеграмме и повторенные позднее Чжоу Энь-лаем на сессии ВСНП в январе 1975 г. заявления о том, что Советский Союз, дескать, должен признать какие-то «спорные районы» и в одностороннем порядке отвести пограничные части из ряда районов СССР и что лишь после этого китайская сторона будет готова приступить к переговорам о прохождении линии границы. «Совершенно ясно, — сказал Л. И. Брежнев в речи, произнесенной в Улан-Баторе 26 ноября 1974 г., — что подобная позиция является абсолютно неприемлемой и мы ее отвергаем».

Если бы у пекинских руководителей слова не расходились с делом, то почему бы им не принять советские предложения заключить без всяких предварительных условий, ущемляющих интересы любой из сторон, договор о неприменении силы в любой форме и соглашение о ненападении, рассмотреть советские предложения об уточнении линии границы? Пекин отклонил эти предложения под тем предлогом, что пойдет на договоренность лишь при условии принятия его территориальных притязаний к СССР. Наверное, в Пекине есть люди с избытком мрачного юмора, если выдвигаются подобного рода требования.

Судя по всему, рукою авторов телеграммы водило не желание искать основу для улучшения советско-китайских отношений, а стремление углублять разногласия. К такому выводу справедливо приходит большинство международных обозревателей, которые в достаточной степени знакомы с курсом политики Пекина. Тем более что, как это видит весь мир, китайские руководители изо дня в день предают анафеме все, что исходит от Советского Союза, от социалистических государств и направлено на разрядку международной напряженности, устранение угрозы войны, укрепление сотрудничества между государствами, в том числе на восстановление дружбы с великим китайским народом, уважение к которому всегда питали и питают советские люди.

Как сказано в ответной телеграмме, направленной 26 ноября в Пекин Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР, «Советский Союз был и остается сторонником нормализации отношений с Китайской Народной Республикой, восстановления дружбы между двумя странами и народами. Советский Союз неоднократно предлагал провести переговоры без каких-либо предварительных условий по всем вопросам советско-китайских отношений, включая пограничные, заключить между СССР и КНР договор о неприменении силы, договор о ненападении, развивать отношения в различных областях на взаимовыгодной основе. То, что высказано в вашей телеграмме от 6 ноября с. г. о путях урегулирования некоторых вопросов советско-китайских отношений, выдвижение всякого рода предварительных условий является повторением прежней позиции руководства КНР и, конечно же, не содержит основы для договоренности. Если бы правительство КНР проявило действительную заинтересованность в достижении договоренности и со своей стороны также предприняло реальные шаги в этом направлении, то, по нашему убеждению, было бы нетрудно вернуть отношения между нашими странами на рельсы добрососедства. Это отвечало бы коренным интересам народов двух стран».

Мао Цзэ-дун писал в журнале «За прочный мир, за народную демократию» 1 ноября 1948 г.: «Октябрьская революция построила фронт революций от пролетариев Запада через российскую революцию до угне-

тенных народов Востока, против мирового империализма. Разве существует, кроме этого фронта, какой-либо другой фронт революций? Разве история за 31 год существования советской власти не доказала полную лживость и окончательное банкротство так называемой «промежуточной линии», так называемого «третьего пути», о чем разглагольствуют в целях обмана трудящихся все те, кто недоволен марксизмом и ненавидит Советский Союз — социалистическое отечество трудящихся всего мира, все те, кто пытается занять какую-то промежуточную позицию между фронтом империалистов и фронтом революций, против империализма и его лакеев во всех странах?»

Эта характеристика полностью относится к нынешней политике Китая. Мао Цзэ-дун сам определил себе вердикт.

Если бы китайские руководители смогли освободиться от того мира, который они создали в воображении, и реально взглянуть на обстановку, они должны были бы констатировать, что дела у них идут не так, как изображает пропаганда. Продолжается ожесточенная грызня за власть. Народное хозяйство испытывает громадные трудности и развивается черепашьими темпами. Несмотря на крикливые заявления маоистов об опоре на собственные силы, страна залезла в долги, и Китай задолжал около 1,5 млрд. долл. Неконструктивная, негативистская политика не может служить основой для серьезных соглашений с иностранными государствами.

Дорогую цену платит великий китайский народ за безответственный и авантюристический курс, навязанный ему Мао Цзэ-дуном и его группой. Альтернативой новых внешнеполитических поражений является возвращение Китая на путь марксизма-ленинизма, к трезвой и реальной политике.

Экономика

И. Н. Коркунов,
кандидат экономических наук

А. П. Морозов,
кандидат экономических наук

М. М. Никольский,
кандидат экономических наук

1 октября 1974 г. исполнилось 25 лет со дня образования Китайской Народной Республики. За прошедшие годы в народном хозяйстве страны произошли существенные количественные и качественные изменения. Объем совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства увеличился за эти годы более чем в 6 раз, а национальный доход возрос более чем в 5 раз. Количественные показатели в области развития экономики были бы значительно более высокими, если бы народное хозяйство страны развивалось в соответствии с ранее намеченными планами, разработанными VIII съездом КПК на основе учета объективных закономерностей перехода к социализму. Опыт последних 16 с лишним лет показывает, что в своей практической деятельности Мао Цзэ-дун и его сторонники, находясь во власти субъективизма и волюнтаризма, игнорируют объективные законы развития общества, пытаются действовать в обход их, без учета реальных условий.

1974 г. прошел под знаком все большего подчинения развития народного хозяйства задачам всемерного наращивания военно-экономического потенциала, задачам материального обеспечения маоистской внутренней и внешней политики.

В прошлом году, как и прежде, экономика КНР продолжала оставаться фактически разделенной на две части. Одна представляла собой группу отраслей, связанных с военным производством. В эти отрасли направлялась большая доля государственных ассигнований. Другую часть составляли отрасли гражданского производства, базировавшиеся на местных материальных и трудовых ресурсах, полунатуральном сельском хозяйстве, мелкой местной промышленности. Главной ее задачей продолжало оставаться обеспечение развития производства по принципу «опоры на собственные силы», без какой-либо существенной помощи со стороны государства, но при условии обязательного отчисления государству возможно больших материальных и финансовых средств.

В 1974 г. экономическая политика маоистов по-прежнему была откровенно нацелена на подготовку к войне в соответствии со «стратегическим курсом» Мао «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям», «глубже рыть убежища, больше запастись зерна».

Каких-либо заметных изменений в отраслевой структуре народного хозяйства в истекшем году не произошло. Сельское хозяйство по-прежнему стоит на первом месте в создании национального дохода и вместе с отраслями промышленности, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье, дает более половины национального дохода. В общих затратах труда продолжает абсолютно преобладать ручной труд. Продолжали обостряться общехозяйственные диспропорции: между производством

и потреблением, потреблением и накоплением, производством средств производства и производством предметов потребления. В истекшем году усилился дефицит в зерне, сырье для легкой и многих отраслей пищевой промышленности, электроэнергии, угле и некоторых других видах продукции.

Анализ имеющихся материалов по экономическому положению в КНР в 1974 г. говорит о том, что в итоге истекшего года произошло заметное снижение темпов роста в основных сферах материального производства по сравнению с предыдущим годом. По предварительным оценкам, в 1974 г. годовой прирост валовой продукции промышленности составил 5% против 8, сельского хозяйства — 2 против 6, совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 4 против 7,5, производство национального дохода — 3,8 против 7,2% в 1973 г. Общее экономическое положение КНР в период 1972—1974 гг. характеризуется следующими основными данными.

Таблица 1

Важнейшие экономические показатели КНР
в 1972—1974 гг.* (млрд. юаней)

	1972 г.	1973 г.	1974 г.
Промышленность	173,0	187,0	196,4
Сельское хозяйство	64,5	68,4	69,4
Промышленность и сельское хозяйство	237,5	255,4	265,8
Национальный доход	166,0	178,0	185,1

* Оценочные данные, произведенные на основе цен 1957 г.

Возросший в 1974 г. импорт промышленного оборудования, машин, транспортных средств по-прежнему не удовлетворяет потребности огромной страны в современных средствах производства. Пекинская пропаганда пытается сгладить серьезные трудности в сельском хозяйстве и во многих отраслях промышленности в истекшем году. Однако, судя по материалам китайской центральной печати, общая экономическая ситуация в стране продолжает оставаться напряженной.

Все больше сказывается низкий технический уровень средств транспорта, и прежде всего железнодорожного транспорта. В локомотивном парке преобладают паровозы (до 90%), около половины из которых устаревших конструкций, ощущается острая нехватка товарных вагонов, средств механизации погрузочно-разгрузочных работ и т. д. Чрезвычайно малочислен автомобильный парк, на низком уровне находится автотранспортное хозяйство. Средства водного транспорта, портовые сооружения, навигационные средства далеко не отвечают современному уровню. В целом современные виды транспорта не удовлетворяют потребности страны в перевозках грузов.

Напряженность экономического положения сказывается и во внешнеэкономических связях страны. По сравнению с предыдущим, 1973 г., снизились темпы роста внешней торговли. Дефицит внешнеторгового баланса достиг заметных размеров: по предварительной оценке, он составит сумму в 0,5 млрд. ам. долл. Кроме того, на снижение коммерческой активности Китая в истекшем году оказывают влияние и значительные суммы кредитов, предоставленные ему в предыдущие годы. Еще больше обострилась проблема платежеспособности.

В целом дальнейшее наращивание военно-экономического потенциала КНР при низком общем уровне экономического развития, ограниченности накопленных и малой вероятности получения широкой экономической и военной помощи извне неизбежно ведет к нарушению общественного воспроизводства в целом.

Промышленность. В 1974 г. китайской промышленности удалось избежать очередной катастрофы, реальная угроза которой возникла в связи с развернувшейся после X съезда КПК кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция». Пользуясь отсутствием в отчетном докладе на X съезде КПК сколь-нибудь четко сформулированной программы промышленного развития, ограниченным характером достигнутой в течение 1970—1973 гг. относительной экономической стабилизации в стране, так называемое «левое крыло» китайского руководства повело широкое наступление на сторонников «прагматической линии». Под лозунгом борьбы против «регрессивного течения», возникшего после «культурной революции» и подрывающего ее установки, были подвергнуты критике мероприятия, способствовавшие стабилизации и некоторому росту производства в 70-е годы: внедрение элементов материальной заинтересованности, трудовой и технологической дисциплины, недостаточная «опора на собственные силы», ослабление методов идеологического и политического стимулирования производства и т. д.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», в которую на начальном ее этапе в той или иной степени были втянуты рабочие большинства предприятий, поскольку ее организаторы считали, что, «лишь подключив рабочих, крестьян и солдат, можно глубоко и последовательно провести критику Линь Бяо и Конфуция»¹, привела к большим потерям рабочего времени, к ослаблению плановых начал на производстве, падению трудовой дисциплины и в конечном итоге создала предпосылки падения производства. Во всяком случае, в первом полугодии, и особенно в январе — марте 1974 г., дезорганизация производства была налицо, о чем косвенным образом свидетельствовали многочисленные сообщения китайской печати. В частности, например, газета «Жэньминь жибао» писала, что из-за отсутствия достаточного количества рабочей силы не была введена в строй до февраля месяца новая электропечь на Пекинском заводе ферросплавов, строительство которой было завершено еще в 1973 г.²

В конце концов китайское руководство было вынуждено принять ряд экстренных мер и дать указание о проведении кампании критики во вне-рабочее время. 10 апреля «Жэньминь жибао» опубликовала передовую статью, где указание носило директивный характер³. Примечательно, что, пытаясь выправить создавшееся в промышленности положение и сохранить в своих руках контроль за ходом кампании критики, китайские руководители модифицировали лозунг «ухватившись за революцию, стимулировать производство» в его новый вариант: «ухватившись за критику Линь Бяо и Конфуция, стимулировать производство», который употреблялся наряду со старым. Были изданы директивы, запрещавшие вмешательство активистов кампании в сферу производственной деятельности и осуждавшие рабочих за прогулы под предлогом участия в «революционной деятельности». В китайских газетах появились призывы к проведению «критики» только в свободное от работы время, увязывать кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция» непосредственно с производством, что способствовало уменьшению отрицательного влияния этого

¹ «Жэньминь жибао», 2. II. 1974.

² «Жэньминь жибао», 20. IV. 1974.

³ «Жэньминь жибао», 10. IV. 1974.

движения на промышленное производство. Однако, несмотря на эти установки, мероприятия по «критике Линь Бяо и Конфуция» за счет рабочего времени продолжали проводиться вплоть до августа.

Очевидно, что последующие усилия китайского руководства, направленные на нормализацию положения в промышленности, не смогли компенсировать потери от дезорганизации производства в первом полугодии. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» явилась одним из важных факторов снижения темпов роста промышленного производства в КНР в 1974 г.

Другими факторами снижения темпов роста производства явились, с одной стороны, восстановление промышленности после эксцессов «культурной революции», а с другой — то, что возможности наращивания производства за счет ввода в эксплуатацию не достроенных ранее объектов и максимального использования имевшихся мощностей практически были исчерпаны. Поэтому дальнейшее наращивание производства требует больших капитальных вложений на каждый процент прироста.

В 1974 г. усилилось сдерживающее влияние на производство такого фактора, как нехватка современного оборудования, в том числе энергетического, транспортных средств, обострение диспропорций между добывающими и обрабатывающими отраслями. В этом году китайское руководство потратило значительные средства на закупку комплектного оборудования и предприятий за рубежом, эффект от которых может быть получен лишь через несколько лет.

Перечисленные факторы, негативное действие которых подтверждается анализом отрывочных официальных сведений из китайской печати о развитии отдельных отраслей и промышленных центров и районов, позволяют оценить прирост объема валовой промышленной продукции в 1974 г. по сравнению с 1973 г. примерно на 5%.

Снижение темпов роста промышленного производства в 1974 г. не является случайным, а представляет собой выражение наметившейся в последние годы тенденции в развитии промышленности КНР.

В этих условиях китайское руководство попыталось смягчить недопроизводство многих видов промышленной продукции за счет увеличения выпуска на местных мелких предприятиях, дающих хотя и временный, но быстрый эффект без субсидий со стороны государства. «Проводимый в промышленном строительстве Китая курс одновременного строительства крупных, средних и мелких предприятий имеет не только важное экономическое значение, но и великое стратегическое значение», — отмечала китайская печать. Одновременно подчеркивалось, что строительство мелких предприятий «под силу не только провинциям и городам, но и округам, уездам и даже народным коммунам и городским кварталам»⁴.

Следует отметить, что в ряде отраслей промышленности в последние годы рост производства за счет мелких предприятий, выпускающих, как правило, продукцию ограниченной годности, весьма низкого качества, происходило быстрее, чем за счет крупных и средних предприятий. В результате их удельный вес в общем объеме производства заметно увеличился. Так, выплавка стали на небольших предприятиях увеличилась в 1973 г. более чем в 3 раза, а чугуна — более чем в 4 раза против 1966 г., а доля мелких предприятий в производстве цемента в 1974 г. возросла более чем до 50% по сравнению с 44% в 1971 г.⁵

⁴ ИБАС, 26. IX. 1974.

⁵ «Мы идем вперед». Пекин, 1972, стр. 4.

Китайская печать не приводила абсолютных цифр, характеризующих состояние промышленного производства в 1974 г. Сообщались только некоторые сведения (число которых было меньше обычного) о процентном увеличении выпуска продукции на отдельных предприятиях и в ряде провинций и городов. Поэтому можно дать лишь оценочные показатели производства важнейших видов промышленной продукции (см. табл. 2).

Таблица 2

Производство важнейших видов промышленной продукции в 1972—1974 гг.

	Ед. изм.	1972 г.	1973 г.	1974 г.
Электроэнергия	млрд. квт·ч	83	92	100
Уголь	млн. т	300	325	330
Нефть и смола	»	29	38	45
Чугун	»	24	26	27
Сталь	»	23	25	26
Минеральные удобрения	»	20	24	28
Цемент	»	17	19	20
Металлорежущие станки	тыс. шт.	60	65	70
Автомобили	»	65	70	75
Хлопчатобумажные ткани	млрд. м	8,5	8,7	8,9
Сахар	млн. т	2	2,2	2,3

Особое внимание в истекшем году китайское руководство уделяло развитию топливно-энергетической базы. Наибольшие успехи были достигнуты в увеличении нефтедобычи, рост которой составил за год 18—20% и в абсолютном выражении достиг примерно 45 млн. т. Рост добычи нефти был достигнут прежде всего за счет развития Дацинских нефтепромыслов, которые за 8 месяцев 1974 г. увеличили добычу на 22,8% по сравнению с тем же периодом 1973 г.

Здесь следует отметить, что в последнее время в зарубежной печати появился ряд сообщений, дающих фантастические оценки добычи нефти и возможности ее экспорта из КНР в ближайшие годы. Говорилось, например, о возможном росте добычи нефти в Китае до 30—90 млн. т в 1974 г. и 400 млн. т в 1980 г., что позволило бы Китаю экспортировать в 1976 г. 20—30 млн. т и в 1978 г. — до 50 млн. т. Однако анализ современного состояния нефтяной промышленности, материальных, финансовых и технических возможностей Китая, баланса производства и потребления нефти внутри страны никак не подтверждает подобных прогнозов.

Несмотря на значительный рост добычи нефти в 70-е годы, она занимает только 12% в топливно-энергетическом балансе страны. Решающая роль здесь принадлежит по-прежнему угледобывающей промышленности, где в 1974 г. сложилось весьма напряженное положение. В первые месяцы 1974 г. планы добычи угля находились, видимо, под угрозой срыва, что заставило китайское руководство специально обратиться к работникам этой отрасли с призывом «стимулировать производство». Замедлилось капитальное строительство в отрасли, о чем можно судить по заметно уменьшившемуся количеству сообщений о вводе в строй новых мощностей. Китайская печать сообщила о вводе в эксплуатацию в 1974 г. «более 60 угольных шахт». Однако сравнительно крупными среди них были единицы. В их числе две шахты в провинциях Ляонин и Ганьсу — каждая мощностью 600 тыс. т угля в год.

Видимо, в 1975 г. китайские руководители будут вынуждены уделить развитию этой отрасли больше внимания и средств.

Народное хозяйство КНР продолжает испытывать острую нехватку электроэнергии, чем объясняются довольно энергичные усилия властей, направленные на развитие электроэнергетической промышленности.

Для снабжения промышленных предприятий, в основном базовых отраслей промышленности, наращивались мощности на уже действующих средних и крупных электростанциях, а также строились новые ТЭС и ГЭС. Сообщалось о завершении строительства гидроузла Цинтунся в верхнем течении Хуанхэ (НХАР). На электростанции, построенной здесь в 1967 г., в настоящее время монтируется 6-й агрегат⁶. Введены в строй 2 агрегата на 2-й Дацзинской ТЭС⁷.

В провинции Гуйчжоу, на р. Маотяохэ введена в эксплуатацию на строящемся здесь каскаде ГЭС Хунъянь, на которой смонтировано несколько агрегатов средней мощности⁸.

В последние годы Китай закупил в Японии, Франции, Италии, ЧССР и СССР большое количество оборудования для гидро- и теплоэлектростанций, что создает условия для дальнейшего наращивания мощностей электроэнергетической промышленности.

В 1974 г. снизились темпы роста выплавки чугуна и стали. Увеличение производства происходило в основном за счет расширения мощностей существующих предприятий и выявления так называемых скрытых резервов. При этом обращалось повышенное внимание на выплавку спецсталей.

Дальнейшее наращивание мощностей металлургической промышленности китайское руководство предполагает осуществить за счет закупки металлургического оборудования за рубежом. Подписаны контракты с Японией и ФРГ на поставку для металлургического комбината в г. Ухане стана холодной прокатки мощностью 1 млн. т в год, стана горячей прокатки (3 млн. т/год), стана для производства листовой кремнистой стали (68 тыс. т/год), агрегатов лужения (100 тыс. т/год) и цинкования (150 тыс. т/год), установки для непрерывной разливки стали (1,6 млн. т/год). Закупленное оборудование позволит Китаю увеличить выпуск стального листового проката, в том числе холоднокатаного стального листа для автомобильной промышленности.

В машиностроении в 1974 г. также произошел некоторый спад темпов роста, исключая отрасли, производящие продукцию сельскохозяйственного назначения: тракторы, электромоторы, дизели и т. д. Обращает на себя внимание ряд сообщений о достижениях в области освоения новых видов продукции. Среди них: паровой турбогенератор с внутренним водяным охлаждением статора и ротора, котлы высокого и сверхвысокого давления производительностью 670 т пара в час для комплектации агрегатов мощностью 200 тыс. квт⁹, односекционный тепловоз мощностью 4 тыс. л. с. (начался серийный выпуск), ЭВМ на интегральных схемах, выполняющая 1 млн. операций в секунду¹⁰.

В химической промышленности упор по-прежнему делался на производство удобрений. Что касается отраслей легкой и пищевой промышленности, то заметных изменений в них не произошло. Производство хлопчатобумажных тканей и сахара за 1974 г. возросло незначительно.

⁶ «Жэньминь жибао», 16. IX. 1974.

⁷ «Жэньминь жибао», 14. IX. 1974.

⁸ «Жэньминь жибао», 14. IX. 1974.

⁹ «Жэньминь жибао», 3. IX. 1974.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 2. IX. 1974.

В целом китайская промышленность вступила в последний год пятилетки в условиях резкого обострения проблемы увеличения темпов своего роста, что предполагает решение ряда сложных вопросов: изыскания дополнительных финансовых и материальных ресурсов для отраслей гражданского производства, совершенствование системы управления и планирования производством, ускорение темпов научно-технического прогресса. Однако радикальное решение этих вопросов вряд ли возможно без коренных изменений принципов и направленности экономической политики нынешнего пекинского руководства.

Сельское хозяйство. Экономическое положение КНР в 1974 г. характеризовалось усилением трудностей, дезорганизацией производства, вызванных кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция». Хозяйственные проблемы обострились также из-за низкого урожая в сельском хозяйстве.

В 1974 г. погодные условия на большей части территории Китая складывались неблагоприятно для сельского хозяйства. Северные провинции Китая площадью 50 млн. га (из 112 млн. га пашни) были охвачены сильной засухой, длившейся в разных районах от 3 до 8 месяцев. В ряде восточных приморских провинций (Шаньдун, Цзянсу и др.) урожаем пострадал от наводнений. По некоторым сообщениям, ущерб, причиненный стихийными бедствиями в 1974 г., был более значителен, чем в 1972 г.

Чтобы компенсировать потери летнего урожая, были расширены посевы яровой пшеницы в южных районах страны. В целом посевная площадь под пшеницей увеличилась на 270 тыс. га¹. В этих сложных условиях руководство КНР предпринимало некоторые меры, пытаясь обеспечить рост сельскохозяйственного производства. Начиная с весны 1974 г. большое внимание уделялось сооружению оросительных колодцев с насосами и небольших ирригационных сооружений². Однако эти меры были недостаточно эффективны, в частности из-за нехватки подземных вод. Серьезной помехой в борьбе с засухой явилось то обстоятельство, что китайская деревня недополучила значительное количество сельхозмашин, удобрений и ядохимикатов вследствие нарушения ритма работы предприятий, вызванного политической кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция»³.

Еще одним фактором в борьбе с засухой явилась массовая посылка в деревню из городов рабочих и служащих, учащихся, а в период сева и уборки урожая — подразделений НОАК. В провинции Хэйлунцзян, например, в 1974 г. на полях работало на 400 тыс. человек больше, чем в прошлом году. По подсчетам, сделанным на основе публикаций китай-

¹ «Жэньминь жибао», 23.VII.1974. Следует отметить, что это расширение посевов пшеницы составляет всего лишь 0,2% всех посевных площадей и менее 1% посевных площадей, занятых в КНР этой культурой.

² В печати КНР сообщалось, что в 1974 г. число механизированных колодцев достигло 1,3 млн., с помощью которых орошается 7,3 млн. га пашни. Утверждается, что всего в КНР орошается 33 млн. га (более 1/3 пашни). Эти площади считаются основными базами гарантированного урожая зерновых и размещаются главным образом в районах южнее Янцзы и в ее дельте; за зимне-весенний период 1973—1974 гг. были усовершенствованы орошаемые площади на 3,3 млн. га, выровнено 5,2 млн. га земель для орошения и создано 930 тыс. га террасированных полей.

³ Нехватка удобрений и сельскохозяйственной техники постоянно упоминалась в сообщениях радиостанций ряда провинций (Сычуань, Цзянсу, Чжэцзян и др.). Имеются сведения, что на специальном совещании в марте рассматривались вопросы жесткого распределения техники между провинциями, чтобы спасти урожай в ряде районов страны.

ской печати, только в первом полугодии было направлено в сельское хозяйство 1,6 млн. человек молодежи.

В 1974 г. были усилены попытки использовать административно-принудительные, военные и политические методы стимулирования трудовой активности крестьянства, энтузиазма масс. Повысилась идеологическая обработка крестьянства в целях стимулирования их трудовой активности, предпринимались попытки превратить кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция» в идеологическое средство решения производственных задач. Однако явная пассивность крестьян и местных кадров, нарастание экономических трудностей и угроза неурожая вынудили руководство КНР уже с весны ограничить политическую кампанию в деревне⁴. Печать КНР подвергала резкой критике крестьян, которые не хотят упорно трудиться и «поднимают черный вихрь экономизма» (то есть добиваются улучшения условий труда и повышения его оплаты)⁵. Подчеркивалась необходимость не только «вести революцию», но и «развивать производство»⁶. Партийным и административным органам различных ступеней было велено перенести центр тяжести всей работы на развитие сельского хозяйства.

Требования отказа от некоторых элементов материального стимулирования как «ревизионистской линии», вызвавшие усиление противоречий между центром и местами, сменились во второй половине года напоминаниями о необходимости оплаты по труду и даже о премировании крестьян.

Так, например, в провинции Хубэй было распространено указание о премировании крестьян за успехи в сборе урожая хлопка⁷. На совещании по вопросам развития свиноводства в провинции Аньхой было принято решение о материальном поощрении труда крестьян по выращиванию свиней⁸. К осени вновь были ослаблены введенные с начала года строгие ограничения на рыночную торговлю крестьян продукцией личного подсобного хозяйства. В сельской местности действовали ярмарки, где разрешалась продажа крестьянами определенных видов продукции по установленным властями ценам.

Представляется возможным сделать вывод, что политическая кампания и неблагоприятные погодные условия привели к значительным потерям урожая зерна, который в целом по стране оказался равным прошлогоднему или, в лучшем случае, лишь несколько превысил его уровень (на 2%)⁹. По предварительным оценкам, сбор зерна в 1974 г. составил 225 млн. т¹⁰. Производство валовой сельскохозяйственной продукции оценивается в 69,4 млрд. юаней (прирост за год — менее 2%).

⁴ Чтобы уберечь сельское хозяйство от политической кампании, установками центра предписывалось вести кампанию в народных коммунах только во внерабочее время и обеспечить проведение в срок всех агротехнических работ. Эти установки нашли свое отражение в передовой «Жэньминь жибао», 3. III. 1974 г. «Хорошо провести весенние полевые работы в ходе «критики Линь Бяо и Конфуция». Критерием успешного проведения этой кампании в сельских районах стало считаться своевременное проведение полевых и уборочных работ.

⁵ «Гуанчжоу жибао», 21. IV. 1974.

⁶ «Жэньминь жибао», 10. IV. 1974.

⁷ «Хубэй жибао», 11. IX. 1974.

⁸ «Аньхой жибао», 12. IX. 1974.

⁹ Характерно, что японский журнал «Нихон кэйдзай» сообщил, что зам. премьер-министра Ли Сянь-нянь заявил японской делегации, находившейся в Китае, что в 1974 г. в Китае ожидается сбор 250 млн. т зерна. Это означает, что руководство КНР ожидало сохранения официально объявленного уровня сбора зерна предыдущего года.

¹⁰ Летний урожай зерновых в стране (примерно $\frac{1}{3}$ валового сбора зерна) оценивается в 75 млн. т.

Озабоченность китайского руководства тяжелым положением, сложившимся в сельском хозяйстве, проявилась косвенно в том, что в передовой статье «Жэньминь жибао» от 3 июля 1974 г. летний урожай назван «сравнительно хорошим», что, согласно принятой в Китае терминологии недомолвок, означает признание серьезных трудностей. Пытаясь создать впечатление, что положение лучше, чем оно есть на самом деле, печать КНР заявила о том, что в 1974 г. Китай «тринадцатый год подряд собрал богатый урожай», валовой сбор зерна, несмотря на стихийные бедствия, «достиг нового показателя»¹¹. Однако это утверждение не подтверждается какими-либо официальными данными. Симптоматично, что в печати КНР полностью обходится молчанием положение с урожаем риса, который составляет 45% валового сбора зерновых.

Вследствие низкого урожая зерна Китай был вынужден резко увеличить импорт пшеницы и одновременно испытывал затруднения с избытком резервов сельскохозяйственной продукции для экспорта. По имеющимся данным, с середины этого года руководство КНР предприняло активные действия по заключению сделок по закупкам зерна, даже мелкими партиями и не останавливаясь перед высокими ценами¹². В результате в 1974 г. импорт зерна в Китай увеличился на 25% по сравнению с предыдущим годом и составил 8—9 млн. т¹³. Это почти вдвое превышает средний уровень закупок в 60-е годы.

Значительные закупки зерна, а также дефицит в торговле с США и Японией вызвали обострение трудностей КНР с валютой. По-видимому, этим объясняется решение Пекина отменить часть закупок кукурузы и соевых бобов и просьба задержать до 1975 г. поставку 900 тыс. — 1 млн. т американской пшеницы.

Помимо попытки смягчить сложное продовольственное положение в стране, рост импорта зерна призван пополнять истощенные неурожаями последних лет государственные запасы зерна, составляющие 20—25 млн. т.

В связи с нехваткой зерновых культур на их производстве был сделан больший упор, чем в предыдущем году, в результате производство технических культур оказалось в неблагоприятном положении. Наводнение в ведущих хлопководческих провинциях — Шаньдун и Цзянсу, на которые приходится треть валового сбора хлопка в стране, нанесло значительный ущерб его производству. Валовой сбор хлопка-волокна в 1974 г. составил 1,9 млн. т (по сравнению с 1,95 млн. т в 1973 г.). В феврале Госсоветом КНР было проведено всекитайское совещание по хлопководству, однако на нем не было выработано никаких конкретных практических мер по подъему этой отрасли. Совещание вновь подтвердило курс «опоры на собственные силы» в развитии производства хлопка и других технических культур.

Сильная засуха в Северо-Восточном Китае, особенно в провинции Хэйлунцзян, вызвала сокращение сборов соевых бобов и сахарной свеклы, которые, по предварительной оценке, соответственно составили 8 и 3,5 млн. т (по сравнению с 8,3 и 3,8 млн. т в предыдущем году). Производство сахарного тростника, протекавшее в более благоприятных условиях, вероятно, возросло и составило 18 млн. т (в 1973 г. — 17 млн. т). В провинции Сычуань, дающей треть сбора рапса в стране,

¹¹ «Хунци», 1974, № 12.

¹² В середине 1974 г. цена за 1 т пшеницы составляла 220 ам. долл.

¹³ Основными поставщиками зерна являются: США — 4 млн. т, Канада — 3 млн. т, Австралия — 1,6 млн. т, остальное количество зерна импортировалось из Аргентины, Франции и других стран.

в 1974 г. его урожай был на 5% выше уровня предыдущего года¹⁴. Учитывая снижение его производства в других провинциях (Гуйчжоу и Цзянсу), можно полагать, что общий сбор рапса остался на уровне предыдущего года (1 млн. т).

Возросший дефицит хлопка и сахара в Китае пытались частично компенсировать за счет импорта, объем которого составляет значительную долю от собственного производства. Так, например, импорт хлопка в 1974 г. составил 20%, а сахара — 40% от собственного производства¹⁵.

В связи с острой нехваткой текстильных волокон в 1974 г. уделялось большое внимание производству химических волокон и расширению посевов под лубяными культурами, в частности под джутом и кенафом. Например, в провинции Хэнань посевная площадь под кенафом возросла с 4 до 13,3 тыс. га по сравнению с предыдущим годом¹⁶.

Животноводство и его главная отрасль — свиноводство — испытывали серьезные трудности, вызванные в основном нехваткой кормовых ресурсов. В 1973—1974 гг. Китай впервые начал импортировать кормовое зерно. Низкие темпы прироста поголовья свиней создавали трудности с обеспечением потребностей внутреннего рынка и экспорта. Этим объясняется, в частности, тот факт, что на весенней ярмарке 1974 г. в Гуанчжоу не было продано на экспорт ни одной тонны свинины.

Во второй половине 1974 г. были предприняты меры по материальному стимулированию крестьян путем установления относительно высоких закупочных цен на свинину. Необходимость поощрения труда крестьян, выращивающих свиней в личных подсобных хозяйствах, где сосредоточено 80% их поголовья, подчеркивалась на совещании по вопросам развития свиноводства в провинции Аньхой¹⁷. В 1974 г. поголовье свиней составило примерно 200 млн. голов.

Таким образом, неспособность маонистского режима разработать комплекс эффективных мероприятий по подъему сельского хозяйства выявилась в течение 1974 г. отчетливо. Выход из сложившегося тяжелого положения неумолимо искало на пути дачжизации низких доходной пропаганды оп жай — замкнутой произв вающей все свои КНР, опыт Дачж

По-прежнему ни сельского хозяйства Китая, решение ко... образом на местную промышленность. Орган ЦК... № 12, 1974 г. подчеркивал, что для оказания сельскому хозяйству «еще более эффективной помощи» необходимо активнее развивать местную промышленность при «опоре на собственные силы». Тракторный парк страны составляет 250 тыс. шт. (в 15 л. с.), механизированным путем обрабатывается лишь 15% пашни.

Сложное положение в сельском хозяйстве вынудило руководство КНР резко увеличить в 1973—1974 гг. крупные закупки оборудования для производства химических удобрений (главным образом мочеви-

¹⁴ «Жэньминь жибао», 5. VII. 1974.

¹⁵ Импорт хлопка-волокна в 1973 г. составил 450 тыс. т («Чайна трэйд рипорт», Гонконг, август 1974 г.), закупки сахара в 1973/1974 финансовом году — 736 тыс. т (БИКИ, № 127, 22. X. 1974, стр. 6).

¹⁶ «Жэньминь жибао», 27. VII. 1974.

¹⁷ «Аньхой жибао», 12. IX. 1974.

ны)¹⁸. По оценкам иностранных экспертов, продукция закупленных предприятий, которые вступят в строй в 1978—1980 гг., составит свыше 60% к производству химических удобрений в КНР в 1974 г. В истекшем году на 1 га посевной площади вносилось около 25 кг химических удобрений (в пересчете на действующее вещество). Судя по материалам китайской прессы, в результате отрицательного влияния кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в 1974 г. не были выполнены задания по производству химических удобрений, ядохимикатов и сельскохозяйственных машин.

С осени 1974 г. в китайской печати стало подчеркиваться значение крупного меллоративного строительства¹⁹. Ставилась задача расширения общей площади земель, дающих гарантированный урожай и составляющих, по китайским данным, 33 млн. га, то есть менее 1/3 пашни.

Низкий урожай зерновых и технических культур в 1974 г. отразился на выполнении народнохозяйственных планов и обострил продовольственное положение в стране. Несмотря на недород, китайское руководство пыталось сохранить планы заготовок зерна, что вызывало недовольство крестьян. По сообщениям зарубежных наблюдателей, в провинции Цзянси крестьяне выступили против изъятия товарного зерна, разгромили 20 государственных зернохранилищ и были разогнаны войсками.

Основной экономической задачей в сельском хозяйстве в 1974 г. являлось «всемерное развитие зернового производства, планомерное и экономное расходование зерна, старательное увеличение продовольственных запасов»²⁰. Перед крестьянами и всем населением выдвигалось требование создавать запасы зерна за счет экономного и планового потребления, внедрялась в массах идеология жестко рационализованного потребления, рассчитанного на длительный период времени. Населению рекомендовалось для пополнения продовольственного рациона шире использовать дикорастущие растения²¹.

Необходимость жесткого рационарования в потреблении объяснялась потребностями «прилагать неустанные усилия к повсеместному созданию запасов зерна», чтобы тем самым «повышать подготовленность на случай войны и стихийных бедствий»²². В народных коммунах были созданы специальные группы контроля за расходованием продовольствия и созданием его запасов, «помогающие семьям крестьян правильно распределять полученное на трудовые единицы зерно». Низкая оплата труда приводила к тому, что увеличилось количество крестьянских семей, которые были не в состоянии выкупить гарантированные нормы и оказывались должниками народных коммун²³. Острую продовольственную проблему китайское руководство пыталось ослабить усилением в 1974 г. кампании по сокращению рождаемости.

---

¹⁸ Производство химических удобрений в Китае в пересчете на действующее вещество в 1974 г. составляло 4,4 млн. т, а продукция закупленных за рубежом предприятий — около 3 млн. т.

¹⁹ Агентство Синьхуа в декабре 1974 г. сообщало о реконструкции гидротехнического комплекса Санмынься. Отмечалось, что на строительстве крупных, средних и мелких гидротехнических объектов были выполнены работы объемом 6 млрд. куб. м. Это, по оценке печати КНР, дает возможность увеличить орошаемую площадь на 2 млн. га.

²⁰ «Хунци», 1974, № 5.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ «Хунци», 1974, № 2. В печати КНР сообщается о крестьянах, у которых расходы превышают доходы.

Тяжелое состояние продовольственного баланса в КНР вызвано стагнацией сельскохозяйственного производства в стране в последние годы примерно на одном уровне. Учитывая ежегодный 1,5% прирост населения в КНР, среднедушевое производство зерна в стране снижается. В целом за последние годы среднегодовой прирост производства зерна не превышал прироста населения. Темпы роста производства продуктов питания в Китае в 60-е годы и в начале 70-х годов оставались ниже, чем в развивающихся странах Латинской Америки, Ближнего и Дальнего Востока.

Пытаясь выйти из перманентных трудностей в области сельского хозяйства, китайские руководители в последнее время начали кампанию за разработку перспективных планов в народных коммунах, пытаются заменить провалившийся 12-летний план развития сельского хозяйства на 1956—1967 гг. новым ориентиром для крестьян с тем, чтобы мобилизовать их усилия на развитие производства своими силами. В печати КНР приводился пример образцового перспективного плана развития сельского хозяйства на 1974—1980 гг. в уезде Цзядин²⁴. Одновременно подчеркивается, что основным принципом разработки таких планов является «ничего не просить у государства, использовать собственные резервы». Имеются сообщения, что на местах составление перспективных планов вышло за установленные рамки и вылилось в требования крестьян об улучшении материального положения²⁵. Отсутствие в Китае научно обоснованного народнохозяйственного плана, отлаженного аппарата управления и планирования, незаинтересованность крестьян в развитии производства дают основания полагать, что эти новые мероприятия маоцзэдуновского руководства окажутся столь же несостоятельными, как и прежние.

Сельское хозяйство Китая, лишенное рационального политического курса, прочной материально-технической базы, по-прежнему ориентируется на интенсивное использование живого труда огромной массы сельского населения. Такой путь его развития, естественно, не может обеспечить в ближайшее время сколько-нибудь значительный рост производства и повышение жизненного уровня трудящихся.

---

²⁴ «Сюеси юй пипань», 1974, № 9. На съезде, созванном по случаю создания крестьянского союза в провинции Юньнань, было объявлено о разработке шестилетнего плана развития сельского хозяйства провинции на 1975—1980 гг.

²⁵ В комментариях к образцовым планам печать КНР предостерегает народные коммуны от попыток запланировать использование финансовых фондов на жилищное строительство, выдвигая требование «концентрировать все средства на развитии производства («Сюеси юй пипань», 1974, № 10).

Принципы Бандунга и великодержавный курс КНР в «третьем мире»

(к 20-летию Бандунгской конференции)

М. В. Михайлова

В апреле 1955 г. в индонезийском городе Бандунге состоялась конференция глав государств и правительств 29 стран Азии и Африки. Конференция была крупным международным событием того времени и имела большое историческое значение. Оглядываясь назад и оценивая события за минувшие два десятилетия, мы можем отметить сегодня, что Бандунг знаменовал собой новый этап антиколониальной, антиимпериалистической борьбы народов двух континентов, наиболее рельефно отразил процесс роста политического самосознания народов и стран, освободившихся в ходе и после второй мировой войны от колониального угнетения, свидетельствовал о появлении новых важных тенденций в мире еще в тот период, когда мировой империализм активно проводил политику «холодной войны» и действовал исключительно «с позиции силы». По словам одного из главных инициаторов созыва Бандунгской конференции, крупного политического и государственного деятеля, покойного премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, Бандунг был «частью великого исторического процесса», означая появление на международной арене в качестве активной политической силы «более половины населения мира»¹. Два десятилетия, прошедшие после конференции, были отмечены бурными событиями в жизни афро-азиатских народов, отразившими новый мощный подъем и глубокие качественные сдвиги в национально-освободительной борьбе, разительные коренные перемены в международной жизни в целом. В Азии и особенно в Африке появилось за эти годы большое число независимых суверенных государств. Многие из них смогли, опираясь на поддержку стран социализма, развернуть борьбу за достижение экономической самостоятельности, встали на прогрессивный путь развития — путь социалистической ориентации. Развивающиеся страны Азии и Африки — активный, очень важный фактор современной международной жизни. В свете происходящей сегодня в мире разрядки напряженности, крупных позитивных сдвигов в международной обстановке, обретающих необратимый характер, мы заново можем оценить значение решений и принципов, провозглашенных в Бандунге и утверждавших мирное сосуществование стран и народов, соблюдение их суверенитета, независимости в целях обеспечения мира и безопасности в Азии и во всем мире.

Уже сам созыв конференции в Бандунге², где на высшем уровне — уровне глав государств и правительств — обсуждались серьезнейшие

¹ См.: J. Nehru, *India's Foreign Policy. Selected Speeches* (September 1946—April 1961). New Delhi, 1964, p. 279—280.

² Конференция была созвана по инициативе 5 ведущих стран Азии («стран Коломбо») — Индии, Бирмы, Цейлона, Индонезии и Пакистана. Особенно большую роль в созыве конференции и выработке ее основных решений сыграли главы правительств Индии, Индонезии, Бирмы.

проблемы мировой политики, ситуации в Азии и других регионах, был чрезвычайно показательным фактором международной жизни. Уже тогда развитие нового соотношения сил в мире в пользу социализма, ослабление сил империализма создавало благоприятные условия для проведения независимыми странами самостоятельного внутривосточного и внешнеполитического курса на базе формировавшейся в тот период концепции неприсоединения их к агрессивным блокам и противодействия политике «холодной войны».

Основные усилия в деле борьбы за мир, за разрядку напряженности в Азии в плане реализации политики неприсоединения, прилагали первоначально такие страны, как Индия и Бирма, уже тогда стремившиеся к созданию и расширению «зоны мира» на Азиатском континенте³.

К середине 50-х годов курс на неприсоединение стали проводить также Индонезия, Египет, а затем Цейлон, Камбоджа и другие страны.

Народы Азии и Африки активно искали пути и средства для противодействия агрессивным замыслам империалистических государств, стремившихся к сдерживанию быстро нарастающего процесса национально-освободительной борьбы, к торможению тенденций, направленных на укрепление дружбы и сотрудничества афро-азиатских стран с лагерем социализма. Политика международного империализма была направлена в тот период на создание системы региональных военных политических блоков в Азии под флагом борьбы с «коммунистической опасностью»⁴, на нагнетание напряженности в Южной, Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и определялась особыми политическими интересами США, открыто враждебными социалистическим странам.

В этих условиях объединение миролюбивых антиимпериалистических сил на широком представительном форуме приобретало особое значение. Конференция в Бандунге должна была определить позицию народов Азии и Африки в свете происходящих событий, а также направление и характер их дальнейшей борьбы, рассмотреть основные проблемы установления добрососедских отношений между самими афро-азиатскими странами и развертывание всестороннего сотрудничества, а также вопросы, имеющие особый интерес для народов этих стран, — самоопределения, защиты национального суверенитета, борьбы против расизма и колониализма, укрепления независимости и др.

Несмотря на неоднородность состава и различия в политической ориентации стран-участниц⁵, что создавало серьезные трудности в ходе обсуждения принципиальных политических проблем на конференции, главы государств и правительств афро-азиатских стран смогли в конечном итоге преодолеть разногласия и прийти к единодушным решениям. Конференция подтвердила приверженность всех стран принципам мирного сосуществования и приняла основной документ — Декларацию о содействии всеобщему миру и сотрудничеству — из 10 пунктов, отразив-

³ См.: J. Nehru. *India's Foreign Policy*. Op. cit., p. 67.

⁴ Этим целям служили пресловутая доктрина «отбрасывания», «теория домино», провозглашенные Даллесом и Эйзенхауэром, создание военного блока СЕАТО и Багдадского пакта, заключение Договора о взаимной безопасности между США и Тайванем, Японо-американского договора и т. д.

⁵ Из 29 стран, участвовавших в конференции (Афганистан, Бирма, ДРВ, Египет, Золотой Берег, Индия, Индонезия, Ирак, Иран, Иордания, Йемен, Камбоджа, КНР, Лаос, Либерия, Ливия, Ливан, Непал, Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия, Судан, Таиланд, Турция, Филиппины, Цейлон, Эфиопия, Южный Вьетнам и Япония), только 8 придерживались концепции неприсоединения (Индия, Бирма, Индонезия, Лаос, Камбоджа, Афганистан, Непал, Египет), 2 государства принадлежали к социалистическому лагерю (КНР и ДРВ), остальные 19 придерживались прозападной ориентации. — "The First Asian-African Conference Held at Bandung, Indonesia", 18—24. IV. 1955; G. Kahin. *The Asian-African Conference, 1955*. Ithaca — New York, 1956.

шую главные направления политики неприсоединившихся стран, а именно уважение основных прав человека, принципов и целей Устава ООН; суверенитета и территориальной целостности всех стран; признание равенства всех рас и всех наций, больших и малых; воздержание от интервенции и всякого вмешательства во внутренние дела других стран; уважение права каждой страны на индивидуальную или коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН; воздержание от использования соглашений о коллективной обороне в интересах какой-либо одной из великих держав и воздержание любой страны от оказания нажима на другие страны; воздержание от актов или угроз агрессии, от применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны; урегулирование всех международных споров мирными средствами; содействие взаимным интересам и сотрудничеству; уважение справедливости и международных обязательств⁶. Участники конференции приняли также решение о налаживании экономических связей между независимыми афро-азиатскими странами, об активизации культурного обмена между ними, высказались за всеобщее разоружение, запрещение производства, испытания и применения ядерного оружия, осудили политику агрессивных военных блоков, созданных империалистическими государствами, а также высказались за ликвидацию военных баз на территориях независимых стран.

Таким образом, решения, принятые в Бандунге и базировавшиеся на пяти принципах мирного сосуществования, отразили тенденции к укреплению сотрудничества, упрочению дела мира между народами и нациями, выявили откровенно антиимпериалистические, антиколониальные настроения. Документы и принципы Бандунга были одобрены не только народами Азии и Африки, но и всеми прогрессивными силами мира, Советским Союзом и другими социалистическими странами.

В связи с тем что идеи Бандунга нашли широкое отражение в сегодняшней жизни, в частности в вопросе об упрочении мира и безопасности в Азии, представляет особый интерес позиция правительства КНР, принимавшего участие в работе конференции, в разработке ее решений и одобрявшего в свое время все принципы Бандунга. Следует заметить, что Китай был допущен к участию в конференции только по настоянию делегации Индии и ее руководителя Д. Неру. Китай широко декларировал в тот период свое миролюбие, был инициатором вместе с Индией пяти принципов мирного сосуществования «панча шила», и Индии удалось преодолеть настороженность других азиатских государств, опасавшихся подрывной деятельности Пекина, и включить КНР в число стран — участниц этой первой межправительственной конференции.

Однако позиция КНР на конференции, несмотря на миролюбивые заявления ее лидеров, не была последовательной. С учетом теперешнего внешнеполитического курса группы Мао Цзэ-дуна стало очевидно, что маоистские деятели пытались уже в тот период подспудно использовать конференцию для достижения особых националистических целей в афро-азиатском мире, для изоляции стран Азии и Африки от Советского Союза, международного пролетариата. Показательно, что китайская делегация, которую возглавлял Чжоу Энь-лай, не дала фактически отпора антисоветским попыткам ряда проимпериалистических деятелей, открыто выступивших на конференции против политики социалистических государств, фактически солидаризировалась с ними в осуждении международных коммунистических организаций, высказывала особое мнение

⁶ «Известия», 26. IV. 1955; «Современное международное право. Сборник документов», М., 1964, стр. 27.

по вопросам о разоружении, запрещении ядерного оружия, пыталась умалить роль и принципы ООН⁷.

Эта позиция Пекина, разумеется, не была случайной. Приветствуя формально решения конференции, правительство КНР акцентировало внимание прежде всего на чисто националистических моментах и пыталось подчеркнуть особую роль Китая в развитии национально-освободительного движения афро-азиатских стран⁸. Уже тогда Чжоу Энь-лай широко использовал геополитический лозунг об «общности исторических судеб» народов двух континентов с Китаем. В настоящее время, как мы знаем, на этой базе пропагандируется новая установка Пекина о полной принадлежности Китая к миру развивающихся стран, к «третьему миру» в целом. Эта позиция маоистов нашла отражение и в отчетном докладе Чжоу Энь-лая на состоявшемся в августе 1973 г. X съезде КПК и в речи Дэн Сяо-пина на VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам сырья и развития в апреле 1974 г. и во многих документах и выступлениях лидеров Пекина⁹. В Бандунге прозвучали также известные нам сегодня, лишённые классового содержания формулы о «больших и малых странах», об «опоре на собственные силы» и ряд других лозунгов, послуживших исходным моментом для формирования маоистских мелкобуржуазных концепций и доктрин, активно используемых Пекином в настоящее время в зоне национально-освободительного движения в гегемонистских целях.

Показательно, что принципы, сформулированные в Бандунге и декларативно одобренные Китаем, никогда не проводились практически в жизнь лидерами Пекина. Возьмем, к примеру, один из основных принципов Декларации — принцип уважения суверенитета и территориальной целостности независимых стран. Этот принцип является также важнейшим в тех 5 принципах мирного сосуществования, которые разработал Китай совместно с Индией в июне 1954 г. и которые были названы Чжоу Энь-лаем в Бандунге основополагающими принципами внешней политики КНР¹⁰. На конференции Чжоу Энь-лай усиленно пытался заверить пограничные с КНР страны Азии в отсутствии у Китая каких-либо территориальных притязаний к ним. Китайский премьер выражал готовность демаркировать границы с теми странами, «где границы не были определены», торжественно обещал «соблюдать существующие границы» и даже «сдерживать» правительство и народ Китая «от малейших нарушений» пограничных режимов, регулировать все пограничные проблемы «мирными средствами». Чжоу Энь-лай демагогически заверял всех, что эта позиция Китая «не изменится ни при каких обстоятельствах»¹¹. Но уже в тот период эта позиция Пекина не соответствовала действительности: пока премьер произносил перед народами Азии и Африки красивые слова, маоисты тайно осваивали индийскую территорию в Аксайчине и вскоре приступили к строительству шоссейной дороги через Ладак. Установки, широко декларированные Чжоу Энь-лаем, были грубо нарушены вооруженными нападениями китайских войск на

⁷ См.: "Afro-Asian Conference. Political Committee Meetings". Bandung, 1955. Proceedings.

⁸ G. Kahin. The Asian-African Conference, Bandung, Indonesia, April, 1955. Ithaca — New York, 1956; M. Brecher. India and World Politics. Krishna Menon's View of the World. L., 1968.

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 1. IX. 1973; I, 14. X. 1974; «Хунци», 1972, № 11, стр. 68; «Хунци», 1974, № 5, стр. 45.

¹⁰ См.: «Внешняя политика и международные отношения КНР». Т. I (1949—1963). М., 1974, стр. 103, 109.

¹¹ «Сборник документов по внешней политике КНР». Вып. 3. Пекин, 1958, стр. 248.

территорию Бирмы (1955—1956), Индии (1959—1962) и других соседних государств.

Великодержавные устремления Пекина в территориальных вопросах, явно идущие вразрез с принципами Бандунга, отчетливо проявились и в дальнейшем, о чем свидетельствуют попытки лидеров Пекина силой захватить советскую территорию в 1969 г., постоянные претензии маоистов к МНР с намерением включить ее территорию в состав КНР, заявление Пекина в ноябре 1974 г. о наличии «спорных районов» между СССР и КНР и многие другие факты.

Помимо этого, нынешние руководители Китая пытаются использовать территориальную проблему для разжигания отношений враждебности между другими странами. Известна неблагоприятная роль Пекина в разжигании территориального конфликта в Нигерии в 1968 г. Маоисты по-прежнему стремятся не допустить территориального урегулирования между Индией и Пакистаном, подогревая «кашмирскую проблему», до сих пор не признают существования нового государства Народной Республики Бангладеш на Индостане, провоцируют правящие круги Японии на разжигание незаконных территориальных претензий к СССР и т. д.

Депутат индийского парламента Шаши Бхушан в своей статье в октябрьском номере журнала «Пиплз сектор» за 1974 г. убедительно разоблачил экспансионистские устремления Пекина в Азии, подчеркнув, что политика территориальных притязаний, проводившаяся императорским Китаем, осталась таковой и в настоящее время. «Пекин всерьез помышляет о «возвращении утраченных территорий», — указывает Ш. Бхушан. Причем и сейчас Пекин для устрашения своих южных соседей бряцает оружием. Последний пример тому — военный конфликт на Парасельских островах в январе 1974 г., — конфликт тем более показательный, что маоисты в 70-е годы вновь пытались заверять страны «третьего мира» в своем миролюбии и приверженности «духу Бандунга».

Естественно, что подобный курс настораживает страны Азии, и особенно Юго-Восточной Азии. Малайзийская газета отмечала недавно, что нынешнее пекинское руководство выступает с «территориальными претензиями» фактически ко всем имеющим с Китаем общую границу странам. Карты и учебники, по которым занимаются студенты Китая, включают в качестве китайской территории обширные районы Советского Союза, МНР, Индии, КНДР, ДРВ, Лаоса, Бирмы, ряд островов в Южно-Китайском море и т. д.¹² Для позиции КНР по данному вопросу характерно также следующее заявление Мао Цзэ-дуна на заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1965 г.: «Мы непременно должны держать в своих руках Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, а также Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... этот район богат природными ресурсами и стоит наших усилий»¹³.

Подобная политика никак не соответствует установкам Бандунга и прямо противоречит заверениям, которые давал Чжоу Энь-лай на конференции правительствам Индии, Бирмы, Таиланда, Филиппин и др. стран.

Истинная политика Китая в «третьем мире» далека от соблюдения принципов Бандунга и по другим направлениям. Это прямо относится ко всем принципам «панча шила» и к политике неприсоединения, проводимой в жизнь большинством афро-азиатских государств и прямо вытекающей из «духа» Бандунга. Двуличие политики Пекина в этом вопросе

¹² См.: «Утусан Малайзия», 12. VI. 1974. Цит. по: «Правда», 13. VI. 1974.

¹³ «Правда», 20. IX. 1974.

особенно показательно. Известно, что в 60-е годы Китай выступал в принципе против движения неприсоединения. Как отмечала индийская газета «Пэтриот», нападение на Индию в 1962 г. было продиктовано стремлением маоистов «нанести удар по движению неприсоединения»¹⁴.

И в 1965 г., когда маоисты вновь усилили свое давление на Индию в связи с индо-пакистанским конфликтом, обвиняя ее в «антикитайском сговоре» с США и «советским ревизионизмом», главная цель Пекина опять состояла в очернении политики неприсоединения, в подрыве авторитета Индии как неприсоединившегося государства среди азиатских стран, в подрыве политических и экономических позиций Индии на континенте. В октябре 1966 г. Пекин обрушивается на состоявшуюся в Дели встречу трех крупнейших деятелей неприсоединения — президента Югославии, ОАР и премьер-министра Индии, — назвав ее «новым Мюнхеном на Востоке», «крупной грязной сделкой по вьетнамскому вопросу», «составной частью американско-советского заговора глобального сотрудничества» и т. д.¹⁵ Уже в то время нападки маоистов на политику неприсоединения шли в одном русле с критикой этой политики со стороны международного империализма, полностью совпадая по тону, времени и целям¹⁶.

Характерно также, что атаки Пекина против неприсоединившейся Индии были предприняты в чрезвычайно трудное для последней время. Индия подвергалась в тот период усиленному давлению со стороны США, пытавшихся втянуть ее в реакционные проимпериалистические блоки. Американский империализм рассчитывал, что Индия будет играть центральную роль в антикоммунистической борьбе в Юго-Восточной Азии.

Однако правительство Индии, вынужденное пойти из-за подобного двустороннего давления на допущение определенных компромиссов в своей политике, не изменило основных направлений своего курса, по-прежнему стремилось к проведению в жизнь принципов мирного сосуществования, к сотрудничеству со всеми прогрессивными силами. Индия и в настоящее время последовательно проводит политику неприсоединения, стремится к тому, чтобы Азия стала «зоной мира, мирного сосуществования и сотрудничества»¹⁷. Премьер-министр Индии И. Ганди во время визита Л. И. Брежнева в Индию (ноябрь 1973 г.) заявила, что Индия не пожалеет сил для того, чтобы «сохранить мир во всем мире»¹⁸.

Народы афро-азиатских стран хорошо помнят также, какие маневры предпринимал Пекин для того, чтобы, прикрываясь именем Бандунга, добиться великоханьских целей, например на II межправительственной конференции стран Азии и Африки в Алжире (1965). Маоисты рассчитывали использовать «II Бандунг» для сколачивания прокитайского блока афро-азиатских стран с откровенно антисоветской направленностью. Не получив поддержки независимых стран, отвергнувших гегемонистские антисоветские претензии КНР, маоисты сорвали фактически работу конференции буквально за несколько дней до ее предполагавшегося открытия. Тем самым они нанесли огромный вред неприсоединившимся и всем развивающимся странам, грубо подорвали принципы Бандунга, нанесли ущерб линии на сотрудничество стран «третьего мира» в антиимпериалистической борьбе.

¹⁴ См.: "Patriot", 12. IX. 1973.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 29. X. 1966.

¹⁶ См.: "Statist", 28. X. 1966. L., p. 1045—1046.

¹⁷ См.: T. N. Kaul. India Foreign Relations. New Delhi, 1972, p. 42.

¹⁸ См.: «Правда», 28. XI. 1973.

Данные события, резко экстремистский курс Пекина в афро-азиатском мире в период пресловутой «культурной революции», бесцеремонное вмешательство маоистов во внутренние дела неприсоединившихся стран, их раскольнические действия в национально-освободительном движении — все это раскрыло истинные цели Пекина в странах «третьего мира». В этот период маоисты даже и не пытались прикрыть свой экстремизм бандунгскими формулами, они открыто навязывали народам Азии, Африки и Латинской Америки «идеи Мао Цзэ-дуна», доктрину «народной войны», подталкивали их на опасные авантюры.

Результатом этой авантюристической линии Пекина было серьезное поражение прогрессивных сил и Компартии Индонезии в ходе событий «30 сентября» 1965 г. Большой ущерб коммунистическому движению в Индии нанесли «наксалиты» — крайне экстремистская прокитайская группировка в КПИ, действовавшая с 1967 г. в штатах Керала и Западная Бенгалия, раздувавшая «пламя революции» в Индии в соответствии с китайской концепцией «народной войны». Известна также подрывная деятельность маоистов в Африке.

Представление о методах, которые применял в тот период Пекин в отношении суверенных государств, можно получить из следующего беспрецедентного в практике международных отношений факта. Бирманская газета сообщала в июле 1967 г., что китайцы потребовали от правительства Бирмы передать им на рассмотрение проект бирмано-индийского договора о границе до его подписания, то есть осуществило откровенное, ничем не прикрытое «посягательство на суверенитет Бирмы»¹⁹. Одновременно, как и во многих других странах, маоисты призывали к свержению «фашистского правительства» генерала Не Вина и т. д. и т. п.²⁰ Большинство развивающихся стран резко осуждали в тот период политику пекинского руководства. Например, печать африканских стран прямо называла попытки распространить «культурную революцию» в ряде стран Африки «пекинским вариантом неокOLONиализма».

С изменением тактики в 70-е годы маоисты вновь попытались прикрыть свой гегемонизм бандунгскими формулами о соблюдении принципов мирного сосуществования, об уважении суверенитета, о невмешательстве во внутренние дела и пр. Однако известно, что и в 1973—1974 гг. Пекин создает центры подрывной деятельности в таких странах, как Непал, Индия, Бангладеш, Бирма. Причем, показательно, что подрывная работа маоистов направлена, по существу, против прогрессивных социально-экономических и политических преобразований в независимых странах. Пекин длительное время выступал также против принятия в ООН нового суверенного государства на Индостане — Бангладеш, стараясь сорвать процесс стабилизации государства, помешать решению сложных политических и экономических задач. Источником постоянных конфликтов является также политика маоистов, стремящихся использовать в своих гегемонистских целях китайских эмигрантов, проживающих во многих странах Азии. Пекин широко использует экономическую помощь для вмешательства во внутренние дела арабских и африканских государств, увеличивает в этих странах число китайских специалистов, которые вместо помощи занимаются подрывной деятельностью. Показательно, что вся эта деятельность ведется под лозунгами «взаимопомощи», «выгодности» развития экономических связей с Китаем. На самом деле китайская помощь не способствует решению серьезных экономических проблем в развивающихся странах, а торговля с Китаем явно не-

¹⁹ См.: «Ботатаун», 19. VII. 1967.

²⁰ «Жэньминь жибао», 10. 25. VII. 1967.

выгодна большинству стран Азии и Африки. То есть экономическая политика Пекина также не соответствует принципам, принятым в свое время в Бандунге.

В 70-е годы маоисты вновь начали навязчиво восхвалять политику неприсоединения, посылая приветствия конференциям неприсоединившихся стран, пытаясь опереться на их решения с целью подтвердить выгодную для своих националистических целей концепцию о «гегемонии двух сверхдержав». Китай выдавал себя за «верного друга» неприсоединившихся стран, настойчиво подчеркивал «прогрессивность и полезность политики неприсоединения»²¹.

Так, незадолго до созыва конференций неприсоединившихся стран, например перед III конференцией в Лусаке (сентябрь 1970 г.), Пекин, желая «сохранить лицо», пытался, с одной стороны, отрицать совпадение своих интересов с империалистическими странами, отрицать наличие торговых и прочих связей с ЮАР, Южной Родезией, Португалией (связей статистически точно доказанных)²², а с другой — резко усилил нападки на Советский Союз, на социалистические страны, пытаясь поощрить антисоветские выступления на конференции, заставить неприсоединившиеся страны принять решения, осуждающие Советский Союз, под видом осуждения «политики сверхдержав». Характерна также позиция Пекина в связи с IV конференцией неприсоединившихся стран в Алжире (сентябрь 1973 г.). Уже в приветствии, направленном Чжоу Эньлаем в ее адрес, наряду с очередными заверениями в своей «дружбе», Пекин пытался прямо навязать конференции маоистскую «идейную» платформу, вновь усиленно призывал неприсоединившиеся страны к борьбе с «великодержавным гегемонизмом»²³.

Главная цель Пекина заключалась в том, чтобы доказать, с одной стороны, идентичность своих интересов с миром развивающихся стран, а с другой — противоположность интересов неприсоединившихся государств с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Пекин открыто стремился разъединить неприсоединившиеся страны и социалистический мир, воздвигнуть между ними своего рода «китайскую стену», противопоставить неприсоединившиеся страны социалистическому содружеству и приглушить тем самым антиимпериалистическую направленность неприсоединения и его связь с принципами, заложенными в Бандунге.

Однако итоговые документы, принятые в Алжире, свидетельствуют, что данная конференция еще больше заострила антиимпериалистическую и антиколониальную направленность движения неприсоединения. Идея

²¹ См.: «Нин» (Белград), «Международная политика» (Белград), 5. X. 1970; «Hindustan Times», 26. IX. 1971.

²² Так, ганский еженедельник «Палавер», резко осуждая лицемерную политику пекинского руководства, которое за спиной прогрессивных африканских стран в говоре с английским империализмом оказывает поддержку расистским режимам ЮАР и Южной Родезии, приводит конкретные цифры импорта Китаем хромовой руды из Родезии (70 тыс. т в год) и отмечает, что визит бывшего китайского министра иностранных дел Цзи Пэн-фэя в Англию в июне 1973 г. был направлен против жизненных интересов развивающихся стран. Журнал приходит к выводу, что Англия и Китай договорились в ходе переговоров о своеобразном «разделении труда» в их африканской политике: Цзи Пэн-фэй обещал, что Китай не будет мешать дальнейшему развитию традиционных экономических и политических отношений Англии с ЮАР и Южной Родезией, а английское правительство позитивно реагировало на заинтересованность КНР в закупках стратегического сырья и горнорудного оборудования в этих странах и обещало свое содействие. Таким образом, говорится в статье, «Китай игнорирует интересы прогрессивных африканских государств, борющихся против расистских режимов на континенте». — «Palaver». 5—11. IX. 1973.

²³ «Жэньминь жибао», 5. IX. 1973.

антиимпериализма, являвшаяся главной в решениях Бандунга, пронизывает генеральную политическую Декларацию Алжирской конференции, резолюцию, посвященную поддержке борьбы народов Южной Африки, португальских колоний, резолюцию, осуждающую израильскую агрессию на Ближнем Востоке, и другие документы. Подавляющее большинство глав государств и правительств, выступивших на конференции, приветствовали победу вьетнамского народа, решительно потребовали ухода израильских агрессоров с арабских земель, поддержали справедливую борьбу палестинского и других арабских народов.

Неприсоединившиеся страны единодушно одобрили происходящую разрядку международных отношений, приветствовали переход от конфронтации к мирному сосуществованию, в частности между СССР и США, поддержали идею созыва совещаний по вопросам безопасности и сотрудничества, созыв Всемирной конференции по разоружению, уделили большое внимание вопросам экономического сотрудничества. Так, в экономической декларации нашло отражение стремление развивающихся стран к ограничению деятельности иностранных монополий, преодолению социально-экономической отсталости молодых государств и к развитию вопреки давлению Пекина широкого сотрудничества между неприсоединившимися странами и странами социализма.

Таким образом, позиция неприсоединившихся и всех развивающихся стран по главным вопросам современности не соответствует линии и политике маоистского руководства.

Страны «третьего мира», напротив, все активнее поддерживают миролюбивый курс правительства Советского Союза и стран социалистического содружества, последовательно осуществляющих стратегию мира, ведущих в полном соответствии с «духом» Бандунга активную борьбу за упрочение независимости, суверенитета, территориальной неприкосновенности всех народов, поддерживающих их борьбу за национальное освобождение, за достижение и развитие экономической самостоятельности.

На этих принципах зиждется идея о создании системы коллективной безопасности в Азии, выдвинутая Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым еще в 1969 г. на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве. Раскрывая суть этой идеи на XV съезде советских профсоюзов в 1972 г., Л. И. Брежнев отмечал, что она как раз и должна «основываться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенность границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды»²⁴.

То есть очевидно, что принципы, лежащие в основе идеи о коллективной безопасности в Азии, полностью соответствуют интересам народов Азии и всего мира и не противоречат намерениям самих азиатских стран, неоднократно высказанным на форумах стран «третьего мира». Они отражают поиски надежных путей к прекращению империалистической агрессии, к ослаблению напряженности и потенциальной военной угрозы, к оздоровлению обстановки в Азии, укреплению свободы и независимости азиатских народов на внеблоковой основе. Еще в 1947 г. вскоре после создания независимой республики Индии Д. Неру, выступая на Первой азиатской конференции в Дели, говорил, что азиатским странам для создания «мира единства» нужно подумать «о взаимном сотруд-

²⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 3, стр. 493—494.

ничестве азиатских стран». В настоящее время после ряда широких международных и региональных форумов, после исторической Бандунгской конференции эту идею активно поддерживает большинство ведущих стран Азии — Индия, Афганистан, Бангладеш, Бирма, Шри Ланка, Сингапур, Малайзия и др. Большое значение имеет тот факт, что эта идея соответствует принципам «панча шила» и всему «духу Бандунга». Этот факт был отмечен в речи Л. И. Брежнева во время его пребывания в МНР в ноябре 1974 г. «Сделать Азию и Африку континентами мира и сотрудничества — таков был смысл 10 принципов, принятых на исторической Бандунгской конференции», — сказал Л. И. Брежнев²⁵. Данный момент, означающий преемственность и последовательность развития идеи о создании в Азии зоны мира и безопасности, очень важен сегодня, ибо свидетельствует о реальности, осуществимости этой идеи, говорит о ее соответствии коренным интересам народов континента. Не случайно поэтому идея о коллективной безопасности на Азиатском континенте была одобрена всеми участниками Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве (октябрь 1973 г.), ее единодушно поддержали также представители более 70 афро-азиатских стран на XI сессии Совета ОСНАА в Багдаде (март 1974 г.). Видный бирманский писатель и общественный деятель У Тейн Пе Мьин отметил, что слова Л. И. Брежнева в речи в Улан-Баторе о решениях Бандунгской конференции 1955 г. еще раз указывают на то, что «если бы все принципы этой конференции были воплощены в жизнь в то время, то удалось бы предотвратить многочисленные военные пожары, полыхавшие в непосредственной близости от наших границ»²⁶. Участники Международной встречи на тему «Борьба за мир и безопасность в Азии — насущная задача современности», состоявшейся осенью 1974 г. в городе Самарканде, отметили, что в деле обеспечения безопасности в Азии они «исходят из учета реальной действительности, из активной деятельности азиатских государств и их народов»²⁷. Так, создание системы коллективной безопасности в Азии полностью отвечает инициативе ряда афро-азиатских стран (Индии, Цейлона, Танзании и др.), добивающихся создания «зоны мира» в бассейне стран Индийского океана, помогает борьбе народов Индии, Бангладеш и др. против военного присутствия США в Азии, за ликвидацию англо-американской военной базы на о. Диего Гарсия в Индийском океане, борьбе за нейтрализацию Юго-Восточной Азии и др. Эти позитивные моменты подтверждают жизненность и своевременность советских предложений об обеспечении безопасности в Азии коллективными усилиями всех стран региона.

Попытки китайских лидеров вкупе с реакционными кругами Запада извратить суть советских предложений о коллективной безопасности в Азии, представить ее в антикитайском духе, как стремление СССР якобы «заклЮчить Китай в кольцо», «окружить» его и т. д., полностью несостоятельны и не выдерживают критики. Дело в том, что гегемонистские планы лидеров КНР коренным образом противоречат наметившейся перемене в Азии, сегодняшний политический курс Пекина идет вразрез с тенденцией разрядки напряженности в мире. Именно эти моменты мешают Китаю здраво подойти к вопросу о системе безопасности народов Азии и стать ее полноправным участником. Когда-то, еще в 50-е годы, вскоре после Бандунга правительство КНР не только одобряло, но

²⁵ «Правда», 27. XI. 1974.

²⁶ Там же. 7. XII. 1974.

²⁷ См.: Ш. Р. Рашидов. За мир и коллективную безопасность в Азии. Самарканд, 1974, стр. 12.

и само было одним из инициаторов и поборников системы коллективной безопасности и заключения пакта мира между странами Азии и Тихого океана, включая США (1957). В настоящее время лидеры Пекина пытаются запугивать народы Азии «советской угрозой» и, забыв о своем былом антиимпериализме, обращаются к США с призывом «сохранить американское военное присутствие в Азии и других районах», то есть практически поддерживают происки США по превращению Индийского океана в военно-стратегический плацдарм, поощряют реакционные силы в ряде стран Азии, пытаются разжечь рознь и вражду между азиатскими странами.

На самом деле система безопасности в Азии не направлена и не может быть направлена против тех или иных государств, она мыслится как база общеазиатского сотрудничества всех стран, придерживающихся политики мирного сосуществования, стремящихся к добрососедским отношениям и сотрудничеству на основе равенства и взаимной выгоды. Это — конструктивная идея, которой принадлежит будущее.

* * *

Историческое значение Бандунга состоит как раз в том, что принципы и нормы отношений между независимыми государствами (как большими, так и малыми), разработанные двадцать лет назад, крайне актуальны сегодня и тесно увязаны с наиболее насущными проблемами современности.

Стремление к миру и безопасности, нашедшее отражение в бандунгских формулах, росло, крепло, обретало все большую силу. В настоящее время созданы объективные благоприятные условия для реализации идей Бандунга, для установления прочного мира в Азии, Европе, на других континентах на базе принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Именно поэтому идея о создании системы коллективной безопасности в Азии получает все большую поддержку со стороны независимых стран Азии, всех социалистических и прогрессивных государств. В ее осуществлении, в достижении всеобщего прочного мира заинтересованы все страны и народы на земле.

Экспансионизм в пограничной политике Пекина

В. С. Ольгин

За четверть века существования Китайской Народной Республики в качестве наиболее постоянного элемента ее внешней политики выявилось целеустремленное выдвижение территориальных притязаний к соседним государствам. Количество пограничных споров и столкновений вплоть до вооруженных конфликтов, происшедших по всему периметру границ КНР на протяжении последних десяти с лишним лет, превышает общее количество аналогичных ситуаций в остальном мире.

Между тем характер границ КНР, казалось бы, должен был максимально благоприятствовать установлению мира и добрососедства на рубежах Китая. КНР на протяжении 20 тыс. км сухопутной границы не соприкасается непосредственно ни с одним империалистическим государством, хотя небольшая часть ее территории и продолжает оставаться колониями (Гонконг и Макао). Соседями Китая на континенте являются только социалистические страны и развивающиеся государства. Но именно границы с ними в Пекине объявляют «исторически несправедливыми», «неустановленными», «неурегулированными».

Китайские руководители в официальных документах стараются, правда, подчеркнуть, что КНР будто бы «успешно разрешила вопросы о границах соответственно с такими соседними странами, как Бирма, Непал, Пакистан, Монгольская Народная Республика, Афганистан»¹ и что только вопросы о границах КНР «с Советским Союзом и Индией до сих пор не получили разрешения»². Однако ход событий показывает, что и в зоне «урегулированных» границ маоисты, пренебрегая соответствующими договорами, поддерживают напряженность, в частности путем инфильтрации в пограничные районы соседних государств специально обученных групп. Именно так, например, обстоит дело, по сообщениям зарубежных информационных агентств, на китайско-бирманской границе и в прилегающих районах китайско-индийской границы³.

Очевидно, что напряженная обстановка на границах КНР объясняется не характером самих границ, а совсем другим фактором — определенной пограничной политикой, проводимой маоистским руководством в отношении соседних стран. Она заключается в том, что для оказания нажима на соседние государства вокруг пограничных вопросов искусственно создаются проблемы. Причем они ставятся таким образом, чтобы их разрешение целиком зависело бы от воли пекинских лидеров. Разумеется, помимо этой общей задачи, в каждом конкретном случае преследуются и особые цели, обусловленные как внешнеполитической ситуацией в целом, так и характером взаимоотношений с той или иной страной. Например, серия поспешных «урегулирований» пограничных отношений с

¹ «IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы)». Пекин, 1969, стр. 83.

² Там же, стр. 84.

³ См.: И. Щедров. Провалившаяся провокация. — «Правда», 6. II. 1974.

рядом соседних стран в начале 60-х годов должна была, по замыслам Пекина, продемонстрировать его «миролюбие» и тем самым поставить пекинских лидеров, так сказать, в выгодную позицию перед мировым общественным мнением в китайско-индийском пограничном конфликте.

Пограничная политика Пекина — это не только средство давления на соседей, но и подготовка прямых территориальных захватов. При выдвижении территориальных притязаний пекинским руководством, верно, движет жажда овладеть экономическим потенциалом и ресурсами тех или иных стран и районов. Особое значение придается тем районам, которые важны в реализации стратегических планов маоистов.

С другой стороны, создаваемая самими же маоистами ситуация на границах используется ими для разжигания национализма и шовинизма в стране, для оправдания политики милитаризации, в качестве иллюстрации к тезису о некоем «кольце окружения Китая» и «угрозе с Севера». Внушая населению, будто страна находится в состоянии «осажденной крепости», маоисты пытаются объявить неизбежными экономические трудности, оправдать массовый террор и подавление недовольства. Военно-бюрократический режим использует пограничные инциденты для разжигания националистических страстей в китайских вооруженных силах.

Эта особая пограничная политика в первые годы существования КНР проводилась маоистами в скрытой, закамуфлированной форме. Дело в том, что, во-первых, она находилась в вопиющем противоречии с социалистическим характером политики КНР и потому не могла встретить поддержки у тех сил в китайском руководстве, которые стремились к развитию Китая в едином строю с государствами социалистического содружества; во-вторых, маоисты опасались до поры до времени раскрывать свои экспансионистские планы, чтобы не дискредитировать себя в глазах всех, кто симпатизировал китайской революции и оказывал ей материальную и морально-политическую поддержку. Упрочение позиций маоинстской группировки в руководстве КНР в конце 50-х годов, отход пекинских лидеров от социализма, разжигание антисоветизма — все это вскоре было ознаменовано активизацией пограничной политики, в частности обострением ее в отношении СССР.

* * *

Идеологической основой маоинстской пограничной политики являются крайний национализм, великодержавный шовинизм⁴. Именно в отношении к территории соседних государств и границам с ними четче всего прослеживается идеологическая линия разрыва пекинских лидеров с марксизмом-ленинизмом, с пролетарским интернационализмом, обнажается духовное родство маоизма с китайским феодальным и буржуазным национализмом⁵.

Территориальные притязания маоистов состоят как бы из двух компонентов: целиком заимствованного у гоминьдановских идеологов «перспективного» «исторического реестра» требований Китая, предъявляемых к соседним государствам, и заявок на ряд территорий в рамках того же «реестра», которые Пекин хотел бы получить уже сегодня в порядке «выправления» границ.

⁴ Е. Д. Костиков. Великодержавные амбиции и пограничная политика китайского руководства. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 53—62.

⁵ В. А. Кривцов. Маоизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, стр. 74—87.

Реестр «утраченных Китаем территорий» был выработан гоминьдановскими политиками еще в 20—30-е годы⁶ и до сих пор не сходит с страниц тайваньских изданий⁷. Пекинские лидеры откровенно солидаризировались с гоминьдановцами уже в 1953 г., одобрив выпуск в свет «Краткой истории современного Китая» Лю Пэй-хуа⁸, в которой были повторены карты, созданные в свое время гоминьдановскими идеологами. Сей «реестр» охватывает 10,5 млн. кв. км площади соседних государств, что превышает собственную территорию Китая (9,6 млн. кв. км) почти на миллион квадратных километров!⁹ Корея, советское Приамурье и Приморье, Сахалин, часть Казахстана и Средней Азии, МНР, часть афганской территории, часть Индии, Непал, Бутан, Бирма, Таиланд, Малайзия, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, ряд островных территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях — таково содержание этого «реестра».

Маоистские дипломаты пытаются иногда уверить мировое общественное мнение в том, что Китай будто бы не собирается требовать территории, «утраченные» им в историческом прошлом. Но эти официальные заверения никак не вяжутся с практической политикой Пекина. Тем более что им противостоят высказывания Мао Цзэ-дуня, который в 1954 г. в беседе с советской правительственной делегацией сделал «заявку» на территорию Монгольской Народной Республики, а в 1964 г. в беседе с делегацией японских социалистов заявил: «Примерно сто лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не представляли счета по этому реестру»¹⁰.

В августе 1965 г. на заседании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэ-дун развернул программу экспансии в Юго-Восточной Азии. «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур, — заявил он. — В отношении Камбоджи надо сохранить принцип мирного сосуществования... Такой район, как ЮВА, очень богат, там очень много природных ископаемых, он весьма заслуживает затрат на то, чтобы его заполучить. В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности. Таким образом, можно будет полностью возместить убытки. После того как заполучим ЮВА, в этом районе можно будет увеличить наши силы: тогда мы будем иметь свои силы, противостоящие советско-восточноевропейскому блоку, ветер с Востока будет подавлять ветер с Запада»¹¹. Так была сделана еще одна заявка на территории стран, общая площадь которых равна 1696 тыс. кв. км и на которой проживает (по данным на 1965 г.) около 85 млн. человек.

Если из десяти с лишним миллионов квадратных километров «исторического реестра» гоминьдановских националистов Мао Цзэ-дун уже открыто включил в список своих притязаний свыше 4,5 млн. кв. км, то и в порядке «выпрямления» границ маоисты притязают на сотни тысяч квадратных километров территории соседних стран. Так, в 1956 г. они

⁶ См.: «Новый атлас Китая». Шанхай, 1926; Хуан Ци-юнь. Границы Китая. Шанхай, 1933.

⁷ Гао Чан-чжу. Границы и национальная оборона. Тайбэй, 1961; «Джунгуа яньчжоу», т. 7, 1973, № 8, стр. 70—82; «Минбао южэнь», 1973, № 85, стр. 2—18.

⁸ Лю Пэй-хуа. Краткая история современного Китая. Пекин, 1953. Пекин, 1951.

⁹ Е. Д. Костиков. Политическая картография на службе великодержавного паниславизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4, стр. 90.

¹⁰ «Провид», 2. IX. 1964.

¹¹ Цит. по: «Повод против сглаживания международной напряженности». — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4, стр. 29.

претендовали на 170 тыс. квадратных километров бирманской территории, в 1959 г. объектом их притязаний стали 130 тыс. кв. км индийской территории, в 60-х годах они выдвинули притязания на 20 тыс. кв. км в зоне советского Памира, а также на ряд островов, расположенных на пограничных участках рек Амура и Уссури.

Открытие в 1968—1969 гг. нефтеносного слоя по огромной дуге Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей форсировало выдвижение пекинскими руководителями «заявок» на ряд островных территорий и участков шельфа от Корейского пролива до Юго-Восточной Азии. В начале 70-х годов притязания Пекина распространились на контролируемые Японией острова Сенто в Восточно-Китайском море. Вооруженные силы КНР внезапным десантом с моря в январе 1974 г. заняли Парасельские острова, заставив отступить южновьетнамские патрульные силы.

Пограничная политика проводится пекинскими лидерами определенными методами и средствами. Пекин практикует, например, прием изображения на публикуемых картах границ так, как их хотелось бы видеть маонстам. Прием этот не новый, он взят из гоминьдановских арсеналов. Эта практика встретила широкое осуждение в соседних странах и получила наименование «картографической агрессии». «Картографическая агрессия» каждый раз ставит перед соседним государством острую проблему границы, по существу, служит своеобразным «предупреждением» о притязаниях Пекина. Средством провоцирования соседнего государства «включиться» в «пограничную политику» также является создание на границе напряженности, конфликтов и прямых вооруженных столкновений.

Пекинская дипломатия стремится любой пограничный вопрос облечь в форму крупной международной проблемы, а во внутренней политике придать ему общенациональные масштабы.

Пекин считает, что на пограничных переговорах партнер в любом случае должен идти на уступки, отвечающие лишь интересам и целям маонстов. Переговоры ведутся китайской стороной не во имя мирного и справедливого разрешения вопроса, а для достижения своекорыстных целей. Если ситуация не побуждает проводить переговоры форсированно, как это произошло в начале 60-х годов, когда при переговорах с рядом соседних стран пришлось дипломатическими мерами спасти престиж Китая прежде всего в глазах «третьего мира», всерьез озабоченного позицией Китая в китайско-индийском пограничном конфликте, то переговоры рассматриваются Пекином как весьма длительное дипломатическое мероприятие. Такого рода подход к переговорам был раскрыт Чжоу Энь-лаем 10 ноября 1972 г. в беседе с группой журналистов Скандинавских стран, когда он подчеркнул: «Китай обладает терпением и может не торопиться при переговорах по пограничным вопросам с Советским Союзом»¹².

Стремясь умышленно затягивать переговоры, маонсты искусственно выдвигают в ходе их различные препятствия, заранее неприемлемые для партнера условия. Обсуждение собственно пограничных проблем переносится в плоскость общеполитической дискуссии и идеологического противоборства. Используя подобную тактику, маонстская дипломатия пытается уклониться от конкретного делового обсуждения вопросов и затормозить переговоры.

* * *

¹² "Svenska Dagbladet", 11. XI. 1972.

В арсенале приемов и методов пекинской дипломатии, осуществляющей маоистскую «пограничную политику», есть два средства, которые она считает универсальными и применяет во всех погранично-территориальных конфликтах: «историческая» аргументация и теория так называемых «спорных районов».

В принципе историческая и историко-этнографическая аргументация играет определенную роль при решении территориальных споров. В большинстве случаев она связана с рассмотрением исторических судеб населения, проживающего на оспариваемой территории, а также со стремлением обосновать право владения в связи с первооткрытием или давностью владения. Однако нынешнее китайское руководство абсолютизирует «историческую» аргументацию для обоснования своих притязаний на территории соседних государств, отталкиваясь при этом от сфабрикованного им тезиса об «исторической несправедливости» границ Китая.

История отнюдь не свидетельствует в пользу маоцзэдуновских великодержавных амбиций. Маоистам это хорошо известно. Однако, обращаясь к прошлому китайского народа и к событиям многовековой давности из истории внешнеполитических сношений Китая, они преследуют ряд своекорыстных целей. Они рассчитывают, во-первых, оживить националистические, великоханьские настроения среди широких кругов китайского общества; во-вторых, создать максимально широкую сферу обсуждения пограничных проблем со своими соседями, причем расширить ее за счет тех областей, где в силу объективных причин (отсутствие документации или трудности ее дешифровки, традиционная фальсификация документальных источников в Китае) предполагается сравнительно большой простор для спекулятивных построений и прямых извращений исторического материала; в-третьих, перенести «пограничные вопросы» из области международно-правовых отношений в область идеологических споров, а заодно с помощью «исторической» аргументации дискредитировать международно-правовую основу границ, нацелив на договоры о границе ярлык «неравноправных»; в-четвертых, использовать приемы и методы традиционного «имперского» подхода к проблеме, ибо ссылка на историю «Срединной империи» являлась обычным оружием китайской дипломатии в прецедентах такого рода; в-пятых, представить в качестве «приобретений» Китая плоды завоевательных походов чужеземных (неханьских) феодалов (например, монгольских и маньчжурских), создававших свои империи на базе Китая и сопредельных стран.

Поскольку маоистские антисоциалистические установки противостоят объективным фактам китайской истории, то для утверждения и «узаконивания» маоистского подхода к ней среди китайских историков были проведены (помимо общих кампаний по «перевоспитанию») специальные «дискуссии» об изучении прошлого страны, о роли монгольского и маньчжурского завоеваний. Националистические идейки плодятся во все большем числе на страницах научных изданий и учебников, находят свое отражение на переизданных картах¹³.

Вместе с тем, даже несмотря на то, что многие известные историки КНР приняли участие в этой антимарксистской перекройке исторического прошлого (точнее, вынуждены были пойти на это), вскоре их труды в какой-то мере касавшиеся истории территориальных проблем Китая, были полностью изъяты из открытого обращения, а сами ученые в годы

¹³ См.: Р. В. Вяткин, С. Л. Тихвинский. О некоторых вопросах исторической науки в КНР. — «Вопросы истории», 1963, № 10; «Историческая наука в КНР». М., 1971.

«культурной революции» были подвергнуты репрессиям и фактически история как наука была «закрыта». Дальнейшая вульгаризация и прямая фальсификация исторического материала производилась и производится маоистами в официальных документах правительства и МИД КНР и в официозных пропагандистских материалах. В их основу положены маоистские установки, отражающие стремление Пекина к гегемонизму¹⁴. Особый упор здесь делается на фабрикацию злобной антисоветской лжи и массовое распространение антисоветских материалов.

Сущность нынешней маоистской концепции истории развития китайского государства и формирования его территории изложена в документе МИД КНР от 8 октября 1969 г.¹⁵ и заключается в следующем: «Еще более двух тысяч лет тому назад Китай стал уже единым многонациональным государством. И Китай всегда как многонациональное государство существовал в мире независимо от того, как сменялись одна за другой феодальные династии и какая национальность была правящей в стране».

Основу этого антинаучного построения составляет великоханьский подход, при котором Китай и государства и народы, бывшие его соседями на протяжении многовековой истории, рассматриваются как некое «единое многонациональное государство». Это перечеркивает право на самостоятельное историческое развитие неханьских народов, на протяжении тысячелетий вступавших в культурные, политические и экономические контакты с Китаем, создававших свою государственность и культуру, внесших свой вклад в мировую историю. Спекулируя на том, что неханьские народы порою подвергались нашествию китайских армий, а в иные эпохи эти народы сами, вторгаясь в Китай, лишали его политической самостоятельности и образовывали на его базе великие империи прошлого, маоисты пытаются свести историю чжурчженей, монголов, тюрков и целого ряда других народов к истории «единого и неделимого» китайского государства. Эта грубейшая фальсификация исторического процесса производится пекинскими идеологами в первую очередь для обоснования территориальных притязаний к соседним странам и в то же время является отражением выдвинутой еще гоминьдановцами теории «единой государственной нации», под прикрытием которой проводилась насильственная ассимиляция неханьских народов, населяющих свыше 60% территории Китая.

Насколько эта «концепция» искажает истинное историческое прошлое конкретных районов, населенных неханьскими народами, можно увидеть на примере приложения ее маоистами к Синьцзяну, когда они утверждают в цитированном выше документе МИД КНР от 8 октября 1969 г., что «политические, экономические и культурные связи Синьцзянского района с другими частями Китая были установлены по меньшей мере две тысячи с лишним лет тому назад. Еще до нашей эры Китай при Ханьской династии, говорится далее в «документе», учреждал свои

¹⁴ Примером такого рода материалов могут служить статьи некоего Ши Цзюня об изучении всемирной истории («Об изучении всемирной истории». — «Хунци», 1972, № 4; «Еще раз об изучении всемирной истории». — «Хунци», 1972, № 5; «Изучать историю империализма». — «Хунци», 1972, № 6; «Понимать историю национально-освободительного движения». — «Хунци», 1972, № 11). Эти материалы были переизданы затем в виде отдельной брошюры «Почитаем немного всемирную историю» с пространными комментариями (Пекин, 1973). Обращает на себя внимание выпущенный в 1972 г. пекинским издательством «Диту чубаньшэ» «Атлас мира», в котором «учтено» маоистское понимание истории и географии.

¹⁵ В начале 1974 г. этот документ был вновь издан в виде отдельной брошюры и появился на прилавках пекинских книжных магазинов.

административные органы в обширных районах к востоку и к югу от озера Балхаш. В VIII в. крупный китайский поэт Танской династии Ли Бо родился именно в городке Чу на реке Чу, протекающей южнее озера Балхаш»¹⁶. Джунгария, расположенная «к востоку и к югу от озера Балхаш, состояла из кочевых племен Китая ойрат-монголов. Усмирение Цинской династией Джунгарии относится ко внутренним вопросам Китая и не имеет никакого отношения к вопросу китайско-русской границы».

Итак, два с лишним тысячелетия развития народов данного региона, самостоятельного расцвета их культуры и создания ими государственности, проходившие без политического или экономического господства Китая, подменяются выхваченными из истории отдельными фактами нашествий китайских армий на земли Западного края в I в. до н. э., в VII—VIII вв. и XVIII столетии нашей эры. Задавшись целью доказать, что «границы Китая претерпевали в истории многие изменения, но эти границы никогда не ограничивались пределами районов, заселенных ханьцами...», маонисты беззастенчиво перекраивают и извращают историю. В этом смысл и бездоказательных утверждений о наличии китайских «административных органов» в ханьскую эпоху на территории Казахстана и попыток ничтоже сумняшеся объявить монголов «кочевыми племенами Китая», которых китайские императоры, видите ли, имели право «усмирять».

* * *

Чтобы придать своим рассуждениям «научность» и «историчность», маонисты произвольно выхватывают отдельные факты из истории Китая, а также оперируют цитатами из произведений классиков марксизма-ленинизма, вырывая их из общего контекста.

Критика такого рода «методологии» была в свое время блестяще дана В. И. Лениным, который подчеркивал в работе «Статистика и социализм»: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем ещё похуже»¹⁷.

Именно таким путем в Китае в последние годы изготавливаются и выпускаются массовыми тиражами «исторические» работы, стремящиеся подвести основу под территориальные притязания к соседним странам, культивирующие национализм и антисоветизм среди китайского населе-

¹⁶ Исторической наукой установлено, что достоверных документальных сведений о месте рождения танского поэта Ли Бо (Ли Тай-бо) не сохранилось.

Как и большинство литературоведческих изданий, китайский биографический словарь указывает, что Ли Бо родился в уезде Цивань провинции Сычуань (Цивань Ли-хэ и др. Чжунго жэньминь даньдянь. Б. м., 1940, стр. 383). Китайский географический словарь, упоминая о местечке Цивань, также подчеркивает, что оно считается местом рождения Ли Бо (Се Шоу-чан и др. Чжунго гуцзинь динми дацидянь. Шанхай, 1931, стр. 537). В «Истории китайской литературы» (Т. 2, Пекин, 1960, стр. 83) указывалось, что Ли Бо — уроженец окрестностей гор Тяньшуй в современной провинции Ганьсу. В книге «Ли Бо и Ду Фу» Го Мо-жо, разумеется, присоединился к «версии», выдвинутой в документе МИД КНР, также не приводя, однако, никаких доказательств «казахского» происхождения танского поэта (Го Мо-жо, Ли Бо и Ду Фу. Пекин, 1971, стр. 3).

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30, стр. 350.

ния. Причем в первую очередь китайскому читателю стремятся доказать, что между КНР и Советским Союзом существует «оставленный историей сегодняшним вопросом о китайско-советской границе».

Для этого во всех изданиях при рассмотрении проблем истории империалистической агрессии в Китае и истории взаимоотношений царской России с Китаем неизменно подчеркивается, что Россия якобы являлась «наиболее опасным» агрессором, исторически будто была «врагом» китайского народа и государства, начала «агрессию» раньше других и «захватила всех больше».

Ведя эту клеветническую кампанию, маоистские идеологи, согласно «ресестру» Мао Цзэ-дуна, настойчиво внушают мысль о том, что Россия якобы «захватила китайскую территорию, превосходящую по своим размерам более чем в три раза площадь Франции»¹⁸, будто бы не только отняла у Китая более миллиона квадратных километров территории к северу от Амура и к востоку от Уссури, но и еще 70 тыс. кв. км по «Нанькинскому договору»¹⁹, а также более 40 тыс. кв. км восточнее и южнее озера Балхаш²⁰.

По одной и той же шаблонной схеме эта рассчитанная на отравление масс ядом лживизма «версия» формирования русско-китайской границы переносится со страниц одних изданий в другие — возьмем ли мы второе существенно в этой части «доработанное» по сравнению с выпусками 1961—1962 гг. издание «Истории империалистической агрессии в Китае»²¹ или статью некоего Ши Ди-цзу «Взглянем на бассейн Хэйлуинцзяна с точки зрения исторической географии», помещенную в журнале «Географические знания»²². Оттенки изложения не выходят за пределы маоистского спектра, когда в упомянутой брошюре Ши Цзюня утверждается, что будто бы «за полвека царская Россия оторвала свыше 1,5 млн. кв. км — китайской территории»²³ или в рассчитанном на массового читателя пособии по всемирной истории соответствующий раздел начинается с указания на то, что «Россия является европейским государством» и «в самом начале ее территория ограничивалась Москвой и ее окрестностями»²⁴.

Разумеется, такого рода «исторические» построения, не имеющие никакого отношения к фактической истории формирования границы между СССР и КНР²⁵, не могут рассматриваться всерьез в качестве аргументации при деловом подходе к урегулированию советско-китайских пограничных отношений.

Китайская сторона широко использовала ссылки на историю в китайско-бирманском пограничном споре, пограничном споре с Индией, при выдвижении притязаний на ряд островных территорий. При помощи отражавших китаецентристский великодержавный взгляд на окружающий мир императорских хроник многовековой давности (которые к тому же, как известно, всегда фальсифицировались последующими династиями)

¹⁸ «Синхайская революция». Шанхай, 1972, стр. 2.

¹⁹ «Франко-китайская война». Шанхай, 1972, стр. 23.

²⁰ «Вторая опиумная война». Шанхай, 1973, стр. 71.

²¹ Дян Ми-пань и др. История империалистической агрессии в Китае. Т. 1. Пекин, 1973, стр. 225, 270.

²² «Дилл чжиши», 1974, № 2.

²³ «Почтаем немного всемирную историю». Пекин, 1973, стр. 60.

²⁴ «Всемирная история в новое время». Пекин, 1973, стр. 293.

²⁵ Подробнее см.: Л. Бескровный, С. Тихвинский, В. Хвостов. К истории формирования русско-китайской границы. — «Международная жизнь», 1972, № 6, стр. 14—29; Л. Г. Бескровный, академик А. Л. Нарочницкий. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке. — «Вопросы истории», 1974, № 6, стр. 14—36.

Пекин пытается доказать «историческую» принадлежность Китаю значительных территорий в зоне китайско-индийской границы, утверждая, что в прошлом там создавались административные органы, а население их выплачивало Китаю налоги в виде дани²⁶. Обосновывая притязания на острова Сенто, китайские власти в качестве главного аргумента выдвинули тезис о том, что в период Минской династии (1368—1644) эти необитаемые острова входили «в систему морской обороны страны»²⁷. Ссылки на средневековую историю содержались и в заявлении МИД КНР по поводу Парасельских островов²⁸.

Поиски «исторических» аргументов ведутся маоистами в различных областях исторической науки. Начиная с 1972 г. особая роль придается археологии. Первоочередное возобновление выпуска специализированных журналов «Вэнью» («Материальная культура») и «Каогу» («Археология»), издание буклетов и альбомов, газетные кампании, кинофильмы и выставки, демонстрирующиеся в Китае и за рубежом, — все это нацелено на то, чтобы создать впечатление о максимально широком ареале распространения китайской культуры, а затем интерпретировать находки в угоду территориальным запросам пекинских лидеров.

Показательна при этом сама география проведения археологических поисков: если в 1971—1972 гг. «открытия» памятников материальной культуры стремились сделать «в районе» острова Даманский или в Синьцзяне, то теперь срочно проведены раскопки на Парасельских островах, с помощью которых стремятся утвердить мнение, что эти и соседние острова в Южно-Китайском море «с древности являются священной китайской землей»²⁹.

О том, что каждый журнал, возобновляющий свою деятельность после закрытия в период «культурной революции», должен присягнуть на верность маоистской территориальной доктрине, свидетельствует содержание и первого номера «Лиши яньцзю» («Изучение истории»), появившегося в конце 1974 г. в продаже в Пекине. Рецепты изготовления «исторических» статей для этого журнала нехитры. Некий Ши Юй-синь, например, сочинил «отповедь», фактически перепевающую «отповедь» МИД КНР образца 1969 г., в которой он не только фальсифицирует историю формирования советско-китайской границы, но и, грубо извращая позицию советской стороны, пытается свалить с больной головы на здоровую вину за затягивание советско-китайских переговоров по пограничным вопросам, происходящих в Пекине. Его «коллеги» Тянь Ци-сян, Тянь Жу-кан и Чжун Минь-янь селятся подыскать «исторические доказательства» для подкрепления территориальных притязаний, перекраивая для этого по маоистским шаблонам историю географических открытий и международных отношений на Дальнем Востоке.

Не меньше усилий маоистами прилагается и для того, чтобы воздействовать на национальные чувства китайского народа путем оживления идеи борьбы против «неравноправных» договоров. Как известно, китайские лидеры еще в начале 1963 г. объявили, что «неравноправные» договоры якобы продолжают существовать в системе международно-правовых отношений КНР и они-то будто бы и определяют прохождение большинства границ Китая³⁰. Проводя подтасовку фактов истории международных отношений на Дальнем Востоке, скрывая агрессивную экспан-

²⁶ «К вопросу о китайско-индийской границе». Пекин, 1962, стр. 10—12.

²⁷ «Жэньминь жибао», 31. XII. 1971.

²⁸ «Жэньминь жибао», 12. I. 1974.

²⁹ «Гуанмин жибао», 6. XII. 1974.

³⁰ «Жэньминь жибао», 8. III. 1963.

сионистскую сущность внешней политики Цинской империи на протяжении XVII, XVIII, начала XIX в. и, наконец, прибегая к прямой фальсификации текстов договоров, маоисты отстаивают ныне тезис о «неравноправности» пограничных договоров и соглашений³¹, стремясь дискредитировать их, устранить международно-правовые препятствия на пути «пересмотра» границ Китая.

Чего стоит «историческая» аргументация маоистов, в частности в связи с территориальными притязаниями Пекина к Советскому Союзу, видно прежде всего из того, что маоисты полностью игнорируют важнейшие факты всемирно-исторического значения. Для них как бы не существует, например, того факта, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции образовалось первое в мире многонациональное социалистическое государство, территория которого сложилась на основе неукоснительного проведения в жизнь права народов на самоопределение, на основе добровольного объединения советских республик, созданных на обломках Российской империи. Они списывают со счетов истории и тот бесспорный факт, что победа народной революции в Китае и образование КНР ознаменовали качественно новый этап в развитии китайского государства. Наконец, они грубо попирают такой документ, как Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР от 14 февраля 1950 г., положивший, помимо всего прочего, в основу советско-китайских отношений принцип уважения «взаимного суверенитета и территориальной целостности».

Методология отсылок ко временам Ханьской, Танской, Минской и Цинской династий уже хорошо известна мировому общественному мнению по высказываниям тех, кто пытался обосновать экспансию ссылками на границы Римской империи, империй Александра Македонского, Кира, Карла Великого, Тамерлана и Чингисхана. История полна примеров возникновения и падения государств, великих переселений народов, в ходе которых кардинально менялась политическая карта мира. Поэтому с помощью «исторических ссылок» можно, например, «доказывать», что Англия является французской территорией, ибо она когда-то была владением нормандского герцога. И наоборот, можно «доказывать», что Франция является английской территорией, поскольку в период Столетней войны она была почти целиком завоевана англичанами. На основе такой, с позволения сказать, аргументации можно доказывать и то, что границы КНР проходят по линии Великой Китайской стены, находящейся менее чем в ста километрах от Пекина. Ведь на протяжении почти 2 тыс. лет, вплоть до Минской династии, там действительно проходила граница собственно Китая.

Нельзя сказать, что в Пекине когда-то не понимали всей абсурдности такого рода «методологии». В беседе с Эдгаром Сноу в октябре 1960 г. Чжоу Энь-лай даже высмеял попытки перекраивать карту мира на основе «исторических прав». Он заметил, что «если бы все стали сводить счеты, восходящие к далеким историческим временам, то в мире возник бы хаос», в этом случае «Соединенные Штаты пришлось бы тогда снова подчинить английскому господству, поскольку они стали независимыми менее 200 лет назад». Но тут же китайский премьер добавил, что некоторые территории, на которые претендует Пекин, якобы «очень долгое время» входили в состав китайского государства³². Вот уж действительно

³¹ Гу Юнь. Неравноправные договоры в новой истории Китая. Пекин, 1973.

³² Edgar Snow. The Other Side of the River. Red China Today. Washington, 1963, p. 763.

но, перефразируя древнего философа, нельзя не сказать: истина мне друг, но территориальные притязания дороже!

С использованием маоистами «исторической» аргументации тесно связано и применение ими пресловутой теории «спорных районов». Дело в том, что, выдвинув притязания на какую-либо часть территории соседнего государства и распространяя версию о якобы «исторической» принадлежности ее Китаю, пекинская дипломатия тут же начинает в одностороннем порядке применять к объекту притязаний термин «спорный район». Тем самым указанная часть территории, по понятиям маоистской стороны, как бы вычлняется из всего состава государственной территории страны-контрагента, приобретая статус «спорного района».

Пыными словами, Пекин утверждает, что если государство претендует на определенные участки территории другого государства, отразив эти притязания на своих картах, то указанные участки территории, дескать, становятся «спорными районами».

Причем сама «спорность», по толкованию китайской дипломатии, проистекает из того, что эти районы якобы являются частью государственной территории Китая, отнятой у него другими. Китайская версия «спорности» территории, по сути, повторяет древнейшее «обоснование» территориальных притязаний: «Отдай мне то, чем ты владеешь, ибо я считаю это своим».

Однако очевидно, что какая-либо часть территории государства, ставшая объектом притязаний со стороны другого государства, не может быть односторонне превращена в «спорный район».

Признание выдвинутой в одностороннем порядке китайской версии относительно «спорности» того или иного участка государственной территории являлось бы ущемлением суверенитета государства, территории которого стала объектом притязаний Китая, и не совместимо с основными нормами международного права, в частности с принципом неприкосновенности государственной территории. Само понятие «спорной» территории, по существу, равнозначно в данном случае понятию «территориальные притязания».

Поэтому, например, в ответ на попытку китайской стороны в публикуемых документах объявить острова Сенто «спорными» МИД Японии в заявлении от 3 марта 1972 г. решительно отвергло этот тезис, подчеркнув, что указанные острова — суверенная часть государственной территории страны и отнюдь не являются «спорными»³³.

Пытаясь именовать «спорными районами» ряд участков советской территории, на которые китайские руководители теперь решили предъявить претензии, Пекин фактически блокирует советско-китайские пограничные переговоры выдвиганием предварительного требования вывода советской пограничной охраны из так называемых «спорных районов». Совершенно ясно, подчеркнул в своей речи на торжественном заседании в Улан-Баторе 26 ноября 1974 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, что «подобная позиция является абсолютно неприемлемой, и мы ее отвергаем»³⁴.

Таким образом, объявление в одностороннем порядке, как это делают маоисты, участков территорий соседних государств «спорными районами», камуфлируется ли оно исторической аргументацией или какими-либо доводами и мотивами иного порядка, противоречит коренным принципам международного права.

³³ "Mainichi daily news", 4. III. 1972.

³⁴ «Правда», 27. XI. 1974.

* * *

Исторический опыт свидетельствует о том, что позиция государства в погранично-территориальных вопросах часто точнее и ярче всего выражает характер его внешнеполитической программы на будущее, его место и роль в развивающейся системе международных отношений. Пограничная политика Пекина, в которой все более откровенным становится культ грубой силы, несовместима с основной тенденцией развития международных отношений на Азиатском континенте и во всем мире. Не случайно китайские руководители буквально в штыки встречают любые предложения, направленные на разрядку международной напряженности, на упрочение и сохранение мира.

Народы и правительства сопредельных с Китаем государств не могут оставаться безучастными к покушениям на их суверенитет и территориальную целостность. «Мы решительно отвергаем экспансионистскую политику Пекина в отношении суверенного монгольского государства», — подчеркнул в своем докладе по случаю 50-летия III съезда МНРП и провозглашения Монгольской Народной Республики Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель президиума Великого Народного хурала Ю. Цеденбал³⁵. Такую же позицию занимают все граничащие с Китаем государства. Для них все более несомненной становится идея взаимного обеспечения мира и спокойствия, коллективной безопасности, чтобы каждой стране, каждому народу были гарантированы условия для свободного развития и национального процветания.

³⁵ «Правда», 27. XI. 1974.

Спекуляции маоистов понятием «неравноправный договор»

*Е. А. Григорьева,
Е. Д. Костиков*

Вопрос о неравноправных договорах достаточно полно освещен в советской литературе. Тем не менее пекинское руководство, используя тот факт, что Китаю в свое время действительно была навязана система неравноправных договоров, пытается фальсифицировать историю договорных отношений Китая в целом, относя к категории «неравноправных» все международные акты того времени, в частности все документы, определившие границы Китая с соседними странами, прежде всего с Советским Союзом¹.

В связи с этим представляется необходимым вновь вернуться к системе неравноправных договоров и вскрыть спекулятивную трактовку ее маоистами.

С точки зрения общепринятых положений международного права под неравноправным договором в широком смысле понимается всякий международный акт, противоречащий принципам суверенного равенства, взаимной выгоды и добровольного волеизъявления сторон².

В историческом плане термин «неравноправный договор» используется для таких актов, которые определяют совокупность особых прав и привилегий политического, экономического и т. п. характера, предоставленных иностранным государствам в одностороннем или фактически одностороннем порядке.

Система неравноправных договоров — следствие стремления колониальных держав подчинить Китай экономически и политически. Основа этой системы, просуществовавшей 100 лет и прошедшей в своем развитии несколько этапов, была заложена англо-китайским Нанкинским договором 1842 г. и так называемым Дополнительным соглашением 1843 г.

Первый этап (с 1842 г. до начала 90-х годов XIX в.) характеризовался стремлением капиталистических держав «открыть» китайский рынок и создать в Китае или по соседству с ним опорные базы для последующего развития своей экспансии. Договоры и соглашения этого этапа юридически оформили насильственное открытие для иностранной торговли китайского рынка и захват ключевых позиций в сфере внешнеторговых отношений Китая. Был открыт для иностранной торговли

¹ См., например: В. Андерсен. Проблема неравноправных договоров в буржуазном международном праве. — «Советская юстиция», 1939, № 5; Э. Д. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927; Б. М. Розенблюм. Очерки договорного права Китая. Равноправные и неравноправные договоры. Харьков, 1928.

История формирования русско-китайской границы также освещена в статьях: Л. Бескровный, С. Тихвинский, В. Хвостов. К истории формирования русско-китайской границы. — «Международная жизнь», 1972, № 6, стр. 14—29; Л. Г. Бескровный, А. Л. Нарочницкий. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке. — «Вопросы истории», 1974, № 6, стр. 14—36.

² «Курсе международного права». М., 1972, стр. 217.

ряд морских, а затем и речных портов Китая; более того, в соответствии с положениями Нанкинского договора 1842 г. Китай лишился таможенной самостоятельности³.

В этот же период был определен режим пребывания иностранных подданных в Китае. Иностранцам было предоставлено право свободного поселения в открытых портах (договоры с Англией, Францией и США 1842—1844 гг.), свобода ведения торговых операций и аренды недвижимости (Нанкинский договор 1842 г., Тяньцзиньские договоры 1858 г.), плавания по внутренним водам (договоры 1858—1860 гг., Чифуская конвенция 1876 г.) и т. д. Договоры этого периода оформили установление режима экстерриториальности иностранцев и консульской юрисдикции (договоры 1842—1844 гг., Тяньцзиньские договоры 1858 г., Чифуская конвенция 1876 г.).

Помимо постановлений о правах и льготах в области торговли и регулирования режима иностранцев, неравноправные договоры этого периода содержали постановления о предоставлении державам особых прав, нарушавших территориальный суверенитет Китая. Условия Дополнительного соглашения 1843 г. и Чифуской конвенции 1876 г. послужили основой создания в Китае иностранных концессий и сэттлментов. Китайско-английские договоры 1842 и 1860 гг. и китайско-португальский договор 1887 г. оформили прямой захват Англией и Португалией китайской территории⁴.

Основным видом неравноправного договора первого периода были соглашения, фиксировавшие своего рода «общие права» всех договорных государств и их подданных на основе «принципа наибольшего благоприятствования». Этот принцип предусматривал распространение на все прочие договорные государства отдельных привилегий, предоставляемых Китаем одному из контрагентов (впервые это положение было упомянуто в англо-китайском Дополнительном соглашении 1843 г., в окончательном виде сформулировано в Тяньцзиньских договорах 1858 г.).

Новый этап в истории системы неравноправных договоров начался в конце XIX в.; с вступлением капитализма в империалистическую стадию. Главным содержанием договоров и соглашений этого периода явилось правовое закрепление новых форм экономического и политического закабаления Китая.

Приобретенные в предшествующий период иностранными державами и их подданными особые права и привилегии в области торговли были дополнены правом промышленной деятельности и инвестиций (японо-китайский Симонсекский договор 1895 г., торговые договоры Китая с Англией, Японией и США 1902—1903 гг.).

Симонсекский договор 1895 г. и Заключительный протокол 1901 г. усилили политическую зависимость Китая и юридически оформили основы его финансовой зависимости. Необходимость уплаты огромных контрибуций, определенных этими документами, побудила цинское правительство добиваться иностранных займов. Предметом таких соглашений (в которых партнером Китая выступало не правительство какой-либо страны, а иностранный капитал) было также финансиро-

³ Единственному правительству было навязано обязательство установить постоянный импортный и экспортный тариф. Размеры его установлены Дополнительным соглашением 1843 г. и подтверждены Тяньцзиньскими договорами 1858 г. Тарифные ставки пересматривались в сторону некоторого повышения их после 1902 г.

⁴ В соответствии с Нанкинским договором 1842 г. Китай «уступил» Англии в «вечное пользование» Гонконг (Сянган); по Пекинскому договору 1860 г. во владение Англии была передана часть Цюлуна (Коулун). По китайско-португальскому договору 1887 г. Китай признал суверенитет Португалии в Макао.

ванне в своих интересах разработок естественных богатств страны. промышленное и железнодорожное строительство. Подписание соглашений такого рода привело к полной финансовой зависимости Китая от монополистического капитала.

Растущая конкуренция держав в борьбе за политическое и экономическое подчинение Китая привела к появлению особого вида неравноправного договора — соглашений об установлении сфер влияния, закреплявших преимущественные права одной из держав на какие-то части китайской территории. Эти соглашения включали в себя два основных момента: гарантию китайского правительства не передавать определенной части своей территории третьей стране без согласия державы, с которой был заключен договор⁵, и признание цинским правительством преимущественных прав этой державы в пределах указанной части китайской территории⁶.

В нарушении суверенитета и территориальной целостности Китая на втором этапе существования системы неравноправных договоров державы навязали Китаю ряд соглашений об «аренде» китайских территорий, как правило, включавших в себя положение о создании в пределах этих территорий иностранных военных баз. Хотя при этом декларировалось сохранение суверенитета Китайской империи над арендованной территорией, на деле Китай лишался сколько-нибудь существенных государственных прав в зоне аренды.

С 20-х годов XX в. начался третий этап в истории системы неравноправных договоров — период ее распада. Он проходил под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей эпоху общего кризиса капитализма. Основное содержание этого этапа составляют нарастающая борьба Китая за отмену неравноправных договоров и стремление империалистических держав любыми средствами сохранить свое господство.

Массовое антиимпериалистическое движение народных масс, вдохновленных идеями Октября, и давление национальной буржуазии, требовавшей пересмотра неравноправных договоров, оказали воздействие и на позицию пекинского правительства. Представители Китая попытались — хотя и безуспешно — выдвинуть требование о ликвидации всех особых прав и привилегий держав на Парижской (1919 г.) и Вашингтонской (1922 г.) конференциях.

Мощной внешнеполитической поддержкой антиимпериалистическому движению послужили отмена Советской Россией тайных договоров и таких договорных актов, которые ущемляли суверенные права Китая. провозглашения в первых декретах Советского правительства и в его обращениях к китайскому правительству 25 июля 1919 г. и 27 сентября 1920 г., а также подписание 31 мая 1924 г. Соглашения об общих принципах для урегулирования отношений между СССР и Китайской Республикой.

В таких условиях империалистические державы были вынуждены пойти на некоторые видоизменения прежних форм нарушения сувере-

⁵ Англо-китайское соглашение 1894 г. о южно-бирманской границе, франко-китайское соглашение 1897 г. о неотчуждении о. Хайнань, англо-китайское соглашение 1898 г. о неотчуждении района бассейна Янцзы, японо-китайское соглашение 1898 г. о неотчуждении пров. Фуцзянь и т. д.

⁶ Договор с Германией об «аренде» Цзяочжоу 1898 г., соглашение с Францией о железной дороге в Южном Китае, аренда Гуанчжоуяня и о почтовом ведомстве Китая 1898 г., русско-китайское соглашение 1899 г. относительно китайских железных дорог в направлении русской границы.

нитета Китая в целях сохранения основ своих политических и экономических позиций в стране.

В 1928 г. была заключена серия договоров о предоставлении Китаю таможенной автономии⁷, носивших, по существу, формальный характер.

С начала 20-х годов китайскому правительству в Пекине удалось добиться некоторых, весьма ограниченных успехов в связи с ликвидацией ряда иностранных концессий — половина из них принадлежала в прошлом царской России, и от них Советское правительство отказалось добровольно, а также побежденным в первой мировой войне Германией и Австро-Венгрией⁸. К 1935 г. на китайской территории продолжало существовать 22 концессии, принадлежавшие четырем странам — Японии, Англии, Франции и Италии.

Отмена прав экстерриториальности и консульской юрисдикции была предусмотрена после долгих проволочек лишь в договорах Китая с США и Англией, заключенных в 1943 г. С подписанием этих договоров державы аннулировали свои права в отношении международных settlements в Шанхае и Амое (Сямьнь)⁹.

Договоры 1943 г. и последовавшие за ним аналогичные соглашения Китая с другими державами¹⁰ послужили важным рубежом в истории системы неравноправных договоров. Хотя после 1943 г. между Китаем и США был подписан ряд соглашений, имевших фактически неравноправный характер, тем не менее подписание договоров 1943 г. формально означало ликвидацию этой системы, просуществовавшей 100 лет.

Подводя итоги периода, отметим, что неравноправные договоры держав с Китаем касались прежде всего экономики страны; положения, нарушавшие территориальный суверенитет страны, содержались в постановлениях об экстерриториальности иностранцев, установлении консульской юрисдикции, учреждении settlements и концессий, «аренде» китайской территории; наконец, англо-китайские договоры 1842 г., 1860 и 1898 гг., китайско-португальский договор 1887 г. (соответствующие статьи этих документов действуют по сей день) и японо-китайский договор 1895 г. оформили захват Англией, Португалией и Японией частей китайской территории.

Грабительской политике царизма в Китае был положен конец Октябрьской революцией, которая первым же своим декретом — Декретом о мире¹¹ — отменила все тайные договоры, закреплявшие особые права России в странах Востока. Год спустя, в июле 1918 г., первый наркоминдел Советской России — Г. В. Чичерин, выступая на V съезде Со-

⁷ Инициатором заключения новых договоров выступили США. Китайско-американский договор был подписан 25 июля 1928 г., почти велед за опубликованием Нанкинским правительством Декларации о пересмотре неравноправных договоров с державами. Велед за США в течение 1928 г. аналогичные договоры с Китаем заключили Германия, Норвегия, Бельгия, Италия, Дания, Нидерланды, Португалия, Англия, Швеция, Франция, Испания. Дальше всех таможенной автономии Китая сопротивлялась Япония, договор с которой был подписан лишь в 1930 г.

⁸ В 1930 г. была подписана англо-китайская конвенция о возвращении Китаю Вэйхайцзя, однако при этом оговаривалось право Англии использовать его в качестве морской базы. Наряду с этим Китай добился возвращения концессий в Амое (Англия), Тяньцзинь (Бельгия) и ряда других.

⁹ Англия, кроме того, передавала под контроль китайского правительства английские концессии в Тяньцзинь и Кантоне, но сохранила в полном объеме свои права в отношении Сянганга и Цзюлуна.

¹⁰ Договоры с Бельгией от 20 октября 1943 г., Норвегией от 10 ноября 1943 г., Канадой от 14 апреля 1944 г., Швецией от 5 апреля 1945 г., Нидерландами от 19 мая 1945 г., Францией от 28 февраля 1946 г.

¹¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч. Т. 35, стр. 13.

ветов, говорил: «Мы отказались от всех секретных договоров, которыми правящие классы восточных стран ради своей выгоды или под угрозой насилия связали себя с царским правительством... Мы уведомили Китай, что отказываемся от захватов царского правительства в Маньчжурии... Мы отозвали из Китая все военные охраны... Мы согласны отказаться от права внеземельности наших граждан в Китае, Монголии, Персии. Мы согласны отказаться от тех контрибуций, которые по разным предложениям были наложены на народы Китая, Монголии, Персии прежним русским правительством»¹².

В этом выступлении Г. В. Чичерина и в последующих документах Советского правительства — Обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г. и ноте НКВД китайскому правительству от 27 сентября 1920 г.¹³ — предельно четко сформулированы те моменты русско-китайских отношений прошлого, от которых отказывалась Советская Россия. Советское правительство аннулировало договор 1896 г., пекинский протокол 1901 г. и все соглашения с Японией 1907—1916 гг., оно отказывалось от захвата Маньчжурии, от русской части «боксерской контрибуции», от права экстерриториальности и от концессий.

Таким образом, кроме перечисленных договоров, аннулированных Советским правительством, оно отказывалось не от договоров в целом, а лишь от тех положений прочих договорных актов, которые ставили Китай в неравноправное положение в русско-китайских отношениях: сохранение их противоречило бы основным принципам внешней политики пролетарского государства. Дифференцированный подход к договорному наследию прошлого полностью соответствовал указаниям В. И. Ленина, отмечавшего на II Всероссийском съезде Советов: «Есть разные пункты, товарищи, — ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали... разные другие пункты о добрососедских отношениях... Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические... мы их не можем отвергать»¹⁴ (выделено нами. — Авт.).

Ленинский критерий оценки характера международно-правовых документов, как явствует из документов КПК 30-х годов, также был положен в тот период в основу подхода руководства КПК к вопросам внешней политики, и в частности к вопросу о неравноправных договорах.

Так, например, в Манифесте временного правительства Китайской Советской республики к трудящимся массам и правительствам всего мира, принятом I съездом Советов Китая в ноябре 1931 г., внешнеполитическая программа правительства определялась следующим образом:

- а) немедленная отмена всех неравноправных договоров...
- б) немедленное аннулирование всех иностранных займов...
- в) безоговорочная эвакуация всех находящихся в настоящее время в руках империалистов иностранных селтльментов и концессий на территории Китая;
- г) немедленный отзыв всех империалистических сухопутных, воздушных и морских вооруженных сил с китайской территории;

¹² Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 58—59.

¹³ «Советско-китайские отношения. 1917—1957 гг. Сборник документов». М., 1959, стр. 43—45, 51—53.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 35, стр. 20.

д) конфискация всех империалистических банков, предприятий, шахт и транспортных предприятий в Китае как наиболее действенная мера, чтобы сломить в Китае власть империалистов»¹⁵.

Аналогичным образом эта программа формулировалась и во временной конституции Китайской Советской республики, принятой II съездом Советов Китая¹⁶.

Таким образом, в этих документах, во-первых, признавалась неравноправной не вся система договорных отношений страны на международной арене, а лишь определенные договорные акты, за отмену которых КПК и выступала. Тем более ни один из этих документов не связывал систему неравноправных договоров с вопросом прохождения государственных границ Китая. Не видел такой связи и Мао Цзэ-дун, когда в статье «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» касался положения Китая после Опiumных войн. Он отмечал, что в результате агрессии и военных поражений Китая империалисты навязали ему неравноправные договоры, и перечислил тяжкие для Китая последствия этих договоров; но нигде Мао Цзэ-дун не упоминает в этой связи вопроса о границах.

Вплоть до 1960 г. никогда и ни у кого в Китае — кроме разве Дуань Ци-жуя и его аньфунстской клики, расценившей инициативу Советской России, отказавшейся от своих привилегий в Китае, как «обман и ловушку»¹⁷, — не возникало сомнений в том, что Октябрьская революция открыла новую эпоху в русско-китайских отношениях, что Советское правительство первым отменило все положения русско-китайских договоров и соглашений прошлого, носившие неравноправный характер.

В 1925 г. Центральные Исполнительные Комитеты КПК и КСМК, разоблачая позицию империалистических держав, пытавшихся сохранить свое господство в Китае с помощью некоторых уступок в вопросе о неравноправных договорах, отмечали: «...Если бы Америка действительно „выражала свое сочувствие Китаю в его требовании пересмотреть неравноправные договоры и отменить право консульской юрисдикции“, то она отказалась бы от всех привилегий, подобно тому как это по своей инициативе сделала Советская Россия...»¹⁸

В резолюции V Всекитайского съезда профсоюзов в ноябре 1929 г. говорилось, что Советский Союз «первый отказался от всех своих привилегий и специальных интересов в Китае, аннулировал неравноправные договоры, отказался от концессий и контрибуций...»¹⁹. В одной из статей «Цзефан жибао» отмечалось, что Советское правительство «...по

¹⁵ «Программные документы Коммунистических партий Востока». М., 1934, стр. 228.

¹⁶ «Второй съезд китайских Советов». М., 1935, стр. 143—144. В таком же плане вопрос о неравноправных договорах затрагивался и в других документах КПК раннего периода, например в Первом заявлении ЦИК КПК о положении в стране от 15 июня 1922 г. («Сяньцзюй», № 9, 29 июня 1922 г.), в Четвертом заявлении ЦИК КПК о положении в стране от 19 ноября 1924 г. («Сяндао», № 92, 19 ноября 1924 г.), в Обращении ЦИК КПК к народу страны в связи с кончиной Сунь Ят-сена от 15 марта 1925 г. («Сяндао», № 108, 21 марта 1925 г.) и др.

¹⁷ А. И в и и. Китай и Советский Союз. М., 1924, стр. 41. Небезынтересно отметить текстуальное совпадение оценок первых внешнеполитических акций СССР, данных аньфунстами, с оценками деятельности его на международной арене (например, соглашение о запрещении ядерных испытаний в трех средах, предложения СССР о создании системы коллективной безопасности в Азии и т. д.), даваемыми сегодняшней маоистской пропагандой.

¹⁸ «Сяндао», № 121, 16. VII. 1925, стр. 1111—1114.

¹⁹ «Бюллетень НИИ по Китаю при Ассоциации по изучению национально-колониальных проблем». М., 1930, № 5(66), стр. 11.

своей инициативе окончательно разбило цепь несправедливых договоров, которые царская Россия навязала китайской нации»²⁰.

Выступая 21 августа 1945 г. с политическим отчетом ЦК КПК VII съезду партии, Мао Цзэ-дун счит нужным подчеркнуть, что «Советский Союз первым отказался от неравноправных договоров и заключил с Китаем новые, равноправные договоры»²¹. Это же заявление он повторил 16 декабря 1949 г., призыв в главе делегации КНР в Москву²².

Таким образом, вплоть до начала 1960 г. руководство КПК считало, что все неравноправные договорные положения русско-китайских отношений прошлого аннулированы. Действующие положения заключенных ранее договоров, определяющие прохождение нынешней советско-китайской границы, не причислялись им к категории «неравноправных».

8 марта 1963 г. «Жэньминь жибао» выступила со статьей «О заявлении Коммунистической партии США», в которой затрагивался, в частности, и вопрос о неравноправных договорах в истории Китая. Бросается в глаза, что указанная статья в отличие от высказывания Мао Цзэ-дуна о неравноправных договорах сосредоточена исключительно на территориальных вопросах.

Но, как явствует из научного анализа договоров, навязанных державами Китаю в прошлом, их основная цель тогда заключалась не столько в физическом захвате китайской территории, сколько в максимальной эксплуатации экономического потенциала страны при сохранении ее формальной независимости. Извращение политики держав в отношении Китая, стремление свести всю политику их на том этапе, конкретно проявившуюся в системе неравноправных договоров, исключительно к попыткам расчленить и захватить Китай представляет собой вульгаризацию исторического процесса, ведущую к прямой его фальсификации.

Впрочем, в статье искажаются не только события столетней давности. В статье, например, указывается: «Еще при провозглашении Китайской Народной Республики наше правительство заявило, что оставленные нам в наследство договоры, заключенные предыдущими правительствами Китая (выделено нами. — Авт.) с правительствами других стран будут в зависимости от их содержания либо признаны, либо аннулированы, либо пересмотрены, либо заменены новыми». Речь здесь может идти о единственном документе, опубликованном при провозглашении народной республики, в котором затрагивались вопросы договорных отношений Китая — об Общей программе Народного политического консультативного совета.

Однако статья 55 Общей программы имеет совершенно иной смысл, нежели тот, который пытались вложить в нее авторы выступления «Жэньминь жибао». В этой статье указано: «Центральное народное правительство Китайской Народной Республики должно изучить договоры и соглашения, заключенные правительством гоминьдана (выделено нами. — Авт.) с иностранными правительствами, и в зависимости от их содержания признать, аннулировать, пересмотреть или перезаключить их»²³.

Таким образом, Общая программа предопределила необходимость изучения лишь тех договорных актов Китая, которые были подписаны

²⁰ «Цзефан жибао», 8.II.1943.

²¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 4, М., 1953, стр. 552.

²² «Сборник документов внешней политики КНР». Вып. 1. Пекин, 1957, стр. 73.

²³ Там же, стр. 1.

в период господства режима гоминьдана, то есть в 1927—1949 гг. В толковании «Жэньминь жибао» период, договорные акты которого подлежат изучению, оказался растянутым до неопределенных пределов.

Причины, побудившие маоистов пойти на эту фальсификацию, становятся понятными в свете последующих событий.

Утверждение у власти в Китае крайней шовинистической группировки, возглавляемой Мао Цзэ-дуном, вызвало изменение генеральной линии внешней политики КНР, резкий поворот от политики дружбы и сотрудничества с Советским Союзом к воинствующему антисоветизму и поиску контактов с наиболее реакционными силами современности. Но такое изменение политического курса требует обоснования и разъяснения — как для собственного народа, так и для мировой общественности, в глазах которой пекинские лидеры хотели остаться эдакими правдолюбцами и борцами за справедливость, а главное — для стран «третьего мира», которые они стремились повести в фарватере своей политики.

Политика же Советского Союза в отношении Китая, строящаяся на принципах интернационализма и братской дружбы, не давала маоистам никаких формальных оснований для обвинений в адрес СССР и для предъявления ему каких-либо претензий. Поэтому для оправдания своего перехода на позиции антисоветизма маоисты прибегли к фальсификации и извращению исторической действительности. Именно так был создан «вопрос» о прохождении нынешней советско-китайской границы.

Как известно, она определялась договорами, которые были заключены в тот период, когда Китай являлся объектом экспансии капиталистических держав. По мнению Пекина, уже само по себе это обстоятельство обуславливало «неравноправный» характер этой границы. Выше отмечалось, что после создания КНР новое правительство заявило о намерении пересмотреть договорные отношения страны. Это, однако, относилось лишь к договорным актам, заключенным при гоминьдановском режиме. Поскольку в период правления гоминьдана между СССР и Китаем не было заключено ни одного договора по вопросу о границе, маоисты пошли на «расширительное толкование» статьи 55 Общей программы, а попросту говоря, на фальсификацию ее.

Прикрываясь фактом существования на определенном этапе системы неравноправных договоров, они не только объявляют на этом основании все договоры прошлого неравноправными, но, вступая на путь дальнейшей фальсификации истории, пытаются изобразить Россию главной угрозой целостности и независимости Китая. В их новой трактовке, в корне противоречащей историческим фактам и всему тому, что писалось по этому вопросу ранее, именно «территориальные захваты» России изображаются как основной фактор, который «еще больше разжигал захватнические, грабительские устремления» Америки, Англии, Франции, Германии и других держав и толкал их на борьбу за расширение экспансии в Китае²⁴.

Вместе с тем сначала подспудно, а затем в открытую был выдвинут тезис о том, что в своих документах 1919 и 1920 гг. Советское правительство аннулировало якобы все русско-китайские договорные акты прошлого, в том числе и все договоры, определившиехождение границы между обоими странами. Такое утверждение приводится и в

²⁴ Гу Юнь. Неравноправные договоры в новой истории Китая. Пекин, 1973, стр. 66.

официальных документах Пекина, в частности в заявлении правительства КНР от 24 мая 1969 г.²⁵

В этой связи следует особо подчеркнуть, что документы 1919 и 1920 гг., будучи заявлением о намерениях правительства РСФСР, являлись правоосновывающими только для Советского правительства и не давали еще никаких прав китайской стороне. Как разъяснял еще в 1923 г. полпред СССР в Китае Л. М. Карахан в одной из нот китайскому правительству, «то, что Китайскому правительству известно из (т. е. документов Советского правительства 1919 и 1920 гг. — Авт.) содержание, еще не дает никакого права последнему основывать свои действия на их тексте. Китайское правительство приобретает права, вытекающие из принципов советских деклараций, лишь в том случае, когда эти принципы будут оформлены двусторонним актом, имеющим международное значение» (выделено нами. — Авт.)²⁶.

Аналогичным образом разъяснялась политика Советского государства в отношении договоров, заключенных прежними русскими правительствами, в письме НКВД международному посредническому институту в Гааге, направленном по указанию Г. В. Чичерина 2 апреля 1924 г. В письме отмечалось, что Декретом о мире были «объявлены недействительными тайные политические договоры, заключенные прежними правительствами «к выгоде помещиков и капиталистов» ...Общей отмены всех договоров, заключенных Россией при старом режиме и при Временном правительстве, никогда не проводилось» (выделено нами. — Авт.). Далее разъяснялось, что, за исключением договоров, отмененных Декретом о мире, вопрос о судьбе всех остальных договоров должен решаться в каждом отдельном случае, с учетом изменившихся обстоятельств, для каждого государства и каждого договора в отдельности²⁷.

Двусторонним актом, имеющим международное значение и решающим в соответствии с принципами документов 1919 и 1920 гг. вопросы договорных отношений между обеими странами, явилось лишь Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г. Именно это соглашение перечисляет те моменты русско-китайских отношений прошлого — подчеркиваем: не договоры, а совершенно конкретные моменты отношений, которые, нарушая суверенные права Китая, являлись неравноправными, не соответствовали характеру внешней политики пролетарского государства, а потому подлежали немедленной отмене. Эти моменты перечислены в статьях 9—12 Соглашения 1924 г. Что же касается всех русско-китайских договоров прошлого — исключая договоры, определившие границу между обеими странами, — то, как явствует из статьи 3 соглашения, они не отменялись, а должны были быть постепенно заменены новыми, основанными на принципах «равенства, взаимности и справедливости»²⁸.

Вопросам границы посвящена статья 7 соглашения, гласящая: «Правительства обеих Договаривающихся сторон соглашаются вновь проверить (выделено нами. — Авт.) на конференции, указанной в статье 2 ... свои национальные границы и впредь до проведения такой проверки поддерживать существующие»²⁹.

Уже сам по себе факт того, что в соглашении наряду с пунктами о необходимости замены подписанных ранее договоров новыми и об

²⁵ «Жэньминь жибао», 25.V.1969.

²⁶ «Советско-китайские отношения. 1917—1957 гг.», стр. 71.

²⁷ Ф. Николаев. Как в Пекине фальсифицируют историю. — «Международная жизнь», 1973, № 4, стр. 40.

²⁸ «Советско-китайские отношения. 1917—1957 гг.», стр. 83 и 85.

²⁹ Там же, стр. 83.

отмене ряда положений русско-китайских отношений прошлого вставлена статья, в которой содержится согласие сторон провести проверку границы — обычную техническую операцию, время от времени проводящуюся всеми странами, без указаний на то, что после этой проверки стороны должны заключить новый пограничный договор, — означает, по сути дела, что стороны рассматривали границу вполне справедливой и разумной. Подтверждением этому может служить соглашение от 20 сентября 1924 г., заключенное в развитие соглашения от 31 мая 1924 г., между СССР и правительством Автономных Трех Восточных провинций Китая. В статье 3 этого документа, в частности, указывалось, что стороны «...согласны произвести... передемаркацию своих границ, а до таковой передемаркации придерживаться настоящих границ»³⁰.

Таким образом, попытки Пекина апеллировать к Соглашению 1924 г. в стремлении доказать, что в первые годы своего существования Советское государство отменило все — в том числе, конечно, и пограничные — договоры прошлого, и обвинить Советское правительство в том, что оно отказалось якобы от ленинской внешней политики и проводит в отношении Китая ту же политику, что и царская Россия, являются полностью несостоятельными, более того, клеветническими.

Обращает на себя внимание, что, стремясь доказать недоказуемое, маонисты привлекают для подтверждения своих тезисов не весь документ в целом, а лишь отдельные выдержки из него, что, естественно, не может дать правильного представления обо всем соглашении.

В связи с опубликованием заявления правительства КНР от 24 мая 1969 г. и широкой пропагандистской кампанией, организованной маонистами вокруг этого документа, хотелось бы отметить еще один момент, характеризующий методы их политики и пропаганды.

При переводе какого-либо материала на другой язык в практике повсеместно принято выдержки из документов, включенные в текст переводимого материала, переводить только в том случае, если нет их официального перевода на этот язык. Если же перевод существует, то — во избежание смысловых искажений — пользуются текстом уже переведенного документа. Далеко не всегда так поступают маонистские пропагандисты.

Дело в том, что советско-китайское Соглашение 1924 г. было подписано только на английском языке. Следовательно, китайский и русский варианты этого документа являются не оригинальным текстом его, а лишь официальным переводом. В частности, в цитированной выше статье 7 соглашения понятие «вновь проверить» границы в оригинальном тексте соглашения передано привычным теперь, но не ставшим еще нормой русского языка того времени, равнозначным ему термином «редемаркировать» («The Governments of the two Contracting Parties agree to redemarcate their national boundaries...») ³¹.

Если китайский и английский варианты текста заявления правительства КНР от 24 мая 1969 г. отвечают тому общепринятому положению, о котором мы упомянули выше, то в русском тексте, предназначенном, надо полагать, для распространения среди советских людей, от этого положения сделано отступление. Это привело к тому, что в английском тексте заявления цитируются выдержки из оригинального текста статьи 7 Соглашения 1924 г., где, как было показано выше, гово-

³⁰ Там же, стр. 97.

³¹ J. Maki (ed.). Selected Documents. Far Eastern International Relations (1906—1951). Washington, 1957, p. 207.

рится о редемаркации границ³², в китайском тексте используется понятие «чунсинь хуацзе», соответствующее термину «редемаркация»³³, а в русском использовано не то понятие, которое употреблено в официальном русском переводе документа («вновь проверить»), а собственный перевод китайской стороны — понятие «вновь определить»³⁴.

Во-первых, использование понятия «вновь определить» не соответствует оригинальному тексту соглашения. В нем недвусмысленно говорится о редемаркации границ, то есть об их проверке, осмотре, замене или восстановлении пограничных знаков. Замена в русском тексте понятия «вновь проверить» на «вновь определить» равнозначна замене термина «редемаркировать» термином «ределимитировать», то есть заново определить, заново провести границу.

Во-вторых, русский текст китайского заявления не соответствует смыслу оригинала. Используя простейшую подмену понятий, маоисты изменили смысл этого раздела русского текста. Если в китайском и английском вариантах документа китайского правительства речь идет о техническом вопросе, может быть, чреватом конфликтными ситуациями, но не выходящим за рамки обычных вопросов пограничных отношений, то в русском тексте этот технический вопрос вырастает до размеров серьезной политической проблемы.

Повторение в той же «редакции» статьи 7 Соглашения 1924 г. в русском варианте текста «Документа МИД КНР» от 8 октября 1969 г.³⁵ убедительно свидетельствует о том, что именно этот момент выдвигается в качестве основы позиции Пекина в «вопросе» о советско-китайской границе. Это положение приводит нас к парадоксальному выводу: основой позиции маоистов является русский текст статьи 7 соглашения 1924 г. Не оригинальный текст соглашения, где, как мы уже неоднократно повторяли, речь идет о редемаркации границ, а собственный перевод документа на русский язык, выполненный к тому же не с английского оригинала, а с его китайского текста, то есть перевод с перевода, в процессе которого ряд выражений и терминов был произвольно искажен. С помощью этой манипуляции Пекин пытался превратить технический вопрос о проверке (редемаркации) границы в серьезную политическую проблему определения новых границ между Китаем и СССР. Тем самым становится совершенно ясно, что весь так называемый «вопрос о советско-китайской границе» отнюдь не результат «неравноправного» характера договорных актов, ее определяющих, или мифических изменений политики Советского Союза в этом вопросе, а продукт антисоветизма маоистов, широкого извращения ими исторических документов³⁶.

Таким образом, беззастенчиво спекулируя действительным фактом существования системы неравноправных договоров и зависимого положения Китая, маоисты пытаются использовать его в целях разжигания шовинистических, реваншистских настроений и дальнейшего нагнетания в стране антисоветизма.

³² «Peking Review», 1969, № 22, р. 6. Говоря об английском и русском варианте китайских документов, мы имеем в виду их переводы на эти языки, выполненные в Китае.

³³ «Жэньминь жибао», 25.V.1969.

³⁴ «Заявление правительства Китайской Народной Республики (24 мая 1969 г.)». Пекин, 1969, стр. 18 (на рус. яз.).

³⁵ «Заявление правительства Китайской Народной Республики (7 октября 1969 г.)». Пекин, 1969, стр. 32 (на рус. яз.).

³⁶ По этому вопросу см.: Ф. Николаев. Как в Пекине фальсифицируют историю. — «Международная жизнь», 1973, № 4, стр. 38—46.

Африканская политика Пекина

И. П. Беляев,

доктор экономических наук

В последние годы бросается в глаза резко возросшая активность КНР в Африке. Она охватывает самые различные области — дипломатию, политику, экономику, внешнюю торговлю, идеологию. Особое внимание пекинские стратеги уделяют военному сотрудничеству с теми странами Африки, которые проявляют в нем заинтересованность. По самым скромным подсчетам, в различных регионах континента сейчас действуют более 35 тыс. граждан КНР. Как видим, это отнюдь не спад внимания маоистов к Африке, наблюдавшийся в годы «культурной революции» (1966—1969), а форменный «взрыв» интереса Пекина к этому важному району мира.

Весьма многочисленны посольства КНР во многих странах континента¹. Их разветвленный пропагандистский аппарат, корреспондентские пункты телеграфного агентства Синьхуа, созданные с размахом культурные центры, представители других китайских учреждений не устают упорно доказывать, что КНР — «самый лучший друг Африки»².

Пекинские дипломаты, как и специалисты, работающие в различных странах континента, не жалеют усилий для создания у государственных чиновников, политических и общественных деятелей Африки впечатления о «бескорыстии» намерений Пекина на континенте и во всем мире.

Китайский делегат в ООН выдает себя чуть ли не за самоотверженного защитника интересов народов свободной Африки. Он громко заявляет, что «КНР готова поставить свои интересы и политическое влияние в современном мире на службу континенту». В Женеве, где находится европейская штаб-квартира ООН, появился специальный представитель Пекина для работы с делегациями развивающихся стран, прежде всего африканских, в различных международных организациях. Его задача — создать впечатление, что КНР не щадит сил во имя обеспечения «процветания Африки».

Пекинские лидеры в последнее время охотно принимают высоких гостей из Африки, демонстрируя свое явно возросшее внимание к географически далекому от Китая континенту. Только в 1974 г. в КНР побывали главы государств Алжира, Замбии, Танзании, Камеруна, Заира и других независимых африканских стран. Им было оказано подчеркнуто большое гостеприимство на самом высоком уровне. Впервые в этом году Пекин посетила делегация Комитета освобождения ОАЕ, обсудившая с китайскими деятелями проблемы освободительных движений на Юге Африки.

¹ КНР в настоящее время поддерживает дипломатические отношения с 33 африканскими государствами.

² См. "Chinese propaganda and Africa", Supplement to "Afrique nouvelle", № 1161, p. 3.

Руководители КНР необычайно внимательны не только к прогрессивно настроенным африканским деятелям. Это, видимо, призвано продемонстрировать растущее стремление Пекина установить дружественные отношения «со всей Африкой», отказаться от былой поддержки только революционных сил континента.

Африканская политика Пекина явно беспринципна, отдает двуручничеством. Те страны континента, в которых маоисты вели раньше подрывную работу, провоцировали антиправительственные выступления, сейчас в почете в Пекине, к ним здесь самое почтительное отношение. Кстати говоря, несмотря на то что часто в этих странах не менялись ни лидеры, ни правительства.

В Пекине в последние годы широко рекламируют предоставление КНР «экономической помощи» ряду стран Африки. Согласно широко-вещательным заявлениям, за двадцатилетие с 1953 по 1973 г. Пекин обещал предоставить африканским странам финансовую помощь и кредиты на общую сумму 1,2 млрд. долл. У всех, кто знает о тяжелом экономическом положении самой КНР, это не может не вызвать искреннего недоумения. Ведь Китай сам нуждается в экономической помощи! Да и сами маоисты любят подчеркивать в своих выступлениях, в частности в ООН, что КНР — развивающаяся страна.

Впрочем, ни широкая реклама «экономической помощи КНР» африканским странам, ни шумиха вокруг «бескорыстных» китайских «друзей» Африки не в состоянии скрыть существенных пороков этой «помощи»³. Между рекламными обещаниями и фактически выделяемыми суммами дистанция огромного размера. Предоставление кредитов и выполнение обязательств по доставкам оборудования растягиваются на долгие годы и не выполняются в обусловленные сроки.

В 1968 г., например, африканские страны — партнеры КНР — были вынуждены пересмотреть свои программы и планы экономического развития, так как Пекин не выполнил своих обязательств, вытекающих из соглашений о предоставлении помощи этим странам. В то время КНР обещала странам Африки 300 млн. долл. Фактически же им было предоставлено только 20 млн. долл., что неизбежно повлекло за собой серьезные трудности в экономике этих стран.

По данным западной печати, к концу 1973 г. Китай реализовал свои обещания предоставить экономическую помощь Африке и другим развивающимся странам всего примерно на 30%. В частности, Пекин обязался оказать содействие в сооружении 387 различных предприятий, по преимуществу легкой промышленности. На деле же КНР помогла африканцам в строительстве только 97 объектов. Большая часть из них — нерентабельные предприятия. Они не только оснащены устаревшим оборудованием, но и построены без учета как местных, так и африканских условий. Например, кожевенно-обувная фабрика на Занзибаре испытывает острую нехватку сырья, ее продукция не находит сбыта. Качество поставляемого африканским странам промышленного оборудования находится на самом низком уровне. В Танзании недовольны китайскими станками и машинами, поставленными для текстильной фабрики. Серьезные претензии здесь же предъявлялись к оборудованию из КНР для радиостанции, качеству изыскательских работ по проекту «ТАНЗАМ».

Сейчас также очевидно, что характер и основные направления экономической «помощи» КНР Африке не способствуют решению проблем

³ См., например: "Globo", 5. IV. 1974, "Far Eastern economic review", 15. IX. 1966, etc.

создания в странах-партнерах современной базы для индустриализации, а в конечном счете и достижению экономической самостоятельности. Что касается назойливой шумихи маоистской пропаганды о том, что Пекин в Африке радеет прежде всего о нуждах африканцев, а потому предоставляет свою «помощь» и кредиты для нужд развития их стран на «чрезвычайно выгодных условиях», то и в данном случае речь идет о явных и намеренных передержках. КНР всегда выдвигает совершенно определенные условия как при оказании «помощи», так и при предоставлении займов, особенно беспроцентных. При подписании соглашений об экономическом сотрудничестве представители Пекина всегда оговаривают, что страна, получающая китайский заем (или кредит), значительную часть его (до 50%) обязуется использовать для оплаты импорта различных китайских потребительских товаров. Вырученные же средства в местной валюте используются для финансирования строительства тех или иных объектов в счет помощи.

КНР поддерживает оживленную торговлю с Алжиром (возобновлена в 1971 г.), Гвинеей, Экваториальной Гвинеей, Кенией, Мали, Марокко, Мавританией, Сьерра-Леоне (возобновлена в 1971 г.), Сомали, Суданом, Танзанией, Тунисом, Замбией. Она развивалась неровно, хотя в последние годы неизменно росла.

Из африканских государств КНР преимущественно импортирует прежде всего так называемые «валютные» товары, которые пользуются спросом на мировом капиталистическом рынке. Так, из АРЕ китайцы охотно вывозят длиноволокнистый хлопок, из Замбии — медь, из Марокко — фосфаты. Как видим, речь идет о весьма дефицитных товарах...

Маоисты любят критиковать других, утверждая, что «некие развитые страны» превращают-де Африку, весь «третий мир» в свои сырьевые придатки, но сами рассматривают, в частности, молодые независимые государства Африканского континента прежде всего как источник получения необходимого КНР стратегического сырья и других нужных ей товаров. Похоже на то, что у Пекина к этим государствам две мерки — одна для нужд пропаганды, другая для собственного потребления. Разумеется, что, когда речь идет о торговле КНР с Африкой, маоисты без шума используют вторую мерку.

КНР расширяет свою торговлю со странами континента. Этому способствует согласие Пекина принимать в погашение предоставленных кредитов и займов товары традиционного африканского экспорта. При этом Пекин отнюдь не упускает из виду своих экономических интересов. В результате торговые балансы в большинстве случаев дефицитны для стран-партнеров. Импортирует КНР в первую очередь необходимые для нее сырье, сельскохозяйственную продукцию, а не готовые изделия, в экспорте которых Африка сейчас становится все больше заинтересованной. Экспорт КНР в африканские страны включает ограниченные виды промышленного оборудования, потребительские товары (чай, спички, прочий ширпотреб), стройматериалы.

Экспорт КНР в некоторые африканские страны хронически превышает импорт. Еще в 1971 г. бывший комиссар по промышленности и торговле Нигерии Шетимо Али Монгуно с горечью отмечал: «Мы разочарованы тем, что торговый баланс (нигерийско-китайский. — И. Б.) явно в пользу Китая, который мог бы позволить себе покупать у нас больше товаров, чем он это делает сейчас»⁴. С тех пор положение мало изменилось. Ливанская газета «Аш-Шааб», комментируя современную обстановку, писала, что «Китай стремится превратить Африку в ры-

⁴ "Daily Times" (Lagos), 27. IV. 1971.

нок сбыта своих товаров и источник необходимых для себя финансовых средств»⁵.

Ну а чем такая линия КНР в отношении независимых африканских государств оборачивается, свидетельствует обстановка в Замбии. После начала строительства с помощью КНР железной дороги ТАНЗАМ рынки этой страны оказались наводненными китайскими товарами. Значительный ущерб понесла замбийская местная промышленность. Специальная миссия Замбии, посетившая КНР, изучила структуру китайского экспорта и пришла к выводу о необходимости рекомендовать своему правительству принять меры для защиты страны от китайского товарного натиска. Замбийская газета «Таймс оф Замбия», комментируя создавшееся положение, писала: «Какой смысл иметь железную дорогу, если, рассчитываясь за нее, мы уничтожим нашу местную промышленность»⁶.

Недавно в африканских странах заговорили о «сенсационном» решении Пекина — поставлять оружие и боеприпасы Африке «безвозмездно». Печатались специальные статьи на этот счет в «Жэньминь жибао». Разумеется, такая «инициатива» маоистов немедленно нашла отклик на континенте. На практике же оказалось, что дальше слов дело не пошло, а спровоцированная китайцами шумиха вокруг «великодушная» КНР — не более чем уловка. Однако нужный политический эффект был произведен. Некоторые политики до сих пор превозносят маоистов за столь «дальновидный» жест.

Возникает вопрос — во имя каких целей пекинские лидеры обращают свое внимание на Африку? Ради чего КНР оказывает экономическую «помощь» африканским странам, хотя и не вносящую существенного вклада в развитие последних, но явно истощающую ее собственные доволдно скудные финансовые и другие ресурсы? Наконец, что движет стремлением КНР укрепить свои позиции в Африке любой ценой, в том числе с помощью явно недобросовестных трюков вроде разглаговольствований маоистов о безвозмездном предоставлении африканским странам оружия и боеприпасов.

Если попытаться дать ответы на эти вопросы, то придется констатировать, что в основе всего этого лежит стремление группы Мао решить целый комплекс проблем в интересах осуществления своих шовинистических, гегемонистских целей. Это прежде всего — задача отрыва Африки, национально-освободительных революций и движений на континенте, лидеров независимых африканских стран от Советского Союза и других социалистических государств, привлечения их на свою сторону. Вместе с тем КНР преследует этим и чисто экономические цели, стремясь к завоеванию в Африке стабильных рынков сбыта для своих товаров.

Было время, когда КНР выступала в Африке и во всем мире с иных позиций, и не далее как четверть века назад. Действительно, в период создания КНР Мао Цзэ-дун и его ближайшее окружение ратовали за укрепление антиимпериалистического фронта, в том числе в Африке, тогда речь шла о союзе КПК с КПСС, едином мировом революционном потоке, чье острие было направлено против империализма и его колониальной системы.

Пока пекинские лидеры, по крайней мере внешне, придерживались принципов марксизма-ленинизма в своей политике, даже ратовали за интернационализм в ней, представители КНР в Африке действовали в

⁵ «Аш-Шаб», 3. VIII. 1972.

⁶ «Times of Zambia», 12. IV. 1972.

тесном контакте с представителями Советского Союза и других социалистических стран. На I конференции солидарности народов Азии и Африки в декабре 1957 г. в Каире, например, китайские делегаты придерживались линии на упрочение союза международного социализма и мирового национально-освободительного движения. Они даже помогли выработать позитивную программу действий участников конференции, внесли свой вклад в обеспечение ее успеха.

К сожалению, как свидетельствуют факты, это было чуть ли не последним вкладом КНР в дело укрепления боевой антиимпериалистической солидарности афро-азиатских народов. По существу, с конца 50-х — начала 60-х годов Мао и его группа начали проводить свой «особый» политический курс в Африке и Азии. Именно тогда пекинские дипломаты, политики и общественные деятели впервые открыто продемонстрировали, что КНР стремится оторвать если не все, то большинство независимых африканских и азиатских государств и национально-освободительных движений, их лидеров от Советского Союза и международного социалистического содружества. Стало также очевидным, что другой целью новоявленных раскольников стало создание в Африке и Азии условий, предпочтительных для них и их сторонников. Начали возникать группы и группки политиканов, заявлявших о своей верности «идеям Мао Цзэ-дуна».

На первых порах появление «особого» курса КНР в Африке и Азии было воспринято с удивлением и даже недоумением. В самом деле, спрашивали некоторые африканские государственные и политические деятели, как может социалистическая страна даже пытаться проводить такую политику? Объективно такого рода деятельность Пекина могла быть названа только подрывной и служила лишь интересам всех тех, кто стремился спасти колониальную систему в Африке, сохранить господство империализма и неокOLONиализма на континенте.

Отнюдь не случайным был выбор момента для начала «особого» курса КНР. Молодые независимые африканские государства и национально-освободительные движения континента еще не имели необходимого политического опыта и могли, как рассчитывали в Пекине, стать легкой добычей раскольников. Но вскоре со всей очевидностью обнаружилась подлинная причина появления «особого» курса КНР в Африке и Азии — стремление Мао и его группы создать необходимые предпосылки для обеспечения китайской гегемонии в современном мире. Последняя же могла стать реальностью только при одном условии — если так называемый «третий мир» пошел бы за Китаем. В этом случае многое могло измениться в пользу маонистов.

Африка и Азия всегда играли важную роль в экономике США и Западной Европы, прежде всего как поставщики ценнейшего сырья (главным образом нефти) и рынки сбыта американских и западноевропейских товаров. В перспективе, по замыслам маонистских стратегов, этот важнейший фактор можно было бы использовать в интересах КНР, причем не только против Запада, но и против Советского Союза и других социалистических стран. Ведь последние, начиная с середины 50-х годов, поддерживали с афро-азиатскими странами оживленные экономические связи, торговлю, научно-техническое и культурное сотрудничество, выгодные и необходимые для обеих сторон. Эти отношения в случае успеха «особого» курса Пекина можно было нарушить или даже попытаться полностью ликвидировать. Маонисты были уверены в успехе.

Пекинские лидеры рассчитывали также на то, что, если бы им удалось завоевать в Африке более или менее прочные позиции, это явни-

лось бы «доказательством», что народы «третьего мира» взяли на вооружение идеи Мао, следуют линии Пекина. В этом случае пекинские раскольники получили бы возможность «доказать» правильность своего «особого» курса в Африке и Азии, а заодно и в международном коммунистическом движении. Отрыв молодых африканских и азиатских независимых государств от Советского Союза, всего мирового социалистического содружества при этом решительно облегчался бы.

Несмотря на то что после победы революции в КНР прошло более 25 лет, ее природные ресурсы и производительные силы еще не развиты. Поэтому ее доминирующую роль в современном мире, с точки зрения пекинских раскольников, можно было бы обеспечить только в результате подчинения своему влиянию и руководству азиатских и африканских народов.

В Азии для осуществления планов Мао существовали объективные трудности. Важную роль на этом континенте уже в то время играла Индия. Ряд других азиатских стран — как завоевавших в конце 50-х годов политическую независимость, так и продолжавших бороться за нее — с большой подозрительностью отнесся к претензиям Пекина. Им не хотелось превращаться из английских или французских колоний в китайские.

Слишком слабые позиции были у Пекина в Латинской Америке. В резерве маонистов в Западном полушарии были только так называемые «заморские» китайцы. Их еще предстояло завоевать на сторону Пекина. К тому же там довольно активно действовали чанкайшисты. На немедленный успех в Латинской Америке маонисты, таким образом, также рассчитывать не могли. В результате на первый план в политике КНР в «третьем мире» на рубеже 50—60-х годов выдвинулась Африка.

В независимых молодых африканских странах в то время мало знали о стремлениях маонистского руководства сделать Китай «сверхдержавой», поскольку эти планы еще не стали достоянием широкой гласности. К тому же пекинские раскольники полагали, что Африка наверняка пойдет за ними, хотя бы потому, что у народов континента будто бы существует чуть ли не врожденная ксенофобия к белым. Не только к колонизаторам, а к белым вообще. Китайские политические и общественные деятели намеревались особенно широко использовать в своих интересах это обстоятельство. То, что речь могла пойти о «черном» или «цветном» расизме — явлении чрезвычайно вредном, — их нимало не смущало.

Следует вспомнить также, что с середины 50-х годов в Африке необычайно возрастал интерес к Советскому Союзу, странам и идеям социализма. Пекинские лидеры поспешили использовать столь благоприятную обстановку прежде всего в своих эгоистических интересах, чтобы перейти в свое первое наступление на континенте.

Мао и его ближайшее окружение отреклись от того, что они в конце 40 — начале 50-х годов говорили и писали о национально-освободительной борьбе народов, жизненной необходимости их союза с международным социализмом. Африка стала местом усиленных попыток распространения новых «идей» и «теорий» пекинских лидеров. Используя громкие фразы, они начали с абсурдных обвинений Советского Союза в отступлении от идей Великого Октября. Эти обвинения распространяли на всех уровнях — в речах Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лая, в выступлениях руководителей делегаций КНР на международных конференциях и встречах, в материалах агентства «Синьхуа» и статьях «Жэньминь жибао». Вместо упрочения отношений с международным

социалистическим содружеством пекинские лидеры начали откровенно пропагандировать лозунг разрыва связей Африки, Азии, Латинской Америки со странами социализма. Пекинские лидеры не скрывали, что очень рассчитывают на «третий мир». Они априори считали его своим союзником и подопечным, хотя бы только потому, что сами представляли недавно поработанную империализмом азиатскую страну.

Китайские дипломаты, политические и общественные деятели не гнушались никакими средствами для достижения целей Мао и его группы в Африке. Они открыто подстрекали африканских деятелей выступать против стран социалистического содружества. Маоисты цинично заявляли о том, что долг народов Африки — «изгонять с континента всех белых», вне зависимости от их политической и государственной принадлежности. Любому предложению, направленному на объединение африканских национально-освободительных движений с международным социализмом, они противопоставляли свои собственные предложения. Их суть сводилась к тому, что только в Китае «светит солнце подлинной свободы» и что «только в союзе с КНР Африка обретет подлинную независимость».

В начале 60-х годов китайские представители развернули интенсивную подрывную деятельность в различных международных политических и общественных организациях, попытались создавать собственные организации или оказывать материальную и иную «поддержку» всем африканцам, которые выражали готовность с ними сотрудничать. На первых порах основными объектами раскольнической деятельности маоистов стали Организация солидарности народов Азии и Африки и ее Постоянный секретариат в Каире.

Делегат КНР в Постоянном секретариате ОСНАА еще в 1959 г. приступил к выполнению плана, имевшего целью поставить эту организацию под контроль Пекина. Чего только не предпринималось тогда для достижения этой цели — произносились «разоблачительные» речи со ставшими привычными «обвинениями» Советского Союза в «отступничестве» от целей подлинной антиимпериалистической национально-освободительной борьбы в Африке и Азии. Делегатам других азиатских и африканских стран в Постоянном секретариате ОСНАА внушалась мысль о необходимости отхода от Советского Союза и поддержки КНР. Целью подобных жестов было стремление поощрить раскол в ОСНАА, которого добивались маоисты. Когда же подавляющее большинство Постоянного секретариата ОСНАА не пошло за Пекином, КНР по своей инициативе порвала с этой организацией. Мао Цзэ-дун и его группа сделали ставку на достижение своих целей чужими руками — перенесли свою раскольническую деятельность в африканские национально-освободительные организации.

Пытаясь любыми средствами навязать борющейся и антиимпериалистически настроенной Африке, ее прогрессивным силам свое руководство, пекинские лидеры намеревались подчинить возможно большее число стран континента своему политическому влиянию. Чего только не утверждалось во имя достижения этих целей! Внешняя политика Советского Союза, направленная на защиту жизненных интересов африканских народов, трезвый подход КПСС и других братских партий к оценке положения в Африке объявлялись результатом «искажения» марксизма-ленинизма. Китайская революция — весьма своеобразная и сложная, победившая, как известно, в особых условиях, в том числе благодаря огромной помощи Советского Союза, — объявлялась универсальным «образцом для подражания», причем без какого-либо учета

весьма существенных особенностей различных районов континента. Делалось это с совершенно определенными целями.

Чжоу Энь-лай, посетивший за период с 14 декабря 1963 г. по 5 февраля 1964 г. 10 стран Африки⁷, произнес немало речей, демонстрируя интерес КНР к континенту. Китайский премьер говорил о «прекрасной революционной ситуации» в африканских странах, о солидарности Пекина с их борьбой против империализма и колониализма. Он старался привлечь внимание к вопросу о восстановлении прав КНР в ООН. В Могадишо (Сомали) Чжоу Энь-лай заявил, что «Африка созрела для революции»⁸. Сегодня подобное утверждение кажется не больше, чем вздором. Тогда же, в начале 60-х годов, оно наделало немало шума. Это заявление одного из руководителей КНР кое-где истолковали как «призыв африканцев к бунту» и обязательство маоистов оказать им всестороннюю политическую и даже военную помощь.

В Пекине под заявление Чжоу Энь-лай быстро подвели «теоретическую» базу, несмотря на то что прогрессивные и национально-освободительные движения на Африканском континенте еще только зарождались. У них еще не было ни опыта, ни необходимых средств, опорных баз и даже определенных целей и выработанных методов подлинно революционных действий, что заведомо обрекало их на неудачу в случае поспешности. Вопреки этому объективному обстоятельству, китайские функционеры в Африке приступили к распространению тая теории «партизанской войны», превращения Конго, Камеруна, Нигера во «второй Вьетнам». Объективные условия в этих странах в расчет не принимались. Создавалось впечатление, что пекинские лидеры хотели одного — утверждения своего подхода к Африке, дискредитации политики по отношению к ней Советского Союза и других социалистических стран, исходивших из необходимости трезвого учета обстановки на континенте. Добиться этого маоисты пытались даже ценой бессмысленных жертв африканцев. Смотрите, заявляли некоторые китайские дипломаты, политики, журналисты и общественные деятели, в то время как мы делаем ставку на «революционный взрыв» в Африке, они «ревизионисты» (то есть Советский Союз и другие страны, которые придерживаются подлинно марксистско-ленинского подхода к оценке сложных условий в африканских странах) «умывают руки и пособничают».

Любому непредвзятому наблюдателю было совершенно ясно, что слепое подражание Китаю пагубно, не может не принести неисчислимые несчастья, будет неизбежно сопровождаться ничем не оправданными потерями. КПСС и братские партии, Советский Союз и другие социалистические страны обращали на это внимание различных деятелей и отрядов национально-освободительного движения. Все последующее развитие событий доказало правоту их точки зрения.

В Конго, Камеруне и Нигере руководители национально-освободительного восстания 1964 г., вдохновившиеся маоистскими «идеями» и не подготовившиеся должным образом, начавшие выступления своих сторонников, потерпели жесточайшее поражение прежде всего потому, что не учли особенностей политических и иных условий в своих странах. Их отряды продержались недолго. Руководители восстаний были либо физически истреблены, либо бежали за границу.

⁷ Египет, Алжир, Марокко, Тунис, Гана, Мали, Гвинея, Судан, Эфиопия, Сомали. Визиты в Уганду, Кению и Танзанию были отменены из-за начавшихся волнений в армиях этих государств.

⁸ "Chinese propaganda and Africa". Supplement to "Afrique nouvelle", № 1161, p. 1.

«Второй Вьетнам» ни в Конго, ни в Камеруне или Нигере не получил. Зато во многих независимых африканских государствах быстро дала о себе знать цепная антипекинская реакция. Посольства КНР, обвиненные в подрывной деятельности, начали испытывать серьезные затруднения в своей деятельности. Против китайских дипломатов стали предпринимать меры, имевшие целью ограничить их активность. Ряд стран Африки разорвал дипломатические отношения с КНР.

В связи с крахом различных пекинских «теорий», основанных на утверждениях о наличии в африканских странах «революционной ситуации», группа Мао выдвинула новую теорию — «общности судеб» народов Африки, Азии и Латинской Америки. Цель ее была все та же: облегчить — на этот раз под новым предлогом — навязывание им китайских рецептов борьбы за свободу и независимость. Маоисты снова полностью игнорировали особенности положения на каждом из трех континентов, утверждая, что африканские, азиатские и латиноамериканские народы органически объединяет прежде всего единство целей в борьбе против империализма.

Действительно, такое единство целей существует. Однако конкретные цели антиимпериалистической борьбы народов трех континентов на данном историческом этапе существенно различались. Соответственно с этим тактика и стратегия этой борьбы не могла быть в Африке похожа на тактику и стратегию в Азии, а на том и другом континенте — на происходившее в Латинской Америке. Для арабских и африканских народов уже в середине 60-х годов актуальнейшей задачей становилась борьба за утверждение некапиталистического пути развития, борьба против португальских колонизаторов, родезийских и южноафриканских расистов, против неокolonизма и проросков империализма. Для латиноамериканцев столь же актуальной задачей была борьба против экономического засилья американского империализма, за национальное обновление и социальный прогресс. В Азии обе задачи переплелись между собой.

В середине 60-х годов свободная и борющаяся Африка, за некоторым исключением, отвернулась от Пекина: «революционность» маоистов оказалась ложной, а солидарность — показной.

Следование пекинским лозунгам, как и прежде, ничего не принесло африканцам, кроме неоправданных страданий целых народов. Лидеры национально-освободительных организаций, заявлявшие о том, что они руководствуются «идеями Мао», не смогли осуществить ни одной пекинской «теории». Ни одна прокитайская организация в Африке практически не участвовала в вооруженной антиимпериалистической борьбе с португальцами, с родезийскими или южноафриканскими расистами.

Для африканцев стало очевидным полное пренебрежение Пекина к борьбе Африки против расизма и апартеида. КНР, поддерживая по возможности негласные торговые связи с ЮАР и Родезией, тормозила осуществление бойкота этих стран, начатого по инициативе независимых африканских государств, так как была заинтересована в получении из тех же ЮАР и Родезии различных товаров.

Кувейтская газета «Дейли ньюс», комментируя китайскую позицию в ООН по вопросу о бойкоте Родезии, справедливо подчеркивала: «Китай заинтересован в том, чтобы заморозить эту проблему, поскольку часть экспортируемого Южной Родезией хрома попадает в Пекин». «На сельскохозяйственной выставке в Йоганнесбурге, — отмечала польская газета «Политика», — экспонировались товары, экспортируемые Китаем в ЮАР. Столь бесславного продолжения африканской политики Пекина трудно себе представить. Абсолютное расхождение слов с

делами стало основным ее содержанием. Рассчитывать на успех такой политики стало практически невозможно».

После начала ближневосточного кризиса в июне 1967 г. Пекин формально встал на сторону арабов, на словах осудив агрессию Израиля и действия поддерживающих его США. На деле же китайская дипломатия с самого начала провоцировала обострение кризиса, выступая за «безграничную» войну против израильтян. Пекин не раз обращался к Палестинскому движению сопротивления с призывом «усилить борьбу», занять непримиримую позицию в отношении Израиля и в то же время не отвергал израильский зондаж об установлении дипломатических отношений с Тель-Авивом. Линия Пекина на Ближнем Востоке, как в самом начале кризиса, так и в настоящее время, сводится к тактике поддержки арабских народов в их борьбе против израильской агрессии на словах и к нанесению им рассчитанных ударов в спину на деле. Заявляя о необходимости освобождения Израилем территорий, захваченных в июне 1967 г., и обеспечения национальных прав арабского народа Палестины, официальные китайские представители в Совете Безопасности ООН, на различных международных форумах не предприняли ни одной акции в пользу арабских стран, как и не удосужились сообщить мировой общественности, что КНР подкрепляет свои громогласные заявления какими-либо конкретными действиями. Они использовали любую возможность для того, чтобы обрушиться с бранью в адрес искренних и последовательных друзей арабов. Бейрутская газета «Орьян-жур», комментируя поездку по странам Западной Европы и Азии бывшего министра иностранных дел Китая Цзи Пэн-фэя, писала: «Уделяя главное внимание в своей деятельности борьбе против Советского Союза, Китай последовательно наносит удары по революционным движениям, действующим в арабском мире».

Арабская газета «Ан-Нида» подчеркивала, что «правительство КНР прилагает максимум усилий к активизации деятельности военного блока СЕНТО. Некоторые высказывания членов этого агрессивного военного союза на сессии его руководящих органов совпадали с тезисами, которые развивал во время своей поездки Цзи Пэн-фэй. Не случайно правительство Пекина, — отмечала «Ан-Нида», — занимается такими делами. Китай уже давно проводит политику заговора в отношении народных масс и прогрессивных национально-освободительных сил... Внешняя политика КНР строится на основе враждебности к Советскому Союзу, она не может не быть враждебной революционному и национально-освободительному движению во всем мире».

В годы «культурной революции» Мао и его группа уделяли большое внимание национально-освободительным организациям Юга Африки. Собственно, связь с теми организациями, которые в какой-то степени поддавались влиянию маоистов, была их ставкой на сохранение хотя бы какого-то воздействия на антиимпериалистическую борьбу африканцев.

Лидерам указанных организаций навязывались заведомо авантюристические взгляды на проблемы национально-освободительного движения в Африке, во всем «третьем мире», на союз отрядов антиимпериалистических борцов с мировой социалистической системой, в рядах движения культивировались националистические настроения и «черный» расизм. «Параллельные» организации использовались пекинским руководством как орудие антисоветизма на Африканском континенте (достаточно напомнить, что условием получения ими китайской помощи было осуждение «советского ревизионизма»). Вместе с тем маоисты настраивали их против тех партий и групп, которые видели в СССР, а

не в Китае образец для подражания. Тем самым они способствовали углублению раскола в рядах освободительных движений и затрудняли борьбу против португальского колониализма и расистских режимов. Лидеры пропекинских организаций начали нападать на Советский Союз, чернить его внешнюю политику, обвиняя в «сговоре с американским империализмом». И как неизбежное следствие — все больше отходили от активной политической антиимпериалистической борьбы.

В конце 60-х годов тактика КНР в отношении национально-освободительного движения претерпевает существенные изменения, которые были обусловлены главным образом очевидными успехами национально-освободительного движения в освобождении всей Африки от ига колониализма, а также дальнейшим ростом авторитета Советского Союза и других социалистических стран среди африканских борцов. Ряд «параллельных» групп потерпел полное политическое банкротство.

С конца 60-х годов пекинские раскольники предпринимают активные усилия для налаживания контактов с основными национально-освободительными силами на Юге Африки. Их лидеры приглашаются в Пекин. Им оказывается финансовая помощь, декларируется полная поддержка. Но вместе с тем руководство КНР не отказывается полностью от поддержки своих прежних ставленников.

В годы «культурной революции» стало совершенно очевидно, что пекинским лидерам нечего предложить Африке, кроме откровенных антисоветских и завуалированных антисоциалистических пропагандистских рецептов. Они было пытались продемонстрировать, что представляет собой начавшаяся в Пекине «культурная революция» египтянам. И потерпели фиаско. В Каире группа служащих китайских представительств при участии дипломатов высокого ранга устроила форменный погром в парке вокруг здания и в самом здании посольства. Вооруженные ломом и другими подобными орудиями, они безжалостно расколотили украшавшие здание и лужайку скульптуры, сбили лепные украшения, уничтожили другие произведения искусства. Весь цивилизованный Египет недоумевал и протестовал против столь предельно продемонстрированной дикости.

«И это называется культурной революцией? — возмущенно спрашивали египетские деятели искусств. — Что же тогда называется варварством?» Китайским дипломатам не удалось убедить их в своей правоте. Они стыдливо молчали в тех случаях, когда каирской публике удавалось адресовать свои вопросы участникам постыдного «революционного» акта. Им пришлось возместить причиненный ущерб. Погром под лозунгом «культурной революции» получил широкую огласку в Алжире и других арабских странах. Никто даже не пытался оправдать разрушения, учиненные китайскими «ультрареволюционерами».

В других африканских странах подобные демонстрации даже не предпринимались. Риск нарваться еще на одно решительное осуждение, как в Египте, был слишком велик. Китайские посольства опустели. Их штат был сокращен до наступления новых времен. Они настали после того, как IX съезд КПК принял решение о новом политическом наступлении на Африку.

С мая 1969 г. послы КНР начали возвращаться в африканские столицы. Они везли в своих портфелях планы, основанные на новой тактике. Сущность этой тактики заключалась в том, чтобы, сохраняя прежние цели, модернизировать средства их достижения. Были явно приглушены «ультрареволюционная» пропаганда пекинских идей, ра-

дикальные речи, адресованные Африке, менялась политическая ориентация на континенте. Появилась разработанная в Пекине концепция «сотрудничества» КНР с Африкой на базе лояльных отношений с находящимися у власти в африканских странах даже консервативными правительствами. Ставка отныне делалась на буржуазный национализм и откровенно националистически настроенные элементы как в Северной, так и в Тропической Африке. Основное внимание на континенте КНР стала уделять консервативным и прозападным режимам.

Каждый трезвый политический наблюдатель недалек от истины, если он считает, что пекинские лидеры в новых условиях стремились любыми средствами облегчить достижение своих целей в Африке. США, Западная Европа и даже португальские колонизаторы в то время хорошо понимали, что им нечего тревожиться, когда речь заходит о новом китайском присутствии в африканских странах. Если раньше идеи Пекина касались ведения антиимпериалистической освободительной борьбы и, следовательно, в потенции могли угрожать колониализму и расизму, то теперь на первый план выдвигались безобидные, даже приемлемые для империализма и неокolonизма «теории», представлявшие собой смесь демагогии с политическим трюкачеством.

В начале 70-х годов появляются теории «мирового города» и «мировой деревни», «бедных» и «богатых» наций. «Мировой город» эксплуатирует «мировую деревню», «богатые» нации — «бедные», — такова их суть. Маоисты и их последователи относят КНР, африканские, азиатские и латиноамериканские страны к «мировой деревне», «бедным» нациям, а Советский Союз вместе с США, Западной Европой, всеми развитыми странами — к «мировому городу», «богатым» нациям.

Именно КНР, утверждают маоисты, предназначена «направлять мировую деревню», формировать и представлять ее главную силу и быть ее «центром». Смысл подобных рассуждений прежде всего в том, что Китай, а не Советский Союз направляет современный революционный процесс, задает в нем тон, определяет его характер.

Африканские народы, по замыслам Пекина, должны отныне отдавать предпочтение «пекинским революционным миссионерам» и в борьбе против империализма, колониализма, расизма оглядываться на Мао, вооружаться только его «идеями». Никогда еще Африка не подвергалась столь настойчивым атакам маоистов, стремящихся загнать ее в прокрустово ложе маоизма. В перспективе, по планам маоистов, «армии мировой деревни» должны выступать с оружием в руках в войне против «мирового города».

В подобной постановке вопроса нет даже упоминания об империализме и социализме, даже намек на марксистско-ленинский классовый подход к оценке современной политической обстановки в Африке.

События в Португалии, переворот в Лиссабоне 25 апреля 1974 г., начало движения армии и народа, поставившего в порядок дня вопрос о предоставлении независимости португальским колониям, побудили Пекин к попыткам обеспечить себе позиции в будущих независимых африканских государствах. С одной стороны, он не исключает полностью возможности прихода к власти, хотя бы в форме той или иной коалиции в правительстве, своих прежних ставленников. Исходя из этой возможности, китайское руководство не отказывает в поддержке этим группировкам. Однако в то же самое время пекинское руководство не может не понимать, что их шансы невелики, и оно вынуждено перестраиваться, дабы не оказаться у разбитого корыта в случае, если безраздельная власть в новых государствах окажется в руках подлинных национально-освободительных организаций. Заявляя о своей солидар-

ности с этими организациями, китайские лидеры надеются привлечь на свою сторону отдельных членов этих организаций и использовать это в интересах своей политики и в ущерб отношениям СССР с будущими независимыми государствами.

Подведем итоги. За истекшие полтора десятилетия, прошедшие с тех пор как Мао Цзэ-дун и его группа впервые предприняли попытку навязать Африке и ее народам свои «теории» и «рецепты» антиимпериалистической борьбы, цели политики КНР на континенте, по существу, не изменились. Как и прежде, пекинские лидеры намереваются повести независимые африканские государства за собой, оторвать их от Советского Союза и других социалистических стран. Они по-прежнему рассчитывают за счет усиления своего политического влияния в свободной Африке, навязывания ей своего политического руководства обеспечить использование ее сырьевых и людских ресурсов, завоевать на свою сторону весь так называемый «третий мир».

О подлинных замыслах маоистов на континенте все чаще предупреждают различные органы печати развивающихся стран. Китай, отмечал бейрутский еженедельник «Ад-Диар», стремится создавать базы своего влияния в мире, появление которых призвано изменить баланс сил на международной арене. По словам еженедельника, основным плацдармом подрывной деятельности Пекина в мире является Африка. КНР добивается там по меньшей мере трех целей: расширения торговли с различными африканскими государствами, ослабления в них советского влияния и усиления своего влияния на африканское национально-освободительное движение.

Маоисты, хотя и нехотя, наблюдают, что идеи разрядки международной напряженности находят все большее число сторонников в Африке. Руководители независимых африканских государств все отчетливее понимают, что победы социальных и национально-освободительных движений на континенте будут достигнуты легче и быстрее, если утвердятся принципы мирного сосуществования государств с различными общественными системами. Речь идет прежде всего о том, что в условиях необратимости процесса разрядки шансы на выживание для колониальных и расистских режимов в Африке будут стремительно уменьшаться. И напротив, шансы на победу народов континента, все еще стонущих под игом иностранных поработителей, на утверждение прогрессивных тенденций в экономическом и социально-политическом развитии африканских народов будут неизменно возрастать. Особенно в связи с тем, что в условиях разрядки международной напряженности экономическое, научно-техническое сотрудничество, культурные связи, в том числе в области высшего и специального среднего образования, между свободной Африкой и социалистическими странами будут неуклонно укрепляться и расширяться прежде всего к выгоде и на благо африканских партнеров.

Линия КНР, направленная на срыв такого сотрудничества, давно пришла в острейшее противоречие с жизненными интересами развития молодых независимых африканских государств. Политика Пекина в Африке, несмотря на ее широкое рекламирование и словесные наскоки на империализм, становится все менее привлекательной.

В ООН из 75 государств — членов этой международной организации, голосовавших за восстановление законных прав КНР во всех ее органах, значительную группу составляли африканские страны. Пекинский делегат до сих пор, учитывая это обстоятельство, стремится удерживать африканские страны в ООН на стороне КНР. Однако это ему удается не всегда. Так, на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН,

несмотря на яростное сопротивление КНР, подавляющее большинство делегатов свободной Африки отдало свои голоса в поддержку предложения Советского Союза о сокращении странами — постоянными членами Совета Безопасности — своих военных бюджетов на 10% и отчислении части сэкономленных средств в распоряжение развивающихся стран для нужд развития. Китайскому представителю не помогли обвинения в том, будто Африка сталкивается с явным стремлением обмануть ее. Как заявил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН заместитель министра (ныне министр) иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа, «актуальная проблема малых и средних государств состоит не в разоружении, а в вооружении». Его призыв к африканским делегатам отвернуться от предложения Советского Союза успеха не имел.

В современных исторических условиях, когда страны «третьего мира», в том числе освободившиеся государства Африки, развертывают борьбу за создание новых основ экономических и торговых отношений с развитым капиталистическим миром, подлинное отношение КНР к их нуждам предстало с полной очевидностью. На прошедшей весной 1974 г. VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам сырья китайский делегат потратил большую часть своего времени и энергии на никому не нужные «открытия» и сентенции. Так, все трудности стран «третьего мира» в их развитии и в мировой торговле он объявил результатом... «сговора Советского Союза и США». По его словам, для развивающихся стран, к которым китайский делегат отнес и КНР, главное сейчас в том, чтобы посвятить все усилия разоблачению этого несуществующего сговора. Как и прежде, китайская линия свелась к попыткам оторвать «третий мир» от международного социалистического содружества, внести в ряды развивающихся стран, нуждающихся прежде всего в упрочении антиимпериалистического единства во всем, что связано с их справедливой борьбой за свои права, глубокий раскол. Раскол, который резко ослабит развивающиеся страны Африки, Азии и Латинской Америки.

Подобная политика Пекина в отношении «третьего мира» служит лишь интересам империалистических держав, стремящихся навязать, в частности, нефтепроизводящим арабским и африканским странам, свой откровенный диктат.

Кое-кто в Африке иногда подхватывает некоторые весьма сомнительные тезисы и даже пытается выступать с политическими концепциями, похожими на пекинские. Происходит нечто подобное по разным причинам, в том числе и в результате все еще имеющего место непонимания пагубности заимствования «теорий» Мао. Однако еще ни один прокитайски настроенный африканский политик не добился ощутимых успехов в своих попытках улавливать умы масс. Пекину не удается навязать Африке свой негативизм и оголтелый антисоветизм, явно смыкающийся с империализмом и неокOLONИализмом. Народы континента решительно отвергают и то и другое.

КНР не помогают ни посулы экономической помощи различным странам Африки, ни изощренная демагогия, пропитанная шовинизмом и откровенным цветным расизмом. Африканцы с негодованием отвергают претензии маоистов на политическое и идеологическое руководство ими. Они предпочитают идти путем, обеспечивающим подлинную свободу, подлинную независимость, действительный социальный прогресс.

Современные тенденции развития Южной Кореи и их воздействие на ее внешнюю политику*

Ингеборг Гетель (ГДР)

Изменение международного соотношения сил в пользу социалистического лагеря, столь четко обозначившееся в наши дни, заметно отражается на внутренней и внешней политике Южной Кореи, деятельности ее правительства, настроениях и устремлениях ее народа.

Подобно тому как приспособление империалистических держав к меняющимся условиям обстановки отнюдь не меняет коренных основ их политики, так и те или иные изменения в линии сеульского режима по каким-нибудь конкретным вопросам не означают изменения политической системы в Южной Корее. Политика ее правительства, как и раньше, основывается на угнетении народных масс в интересах южнокорейской буржуазии, на грубом антикоммунизме. Надо подчеркнуть, что «изменившееся соотношение сил в международной классовой борьбе теснейшим образом переплетается с действием внутренних сил, движимых капиталистической жадной прибылью и власти»¹. Обострение экономической борьбы в современном капиталистическом мире не оставило в стороне и Южную Корею.

Сильная зависимость хозяйства Южной Кореи от мощной экономики основных стран капитализма, прежде всего США и Японии, привела к тому, что оно в высшей степени чувствительно отзывалось на все экономические колебания капиталистического рынка. Современный валютно-финансовый кризис оказал глубокое воздействие и на Южную Корею. Все более растущие финансовые затруднения сеульский режим пытается обойти привычным путем, прежде всего за счет трудящихся. Известно, что империализм стремится прочнее приковать к себе страны с преимущественно капиталистическими тенденциями развития, приковать экономически, политически, социально. Южная Корея не составляет исключения. Поэтому реакционные монополистические круги империалистических держав вкладывают в Южную Корею значительные средства с тем, чтобы укрепить в своих интересах ее капиталистическое развитие. Нельзя забывать и того, что Южная Корея играет весьма важную роль в глобальных стратегических планах определенных кругов, связанных с военно-промышленным комплексом. Ей отводится роль опорного пункта для борьбы с социализмом и национально-освободительными движениями. Кроме того, стремление самой южнокорейской буржуазии к укреплению своего классового господства, ее боязнь народных масс, возмущенных ее гнетом, способствовали усилению склонности большей ее части к упрочению связей с реакционными кругами американской и, во все большей степени японской, монополистической буржуазии.

* Статья перепечатывается с сокращениями из журнала "Deutsche Aussenpolitik", 1974, № 5.

¹ "Einheit", 1972, № 4, p. 521.

Вместе с тем, возникли и нарастают противоречия между южнокорейской буржуазией, добывающей по мере сил безраздельного экономического господства в своей стране, и ее неизмеримо более могущественными покровителями.

В 50-е годы Южная Корея еще была страной с ярко выраженным аграрным уклоном, но за последние годы произошли серьезные изменения в ее хозяйственной и, соответственно, социальной структуре. Доля сельского хозяйства в валовой продукции снизилась с 68,8% до 42,2 в 1966 г. Весьма заметна дальнейшая урбанизация. В 1960 г. еще 72% населения проживало в сельской местности, в 1970 г. из 32 млн. населения Южной Кореи 40% жило в городах².

В настоящее время в Южной Корее преобладает государственно-капиталистическая собственность на основные средства производства. Она сложилась из собственности, принадлежавшей бывшей японской колониальной метрополии, а также из вновь сооруженных, как правило, крупных предприятий, в значительной своей части обслуживающих потребности вооруженных сил.

В 1965 г. государственный капитал контролировал 30 ключевых предприятий в решающих отраслях промышленности. Господствующая роль государственного капитализма проявляется также в том, что он контролирует 62,2% обрабатывающей промышленности и обладает монополией на производство энергии, на средства транспорта и связи, добычу соли и т. п. Многочисленные трудности, стоявшие на пути развития частного капитала, южнокорейская буржуазия пыталась преодолеть на путях государственного капитализма, тем более, что некоторые мероприятия государства способствовали — на первых порах — известному оздоровлению условий хозяйственной жизни, ее регулированию.

Большая часть южнокорейской экономики находится под контролем американских и японских монополий. Многие южнокорейские фирмы действуют только благодаря участию в них иностранного капитала (80 и более процентов), и их корейские наименования — зачастую не более чем вывески, за которыми скрывается японский, а чаще американский, капитал.

Как и многие другие, ранее колониальные или зависимые страны, Южная Корея включена в современное неоколониалистское разделение труда. Немаловажно и то, что Южная Корея принадлежит к числу таких азиатских стран, где существует самая низкая оплата труда.

Так, например, американская «Сайентифик корпорейшн» посылает в Сеул детали для сборки унифицированных блоков для ЭВМ. В Сеуле эти блоки собираются и в качестве готовой продукции возвращаются в США, чтобы быть использованными в электронных счетно-вычислительных устройствах. Экономия на заработной плате при этом огромная. Южнокорейский рабочий получает от этой фирмы заработную плату, которая соответствует одной восьмой заработной платы рабочего соответствующей квалификации в Калифорнии³.

В Южной Корее существует и относительно сильный сектор мелкотоварного производства. На мелких предприятиях работают 39,5% занятых в промышленности, но они дают только 26,5% всей продукции. Начавшийся с середины 50-х годов процесс концентрации производства

² См. «Рёкса сачжон». Пхеньян, 1971, № 1, стр. 419.

³ «Проблемы мира и социализма». 1971, № 2.

и капитала в последние годы продолжался в еще большей степени. Поэтому развивается процесс распада мелкого производства, все усиливается дифференциация средних предприятий. Если в 50-е годы частный капитал эффективно функционировал главным образом в ростовщичестве и торговле, отчасти — в легкой промышленности, то в настоящее время основной сферой его деятельности становится промышленность.

В 1966 г. в обрабатывающей промышленности существовало 238 крупных предприятий. Они составляли 1,1% всех предприятий этой отрасли хозяйства, но в них было занято 33,7% всех рабочих этой отрасли, и они давали 47,5% всей ее продукции.

В последнее время в Южной Корее быстрым темпом идет концентрация капитала. Образуются крупные финансово-промышленные объединения — «чжеболь», экономическое и политическое значение которых год от года растет. В 1965 г. существовало 10 «чжеболь», которые обладали значительным хозяйственным и политическим весом. Самое большое южнокорейское финансово-промышленное объединение, «Самсон чжеболь», охватывает различные отрасли промышленности — от химической до текстильной. Кроме того, оно контролирует «Радио Сеул», телевизионную компанию, издает газету «Чосен ильбо».

По традиции в финансовых и промышленных объединениях Южной Кореи большую роль играют семейные, клановые отношения. «Чжеболь» номинально — акционерные общества, но реальный доступ к их акциям имеют, как правило, лишь дельцы, связанные между собой родственными отношениями. Точно так же и в отношениях между обществами родственные связи играют определяющую роль. Управленческий и технический аппарат обществ обычно принадлежит к тому или иному семейному клану.

«Чжеболь» обладают большим сходством с семейными трестами, возникшими в Японии в последней трети прошлого века. Влияние «чжеболь» на внутреннюю и внешнюю политику Южной Кореи неуклонно возрастает.

В то время как крупные частные финансовые и промышленные предприятия прилагают все усилия, чтобы укрепить свой экономический потенциал, развитие государственно-капиталистического сектора сейчас замедляется. Этот сектор в той или иной степени вырождается в инструмент паразитического обогащения южнокорейской буржуазии. К формированию капиталистического развития режим Пак Чжон Хи идет «путем реформы Мэйдзи», государство планирует и финансирует постройку ключевых предприятий индустрии и передает их затем частным предпринимателям.

Экономическое развитие последних лет, пошедшее на пользу южнокорейской буржуазии, которое буржуазная пресса хвастливо называет «чудом на Хангане», привело к обострению социально-экономических противоречий в стране. При этом обостряются не только противоречия между эксплуатируемыми и угнетаемыми политически массами трудящихся, с одной стороны, и южнокорейской буржуазией — с другой. Все более резкими становятся противоречия между разными слоями буржуазии. Это наглядно проявилось в 1971 г., во время президентских «выборов». Южнокорейская буржуазия пытается помешать дальнейшему росту все более явно выступающих на свет противоречий в общественной жизни Южной Кореи путем поисков новых и новых иностранных кредитов и укрепления своих связей с иностранным империализмом. Но искомая цель не достигается. Сеульский режим рассчитывает мобилизовать под флагом национализма население стра-

ны на осуществление своих собственных целей и твердит о политике «обеспечения самостоятельной жизнеспособности»⁴.

Однако хваленый «промышленный бум» возник отнюдь не на основе собственных сил, а на базе огромных иностранных субсидий. К январю 1973 г. иностранная задолженность Южной Кореи достигла 3,2 млрд. долл. Таким образом, по иностранной задолженности в пересчете на душу населения Южная Корея стоит на первом месте среди азиатских стран. Ее долги имеют тенденцию к дальнейшему росту, так как после перемирия во Вьетнаме отпадают финансовые поступления, составлявшие примерно 100 млн. долл. в год, которые Южная Корея получала «в вознаграждение» за посылку своего наемного корпуса численностью 50 тыс. человек для участия в несправедливой кровавой войне против вьетнамского народа. Такую же сумму получал ханганский режим за поставки для американских войск в Южном Вьетнаме⁵.

Южнокорейская буржуазия проводит экономическую политику под лозунгом «автаркия через экспорт». Для проведения такой политики ей предоставляются различные льготы. Южнокорейские предприниматели имеют, например, право беспошлинного ввоза машин при условии, что по крайней мере 60% их продукции пойдет на экспорт.

Подобные мероприятия привели к тому, что структура экспорта претерпела значительные изменения. В 1970 г. примерно 80% экспорта составили промышленные товары. Но все усилия южнокорейской буржуазии форсировать внешнюю торговлю никак не могут замаскировать сильнейшую зависимость последней от империализма.

Стоимость экспорта Южной Кореи достигла в 1968 г., по данным Корейского банка, 455,2 млн. ам. долл., а импорта — 1,47 млрд. ам. долл.⁶ Тенденция к превышению импорта над экспортом продолжает действовать. В феврале 1972 г. южнокорейская пресса сообщала, что в конце 1971 г. внешняя торговля Южной Кореи имела дефицит 1,3 млрд. ам. долл.⁷

Новые противоречия возникают также из-за проникновения бывшей колониальной метрополии — Японии — во все отрасли южнокорейского хозяйства, которое находится в долгу у японского капитала. В 1972 г. Япония поставила в Южную Корею товаров на 980 млн. долл., а вывезла всего на 426 млн. долл.

Из года в год в условиях острой конкуренции с Соединенными Штатами японский капитал укрепляет свои позиции во внешней торговле Южной Кореи. В 1973 г. японские монополии вытеснили США с первого места в торговом обороте Южной Кореи.

Режим Пак Чжон Хи, расширяя экономические связи с японским капиталом, руководствуется также и партийно-политическими мотивами, так как правящая демократическая республиканская партия (ДРП) Южной Кореи извлекает прямую выгоду из каждого делового мероприятия, заключенного с японцами, — 10% суммы каждой такой сделки отчисляется в кассу ДРП. В банковских кредитах, которые хотя и запрещены с последнего года, но все еще довольно распространены, процент даже значительно выше.

И в отношениях с ФРГ, которая как по инвестициям, так и по объему двусторонней торговли занимает третье место, Южная Корея име-

⁴ "The Korea Times", 29. VII. 1970.

⁵ "Süddeutsche Zeitung". München, 26. I. 1973.

⁶ "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 11. I. 1971.

⁷ "The Korea Times". 2. II. 1972.

ет пассивное сальдо. Так, ФРГ ввезла в 1971 г. из Южной Кореи товары на сумму 36,6 млн. ам. долл., а поставила — на 73,7 млн. ам. долл.⁸

Южнокорейская буржуазия весьма обеспокоена торговыми и валютными меропрятиями США. Экономика Южной Кореи страдает от растущего ввоза американских товаров и протекционистской политики США в отношении импорта текстиля. А круглым числом 40% корейского экспорта составляет текстиль. Эти трудности умело используются Японией и позволяют японскому монополистическому капиталу расширять свои позиции.

В связи с переживаемыми страной экономическими трудностями широкие круги южнокорейской буржуазии стремятся отойти от односторонней экономической ориентации на США и Японию. Они рассчитывают с помощью установления широких экономических контактов с Западной Европой, прежде всего с ФРГ, приобрести новых партнеров по внешней торговле. Реалистически мыслящие круги в Южной Корее выступают даже за установление торговых отношений с социалистическими странами. В этом сказывается прежде всего рост могущества и авторитета стран социалистического содружества, что оказывает свое воздействие и на Южную Корею, а также тяжелое положение южнокорейской внешней торговли. До 1971/72 гг. даже за высказывания о желательности установления отношений с социалистическими странами сеульский режим карал «виновных» каторгой.

Для достижения своих милитаристских целей, а именно — поглощения КНДР, режим Пак Чжон Хи, при поддержке иностранного империализма, форсирует развитие определенных отраслей промышленности и мобилизует все материальные ресурсы для проведения милитаристского курса⁹.

Говоря о развитии промышленности, базирующемся в основном на иностранных инвестициях, важно отметить численный рост рабочего класса, который в немалой степени работает на иностранных предприятиях и непосредственно подпадает под иго империалистической эксплуатации.

Широкое распространение традиционной патриархальной идеологии, основывающейся на конфуцианских принципах, атмосфера антикоммунистической истерии, сопровождаемая кровавым террором, привели к тому, что марксизм-ленинизм до сих пор не имеет ощутимого влияния на южнокорейский рабочий класс. К тому же население обладает относительно низким образовательным уровнем, хотя неграмотность встречается редко. Кроме того, дает о себе знать сильная текучесть кадров. Рабочий класс Южной Кореи в значительной части состоит из молодых девушек, которые, выйдя замуж, оставляют работу. Нельзя упускать из виду и того, что рабочие очень тесно связаны с деревней. Это, возможно, имеет положительное значение с точки зрения их связи с крестьянской массой, но вместе с тем способствует проникновению в ряды пролетариата мелкобуржуазной идеологии; затрудняет выработку классового сознания пролетариата и наличие большой армии безработных.

В конце 1971 г., по официальным данным, уровень безработицы в стране составлял 6,1%, но это скрывает истинное положение вещей,

⁸ "Rheinischer Merkur", 13. X. 1972.

⁹ «Американский империализм — заклятый враг корейского народа». Пхеньян, 1969, стр. 100.

так как каждый кореец старше 14 лет считался трудоустроенным, если он работал по меньшей мере один час в неделю.

Хваленый «индустриальный бум» принес пользу только буржуазии, но не дал ощутимых улучшений для трудящегося населения.

Продолжается инфляция. Последнее время деньги обесценивались в среднем на 10% ежегодно. Потребительские цены к концу 1971 г. возросли на 216% (1965 г. = 100).

Пак Чжон Хи вынужден был признать: «В настоящее время у нас царят беспорядок и неэффективность, хозяйство не может избавиться от банкротства и нищеты».

Материалы официальной «Белой книги» позволяли заключить, что уровень жизни трудящихся по-прежнему очень низок и что разница в доходах имущих и неимущих растет. Рабочие лишены всех социальных прав, заработная плата крайне незначительна. 12-часовой рабочий день при 6-дневной рабочей неделе обычен. Средний годовой доход на душу населения, по данным ООН, не превышает 279 ам. долл.¹⁰. На Юге Корейского полуострова не существует прогрессивных профсоюзов. Руководство «конфедерации профсоюзов», созданной в 1961 г. — всего лишь орудие южнокорейской буржуазии. Коммунисты и все демократические силы подвергаются грубым преследованиям. На каждые 742 жителя приходится, по официальным данным, один представитель «охранной» полиции. Вся Южная Корея окутана ее густой сетью.

«Индустриальный бум» никак не улучшил положение трудящегося крестьянства. Положение бедняков, практически лишенных простейшего инвентаря, а тем более машин, оставляет их в сильнейшей зависимости от зажиточной деревенской верхушки. Рост задолженности и обнищания не оставляет им никаких надежд на улучшение их положения. В 60-е годы полная бесперспективность их социальной участи вынудила десятки тысяч южнокорейских крестьян эмигрировать в Латинскую Америку. Бывшая поставщица риса для всего полуострова Южная Корея за последние годы вынуждена сама ввозить рис: в 1971 г., например, было ввезено 800 тыс. т. Земледелие не поспевает за потребностями экономического развития страны¹¹.

По мере развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве усиливается и процесс дифференциации южнокорейского крестьянства. Среди крестьянства растет недовольство, хотя до сих пор масса южнокорейского крестьянства не принимала активного участия в различных экономических и политических движениях последних лет.

Неудовлетворенность и недовольство сеульским режимом растут не только среди трудящегося населения, они охватывают и сильнейшую до сих пор опору режима Пак Чжон Хи — армию. Пак Чжон Хи — генерал с четырьмя звездами в штатском, был вынужден наряду с настоящими классами создать искусственную касту, для которой сохранение его режима — вопрос хлеба насущного. Но даже армия, которая наряду с тайной полицией служила для сеульского режима наиболее надежным инструментом подавления южнокорейского населения и послушным помощником империализма Соединенных Штатов против справедливой освободительной борьбы вьетнамского народа, не остается в стороне ни от политической борьбы, которая в последние годы происходит в Южной Корее, ни от давления «снизу». В армии важную

¹⁰ "UN Statistical Yearbook. 1972". New York, 1972, p. 625.

¹¹ «Нодон синмун». Пхеньян, 10. XII. 1973.

роль играет также рост соперничества между сухопутными и воздушными силами.

«Младшие офицеры чувствуют себя обойденными высшими чинами, начиная с полковника и выше. Еще находящиеся на службе генералы упрекают коллег, перешедших в экономику, в личном обогащении. В различных соединениях в последние месяцы доходило до бунтов личного состава... Дисциплина часто оставляет желать лучшего»¹².

Весной 1973 г. Пак Чжон Хи был вынужден арестовать офицеров высшего ранга, в том числе командира сеульского гарнизона генерал-майора Чунь Пиль Йона. Наряду с этим в армии появляются новые веяния, возможность которых еще недавно нельзя было бы представить. Осуществлявшаяся сеульским режимом практика призыва в армию бунтующих студентов, с тем чтобы студенческое движение не охватывало всю страну, как это было весной 1960 г. при падении Ли Сын Мана, не оправдала надежд, студенты и в армии продолжают преследовать свои патриотические цели. Их агитация внутри армии приносит определенные результаты. Командование армии и весь сеульский режим в целом ощущают это давление «снизу». Ожесточение, разочарование многих солдат и молодых офицеров социальной несправедливостью, царящей в стране, и прежде всего все растущей коррупции в сферах управления и промышленности, выражаются в требованиях осуществления демократических преобразований. От позиции армии в немалой степени будет зависеть дальнейшее политическое развитие Южной Кореи.

Внутренняя политика Южной Кореи в последние годы получила определенный отпечаток в результате обострения борьбы за власть и соперничества между различными группировками буржуазии, что особенно отчетливо проявилось во время «президентских выборов» в апреле 1971 г. Уже осенью 1969 г. дело дошло до парламентского скандала из-за противоречащего конституции продления срока пребывания в должности Пак Чжон Хи. Тогда правящая демократическая республиканская партия, воспользовавшись тем, что силы оппозиции, по своему характеру буржуазной, незначительны, решила «народным согласием» продлить срок пребывания в должности Пак Чжон Хи. Протестовавших против этого студентов полиция разогнала при помощи слезоточивых бомб. Несмотря на кампанию террора, в ходе которой дело доходило до арестов всех членов семей противников режима в качестве заложников, на широкую кампанию обработки общественного мнения в прессе в духе грубой антикоммунистической истерии и травли КНДР, Пак Чжон Хи не достиг желаемого единодушного результата. Только в Сеуле 39% избирателей воздержались от голосования и выразили таким образом свое отношение к Пак Чжон Хи и его политике.

Среди южнокорейского населения растет недовольство тотальной зависимостью от США и все усиливающимися экономическими позициями прежнего колониального господина — Японии, чьи товары и капитал наводняют Южную Корею¹³. Несмотря на то что сеульский режим провозгласил антикоммунизм своей государственной доктриной и пытается отгородить население от прогрессивных влияний прежде всего усилением националистической пропаганды, он не может помешать тому, что изменение соотношения сил в мире в пользу социализма ока-

¹² "Frankfurter Allgemeine". 14. XII. 1971.

¹³ См.: «Бороться против возрождения японского милитаризма». Пхеньян, 1970, стр. 66.

зывает влияние и на Южную Корею¹⁴. Парламентская оппозиция в лице Новой демократической партии (НДП) умело использует социальное и политическое недовольство населения и растущее чувство внешнеполитической изоляции. Новая демократическая партия, представляющая интересы южнокорейской мелкой и средней буржуазии, обвиняет правящие круги Сеула в том, что они концентрируют силы только на осуществлении наиболее крупных промышленных проектов и обрекают на гибель мелкую и среднюю промышленность. НДП выступила против расширения капиталовложений американских, японских и западногерманских монополий и связанного с этим сильного роста задолженности Южной Кореи.

НДП резко выступила против широко распространенной во всей стране коррупции. Последняя принимает такой размах, что сеульский режим в феврале 1974 г., вскоре после того, как он подверг штрафу 2000 налоговых инспекторов за взятки, оказался вынужденным уволить из налогового управления 113 высших чиновников, поскольку их незаконные действия и махинации были явно направлены на личное обогащение. Вследствие коррупции в начале 1974 г. были сняты с постов 30 высших государственных чиновников, вплоть до заместителя министра. Выступления НДП против растущей коррупции привлекли к ней известные симпатии, прежде всего со стороны молодежи. НДП выступила также за определенные социальные улучшения. Это объясняется тем, что она представляет часть буржуазии, которая желает устранить социальные неполадки, чтобы сохранить буржуазное общество.

В вопросе об объединении страны буржуазная оппозиционная партия, учитывая настроения южнокорейского населения, высказалась за принятие некоторых предложений, сделанных КНДР уже годы назад, как, например, установление между Севером и Югом почтовой связи, обмен спортивными делегациями и т. д. Для политической общности Сеула предложение НДП, сделанное 21 января 1971 г. об установлении дипломатических отношений с социалистическими странами, было политической сенсацией, так как еще за несколько недель до этого режим Пак Чжон Хи за высказывание подобных мыслей карал казнь торжественной тюрьмой.

Через год господствующие круги Сеула, чтобы избежать дальнейшей дипломатической изоляции, были вынуждены устами своего министра иностранных дел Ким Ен Сика заявить, что Южная Корея готова «установить контакты с любой страной, которая не настроена по отношению к ней враждебно»¹⁵.

Но НДП не выдвигает никакой подлинной альтернативы позиции господствующей и представляющей южнокорейскую крупную буржуазию демократической республиканской партии. Обе партии стоят на платформе антикоммунизма. Новая демократическая партия выступает, по существу, лишь против закоснелого антикоммунистического курса Пак Чжон Хи, поскольку он не принес успешных плодов и, по ее мнению, не может успешно противостоять влиянию мирового социализма, влиянию достижений в строительстве социалистической Кореи. Требуя «гибкого антикоммунизма», НДП надеется таким путем устоять против дальнейшего расширения влияния идей социализма в Южной Корее.

¹⁴ Вскоре после захвата власти в 1961 г. режим Пак Чжон Хи издал действующий до сих пор антикоммунистический закон. В настоящее время сеульское правительство особенно настойчиво проводит обработку населения Южной Кореи в антикоммунистическом духе.

¹⁵ "Le Monde". 5. I. 1972.

Уже до инсценировки «президентских выборов» 1971 г. считалось, что Пак Чжон Хи, выпускник японской и американской военных академий, участвовавший в тридцатых годах в качестве лейтенанта Квантунской армии под японским именем Минору Окамато в кровавых преследованиях китайских коммунистов, и далее останется в своем «Голубом доме» в качестве южнокорейского диктатора, так как он пользовался поддержкой крупной буржуазии.

Однако, хотя Пак Чжон Хи и остался у власти, сеульский режим не может игнорировать новое международное положение и перемены в самой Южной Корее. Ему пришлось изъявить согласие рассмотреть выдвигавшиеся уже в течение многих лет предложения КНДР и выразить готовность к переговорам по ним¹⁶. При этом господствующие круги Южной Кореи ни в коей мере не отказались от своего антикоммунистического курса «сынкон тхониль», то есть «воссоединение путем победы над коммунизмом». С самого начала она пыталась выступить по отношению к КНДР с позиции силы. Постройка эшелонированных в глубину противотанковых заграждений на юг от демаркационной линии во время подготовки переговоров между Севером и Югом в первой половине 1972 г. со всей очевидностью свидетельствует о подлинных планах южнокорейской реакции. Внутри страны было усилено воздействие на население в антикоммунистическом духе. Май 1972 г. был объявлен «месяцем борьбы против коммунизма», и в числе прочих мероприятий режим ввел в учебных заведениях курс антикоммунизма как учебную дисциплину. Изменившееся соотношение сил в пользу социализма, большое влияние успехов социалистического строительства в КНДР, которое усилилось после переговоров между Севером и Югом, лишили уверенности южнокорейские правящие круги. Южнокорейская буржуазия надеялась, что критическая для нее ситуация может быть изменена в ее пользу путем установления абсолютной диктатуры в стране. 18 октября 1972 г. Пак Чжон Хи распустил парламент, лишил силы конституцию, объявил голосование за новую конституцию и декларировал введение военного права, как «орудия реформирования общественной системы и превентивного средства против волнений и нарушений общественного порядка». Возмущенные этими мероприятиями он квалифицировал как позицию, направленную против переговоров Север—Юг и, таким образом, против мирного решения корейского вопроса.

С помощью террора (армия заняла все улицы и площади, и были произведены многочисленные аресты) и демагогии широкого размаха Пак Чжон Хи удалось обеспечить себе абсолютные диктаторские полномочия. Запрещение свободы слова и собраний подавляло единствен-

¹⁶ Центральный орган Трудовой партии Кореи газета «Нодон синмун» сообщила 4.VII.1972 г., что переговоры в Пхеньяне и Сеуле будут проведены между официальными представителями КНДР и Южной Кореи. В Пхеньяне вели переговоры заведующий отделом ЦК Трудовой партии Кореи Ким Ен Дю и руководитель Центральной разведывательной службы Южной Кореи Ли Ху Рак. В Сеул выехал второй заместитель председателя кабинета министров КНДР Пак Сен Чер. Ли Ху Рак был принят генеральным секретарем ЦК Трудовой партии Кореи и председателем кабинета министров КНДР Ким Ир Сен. Со своей стороны Пак Чжон Хи принял в Южной Корее Пак Сен Чер. Газеты сообщали, что три выдвинутых Ким Ир Сен. принципы, на основе которых должно быть восстановлено единство страны, встретили согласие южнокорейской стороны. Встрече на государственном уровне предшествовали переговоры между обществами Красного Креста. 14 августа 1971 г. Красный Крест КНДР выдвинул предложение установить прямые контакты с Красным Крестом Южной Кореи для решения назревших вопросов гуманитарного характера, которые возникли в результате занятия Южной Кореи американскими войсками. 20.VIII.1971 г. в Паньмыньчжоне состоялась первая встреча между представителями обоих обществ.

ную большую партию оппозиции, буржуазную НДП, которая и без того переживала внутренний раскол при наличии двух соперничающих друг с другом председателей. К тому же Пак Чжон Хи обещал проведение серьезных социальных мероприятий, в результате которых благосостояние Южной Кореи в 1985 г. должно было, по его словам, возрасти в четыре раза по сравнению с 1972 г. Диктатор объявил при этом, что для достижения этой цели необходима «корейская форма демократии», как он назвал свою форму режима, чтобы замаскировать свою диктатуру.

По официальным данным, 91,5% из 15,6 млн. южных корейцев, имеющих право голоса, проголосовали в ходе того фарса 21 ноября 1972 г., который был назван «народным голосованием за новую конституцию», являющуюся в действительности законом о предоставлении чрезвычайных полномочий Пак Чжон Хи, поскольку она дает ему абсолютную власть. Так, Пак в любое время может объявить чрезвычайное положение, даже если ситуация только ему покажется опасной. Новая конституция дает Пак Чжон Хи возможность быть неограниченным властителем пожизненно, хотя он при «выборах» президента в феврале 1971 г. не только добился проведения этих «выборов» путем различных махинаций, но и неоднократно заявлял, что это последний его срок пребывания у власти.

Тем не менее, несмотря на усиление диктатуры, Пак Чжон Хи не удалось подавить сопротивления своему режиму. Уже в августе 1972 г., через месяц после начала переговоров Север — Юг, режим приговорил к смертной казни четырех представителей интеллигенции, заведомо ложно обвиненных в шпионаже в пользу КНДР. Этот метод типичен для господствующих кругов Хангана. Даже буржуазная пресса должна была признать, что многие южные корейцы обвинялись в шпионаже, чтобы заставить их прекратить выступления против «реорганизации» демократического порядка Паком. Похищение в августе 1973 г. в Токио южнокорейской тайной полицией оппозиционного политика президента новой демократической партии Ким Тэ Чжуна¹⁷ развязало еще один политический скандал и вновь продемонстрировало методы возглавляемой Ли Ху Раком южнокорейской тайной полиции, которая простирает свои щупальца на все области общественной жизни. Негодование подобными махинациями сеульского режима — южнокорейские дипломаты в Японии также участвовали в организации похищения — вспыхнуло не только в среде южнокорейской общественности. Ввиду сильных протестов японского населения против беспрепятственной деятельности южнокорейской тайной полиции на территории Японии японское правительство было вынуждено прекратить предоставление кредитов Южной Корее. Поэтому правящие круги Южной Кореи были заинтересованы в быстрейшем улаживании конфликта, и Пак Чжон Хи должен был согласиться на отставку шефа тайной полиции Ли Ху Рака, своего ближайшего доверенного помощника, фанатичного антикоммуниста, ответственного за преследования и убийства тысяч южнокорейских патриотов¹⁸.

Афера с похищением Ким Тэ Чжуна послужила также толчком к началу (осенью 1973 г.) студенческих волнений, которые, вспыхнув

¹⁷ Ким Тэ Чжун осенью 1972 г. пребывал в Японии и после объявления в октябре 1972 г. в Южной Корее военного положения остался в Токио.

¹⁸ Снятие Ли Ху Рака нельзя рассматривать изолированно от борьбы за власть в верхушке сеульского руководства. Следует также обратить внимание на то, что он располагает существенным экономическим влиянием, так как контролирует большую часть южнокорейской текстильной промышленности. Возможно, что его возвращение к руководству уже подготовлено, как это было в 1970 г.

в вузах Сеула, распространились по всей Южной Корее. Движение южнокорейских студентов играет большую роль в жизни страны. Студенты считают себя наследниками прогрессивных традиций корейского студенческого движения периода японского колониализма и чувствуют себя со времени свержения Ли Сын Мана в апреле 1960 г., в котором студенты сыграли такую важную роль, «совестью нации». Усиление репрессий после изменения конституции осенью 1972 г. вновь ясно показало студентам, что социально-политическая действительность Южной Кореи не согласуется с их идеалами. Несмотря на запреты собраний, занятие высших школ охранной полицией и аресты студентов на многочисленных собраниях и демонстрациях, они открыто выступали против диктатуры Пак Чжон Хи, за принятие демократической конституции. Не ограничившись общедемократическими лозунгами, студенты выдвигали конкретные требования, например, «Долой октябрьскую конституцию»¹⁹, и лозунги, направленные против усиления проникновения в страну японского империализма: «Положить конец южнокорейско-японским конференциям министров!»

Наряду со студентами против диктатуры Пак Чжон Хи с требованием буржуазных свобод и свободного развития национальной экономики выступили также известные представители буржуазной интеллигенции, деятели культуры и представители религиозных организаций. Многочисленные представители прессы, в том числе журналисты газеты «Чжунган ильбо» и радиокорпорации «Тоньян» выступили против режима Пак Чжон Хи и объявили забастовку²⁰.

Об уязвимости режима свидетельствует также и начало петиционного движения, инициаторами которого 24 декабря 1973 г. выступили 15 буржуазных оппозиционных политиков и представителей духовенства. Через 10 дней уже 300 тыс. южнокорейцев поставили свои подписи под петициями против диктатуры Пак Чжон Хи, за восстановление буржуазных свобод. Чтобы выйти из этой угрожающей ситуации, Пак Чжон Хи, ссылаясь на статью 53 новой конституции, 8 января 1974 г. объявил о введении законов чрезвычайного положения, согласно которым любое противодействие режиму карается тюремным заключением на срок до 15 лет. Этими террористическими мерами режим Пак Чжон Хи надеялся решительно подавить движение студентов за восстановление буржуазных свобод и заставить замолчать критиков режима из разных слоев общества. Однако все усиливающаяся борьба против режима Пак Чжон Хи свидетельствует, что хотя сеульскому режиму время от времени и удается более или менее умерить движение сопротивления, но никогда не удается подавить его полностью. В свое время Маркс и Энгельс подчеркивали, что внешняя политика и внутренняя политика страны всегда покоятся на одних и тех же объективных основах. Они зависят от характера производственных отношений и прежде всего от экономических интересов правящего класса. Отсюда — неразрывная связь внутренней и внешней политики, которая неизменно определяется соответствующими производственными отношениями, причем внешняя политика всегда служит тем же классовым интересам, что и внутренняя политика. Для достижения классовых целей в обеих этих областях могут применяться различные методы и средства, как это и наблюдалось в последнее время с особенной ясностью в Южной Корее, так как связь между господствующими классовыми силами и их воздействием на внешнюю политику не механическая.

¹⁹ Конституция, принятая в октябре 1972 г., должна была удовлетворить юридически притязания Пак Чжон Хи.

²⁰ «Нодон синмун», I. XII. 1973.

Конкретные исторические условия не могут не влиять на внешнюю политику.

Обострение политических, экономических и других социальных проблем привело в последние годы к явной дифференциации внутри южнокорейского общества. При этом и международные факторы — прежде всего изменение в соотношении сил в пользу социализма и явления кризиса в системе империализма — оказали и оказывают существенное воздействие. Стоящие у власти в Сеуле поэтому вынуждены модифицировать как свои методы господствования внутри страны, так и методы внешней политики. Они надеются путем усиления репрессий (как это стало очевидно после введения чрезвычайного положения в декабре 1971 г., военного положения в октябре 1973 г. и чрезвычайного положения в январе 1974 г.), а также с помощью гибкой внешней политики оставаться господами и в новых условиях и по-прежнему обеспечивать свои классовые интересы.

Сейчас в Южной Корее проявляются тенденции к применению новых методов во внешней политике, однако это не имеет ничего общего с независимой политикой. Реакционная часть южнокорейской буржуазии, представленная господствующей демократической республиканской партией, прочно связана с империализмом сделками, которые направлены против интересов Южной Кореи. Но даже среди проамериканских кругов распространены опасения (являющиеся результатом нового курса политики США по отношению к Тайваню), что американские империалисты могут оставить их на произвол судьбы. Поэтому не только патриотические силы страны стремятся к определенным внешнеполитическим изменениям. Даже в господствующих кругах появилось инакомыслие и раздаются голоса, которые настаивают на изменении внешнеполитической ориентации на Вашингтон. Кроме того, они надеются этим нейтрализовать рост недовольства среди населения растущей внешнеполитической изоляцией.

В полном соответствии со своим характером режим пытается, с одной стороны, установить более тесные внешнеполитические связи с империалистическими странами и с другими реакционными режимами Азии, Африки и Латинской Америки. С другой стороны, изменившееся соотношение сил в мире, обострение внутривнутриполитических проблем и — далеко не в последнюю очередь — растущие трудности в экономике вынуждают его искать связей с социалистическими странами. В своем заявлении 23 июня 1973 г. Пак Чжон Хи был вынужден объявить, что Южная Корея готова поддерживать отношения со всеми нациями мира на основе принципов взаимности и равенства прав.

Своей внешней политикой Южная Корея преследует в основном две цели: во-первых, обеспечить себе усиленную экономическую помощь империалистических стран, прежде всего Японии, США и ФРГ и в возрастающей степени — стран ЕЭС, а во-вторых, получить поддержку проводимой Сеулом политики, прежде всего в его притисках против КНДР, которые столь характерны для южнокорейской внешней политики. Эти два основных направления ясно просматриваются в деятельности сеульского Капитолия и министерства иностранных дел Южной Кореи и свидетельствуют о стремлении господствующих кругов Южной Кореи приспособиться к новому положению в мире, обеспечив вместе с тем соблюдение интересов южнокорейской буржуазии и землевладельцев.

Для реализации этих целей Сеул в последние годы развернул внешнеполитическое наступление в соответствии с программой, которую изложил на пресс-конференции в феврале 1971 г. министр иностранных

дел Ким Ен Сик. Она предусматривает поддержание тесных контактов со странами, от которых господствующие круги Южной Кореи ожидают и впредь экономической помощи и поддержки их линии на ежегодных дебатах о Корее в ООН. В период подготовки к сессии Генеральной Ассамблеи 1972/1973 г. Сеул пригласил посетить Южную Корею министров иностранных дел 15 государств — членов ООН и аккредитованных при ООН постоянных представителей 20 стран²¹. В прямой связи с этими внешнеполитическими целями режима Пак Чжон Хи находились также посещения Сеула в феврале 1972 г. английским министром иностранных дел Дугласом Хьюмом и пребывание летом 1972 г. в Южной Корее японского министра иностранных дел Такэо Фукуды. Визит в Южную Корею уполномоченного ХСС и председателя общества ФРГ — Южная Корея и парламентской группы ФРГ — Южная Корея д-ра Эриха Ридля, а также министра ФРГ Эгона Франке в сентябре 1972 г. тоже нельзя рассматривать вне связи с этой проблемой. Обеспокоенный политикой США по отношению к КНР со времени визита Никсона в Пекин, сеульский режим объявил, что он не признает любые переговоры великих держав о будущем Кореи, проводимые помимо него. Поэтому господствующие круги Хангана облегченно вздохнули, когда американский империализм и после установления прямых контактов с Пекином по-прежнему обещал им полную поддержку. Визит нового министра иностранных дел США Г. Киссинджера в ноябре 1973 г. в Сеул был связан с теми же обстоятельствами. Киссинджер заверил Пак Чжон Хи, что войска США, которые, используя флаг ООН, дислоцированы в Южной Корее и фактически представляют собой опору южнокорейского режима, и впредь останутся в Южной Корее.

После начала в июле 1972 г. официальных переговоров между КНДР и Южной Кореей Сеул еще более усилил свою внешнеполитическую активность. Министр иностранных дел Ким Ен Сик и премьер-министр сеульского режима Ким Чжон Пхиль совершили многочисленные поездки за рубеж, чтобы заручиться поддержкой сеульского курса в отношении КНДР, который предусматривал воспрепятствовать дальнейшему дипломатическому признанию КНДР и принятию ее в члены ООН²². Вскоре после начала диалога Север — Юг Ким Чжон Пхиль посетил Индию, Филиппины и Японию, где он выразил надежду, что правительства этих стран поддержат позиции Сеула. В феврале 1973 г. министр иностранных дел сеульского режима находился с официальным визитом в ФРГ, где он в беседах с Хейнеманном, Эпплером, Бааром и с представляющим Шееля Паулем Франке просил о политической и экономической поддержке со стороны ФРГ и получил ее. Оба государства пришли к соглашению, что «политические, экономические и культурные отношения между обеими странами в дальнейшем будут укрепляться». Визиты Ким Ен Сика в Бонн и затем в Лондон были высоко оценены Сеулом, и сообщения о них многие дни заполняли первые страницы южнокорейских газет.

Поездка Ким Чжон Пхилья в Западную Европу в мае — июне 1973 г. также преследовала цель добиться одобрения западноевропейскими го-

²¹ "The Korea Times", 3. II. 1972.

²² Южнокорейский посол в США Ким Тун Чо через два дня после начала переговоров Север — Юг заявил, что «каждая преждевременная попытка третьего государства улучшить отношения с Северной Кореей ослабляет позиции Южной Кореи и будет мешать диалогу между Сеулом и Пхеньяном» ("Tagesspiegel", 8. VII. 1972).

сударствами сеульской политики. После визитов в Брюссель, Мадрид и Рим он пытался получить более широкую экономическую и политическую поддержку прежде всего от французского правительства. То же самое было в ФРГ, где он был принят Брандтом.

Поездка Ким Чжон Пхиля в Японию в ноябре 1973 г. преследовала прежде всего цель устранить трудности в отношениях между обеими странами, которые возникли в результате похищения Ким Тэ Чжуна, так как южнокорейский режим не может не опираться на японскую финансовую помощь для сохранения своей власти и осуществления своих планов. Восстановление прежних отношений между двумя странами следует относить не столько за счет внешнеполитической деятельности Ким Чжон Пхиля, сколько за счет того, что это было выгодно японскому империализму, который весьма заинтересован в расширении весьма прибыльных капиталовложений в Южной Корее. К концу 1973 г. Япония вложила более 1 млрд. ам. долл. в Южной Корее как государственных, так и частных средств.

После принятия КНДР в Международную организацию здравоохранения Сеул оказался в затруднительном положении. Интриги против социалистической Кореи, для плетения сети которых южнокорейская внешняя политика прилагала большие усилия, полностью провалились. Господствующие круги Южной Кореи были вынуждены отказаться от слишком открытой дискриминационной политики в отношении КНДР²³. Стремясь как-то приспособиться к новой ситуации, Пак Чжон Хи решил попытаться спасти положение, выдвинув предложение о приеме в ООН одновременно Южной Кореи и КНДР — позиция, прямо противоположная той, которой придерживался Сеул до сих пор. Выступив с предложением о принятии обеих корейских государств в ООН на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи, Пак Чжон Хи надеялся захватить в свои руки политическую инициативу в решении корейской проблемы. Когда, однако, в начале 1974 г. Австралия, которая давно поддерживает дипломатические отношения с Южной Кореей, хотела признать КНДР, сеульский режим запротестовал и угрожал поставить под вопрос дипломатические отношения с Канберрой.

На XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН Сеулу не удалось достичь своих целей. Впервые в этой сессии принял участие наблюдатель от КНДР. Распущена созданная в 1950 г. «Комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи», что, однако, было лишь первым шагом к мирному решению корейского вопроса, которое может быть достигнуто лишь при условии вывода войск США, дислоцированных в Южной Корее и неправоммерно прикрывающихся флагом ООН.

Многие признаки указывают, что впредь большую роль во внешней политике Южной Кореи будет играть проблема нефти. Позиция Южной Кореи во время ближневосточного конфликта осенью 1973 г., когда она требовала вывода агрессивных израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и затем высказывалась за признание и уважение законных прав палестинского народа, объясняется отнюдь не неожиданной переменной внешнеполитического курса; дело в том, что обеспеченность нефтью Южной Кореи полностью зависит от Саудовской Аравии и Кувейта.

Недавнее открытие крупных нефтяных месторождений на шельфе Корейского полуострова, о котором сообщалось в отчете исследовательского комитета Экономической комиссии ООН для Дальнего Во-

²³ В ст. 3 южнокорейской конституции территорией Южной Кореи объявлены весь Корейский полуостров и все прилегающие к нему острова.

стока, из-за политики сеульского режима усиливает зависимость южнокорейской экономики от империалистических нефтяных концернов, прежде всего американских и японских. Подписанный в Сеуле 30 января 1974 г. «Договор между Японией и Южной Кореей о совместной разведке и эксплуатации нефти на материковом шельфе», который предусматривает эксплуатацию территории размером в 95 тыс. кв. км к югу от южнокорейского острова Чечжудо, несет с собой опасность дальнейшего усиления зависимости южнокорейской экономики от японских монополий. Вместе с тем события, предшествовавшие подписанию договора, явно свидетельствуют об обострении противоречий между южнокорейской буржуазией и японским империализмом. Своими последними мерами во внешней и внутренней политике правящие круги Южной Кореи надеются обеспечить свои корыстные групповые интересы. Но ни проведение политики жестоких репрессий внутри страны, ни обращение к более гибкой внешней политике не ведут к решению стоящих перед Южной Кореей проблем, а лишь способствуют дальнейшей поляризации сил. Подлинными серьезными переменами во внешней и внутренней политике Южной Кореи могут произойти только в результате победоносного выступления народных масс против империализма и всех поддерживающих его сил. Поэтому основными задачами стали активизация рабочего класса, политическая мобилизация крестьянских масс, создание прочного союза между рабочим классом и трудящимся крестьянством под руководством революционного авангарда. От решения этих задач существенно зависит изменение внутренней и внешней политики страны, направление развития южнокорейского общества по демократическому пути²⁴.

---

²⁴ Ким Ир Сен. Отчетный доклад Центрального комитета на V съезде Кореической партии труда. Пхеньян, 1970.

ИДЕОЛОГИЯ

Об антимарксистской сущности маоизма

Д-р Габор Хидаш (ВНР)

В международной политической литературе стало общепринятым употребление понятия «маоизм», хотя в самом Китае этот термин не употребляется.

Под понятием «маоизм» мы подразумеваем совокупность идей, взглядов, теоретических построений, стратегических и тактических концепций, которые складывались в процессе борьбы Мао Цзэ-дуна и его сторонников внутри Коммунистической партии Китая за проведение своей групповой политической и стратегической линии и которые с некоторых пор составляют идейно-теоретическую основу всей деятельности нынешнего пекинского руководства.

Маоизм прошел довольно длительную эволюцию, пока сформировались в современном виде его политическое и идеологическое кредо, его стратегия внутри страны и на международной арене. На его формирование влияли различные, часто противоречивые, внутренние и внешние, объективные и субъективные факторы. Между прочим, видимо, этим более всего объясняется эклектический, противоречивый характер маоистской идеологии и попыток ее практического претворения в Китае.

Поскольку маоизм как течение появился внутри Коммунистической партии Китая, его приверженцы в течение длительного времени упорно стремились к тому, чтобы их взгляды и концепции имели облик своеобразной китайской разновидности марксизма-ленинизма. В последние годы они стремятся предстать людьми, исповедующими и развивающими марксизм-ленинизм. С помощью подобных маневров им сравнительно продолжительное время удавалось маскировать антимарксистскую сущность своей эклектической идейной системы. В международном коммунистическом и рабочем движении все еще существуют такие элементы, которые считают маоизм течением внутри марксизма-ленинизма, а маоистскую партию — коммунистической партией марксистско-ленинского типа. Поэтому важная теоретическая и идеологическая задача марксистов-китаеведов — дать научный ответ на вопрос о том, в чем сущность маоизма и каково его отношение к теории и политической практике марксизма-ленинизма.

I

Маоизм по своей сущности является мелкобуржуазной идеологией, складывавшейся в своеобразных китайских исторических условиях, на чрезвычайно отсталой общественно-экономической базе, при неразвитых классовых отношениях и в процессе революционной борьбы масс в условиях полуколониального и полуфеодального общества, сильно обремененного пережитками докапиталистических производственных и общественных отношений.

Китайское общество в течение тысячелетий развивалось изолированно от остального мира. Внешние влияния играли, как правило, второстепенную роль, и они ассимилировались этим обществом в более или

менее преобразованном виде, приспособленном к китайским традициям и своеобразию. В этом отношении положение и в XX в. изменилось, видимо, лишь до известной степени.

Вторжение иностранного капитала и полуколониальное, а местами полностью колониальное угнетение значительной части населения Китая вызвало в китайских массах сопротивление «заморскому влиянию». Это способствовало усилению идеологии китайского национализма, который охотно обращался к эпохам процветания в китайском прошлом, когда цивилизация и культура Китая играли выдающуюся роль в развитии стран Дальнего Востока. Поэтому в этом национализме с самого начала ярко проявлялись элементы великоханьского шовинизма.

Проникновение революционных идей марксизма-ленинизма в китайское общественное сознание — особенно при создавшихся в стране начиная с 1927 г. своеобразных условиях — не могло остаться свободным от трансформирующего воздействия китайской революционной практики и идейных традиций. У Мао Цзэ-дуна эти факторы — в сочетании со многими субъективными предпосылками и стремлениями — привели к таким идейным искажениям, которые как в области теории, так и в области практики существенно изменили, деформировали основные принципы революционной идеологии.

Одно из основных расхождений между теорией марксизма-ленинизма и идейной системой маоизма проявляется в различной интерпретации содержания категорий общественного класса и диктатуры пролетариата.

Для Мао Цзэ-дуна «жесткие» классовые категории были всегда обременительными, и он стремился к их «размыванию». Он всегда более охотно говорил «о революционном народе» или «о революционных массах», чем о революционных классах. Даже свою работу «О классах китайского общества» (1926) он снабдил таким введением, которое дает совершенно субъективную оценку роли отдельных общественных классов и слоев в революции. «Кто наши враги и кто наши друзья? Вот вопрос, который имеет в революции первостепенное значение»¹. С точки зрения маоизма класс является прежде всего идейно-политической категорией, характеризующей отношение определенных групп населения к «революционной идеологии». Эта трактовка дает широкую возможность для субъективного и произвольного определения классовой принадлежности. Исходя из нее считать классовым врагом, «буржуем», «контрреволюционером» можно любого рабочего, крестьянина, солдата, ученого и даже закаленного в многолетних революционных боях профессионального революционера, если он не согласен с Мао Цзэ-дуном и его идеями.

Другая существенная черта маонистского искажения марксистско-ленинского классового подхода заключается в том, что, исходя из своеобразной классовой структуры китайского общества и из одностороннего опыта китайской революции, маонизм рассматривает немущих вообще, и особенно массы деревенской бедноты, не только как основную социальную базу, но и как руководящую силу революции. В своих теоретических работах Мао Цзэ-дун — уже за десятилетия до настоящего времени — наделил таких не имеющих земельной собственности крестьян-арендаторов и вместе с ними все немущие, пауперизированные слои населения всеми теми качествами, которые Маркс первоначально придал пролетариату, представляющему собой класс промышленных наемных рабочих буржуазного общества. Таким образом, самое характерное своеобразие маонистского искажения марксистско-ленинского классового под-

¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. I. М., 1952, стр. 15.

хода заключается в том, что научно детерминированное Марксом понятие «пролетариат» маоизм произвольно наполняет совершенно другим содержанием и в конечном счете — в плоскости международной классовой борьбы — даже полностью лишает его истинной классовой сущности.

Следует заметить, что уже и само эквивалентное термину «пролетариат» китайское выражение «учаньцзэцзи» дает возможность — особенно для непросвещенных масс — неверного толкования этого понятия. Дело в том, что дословно это означает «класс неимущих», к которому, кроме класса промышленных рабочих (насчитывающего ранее в Китае примерно несколько миллионов человек), могут быть причислены все городские и деревенские неимущие слои, от обедневших ремесленников и уличных розничных торговцев до многосотмиллионных масс безземельных деревенских бедняков. В практике китайской народной революции под влиянием маоизма именно так толковали понятие «класс пролетариата, призванный руководить революцией». И с этих же позиций истолковывали пролетарский классовый характер его авангарда — Коммунистической партии Китая.

Историческим фактом является то, что в создавшейся после второй мировой войны ситуации, несмотря на отсутствие последовательного марксистско-ленинского классового подхода и на руководство «пролетарской» партии, состоящей главным образом из массы крестьянской бедноты, китайская народная революция смогла победить. Это означает, что в определенных условиях, при благоприятном международном положении, народная революция, связанная с антиимпериалистической национально-освободительной борьбой, может быть успешно проведена на такой расширенной и по своему содержанию измененной «пролетарской» классовой основе даже в том случае, если во главе ее находится партия, которая не стоит последовательно на марксистско-ленинских позициях. Это — один из достойных внимания уроков китайской революции. Он заслуживает особого внимания и потому, что в отставших в своем общественно-экономическом развитии районах мира, в так называемом развивающемся, или «третьем», мире, и в дальнейшем можно предвидеть возникновение таких исторических ситуаций, когда во главе революционных преобразований, объявляющих своей целью движение к социализму, стоит не последовательная марксистско-ленинская партия рабочего класса, а руководители какого-либо широкого классового союза, происходящие большей частью из мелкобуржуазных крестьянских слоев и стоящие на позициях революционного демократизма.

Сегодня, однако, историческим фактом является уже и то, что социалистическое развитие Китая, начавшееся в начале 50-х годов — несмотря на исходное формальное сходство с социалистическими особенностями общественно-экономической структуры и отношений собственности, — вследствие происшедших в политической и идеологической надстройке искажений претерпело такие деформации, которые во многих отношениях ставят под вопрос социалистический характер этой страны. В международном плане руководители Китайской Народной Республики и Коммунистической партии Китая уже почти полтора десятилетия полностью обособились от подавляющего большинства стран мировой социалистической системы и от подавляющего большинства коммунистических и рабочих партий. Более того, с некоторых пор они считают своим врагом номер один главную силу этой мировой системы — Советский Союз — и самую значительную и самую опытную партию этого движения — КПСС. Это явление — с учетом роли субъективных факторов, которую, безусловно, нельзя игнорировать, — также дает возможность сделать некоторые теоретические выводы.

Ясным стало также и то, что дальнейшее развитие победившей народной революции и перерастание ее в революцию социалистическую не может успешно продолжаться более или менее длительный период без последовательного марксистско-ленинского классового подхода, без опоры на идеологию пролетарского интернационализма. Если внутри данной страны — вследствие подавляющего перевеса бедняцких крестьянских масс и сравнительно небольшой численности промышленных рабочих — отсутствие научно обоснованного марксистско-ленинского классового подхода даже не даст сразу почувствовать своих отрицательных последствий, в области международной классовой борьбы это раньше или позже обнаружится. Это еще один важный урок, который следует извлечь из опыта развития китайской революции.

Избежать такую опасность коммунистические партии, возникшие на отсталой общественно-экономической базе, в странах с неразвитыми классовыми отношениями, могут лишь в том случае, если их руководство сознательно стремится к осуществлению последовательно интернационалистского классового подхода и к проведению классовой политики. В связи с этим поучительно напомнить о том, что партия большевиков в 1917 году привела к победоносной социалистической революции народ огромной страны, в которой промышленный пролетариат был островом в безбрежном море крестьянства и в которой революцию можно было проводить только в тесном союзе с этими крестьянскими массами. Далее, традиции царской России, как указывал Ленин во многих своих работах, наряду с великорусским национализмом, мелкокрестьянской стихийностью, мелкобуржуазным анархизмом представляли собой тяжелое идеологическое бремя для большевистской партии. Несмотря на это, партия Ленина, ведя неустанную борьбу с враждебными идейными течениями, и в таких условиях сумела проводить последовательную пролетарскую классовую политику и исключить возможность того, чтобы партию захлестнула волна мелкобуржуазной стихийности.

Для Мао Цзэ-дуна, однако, с самого начала были характерны пропитанный великоханьским шовинизмом и провинциализмом националистический подход, традиционная китайская национальная замкнутость, культ китаецентризма, недоверие к иностранному влиянию, весьма ограниченная сфера интеллектуальных интересов. И после ознакомления Мао Цзэ-дуна с общими положениями марксизма-ленинизма, то есть противоположными его прежним взглядам идеями, он так и не смог освободиться от ранее накопленного идеологического балласта. Как следствие этого, существенными составными частями маоизма — антимарксистского идейного течения уже в силу своего извращенного классового подхода — явились различные китайские националистические и великодержавные, шовинистические концепции. Это — другое основное расхождение между теорией марксизма-ленинизма и идейной системой маоизма, как бы ни старались представители последнего в прошлом и настоящем прикрыть это маской «марксистско-ленинской» фразеологии.

II

Констатация этих двух охарактеризованных выше важнейших специфических особенностей маоизма долгое время не была произведена по многим причинам и обстоятельствам.

Во-первых, маоистская идеология и политическая практика формировались и завладели ключевыми позициями в такой партии, которая начиная с момента своего образования развивалась как часть международного коммунистического движения и в тесном взаимодействии с ним.

Коммунистическая партия Китая до 1943 г., до роспуска Коминтерна, поддерживала связи с этим революционным центром. За это время сотни китайских коммунистов работали и учились в аппарате и в школах Коминтерна, и в то же время многие военные и политические советники Коминтерна помогали в Китае китайскому народу в его революционной борьбе. При таких обстоятельствах в рядах Коммунистической партии Китая — особенно в первые два десятилетия китайской революции — в значительном количестве находились такие руководители, практическая политика и теоретические установки которых характеризовались правильным марксистско-ленинским классовым подходом, ленинскими принципами пролетарского интернационализма. Против этих принципов Мао Цзэ-дун и его последователи долгое время не могли выступать открыто.

Свою истинную сущность и националистический облик маоизм впервые проявил в первой половине сороковых годов. В самые тяжелые годы Великой Отечественной войны Советского Союза Мао Цзэ-дун и его сторонники, которые уже укрепили свое руководящее положение в партии, много раз обнаруживали, что провозглашенную ими на словах интернациональную пролетарскую солидарность они не намерены подтверждать практическими шагами и действиями в отношении героического советского народа, боровшегося не на жизнь, а на смерть с немецким фашизмом. Более того, выступив с программой установления политической системы «новой демократии», отмежевавшись от идеи диктатуры пролетариата, они, по сути дела, стремились создать предпосылки для заключения нового международного политического союза — прежде всего с сильнейшей империалистической державой — Соединенными Штатами. Одновременно с этим внутри Коммунистической партии Китая под предлогом движения «за улучшение стиля работы» («чжэнфэн») началась травля интернационалистских кадров. Это движение получило новый размах после роспуска Коминтерна весной 1943 г. В результате этого на VII съезде КПК (апрель 1945 г.) «иден Мао Цзэ-дуна» официально были объявлены «китайским марксизмом», «китайским коммунизмом», их сделали «идеологическим компасом» всей деятельности КПК, а Мао Цзэ-дун был представлен как деятель, «далее развивающий марксизм»².

Однако к весне 1945 г. общее международное положение и положение самого Китая решительно изменились. Советская Армия ценою огромных жертв сломала гитлеровскую военную машину, что сыграло решающую роль в освобождении народов восточноевропейских стран. На Дальнем Востоке война также подошла к своему заключительному этапу. После смерти Рузвельта отношение правительства Соединенных Штатов к КПК изменилось, и вскоре Мао и его группа были вынуждены отказаться от иллюзии относительно того, что правительство США окажет им поддержку в создании коалиционной демократической структуры власти в Китае. Дальнейшие события, особенно вступление Советского Союза в войну против Японии и разгром в течение нескольких недель и капитуляция миллионной японской Квантунской армии на территории Северо-Восточного Китая сделали и для националистически и антисоветски настроенных руководителей китайской партии ясным, что если они хотят получить международную поддержку китайской народной революции, то для этого нет другой альтернативы, чем опора на Советский Союз. В соответствии с этим начиная с осени 1945 г. они прекратили внутри КПК открытые нападки на интернационалистские силы, многих коммунистов-интернационалистов вновь назначили на руководящие посты и выдвинули на авансцену прежде всего в интересах непосредственных

² Лю Шао-ци. О партии. Пекин, 1953, стр. 26, 29.

контактов с Советским Союзом. Одновременно с этим вновь усилилась подгонка некоторых маоистских положений под марксизм.

В наступивший вскоре после второй мировой войны исторический период китайская народная революция сыграла такую положительную роль в борьбе против империализма в мировом масштабе, которая не только уравновесила, но и оттеснила на задний план отрицательную роль субъективных факторов. В атмосфере антикоммунистической истерии и «холодной войны», разжигаемых империалистическими державами, союз и единство действий СССР и КНР стали таким объективным требованием и, более того, такой настоятельной необходимостью, с которыми не могло не считаться и маоистское руководство КПК. В этих условиях обе стороны предпринимали усилия для установления более тесного и соответствующего интересам обоих народов сотрудничества между партийными и государственными органами Советского Союза и Китая. После образования Китайской Народной Республики это привело к состоявшемуся в конце 1949 г. визиту в Москву китайской партийно-правительственной делегации во главе с Мао Цзэ-дуном, закончившемуся подписанием 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между обеими странами. Начиная с этого времени для внешнего наблюдателя могло казаться, что Коммунистическая партия Китая, несмотря на руководящее положение Мао Цзэ-дуна и его сторонников, проводит более или менее последовательную политику интернационализма. Однако дальнейшие события показали иную картину.

Как вскоре выяснилось, Мао Цзэ-дун и его приверженцы хотели использовать победу китайской революции отнюдь не для экономического и культурного подъема страны, не для повышения благосостояния трудящихся масс и не для превращения Китая в индустриально развитую социалистическую державу с современным сельским хозяйством и цветущей культурой. Победа Китайской народной революции для них означала лишь «первый шаг на пути в десять тысяч миль», идя по которому можно приблизиться к осуществлению давно лелеемых националистических и великодержавных целей, стремлений стать «руководителем мировой революции», и к достижению мирового господства. Таким образом, маоизм после победы революции дополнился новыми существенными элементами: гегемонистскими стремлениями к руководству всеми революционными движениями мира как средству установления своего мирового господства.

III

Первые признаки гегемонистских устремлений китайских руководителей появились непосредственно после образования Китайской Народной Республики. Они уже тогда выступили с притязанием на то, чтобы опыт китайской народной революции и примененные в ходе революционной борьбы стратегия и тактические методы — в том числе и своеобразные методы вооруженной борьбы — считались общеобязательным, достойным подражания примером для национально-освободительного движения всех колониальных и полуколониальных стран. В это время китайские руководители еще не выступали — и при существовавшем положении и не могли выступить — с притязанием на руководящую роль в международном коммунистическом движении, являющемся авангардом всемирного революционного движения. Однако они уже тогда настойчиво утверждали, что из стран социалистического лагеря Китай в силу своего положения и опыта является самым подходящим эталоном для национально-освободительных движений в странах Азии и во всем мире, преследуя

цель постепенно стать главным направляющим центром этих движений.

Гегемонистские стремления китайских руководителей получили новый размах после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, состоявшегося в феврале 1956 г. Хотя вначале они воздерживались от открытой критики позиции, занятой XX съездом по многим принципиальным вопросам международного развития и международной классовой борьбы, но по ряду вопросов уже через несколько недель после съезда они во всеуслышание зафиксировали свое особое мнение³. После этого Мао Цзэ-дун в беседах с представителями ряда братских партий заявил, что в Советском Союзе не смогли дать соответствующую марксистскую оценку прежнему периоду его истории и истории международного коммунистического движения. В связи с этим маоистские руководители стали утверждать, что лишь Коммунистическая партия Китая в силу ее многолетнего революционного опыта, численности и особых качеств китайских революционных масс и ряда прочих факторов располагает такими опытными и испытанными руководителями, которые способны и даже призваны спланировать все революционные течения мира и руководить ими. Гегемонизм, к которому Мао Цзэ-дун и его приверженцы и раньше имели склонность, в это время становится стратегической и идеологической целью в идейной системе маоизма.

Первая открытая попытка Мао Цзэ-дуна стать «идейным руководителем» международного коммунистического и рабочего движения и «основоположителем» его новой, «революционной» стратегии вызвала совсем противоположный эффект. На первом Совещании руководителей коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в 1957 г., большинство руководителей партий отклонило тезис Мао Цзэ-дуна о том, что ради окончательной победы над империализмом человечество стоит свергнуть в пучину мировой ядерной войны. Возвратившись в Китай, Мао Цзэ-дун путем ввержения страны в авантюру «большого скачка» хотел показать и доказать всему миру, что в наше время только Китай и Коммунистическая партия Китая располагают такими массами, которые «способны к любым жертвам», проникнуты настоящим «революционным энтузиазмом» и имеют таких руководителей, которые могут привести в движение эти массы.

Таким образом, концепция «большого скачка» с самого начала основывалась и на мотивах, вытекающих из великодержавных и гегемонистских устремлений маоизма. Китайские руководители хотели бы одновременно с ускорением темпов внутреннего развития соразмерно увеличивать и объем технико-экономической помощи из социалистических стран. Они рассчитывали, что если им за несколько лет удастся путем мобилизации огромных масс китайского населения и быстрого увеличения добычи сравнительно легкодоступных природных богатств многократно расширить производство, то это убедит Советский Союз и другие развитые социалистические страны в том, что их интернациональная обязанность — предоставить как можно больше технической и другой помощи Китаю и таким образом во все более возрастающих масштабах подчинить экономическое развитие всего социалистического лагеря интересам развития Китая.

Концепция «большого скачка» потерпела крах, в сущности, уже на второй год после его начала, и эта попытка «сокращения пути» на долгие годы отбросила назад экономическое развитие Китая. Однако Мао Цзэ-дун и его сторонники боялись открыто признать провал своей во-

³ См. передовую статью «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». — «Жэньминь жибао», 5. IV. 1956.

люнтаристской политики, потому что анализ причин провала непременно выявил бы националистические и великодержавно-шовинистические мотивы этой политики. Именно поэтому ответственность за наступившие экономические трудности они пытались возложить сначала на стихийные бедствия, а затем на Советский Союз. Таким путем политический и экономический национализм маоистов за несколько лет привел к открытому антисоветизму. Начиная с 1960 г. антисоветизм — который у Мао Цзэ-дуна завуалированно проявлялся уже за несколько десятилетий до этого — стал доминирующей составной частью маоизма.

IV

К началу 60-х годов маоистские руководители КПК уже неоднократно имели возможность убедиться в том, что представлявшаяся ими «левая» оппортунистическая линия добровольно не будет принята партиями международного коммунистического и рабочего движения. Именно поэтому с весны 1960 г. они под флагом «защиты ленинизма» развернули все более острую идеологическую борьбу против «современного ревизионизма», в которой главный огонь сначала скрытно, а затем открыто направлялся на КПСС. В то же время маоисты «идеологическими аргументами» пытались и обосновывать свои гегемонистские цели.

Одним из тезисов, которым они в то время придавали особое значение, было высказывание Мао Цзэ-дуна о том, что «в середине XX в. центр мировой революции переместился в Китай». Однако в изданиях, предназначенных для внутреннего пользования, маоистские идеологи шли гораздо дальше. Они утверждали, что доведение китайской революции до победы было большим революционным подвигом, чем Великая Октябрьская социалистическая революция. По их словам, заслуга Ленина и РКП(б) заключалась главным образом в том, что они сумели распознать и использовать благоприятный исторический момент и создавшуюся в силу различных причин революционную ситуацию. А заслуга Мао Цзэ-дуна и китайских коммунистов заключается в том, что они своей почти тридцатилетней революционной борьбой сами создали те условия, которые закономерно привели к победе китайской революции⁴.

Другой идеологический аргумент, при помощи которого китайские руководители стремились скрыть свои гегемонистские устремления, воплотился в той неправильной, антимарксистской оценке положения в мире, согласно которой главный фронт борьбы империализма и антиимпериалистических сил проходит не между социалистическими странами и ведущими империалистическими странами, а между бывшими колониальными, полуколониальными странами и империалистическими державами. Публично демонстрируя свой отход от международного коммунистического и рабочего движения, китайские руководители утверждали, что пространства Азии, Африки и Латинской Америки являются «центрами бурь мировой революции, наносящей непосредственные удары по империализму», и что «потому в известном смысле все дело международной пролетарской революции зависит от исхода революционной борьбы проживающих на этих территориях народов, составляющих подавляющее большинство населения мира»⁵.

Здесь речь идет о том, что китайские руководители — соответственно своим гегемонистским целям и стремлениям к мировому господству —

⁴ См.: «Краткая история китайской революции». Материал партучебы, предназначенный для внутреннего пользования. Пекин, 1960.

⁵ См.: «Предложение к общей линии международного коммунистического движения». — «Жэньминь жибао», 14. VI. 1963.

распространили свой антимарксистский, извращенный классовый подход и на область всемирной революционной борьбы и тем самым пожелали возвысить идеологию маонизма в ранг революционной теории, имеющей всеобщую силу и обладающей самостоятельной глобальной политической стратегией. Мао Цзэ-дун и его адепты исходя из своего сформировавшегося в прежние годы искаженного классового подхода пришли к выводу о том, что «истинно пролетарская», то есть немущая, революционная масса, которой «нечего терять, кроме своих цепей», в наши дни существует лишь в отсталых в своем общественно-экономическом развитии бывших колониальных и полуколониальных странах. Вследствие этого, по мнению маонистов, «пролетарские революции» последующих десятилетий в этих странах могут успешно совершаться, лишь следуя «по китайскому пути», лишь опираясь на стратегию и тактику маонизма. Поэтому Китай как огромная страна, «идущая, по словам маонистов, во главе мирового революционного процесса», должна организовать на революционную борьбу прежде всего «пролетариев» развивающегося или так называемого «третьего мира» против «буржуазии» развитого мира. К тому, что под выражениями «пролетарий» и «буржуа» в интерпретации маонизма подразумеваются отнюдь не марксистско-ленинские категории, к этому мы уже могли привыкнуть. Но речь здесь идет даже о большем.

Пресловутая теория маонистов о раздвоении мира в политическом смысле на «мировую деревню» и «мировой город» (к первому она «скопом» причисляет пространства Азии, Африки и Латинской Америки, а ко второму относит Европу и Северную Америку) ясно свидетельствует о том, что здесь пытаются придать окраску «классовой борьбы» давно дискредитированным геополитическим теориям и даже таким воззрениям, которые опираются на расовые предрассудки. Но какое отношение к марксистскому историческому материализму и к ленинской теории пролетарской революции может иметь такая теория, которая, с одной стороны, игнорирует то, что «мировой город» включает и такие страны, где власть и средства производства принадлежат рабочему классу, а с другой — оставляет без внимания тот факт, что в «мировой деревне» преобладают такие общественные и политические системы, которые строятся на капиталистических и докапиталистических отношениях собственности.

В конце 60-х годов, в период затишья внутривосточной бури «культурной революции», руководители КПК могли констатировать, что их более чем десятилетние усилия, направленные на обеспечение своей руководящей роли сначала в мировой социалистической системе, а затем в национально-освободительных движениях «третьего мира», не привели ни к каким осязаемым результатам. Одновременно, как следствие их волюнтаристских действий, прекратились экономические связи КНР с социалистическими странами, темпы развития ее народного хозяйства значительно снизились, сузились ее международные связи. Вырваться из состояния международной изоляции, в которую ввергли страну перегибы маонистской политики, не отказавшись от идейной схемы маонизма, пекинские лидеры попытались путем политики «открытых дверей» в отношении ведущих империалистических держав. В этих целях китайские руководители путем всемерного разжигания антисоветизма и провоцирования кровавых пограничных инцидентов старались создать соответствующую политическую атмосферу.

В 1972 г. КНР в значительной мере нормализовала свои отношения с Соединенными Штатами и установила дипломатические отношения с Японией. Политикой, проводившейся на протяжении последних трех лет, китайское руководство старалось сделать себя приемлемым для своих капиталистических партнеров, в интересах чего в официальных заявле-

ниях Пекина был выражен отказ от поддержки ряда партизанских движений и ультралевых политических организаций, которым ранее такая поддержка оказывалась.

Но маоистское руководство не отказалось и не могло отказаться от роли — в более отдаленной перспективе — гегемона мировых революционных движений и «третьего мира», поскольку роль гегемона для маоистского руководства является составной частью долгосрочной стратегии.

Многие факты указывают на то, что основная стратегическая цель маоистских руководителей сформировалась уже десятилетия тому назад, хотя никогда не была высказана открыто в такой форме. Сущность этой цели может быть изложена следующим образом: после победы вооруженной народной революции направить общественно-экономическое развитие Китая по такому пути, который в ближайшем будущем превратит эту самую многонаселенную страну земного шара в одну из «великих держав» мира, а в более отдаленной перспективе — в мировую ведущую державу номер один. Для Мао Цзэ-дуна и его близких сторонников эта вооруженная борьба, десятилетия мирного строительства, все использованные за этот период методы означали, по существу, поиски наиболее краткого исторического пути для достижения конечной стратегической цели. Все остальные цели и намерения являются вторичными и подчиненными главной цели. В общих стратегических целях китайского руководства и роль «гегемона мировой революции» нужна прежде всего для того, чтобы превратить Китай в великую державу, имеющую самое большое политическое влияние в мире. В ходе реализации этой стратегической цели теоретически и практически допустимы различные вариации и комбинации союзнической политики. Маоистские руководители считают, что путь, ведущий к конечной цели, может быть укорочен, если Китаю на международной арене удастся найти соответствующих союзников. Эту политику пекинского руководства определяет антимарксистская, националистическая и великодержавно-шовинистическая сущность маоистской идеологии.

Маоизм не делает различия между классовым союзом и политическим союзом. Для него существуют только стратегический союзник и тактический союзник. В качестве временного, тактического союзника на практике может выступать каждый, кто готов оказывать помощь Китаю в достижении определенных тактических целей. В этом заключается сущность маоистского стратегического и тактического прагматизма. Теперь уже становится все более ясным, что Мао Цзэ-дун и его сторонники такими временными, необходимыми для достижения определенных тактических целей союзниками считали в конце 40-х и начале 50-х годов Советский Союз и другие социалистические страны, с помощью которых они смогли восстановить народное хозяйство страны, разрушенное и расстроенное в длительных войнах, и приступить к индустриализации в широком масштабе. На современном этапе, используя возможности изменившегося международного положения, руководители маоистской партии стараются привлечь на свою сторону в качестве тактического союзника против прежних союзников прежде всего своих бывших врагов.

Своим стратегическим союзником маоизм считает бывшие колониальные, полуколониальные страны, современный так называемый «третий мир». Однако идейная система маоизма — прежде всего из-за великодержавного шовинизма и национализма китайских руководителей — невостановив даже в этой среде оказать глубокое идейное влияние и приобрести сторонников. Подавляющее большинство развивающихся стран — в том числе и придерживающиеся прогрессивного антиимпериалистического курса, с большим недоверием смотрит на беспринципный

прагматизм и на частые крутые повороты китайской политики. Даже страны, которым предоставляются китайская помощь или кредиты осторожно стараются исходить из принципа «неприсоединения» в отношении идеологии и политики маоизма. В этих странах национализм большей частью еще находится в периоде расцвета, и поэтому их политики особенно чувствительно реагируют на китайские великодержавные и гегемонистские устремления.

Недавнее самоновейшее теоретическое откровение маоизма — концепция о так называемых «трех мирах», способствует тому, что все более широкие круги распознают антимарксистскую сущность маоизма. Дело в том, что эта искусственная конструкция, являющаяся дальнейшим развитием теории о «сверхдержавках» и о «промежуточных зонах», еще больше, чем предыдущий вариант, стремится сглаживать основные противоречия и существенные расхождения, вытекающие из различий общественных систем, а вместо них пытается представить дело так, будто основным противоречием является противоположность «малых» и «больших», «бедных» и «богатых», «отставших в развитии» и «развитых» стран. Не надо быть теоретически слишком подкованным для того, чтобы прийти к выводу: эта «теория» не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, марксистско-ленинским классовым подходом. Несмотря на это, маоизм и по сей день старается путем использования марксистской терминологии и фразеологии паразитировать на авторитете революционной теории марксизма-ленинизма. Поэтому важная и актуальная теоретическая и идеологическая задача марксистов-китаеведов — своими исследованиями основательно и всесторонне раскрывать и разоблачать антимарксистскую сущность идеологии и политики маоизма.

Научный коммунизм и его фальсификаторы

В. Я. Сидихменов,

кандидат экономических наук

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, разрабатывая теорию научного коммунизма, вели неустанную борьбу против различных фальсификаторов и вульгаризаторов этой теории. Достаточно напомнить разящую критику мелкобуржуазного социализма Прудона в ранней работе Маркса «Нищета философии», его «Критику Готской программы», в которой раскрыт мелкобуржуазный характер взглядов Лассалья и развиты теоретические положения о переходном периоде от капитализма к коммунизму и о становлении коммунистического общества. В выдающемся произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» разоблачались фальшивые и реакционные рассуждения Дюринга о социализме. Развернутая характеристика различных видов социализма — феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. — была дана К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Коммунистическом манифесте».

В. И. Ленин, отстаивая чистоту марксизма и развивая его в новых исторических условиях, в своих произведениях «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» и «Развитие капитализма в России» обнажил реакционную сущность народнических идей о «русском крестьянском социализме».

Классики марксизма-ленинизма показали пример того, как следует разоблачать лженаучные теории о коммунизме. Руководствоваться марксистской методологией в этих вопросах необходимо и в наши дни, когда в ряде стран не только пропагандируются идеи «национального коммунизма», но и делается попытка «материализовать» их на практике. Особенно настойчивые усилия в этом направлении прилагают Мао Цзэ-дун и его окружение.

В современных условиях фальсификация теории научного коммунизма нередко осуществляется под флагом ее «приспособления к национальным условиям». На практике она реализуется в попытках создать различные «модели» социализма. Особую активность на этом поприще проявил исключенный из Французской коммунистической партии Роже Гароди, который задался целью обосновать правомерность существования различных «моделей» социализма — «советской», «югославской», «китайской», «чехословацкой модели» и др.¹

Манипулируя различными «моделями» социализма, Р. Гароди, по существу, перечеркивает интернациональное значение теории научного коммунизма, наполняя ее националистическим (а следовательно, ревизионистским) содержанием.

В своей книге «Марксизм и ренегат Гароди» Х. Н. Момджян в связи с этим правильно замечает: «Каждой особой «модели социализма» присущи как свои особые причины возникновения, так и свои законы раз-

¹ См.: Roger Garaudy. Le problème chinois. Paris, 1967; Pour un modèle français du socialisme. Gallimard, 1968; Le grand tournant du socialisme. Gallimard, 1969.

вития. Таким образом, признание различных «моделей» означает признание не только различных путей перехода к социализму, но и столько же различных «социализмов»². Так, под видом создания «моделей социализма» делается попытка «расташить» марксизм по «национальным квартирам».

Международное значение учения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина состоит именно в том, что оно отражает насущные потребности не какой-то одной нации, а исходит из объективных законов развития, которые распространяются на всех трудящихся независимо от их национальной принадлежности.

Национальные особенности, которые нельзя не учитывать, не умаляют решающей роли общих закономерностей становления и развития нового общественного строя. И каковы бы ни были специфические особенности, существующие в той или иной стране, в мире есть только один научный коммунизм, теория которого разработана К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. Поэтому не может быть ни русской, ни китайской, ни югославской, ни чехословацкой «модели» коммунизма. А все попытки «открыть» свои, «особые» для той или иной нации пути построения коммунизма терпят вполне закономерное фиаско.

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые особенности маоистского эрзац-коммунизма.

Противопоставление «революционного сознания» материальным факторам

Марксизм-ленинизм учит, что коммунистическое общество призвано на основе высокоразвитого производства обеспечить материальное благосостояние его членов. Ф. Энгельс подчеркивал, что новый общественный строй должен путем развития и усовершенствования общественного производства обеспечить всем членам общества «с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования»³. В. И. Ленин говорил, что только «социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния»⁴.

Придавая первостепенное значение материальным факторам при строительстве социализма и коммунизма, марксисты рассматривают удовлетворение материальных потребностей не как самоцель, а как условие для всестороннего физического и духовного развития индивида. Они считают, что только на основе высокого материального уровня жизни общества возможно кардинальное решение всех социальных проблем. В то же время марксисты-ленинцы признают, что сознание, идеи, политическое воспитание народа в период строительства коммунистического общества приобретают огромное значение. «Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей, — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, — коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы»⁵.

² Х. Н. Момджян. Марксизм и ренегат Гароди. М., 1973, стр. 107.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 294.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, стр. 381.

⁵ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 147.

Маоизм придерживается в этом вопросе противоположной точки зрения. Главным для построения коммунистического общества, утверждают маоисты, является не материальное производство и не материальная жизнь людей, а их «революционное сознание». Маоистская пропаганда возводит злостную клевету на Советский Союз и другие социалистические страны, которые, по ее утверждениям, якобы сводят коммунизм исключительно к «насыщению плоти». Так, в выпущенной в 1973 г. в Шанхае массовым тиражом брошюре «Бороться за осуществление основной программы и достижение конечной цели» можно прочитать следующее: «Сводить коммунизм только к удовлетворению материальных потребностей жизни — это значит исходить из мировоззрения реакционных помещиков и буржуазии». Но даже и такое определение маоистским «теоретикам» кажется недостаточно сильным. В Советском Союзе, говорится далее, коммунизм сводят к тому, чтобы «все было во имя человека, во имя счастья человека», чтобы «каждый хорошо питался, хорошо одевался, хорошо жил, мог кушать «гуляш»». Ну а это уже такой «смертный грех», в который могут впасть лишь «мошенники типа Лю Шао-ци». О них же сказано так: «Люди типа Лю Шао-ци всеми силами кричат о том, что коммунизм — это «улучшение жизни народа, улучшение экономической и культурной жизни народа», что при коммунизме можно «заниматься косметикой, красить губы и рассуждать о жизни». Пуристов маоистского толка возмущает даже косметика, не говоря уже о том, что они начисто исключают для человека возможность «рассуждать о жизни».

Что же, по утверждению авторов брошюры, составляет основное содержание коммунизма? «Важной особенностью коммунизма, — говорится в ней, — является высокое коммунистическое сознание индивида, поэтому при переходе к коммунизму необходимо не только ликвидировать эксплуататорские классы и систему эксплуатации, но также необходимо на практике трех великих революционных движений⁶ преобразовать человека, создать нового человека коммунизма, который окончательно порвал бы с частной собственностью и с частнособственническими взглядами. Рассматривать же коммунизм только в плане удовлетворения материальных потребностей — это означает отбрасывать идеологическую революционизацию человека... Если целью борьбы ставить «гуляш», «косметику, крашение губ и рассуждения о жизни», то это неизбежно приведет на путь материального стимулирования, на путь развития буржуазного индивидуализма и эгоизма, разложения и подрыва экономического базиса социализма»⁷.

Итак, утверждается, что при строительстве коммунизма надо исходить не из удовлетворения материальных и культурных потребностей народа, а прежде всего из «идеологической революционизации» его сознания.

Маоистские идеологи рассуждают примерно так: вначале необходимо создать человека с «коммунистическим сознанием», а потом, когда-то (неизвестно когда), под такого человека подвести «коммунистическое бытие».

Опыт строительства социализма в Советском Союзе и других странах говорит о том, что такие процессы, как создание на основе современного производства «коммунистического бытия» и повышение «коммунистического сознания» идут параллельно, однако во главу угла ставится

⁶ Имеется в виду: «классовая борьба», «производственная борьба» и «научное экспериментирование». — Прим. авт.

⁷ «Бороться за осуществление основной программы и достижение конечной цели партии». Шанхай, 1973, стр. 46.

«коммунистическое бытие», без которого немислимо и «коммунистическое сознание». Поступая так, марксисты исходят из материалистического положения Маркса о том, что «бытие определяет сознание».

Маонизм не выдвинул никакой конструктивной программы создания «коммунистического бытия» для китайского народа. Ни на IX съезде КПК (апрель 1969 г.), ни на X съезде КПК (август 1973 г.) этот вопрос не получил освещения. После провала «большого скачка» социализм для Китая вообще изображается как некая далекая и неясная перспектива. К тому же победа социализма поставлена в прямую зависимость от «победы мировой революции». Строить социализм и не верить в его окончательную победу — к такому унылому итогу пришли маоистские идеологи после неудачной попытки добиться «досрочного» вступления Китая в коммунистическое общество.

Вместо программы улучшения жизни китайского народа в отчетном докладе Чжоу Энь-лая на X съезде КПК перед ним выдвинуты такие задачи: «Мы должны придерживаться указаний Мао Цзэ-дуна относительно того, что нужно «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, делать все для народа», «рыть глубокие убежища, всюду запасать зерно, не претендовать на гегемонию». Так понимают маоистские руководители проявление заботы о насущных нуждах китайского народа: пусть он готовится к войне, роет убежища, запасает зерно, отрывая от себя кусок хлеба, потому что это необходимо для осуществления маоистского милитаристского курса. Отвлеченный же призыв «делать все для народа», не подкрепленный конструктивной программой, никого и ни к чему не обязывает.

Вместе с тем это не означает, что маонисты вообще не обращают внимания на развитие материального производства. В Китае в последние годы отмечается определенный рост экономики. Однако он призван обеспечить материальную базу социал-шовинистической политики Мао Цзэ-дуна, а не удовлетворить насущные нужды китайского народа, который обрекается на бессмысленные страдания и жертвы во имя националистических воцелений китайских руководителей.

Маоистский «коммунизм» — это антигуманизм

Научный коммунизм унаследовал рожденные эпохой Возрождения гуманистические идеи, преодолев их классовую ограниченность и непоследовательность.

Появление гуманизма, как известно, связано с идейной подготовкой буржуазной революции в эпоху Возрождения (XIV—XVI вв.) против феодализма. Буржуазный гуманизм, не покушаясь на право частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком, выступил против феодального мировоззрения и феодальных порядков, за свободу личности от феодально-религиозной зависимости. И хотя буржуазный гуманизм страдал абстрактностью и непоследовательностью, он объективно выражал протест трудящихся масс против феодального угнетения, и в этом состояло его прогрессивное историческое значение.

Марксизм не отбросил идеи гуманизма, а наполнил их новым содержанием: культ абстрактного человека был заменен наукой о людях и их роли в историческом процессе; идеи абстрактной человечности были связаны с классовой борьбой пролетариата и пролетарской революцией. Так на смену буржуазному гуманизму пришел гуманизм пролетарский.

Только в коммунистическом обществе возможен подлинный расцвет гуманизма, сущностью которого является забота о всестороннем развитии человека с его многообразными материальными и духовными потребностями. Именно коммунизм создает условия для гармонического развития личности, для ее настоящей свободы, в основе которой лежит высокая коммунистическая нравственность.

Маоистские идеологи отвергают подобный подход. Поскольку гуманизм впервые был выдвинут идеологами буржуазии, рассуждают они, значит, это чисто буржуазное мировоззрение и в нем никаких общечеловеческих элементов; поэтому гуманизм противопоставляется коммунизму. Защита гуманизма рассматривается как выступление против социалистической революции, как стопроцентный ревизионизм.

Понятно, что такая постановка вопроса на руку только сторонникам антикоммунизма, которые объявляют социалистический общественный строй антигуманным. Противопоставлять коммунизм гуманизму, как это делают маоисты, означает дискредитировать великие идеалы коммунистического общества.

Взамен подлинного гуманизма, который пронизывает все стороны жизни коммунистического общества, маоисты выдвигают принцип аскетизма, отрешенности от всех материальных благ во имя неких туманных идеалов.

Идея аскетизма не нова. Марксизм-ленинизм подходит к ее оценке исторически. Так, например, касаясь выступлений немецкого крестьянства в XIV—XV вв., Ф. Энгельс писал: «Уже здесь, у этого первого предшественника движения, мы находим тот аскетизм, который мы обнаруживаем во всех средневековых восстаниях, носивших религиозную окраску, и в новейшее время на начальной стадии каждого пролетарского движения. Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишиться его даже самый суровый гнет»⁸.

Так говорил Ф. Энгельс о «плебейско-пролетарском аскетизме», который в определенных исторических условиях имел прогрессивное значение. «Впрочем, — продолжает Ф. Энгельс, — само собой разумеется, что этот плебейско-пролетарский аскетизм теряет свой революционный характер, по мере того как, с одной стороны, развиваются современные производительные силы, безгранично увеличивая средства потребления и делая тем самым ненужным спартанское равенство...»⁹.

Экономически отсталая страна, вставшая на путь социалистического развития, естественно, не может в короткий срок удовлетворить все насущные потребности трудящихся. В таких условиях, когда ставится задача мобилизовать все материальные ресурсы страны для быстрого подъема производительных сил и на этой основе добиться улучшения

⁸ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 7. М., 1956, стр. 377—378.

⁹ Там же, стр. 378.

жизни трудящихся, воспитание народа в духе скромности и неприхотливости, в духе готовности сознательно пойти на определенные материальные жертвы является вполне закономерным.

Маоисты к этой проблеме подходят иначе. Они призывают китайский народ терпеть лишения, но лишают его перспективы счастливой, зажиточной и культурной жизни, возводят аскетизм в добродетель человека, такую же, как, скажем, трудолюбие.

Категоричность маоистского аскетизма определяется установкой «служить народу», которая исключает удовлетворение каких бы то ни было личных потребностей индивида. Всякое проявление личных стремлений индивида рассматривается как враждебный выпад против общественных интересов. Вот как это обосновывается: «Служить народу надо всем сердцем... если в процессе служения народу попытаешься извлечь личные выгоды, посчитаешь, что заслуги перед народом позволяют кое в чем добиться личного «удобства», дают привилегии, что нечто содеянное в интересах народа позволяет ослабить строгие требования к себе, позволяет подумать о личном, то это полностью не соответствует наставлениям председателя Мао о том, что нужно «от всего сердца» служить народу, говорит об отсутствии последовательного революционного духа»¹⁰.

Страстные призывы служить народу, отдать ему все силы и всю жизнь, казалось бы, звучат весьма благородно. Но у маоистов они, увы, носят антигуманистический характер, поскольку интересы народа противопоставляются интересам личности, забота о личных интересах объявляется утратой «последовательного революционного духа», личность с ее индивидуальными интересами рассматривается как нечто враждебное обществу.

Такой подход коренным образом противоречит марксизму-ленинизму, который придает большое значение развитию личности, ее праву на свободу и самостоятельность. Основоположники научного коммунизма подчеркивали, что «общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека»¹¹, что «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹².

Гуманизм коммунистического общества наиболее ярко проявляется в заботе об удовлетворении материальных потребностей всех членов общества, поскольку личное счастье каждого индивида зависит прежде всего от уровня его материальной обеспеченности. Человек, существующий впроголодь, страдающий от холода и тяжелой, утомительной работы, живущий в стесненных жилищных условиях, ущемляется в самых своих насущных правах. И пусть даже он будет обладать самой высокой сознательностью, он не сможет в таких условиях ощущать себя счастливым. Таков материалистический подход к проблеме личного счастья любого индивида, живущего в коммунистическом обществе.

Маоистские идеологи отождествляют личное счастье индивида с буржуазным индивидуализмом и эгоизмом. В желании человека улучшить свою жизнь за счет собственного труда они видят опасность «буржуазного перерождения», «отражение интересов эксплуататорских классов». В этом проявляется антигуманизм маоистов по отношению к личности.

Антигуманизм маоистской политики наиболее рельефно обнаруживается в таких призывах: «Не бойся смерти», «Если китаец не боится смерти, то какие же трудности его испугают?»

¹⁰ «Хунци», 1973, № 1, стр. 15.

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 305.

¹² Там же. Т. 4, стр. 447.

Марксизм-ленинизм никогда не возводил жертвенность в культ, никогда не прославлял смерть, какими бы мотивами она ни обосновывалась. Человек рождается ради жизни на земле: любить жизнь для него естественно. «Приучать» человека не бояться смерти, «стыдить» его за то, что он смерти предпочитает жизнь, значит проявлять бесчеловечность. «Если характер человека создается обстоятельствами, — писал К. Маркс, — то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими»¹³. Отсюда вытекает вывод о том, что обстоятельства не могут быть человеческими, если человека станут «приучать» к лишениям и смерти.

Народ во имя своего освобождения или борьбы с внешним агрессором может сознательно пойти на огромные жертвы. Но это вовсе не означает, что он ни во что не ставит жизнь и равнодушно относится к смерти. Освободительная борьба против империализма ведется во имя жизни и счастья на земле. И какими бы возвышенными целями ни оправдывался призыв маоистов равнодушно относиться к смерти, он пронизан античеловечностью и ничего общего не имеет с идеалами подлинного коммунизма.

Прикрываясь разговорами о примате коллективного над личным, о долге перед китайским народом и мировой революцией, маоизм уничтожает человеческую личность, нивелирует и растворяет ее в массе, подавляет личные интересы китайских трудящихся во имя якобы интересов народов неосвободившихся стран. С внешней стороны это выглядит ультрареволуционно. На самом же деле цветистые революционные фразы призваны оправдать равнодушное и пренебрежительное отношение маоизма к насущным нуждам китайского народа.

Вот рассуждения маоистской пропаганды на этот счет: «Мы спрашиваем себя — помещики и буржуазия внутри страны свергнуты, а разве помещики и буржуазия во всем мире уже свергнуты? ...Если только удовлетворять свои потребности в пище, одежде и хорошо жить, то не будет желания двигаться быстро вперед. Если же все наши мысли будут поглощены думами об освобождении всего человечества, о том, что в мире все еще много братьев по классу, которые ведут скотскую жизнь, о великой цели коммунизма, то можно осознать нашу большую ответственность, и это обязывает приумножить наши усилия»¹⁴.

Следовательно, если китайский народ будет хорошо жить, удовлетворять свои потребности в пище и одежде, то у него «не будет желания» думать «об освобождении всего человечества». А посему индивид в социалистическом обществе не имеет морального права заботиться о своем личном счастье, о личном материальном благополучии, ибо «в мире все еще много братьев по классу, которые ведут скотскую жизнь».

Маоисты объявляют проявлением национального эгоизма стремление народа, добившегося победы в революционной борьбе, позаботиться об улучшении своей жизни.

Фальшивое понимание равенства

Классики марксизма-ленинизма подходят к идее равенства исторически: они видели ее революционную сторону в период демократической революции и реакционную сторону при решении задач социалистической революции. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выра-

¹³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 145—146.

¹⁴ «Хуници», 1973, № 2, стр. 18.

жает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим»¹⁵. И еще: «Идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции»¹⁶.

Мао Цзэ-дуну чужд исторический подход: уравнивательные идеалы китайского крестьянства, которые, несомненно, имели прогрессивное значение в борьбе с феодализмом, он переносит совершенно в иную эпоху, — эпоху строительства социализма, когда уравнительность стала реакционным фактором, препятствующим развитию производительных сил.

Китайский крестьянин столетиями вынашивал мечту о равенстве и справедливости в духе утопического уравнительного социализма. Он воспринимал социализм как общество, где все будут получать одинаковую долю богатства независимо от результатов своего труда. Мао Цзэ-дун, эксплуатируя эти настроения, пытается навязать китайскому народу казарменный, уравнивательный социализм, на знамени которого написано: «Пусть все люди будут бедными, но равными». Люди должны одинаково питаться, одинаково одеваться, одинаково жить, одинаково работать. одинаково мыслить в пределах «идей Мао Цзэ-дуна» — вот модель маоистского «равенства».

Как известно, недостаточно высокий уровень развития производства при социализме порождает в определенных пределах фактическое неравенство в удовлетворении потребностей людей. В это неравенство, названное классиками марксизма-ленинизма остатками «буржуазного права», «узким горизонтом буржуазного права», маоисты вкладывают свое, особое содержание. Они, по существу, сваливают в одну кучу неравенство, вызванное классовой эксплуатацией, и объективно существующее неравенство в условиях социалистического общества, когда уровень материальной обеспеченности человека зависит от его способностей и от результатов его труда. Тем самым маоисты фактически отождествляют принцип обогащения в условиях буржуазного общества с принципом материальной заинтересованности и оплаты по труду в условиях социализма.

Что понимает марксизм-ленинизм под равенством в социалистическом обществе? Это прежде всего ликвидация эксплуататорских классов, создание такой общественной системы, при которой все члены общества имели бы равное отношение к средствам производства. Это не означает, однако, уравнивания всех людей, их нивелирования. В. И. Ленин по этому поводу писал, что Маркс и Энгельс «...говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента...»¹⁷.

Марксизм-ленинизм видит источник неравенства людей прежде всего не в способе распределения, а в способе производства материальных благ. Мао Цзэ-дун и его последователи, напротив, утверждают, что неравенство людей порождается способом распределения, а не способом производства.

Как реализуются маоистские идеи о мелкобуржуазном равенстве в китайском обществе? Прежде всего делается попытка нивелировать всех его членов, уравнивать их материальные и духовные потребности, создать человеческий гибрид, который был бы «полурабочим», «полукрестьянином», «полунинтеллигентом».

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 16, стр. 213.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 15, стр. 225.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 38, стр. 353.

Эксплуатируя наиболее отсталые настроения китайского крестьянства об уравнительности, которые цементируются тысячелетними традициями, маоизм ополчился на интеллигенцию, дискредитирует ее, ставит ее в приниженное положение по сравнению с работниками физического труда, и все это прикрывается громкими фразами о «революционизации» ее сознания.

Маоизм исходит из посылки, что умственный труд ведет к буржуазному перерождению, к утрате революционности и что только тяжелый физический труд является единственной надежной панацеей от «ревизионистского» влияния и порождает в индивиде черты «истинной революционности».

Чтобы сделать интеллигенцию «революционной» и излечить от «ревизионизма», ее в массовом порядке направляют в сельские районы, где она должна заниматься физическим трудом. «Выпускники высших учебных заведений, — писала газета «Гуанмин жибао», — в первую очередь должны стать рядовыми крестьянами и рабочими»¹⁸.

Для «приобщения» учащейся молодежи к крестьянской жизни ее заставляли питаться дикими травами. «Многие студенты, — сообщалось в китайской печати, — чтобы углубить свое понимание классово-борьбы, собирали горькие дикорастущие травы и готовили из них обед, напоминающий о горьком прошлом»¹⁹.

Интеллигента, затратившего много усилий и времени на овладение сложной профессией, заставляют выполнять простую физическую работу, не требующую какой-либо подготовки. Тем самым маоистская пресловутая «революционизация» интеллигенции распыляет и без того слабые интеллектуальные силы страны.

Чтобы противопоставить рабочих и крестьян интеллигенции, маоистская пропаганда широко афишировала якобы распространяемый «буржуазными интеллигентами» лозунг: «Человек умственного труда управляет людьми, человеком физического труда управляют люди». Этот лозунг будто бы использовался «ревизионистами» для того, чтобы «подготовить смену для буржуазии и проложить путь к реставрации капитализма». Маоисты ратуют за то, чтобы интеллектуальным трудом вместо интеллигенции занимались сами рабочие, крестьяне, солдаты, которые хотя и не имеют специальной подготовки, но зато «революционизируют» себя физическим трудом. Газета «Жэньминь жибао» писала: «У нас появилось множество философских работ, авторами которых являются рабочие, крестьяне и солдаты... Многие наши работники философии намного отстают от этих рабочих, крестьян и солдат»²⁰.

Следовательно, долой профессиональных философов, их немудреные дела куда лучше выполняют простые люди. То же самое маоистская пропаганда трубит и о профессиональных врачах, третируя их как «неполноценных», противопоставляя непрофессиональным врачам, которые и есть «истинно полноценные». Подвергаются шельмованию и профессиональные преподаватели, им противопоставляются преподаватели из «революционных масс». Что с того, что у них нет опыта и знаний? Все это с лихвой перекрывается их «революционным» задором.

Вряд ли нужно подробно анализировать подобную апологию невежества, маскируемую маоистами дешевой демагогией, рассчитанной на приобретение популярности среди отсталых и менее обеспеченных слоев населения города и деревни. Такая игра на отсталости дорого обходится

¹⁸ «Гуанмин жибао», 15. VII. 1968.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Жэньминь жибао», 7. I. 1965.

китайскому народу, поскольку ее исходные позиции грубо противоречат объективным экономическим законам развития социалистического общества. Социализм не может развиваться, не преодолев реакционных мелкобуржуазных представлений о равенстве, насаждаемых маоистами вопреки логике, вопреки опыту социалистического строительства во всех странах мировой социалистической системы.

Фальсификация содержания социализма

Марксисты-ленинцы считают, что основное содержание социалистического общества составляет развитие материальных производительных сил и наиболее полное удовлетворение на этой основе материальных и духовных потребностей членов общества.

Маоисты отвергают подобное определение, утверждая, что основное содержание социалистического общества составляет классовая борьба. «Социалистическое общество,— утверждается в Уставе партии, принятом на X съезде КПК,— охватывает довольно длительный исторический период. На протяжении этого исторического периода от начала до конца существуют классовые противоречия и классовая борьба...»²¹.

Чтобы «научно» подкрепить подобные утверждения, маонистская печать ссылается на... Маркса. «Маркс считал, что классовая борьба — движущая сила исторического развития», — писала газета «Жэньминь жибао». Верно, считал. Но газета добавляла: «Социалистическое общество также может развиваться только в классовой борьбе»²². А это уже прямая фальсификация, ибо Маркс определял классовую борьбу как движущую силу антагонистических формаций, а не исторического процесса вообще. Подходит ли под это определение социалистическое общество, то есть такое общество, где ликвидированы эксплуататорские классы? Нет, речь у Маркса идет только о таких обществах, где существуют классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Приписывая социализму чуждые ему черты — наличие эксплуататорских классов, классовых антагонизмов и классовой борьбы, — маоизм тем самым перечеркивает принципиальное отличие социалистического общества от капиталистического.

В вопросе об определении понятия «классы» маоисты отказываются от научного марксистского критерия. «Основной признак различия между классами,— говорил В. И. Ленин,— их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу»²³.

Маоизм при определении классовой принадлежности членов общества менее всего берет в расчет, какое социальное положение тот или иной человек занимает в обществе. Все зависит только от отношения индивида к «идеям Мао Цзэ-дуна». Если он не разделяет «идеи Мао Цзэ-дуна», его относят в разряд контрреволюционеров, реакционеров, ревизионистов, то есть классовых врагов.

Игра в понятия «классы» и «классовая борьба» используется маоистами с целью укрепления своего господства в стране. Они сознательно

²¹ «Хунци», 1973, № 9, стр. 24.

²² «Жэньминь жибао», 8. VIII. 1972.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 7, стр. 44—45.

натравливают различные группы населения друг на друга: рабочих и крестьян — на интеллигенцию, бедняков и низших середняков — на остальных крестьян, хунвэйбинов — на партийных работников и т. п. Эта коварная тактика ослабляет единство китайских трудящихся и не дает им возможности организованно выступить против маоистов.

Порвав с решениями VIII съезда КПК, ставившего во главу угла развитие экономики и повышение на этой основе жизненного уровня китайского народа, маоизм твердит о необходимости всемерного развертывания «классовой борьбы». Этот тезис составляет «душу» маоистской «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата». Два бывших члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, Линь Бяо и Чэнь Бо-да, подверглись резким нападкам Чжоу Энь-лая на X съезде КПК за то, что они-де выступили против «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата». «Они,— говорилось в докладе Чжоу Энь-лая на X съезде КПК,— были против продолжения революции при диктатуре пролетариата, считали, что главной задачей после IX съезда КПК должно быть развитие производства»²⁴. А это находится в прямом противоречии с установкой Мао Цзэ-дуна, гласящей, что прежде всего и раньше всего нужно заниматься «классовой борьбой».

«Классовая борьба», о которой так много пишется в китайской печати, направлена в Китае своим острием отнюдь не против классового врага — национальной буржуазии. Так называемая «классовая борьба» ведется против той наиболее сознательной части населения, которая не одобряет авантюристического курса китайского руководства.

Подмена народной демократии культом вождя

Социализм предполагает подлинную демократию, участие широких трудящихся масс в управлении и строительстве нового общества. На словах маоисты за развертывание народной демократии, за «линию масс», на деле все сводится к беспрекословному повиновению «великому кормчему». Культ Мао Цзэ-дуна наиболее уродливо материализуется в крайнем субъективизме и волюнтаризме; над всем и вся стоит воля одного человека, возглавляющего государство.

Апологеты культа личности рисуют такую картину китайского общества: наверху восседает «великий учитель, великий вождь, великий полководец, великий кормчий» Мао Цзэ-дун. Он все видит, все знает, все предугадывает. Его указания — самая совершенная истина, самая гениальная мудрость. «Каждое слово председателя Мао Цзэ-дуна,— писала газета «Цзефанцзюньбао», — есть истина»²⁵. Поэтому никто в Китае и за его пределами не только не имеет права возражать против его указаний, но даже выражать какие-либо сомнения. Мао Цзэ-дун — самый мудрый, самый прозорливый вождь. Нет никакой необходимости прибегать к коллективному руководству для управления страной — «высшие указания» вождя заменяют все и вся.

Следует подчеркнуть, что культ личности Мао Цзэ-дуна воздвигнут на том социально-духовном фундаменте, в основе которого лежат еще феодальные и дофеодальные традиции. В нем без труда можно обнаружить влияние конфуцианского учения о соотношении между правителем и народом. Основу этих отношений составляет одна идея: правитель — это думающая личность, а его подданные — это серая, безликая масса,

²⁴ «Гуанмин жибао», 1. IX. 1973.

²⁵ «Цзефанцзюньбао», 19. XII. 1966.

лишенная интеллекта и призванная слепо и беспрекословно повиноваться. Китайский народ — это «глина», «винтики», «шурупы», «пешки», «солдаты» в руках Мао Цзэ-дуна, обязанные беспрекословно выполнять его «высшие и новейшие указания». Никаких конституционных норм, никакого общественного мнения не требуется китайскому обществу, ибо вождь олицетворяет собой все.

Нет ни одной стороны духовной и материальной жизни китайского народа, которой бы не коснулся культ личности Мао Цзэ-дуна и не оказал бы здесь своего тлетворного влияния. Он сковывает инициативу китайского народа, его творческий ум, энергию, принижает и оскорбляет достоинство человека, низводит последнего до роли безликого исполнителя, лишённого самостоятельной мысли и воли.

От партии, народа, армии и всех общественных организаций требуется одно: «неотступно следовать великому стратегическому плану председателя Мао Цзэ-дуна и без всяких скидок претворять в жизнь линию, курс и политические установки ЦК партии, разработанные лично великим вождем председателем Мао Цзэ-дуном».

Культ личности Мао Цзэ-дуна особенно рельефно проявляется в догматическом отношении к его писаниям, которые рассматриваются как священные. Маоистский догматизм основан на постулировании тех или иных положений «великого кормчего» вне зависимости от времени и пространства. «Труды Мао Цзэ-дуна, — утверждалось на страницах журнала «Китай», — надо изучать каждый день. Не будешь изучать труды вождя один день — возникнет масса вопросов, не будешь изучать два дня — покатишься вниз по наклонной плоскости, а три дня без трудов вождя — вообще невозможно жить»²⁶. Подобное коленопреклоненное отношение к писаниям Мао Цзэ-дуна уходит корнями в далекое историческое прошлое: в свое время именно так требовалось относиться к классическим книгам феодального Китая.

И все же беспристрастный наблюдатель замечает, что последние годы в Китае начали исчезать наиболее одиозные формы культа личности. Ныне уже как-то вышли из употребления такие выражения, как «великий кормчий», «великий полководец» и т. п., в магазинах поубавилось количество значков с изображением Мао Цзэ-дуна, наглядная, быющая в глаза пропаганда культа Мао стала менее навязчивой. Означает ли это, что маоисты отказались от прославления своего кумира? Отнюдь нет! Все дело лишь в том, что пропаганда культа Мао стала приобретать несколько иные формы. Ей ныне приданы «научообразность» и тон, исполненный «величавого достоинства». Достаточно обратиться к документам X съезда КПК, пронизанным духом культа личности Мао Цзэ-дуна, чтобы убедиться в том, что дело обстоит именно так.

* * *

Мы рассмотрели лишь некоторые аспекты маоистской фальсификации научного коммунизма. Но даже из этого краткого обзора можно сделать вполне определенный вывод, какой общественный строй маоисты пытаются навязать китайскому народу. Общеизвестна печальная попытка Мао Цзэ-дуна в период «большого скачка» материализовать свои «идеи» на практике.

Небезынтересно в этой связи напомнить о тех «теоретических» соображениях, которые высказывал в 1958 г. Мао Цзэ-дун, обуянный авангардистской идеей о досрочном вступлении Китая в коммунисти-

²⁶ «Китай», 1968, № 7, стр. 18.

ческое общество. Выступая в ноябре 1958 г. на одном из совещаний, он предлагал КПК «вынудить СССР сделать первым переход к коммунизму, так как если Китай раньше Советского Союза вступит в коммунизм, то это отрицательно скажется на мировом пролетариате и будет иметь неблагоприятные последствия для Советского Союза». Мао Цзэ-дун утверждал, что Китай-де в самое ближайшее время может вступить в коммунизм. «Мы также могли бы совершить переход к коммунизму первыми,— говорил он,— ибо через 10 лет мы будем иметь 400 млн. т стали, 10 млн. станков, 2 млрд. 400 млн. т каменного угля, 300 млн. т нефти. У нас лучшие в мире поля, и через 10 лет наша страна станет первым государством в мире».

На чем базировался подобный «прогноз», известно лишь его автору. С тех пор прошло уже более 15 лет, однако хвастливые предсказания «великого кормчего» так и остались звонкой фразой.

Весьма любопытно вспомнить и следующее «пояснение», данное Мао Цзэ-дуном в связи с вопросом о том, как все-таки быть, если СССР отстанет от Китая и КНР придется первой вступить в коммунизм. «В общем,— сказал Мао Цзэ-дун,— непременно нужно сделать так, чтобы Советский Союз первым вступил в коммунизм, а мы — вслед за ним. Если же мы первые вступим, то как нам быть тогда? По-прежнему существовать под вывеской «социализма», а фактически жить в коммунистическом обществе?»

Надо ли говорить, что все эти «пояснения» оказались мыльным пузырем. КНР дорого обошлась расплата за нарушение объективных законов становления и развития социалистического и коммунистического общества.

Теория и практика маоизма подтверждают, что его интересуют не проблемы социалистического строительства в Китае, а наращивание военной мощи китайского государства. Пропаганда аскетизма и жертвенности, оглушение народа, отравление его сознания ядом национализма и антисоветизма, расправа с инакомыслящими под флагом «классовой борьбы», наращивание военного потенциала и милитаризация всех сторон жизни китайского общества — все это должно морально и материально подготовить страну к осуществлению воинственного великодержавного курса Мао Цзэ-дуна. Только через призму этого курса следует рассматривать и оценивать экономическую и социальную политику маоистов, их разглагольствования о строительстве социализма в Китае.

ИСТОРИЯ

О роли пролетариата в китайской революции (к 50-летию IV съезда КПК)

*В. И. Глушин,
кандидат исторических наук*

Вопрос об исторической миссии и реальной роли пролетариата в революции (как в национальном, так и международном плане) был и остается ключевым моментом борьбы двух линий в Коммунистической партии Китая — пролетарско-интернационалистической и мелкобуржуазно-националистической.

Стратегическая и политическая концепция КПК, выработанная в 20-е и 30-е годы пролетарскими силами партии в тесном взаимодействии с Коминтерном, состояла в следующем: китайская революция является неразрывной составной частью единого всемирного революционного процесса с международным рабочим классом в качестве главной движущей силы; пролетариат — главная опора партии, авангард, а затем и гегемон китайской революции; крестьянство — основной союзник пролетариата, важнейшая движущая сила революции, без активного выступления которой победа революции невозможна. Эта концепция отвечала объективному положению в Китае. Она неоднократно подтверждалась в документах съездов КПК. Правда, ее реализация на практике была связана с большими трудностями.

Эти трудности неоднократно использовались различными оппортунистическими, ревизионистскими элементами партии для того, чтобы увести ее с классово-пролетарских позиций. Характерной чертой маоизма как мелкобуржуазного, националистического течения является ревизия важнейших положений ленинской теории национально-колониальной и социалистической революции, зафиксированных в свое время в решениях съездов КПК (о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, о революционно-демократической диктатуре рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса, о диктатуре пролетариата в переходный к социализму период и т. д.).

Послевоенный революционный подъем в Китае, непосредственно связанный с влиянием Великого Октября, вылился в форму антиимпериалистической национальной революции 1925—1927 гг. Основными лозунгами национально-освободительного движения были полное восстановление национального суверенитета Китая, свержение власти империалистической агентуры в лице феодальных милитаристов и политическое объединение страны под властью демократического национального правительства. Наряду с этим провозглашались также лозунги буржуазно-демократических свобод, политического и социального раскрепощения трудящихся масс.

Особенностью революционного подъема в 20-е годы было неуклонное возрастание роли и значения китайского пролетариата. Впервые вступив на арену политической борьбы по время «движения 4 мая» 1919 г., китайский пролетариат в необычайно короткий срок поднялся

до положения авангарда революции. Выступления рабочего класса были самыми яркими эпизодами революционной борьбы этого периода. В них проявились величайший героизм пролетариата, огромная сила его творческой инициативы и революционный энтузиазм. Руководителем и организатором революционной борьбы китайского рабочего класса стала Коммунистическая партия Китая. Однако самостоятельные классовые организации пролетариата были непрочными, охватывали сравнительно небольшую часть наиболее сознательных рабочих. Коммунисты, проводившие активную политическую и организаторскую работу среди рабочих, еще не успели органически связаться с широкими пролетарскими массами.

Ярко выраженный национально-освободительный характер китайской революции обусловил весьма широкий состав ее участников. Основными ее движущими силами были национальная буржуазия, городская мелкая буржуазия, рабочий класс и крестьянство; к революционному движению примыкали также значительные силы помещиков и даже отдельные феодальные милитаристы.

Руководство революцией первоначально находилось в руках национальной буржуазии, политическим представителем которой была национально-революционная партия гоминьдан. Сознывая слабость национальной буржуазии, гоминьдан искал массовой поддержки среди рабочих и крестьян, но одновременно пытался опереться также на патриотически настроенные помещичьи элементы, офицерство. На международной арене гоминьдан, не гнушаясь сотрудничеством с соперничавшими империалистическими державами, добивался помощи, особенно материальной, со стороны СССР и искал организационных связей с Коминтерном. Пока рабочее и коммунистическое движение в Китае было слабым и не угрожало основам существующего социального порядка, национальная буржуазия сотрудничала с коммунистами в рамках единого антиимпериалистического фронта и даже соглашалась в известном смысле делить с ними руководство революцией, сохраняя, однако, решающие позиции в своих руках.

Создание в начале 20-х годов единого фронта на основе сотрудничества КПК и гоминьдана способствовало подъему освободительной борьбы народных масс Китая, особенно в провинции Гуандун, где укрепились позиции национально-революционного правительства Сунь Ятсена, было создано ядро революционной армии, нанесен ряд поражений контрреволюционным силам, развивалось рабочее и крестьянское движение. Большое значение для успехов национально-революционных сил имела помощь Коминтерна, КПСС, советского народа.

Установление политического и организационного сотрудничества КПК с гоминьданом значительно активизировало работу партии, расширило ее связи с массами, способствовало численному росту. Но развитие партии шло противоречиво. Широкие возможности, которые открылись перед ней с созданием единого национального фронта, не были использованы в полной мере из-за левосектантских тенденций.

В связи с ростом антикоммунистических настроений среди значительной части гоминьдановских лидеров Чэнь Ду-сю, Цай Хэ-сэнь и другие члены ЦК КПК к середине 1924 г. пришли к ошибочному выводу, что гоминьдан якобы перестал быть революционной партией, потребовали выхода коммунистов из гоминьдана, прекращения всякой поддержки военных мероприятий гоминьдана и ликвидации революционной власти и революционной базы в Гуандуне. Вместо этого предлагалось развернуть революционную борьбу в Китае по «классической» схеме: агита-

ция — организация — вооруженное восстание¹. Коминтерну и его представителям пришлось приложить немало усилий, чтобы ослабить отрицательное влияние левацких тенденций на практическую работу партии. Но полностью преодолеть «левый» уклон не удалось.

В конце 1924 — начале 1925 г. в Китае происходят важные политические сдвиги, которые можно охарактеризовать как назревание революционной ситуации. Под воздействием успехов южного правительства Сунь Ят-сена в стране усиливается революционное брожение, внешним проявлением которого стал распад чжиллийской милитаристской клики. 23 октября 1924 г., в разгар войны между У Пэй-фу и Чжан Цзо-линем, один из видных чжиллийских генералов — Фэн Юй-сян — выступил против У Пэй-фу, занял Пекин и произвел государственный переворот. Чжиллийцы, ориентировавшиеся на Англию, потерпели поражение. Фэн Юй-сян заявил о поддержке антиимпериалистических лозунгов Сунь Ят-сена, переименовал свои войска в национальную армию, запросил военную и иную помощь у Советского Союза, которая была ему предоставлена. Одновременно он вступил в практические контакты с гоминьданом и КПК и ослабил репрессивный режим, установленный милитаристами в Северном Китае. Национальная армия стала важным фактором военной и политической жизни Китая. Переворот в Пекине и возникновение «национальных армий» объективно способствовали нарастанию революционного подъема в стране, открыли новые возможности для возрождения рабочего движения и восстановления разгромленных в начале 1923 г. профсоюзов на севере и в центральной части страны².

В обстановке нарастающего общенационального подъема и активизации рабочего движения происходила подготовка к IV съезду КПК. Главным для партии в этих условиях стал вопрос о поисках форм собирания и организации масс, в первую очередь масс городского пролетариата, о месте и роли пролетариата в революции, а в более широком плане — о соотношении национальных и социальных аспектов революции.

Кардинальная проблема соотношения национальных и классовых целей пролетариата угнетенных стран Востока, теоретически решенная В. И. Лениным в 1920 г. во время II конгресса Коминтерна, на протяжении многих лет стояла перед КПК как одна из сложнейших прак-

¹ См.: Хэ-сэнь. Уроки дела шантуаней. — «Сяндао», 1924, № 82, стр. 664—665; Шу-чжи. Экономическая подоплека правой контрреволюции в гоминьдане. — Там же, стр. 665—666; Ду-сю. Наш ответ. — «Сяндао», 1924, № 83, стр. 673—678; Ду-сю. Коренная проблема гоминьдана. — «Сяндао», 1924, № 85, стр. 687—689; Шу-чжи. Почему мы выступаем против военных действий гоминьдана. — Там же, стр. 693—695; Шу-чжи. Причины и результаты Синьхайской революции. — «Сяндао», 1924, № 86, стр. 699—703; Ду-сю. Синьхайская революция и гоминьдан. — Там же, стр. 703—705; Хэ-сэнь. Новое выступление контрреволюции в Кантоне. — «Сяндао», 1924, № 87, стр. 707—709; Хэ-сэнь. Положение кантонского правительства после разгрома шантуаней. — «Сяндао», 1924, № 88, стр. 723—725.

² Руководство КПК первоначально не сумело правильно оценить значение событий на Севере. Поворот Фэн Юй-сяна в сторону поддержки антиимпериалистического движения ряд членов ЦК КПК расценил как заурядный политический маневр, а самого Фэн Юй-сяна и его национальные армии — как типичную милитаристскую группу, ничем не отличающуюся от проимпериалистических клик У Пэй-фу или Чжан Цзо-линя, как «новое оружие», «нового агента» англо-американских империалистов.

См.: Ду-сю. Политический переворот в Пекине и китайский народ. — «Сяндао», 1924, № 89, стр. 733; Хэ-сэнь. Подоплека и результаты политического переворота в Пекине. — Там же, стр. 734—736; Шу-чжи. Переворот в Пекине и позорные капитулянтские петиции общественных организаций буржуазии. — Там же, стр. 703—705; Хэ-сэнь. Тайная борьба милитаристских группировок Дуань Ци-жуя, Чжан Цзо-линя и Фэн Юй-сяна и политическое положение на Севере. — «Сяндао», 1924, № 91, стр. 758—761.

тических задач китайской революции, оптимальное решение которой было связано с многочисленными трудностями объективного и субъективного свойства.

К концу 1924 г. уже отошли в прошлое прежние споры в партии о том, следует ли китайскому пролетариату принимать участие в руководимом буржуазией (через партию гоминьдан) национально-революционном движении. Опыт политической борьбы начала 20-х годов показал, что участие пролетариата и его партии в национально-освободительном движении не противоречит, а вполне отвечает классовым интересам пролетариата. Более того, пролетариат был прямо заинтересован в том, чтобы придать национально-революционному движению в стране максимально широкий, массовый народный характер, чтобы историческая задача освобождения страны от империалистического гнета и создания единого национального государства на демократической основе произошла не «сверху», не путем верхушечных комбинаций, компромиссов и соглашений, к чему склонялись лидеры гоминьдана, а «снизу», подлинно революционным, «плебейским» путем. Эти принципиально важные для коммунистов положения были зафиксированы в решениях II и III съездов КПК³.

За три года политической борьбы КПК уже накопила некоторый опыт массового воздействия на национально-революционные буржуазные силы с целью навязать им как можно более прогрессивную линию политического поведения. О значительных возможностях коммунистов в этом отношении свидетельствовали ход и решения I съезда гоминьдана. Вместе с тем борьба за практическую реализацию новой революционной программы гоминьдана еще раз подтвердила двойственную позицию национальной буржуазии, ее стремление к сдерживанию, ограничению массового движения, как и ее враждебное отношение к самостоятельной классовой борьбе пролетариата и трудового крестьянства.

В связи с этим перед КПК во весь рост встал практический и теоретический вопрос о том, должен ли пролетариат и впредь оставаться одним из рядовых участников единого фронта, помогающим национальной буржуазии довести до конца буржуазно-демократическую революцию, или же он самой логикой революции должен выдвинуться в авангард национально-освободительного движения, а затем оттеснить буржуазию от руководства революцией и перевести ее на некапиталистический путь развития. В последнем случае партии предстояло определить возможные формы и методы борьбы за гегемонию пролетариата, завоевания на его сторону многомиллионных масс крестьянства и городской мелкой буржуазии, а также внести соответствующие коррективы в тактику единого фронта, включая деятельность коммунистов внутри гоминьдана.

Накануне IV съезда партии в свете годичного опыта непосредственного сотрудничества с гоминьданом в рамках единого фронта руководством КПК были заново переосмыслены теоретические и тактические проблемы китайской революции. Позиция руководства ЦК КПК была сформулирована в статье Чэнь Ду-сю «Уроки 27 лет национального движения» и дополнена в статье Пэн Шу-чжи «Кто является гегемоном национальной революции в Китае»⁴.

Как известно, к началу новейшего времени Китай продолжал оставаться полуколониальной, полуфеодальной страной, в которой преобла-

³ См. «Коминтерн и Восток». М., 1969, стр. 250—266; «Новейшая история Китая». М., 1972; стр. 70—75; «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3, стр. 118—128; 1973, № 3, стр. 123—134.

⁴ «Синь циннянь», 1924, № 4, стр. 1—22.

дали социальные образования докапиталистического типа, но уже возникли и формировались классы современного типа — буржуазия и пролетариат. Классы разлагавшегося феодального общества по численности во много раз превосходили классы нарождавшегося буржуазного строя. Господствующим классом по-прежнему оставался класс феодальных помещиков, экономические и политические позиции которого лишь незначительно были потеснены буржуазией.

Китайская буржуазия была социально неоднородна вследствие многообразия капиталистических укладов и незавершенности процесса ее складывания как класса, слияния различных по происхождению групп буржуазии — выходцев из торговцев, ростовщиков, мануфактурщиков, компрадоров, крупных бюрократов, богатых землевладельцев. Сплочению китайской буржуазии препятствовало отсутствие общенационального китайского рынка вследствие политической раздробленности страны, ее раздела на империалистические «сферы влияния», плохих коммунистических районов, низкого уровня развития товарных отношений в глубинных сельских районах. Развитие китайской буржуазии деформировалось компрадорством и тесными связями с помещичьим землевладением. Отражением незавершенности процесса формирования китайской буржуазии как класса являлось отсутствие в 20-е годы общекитайских экономических и политических организаций буржуазии, преобладание экономических организаций регионального характера (торговых палат).

Наиболее полно политические интересы буржуазии в 20-е годы выражал гоминьдан, однако преобладающим влиянием в этой партии пользовалась буржуазия Южного и Восточного Китая, и, кроме того, социальная база гоминьдана — особенно после создания единого национального фронта — была гораздо шире, включая значительные слои помещиков, городских средних слоев, часть рабочих и некоторое число крестьян. В 1924—1927 гг. гоминьдан представлял собой не обычную национально-революционную партию, буржуазную или буржуазно-помещичью по своему классовому характеру, а двухсоставную, «блоковую» партию, выступавшую в качестве организационной формы широкого единого национального фронта. В составе этой «блоковой» партии одновременно сотрудничали и боролись антагонистические социальные силы с общими национальными, но диаметрально противоположными классовыми интересами. Буржуазно-помещичьи слои группировались вокруг «чистых» гоминьдановцев, занимавших ключевые руководящие посты в партии, армии и правительственном аппарате, рабоче-крестьянские массы и обездоленные городские мелкобуржуазные слои — вокруг коммунистов. По мере углубления революции классовая борьба внутри гоминьдана приобретала все более острые формы, завершившись погромом коммунистов в 1927 г.

Советские и китайские исследователи обычно выделяют несколько основных групп китайской буржуазии, в зависимости от их места в общественном производстве и политических позиций: крупную компрадорскую, национальную (преимущественно среднюю). Однако термин «национальная буржуазия» довольно расплывчат. Крупная компрадорская и бюрократическая буржуазия обычно относится к лагерю контрреволюции, хотя отдельные ее группы по разному рода конъюнктурным соображениям иногда принимали ограниченное участие в антиимпериалистическом движении, особенно когда оно своим главным острием направлялось против одной какой-либо империалистической державы (например, против Англии в период «движения 30 мая» 1925 г.). Что касается национальной буржуазии, то она в 20-е годы была активным участником и гегемоном революции.

Столь же распространенной в советской и китайской историографии является констатация абсолютной и относительной слабости национальной буржуазии, причем китайская историография склонна считать ее даже слабее рабочего класса, из чего следует тезис о естественной неизбежности гегемонии пролетариата в китайской революции. Именно из этого ошибочного тезиса исходил в своих теоретических построениях Чэнь Ду-сю.

«Общий урок, преподанный нам двадцатью с лишним годами национального движения,— писал Чэнь Ду-сю,— состоит в следующем: из всех классов общества только последний в истории человечества класс— пролетариат — является самым последовательным революционным классом, естественным антагонистом международного капитализма и империализма. Он является главной движущей силой не только социальных революций в капиталистических и империалистических государствах. В национальных революциях, происходящих в государствах, угнетаемых капитализмом и империализмом, он также должен стать гегемоном, оказывая влияние на всех своих соглашательских союзников — крестьянство, ремесленников, революционную интеллигенцию, люмпен-пролетариат (солдат и бандитов) и мелких торговцев — и ведя бескомпромиссное наступление против иностранных империалистов и их прихвостней — отечественных милитаристов, чиновников, богатых торговцев, лешэнь, крупных помещиков и контрреволюционной интеллигенции. Это единственный путь к достижению подлинной цели национальной революции — национального освобождения»⁵.

Из статьи Чэнь Ду-сю вытекало, что буржуазия — ни в целом, ни ее отдельные группы — к числу союзников пролетариата в революции не относится. Показательно, что все крупные «национальные движения», происходившие в Китае с конца XIX в. — движение за реформы, движение ихэтуаней, Синьхайскую революцию и «движение 4 мая» — Чэнь Ду-сю квалифицировал как «мелкобуржуазные национальные движения»⁶. Читатель, таким образом, подводился к мысли, что буржуазия никогда не принимала участия в революционном движении, как не участвует в нем и теперь.

Отметим в этой связи, что КПК была склонна рассматривать и гоминьдан как преимущественно мелкобуржуазную партию. Поскольку по тогдашнему классовому анализу КПК китайское общество выглядело как общество буржуазное, то, естественно, революционная партия не могла быть партией буржуазной. Квалификация всех революционно-демократических группировок Китая, особенно гоминьдана, как мелкобуржуазных по своему характеру, была одной из наиболее характерных политических и теоретических установок в первые годы существования КПК.

Пересмотрев свои прежние представления о движущих силах китайской революции, Чэнь Ду-сю выдвинул тезис, согласно которому лидером национальной революции должен быть пролетариат, так как буржуазия «контрреволюционна по существу». В статье Пэн Шу-чжи эта идея была облечена в печально знаменитую формулу «естественной гегемонии» пролетариата в национальной революции⁷, которая впоследствии была взята на вооружение маоистами. IV съезд партии, однако, существенно скорректировал левачьи теоретические выводы Чэнь Ду-сю и Пэн Шу-чжи.

⁵ «Синь циннянь», 1924, № 4, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 15.

⁷ Там же, стр. 9.

IV съезд КПК проходил нелегально с 14 по 21 января 1925 г. в Шанхае. В работе съезда участвовало 20 делегатов, представлявших около 1000 членов партии. Уполномоченным ИККИ на съезде был Г. Н. Войтинский.

Съезд обсудил проблемы развития национально-освободительного движения на основе опыта работы коммунистов в гоминьдане, роль и задачи рабочего движения, вопросы улучшения организационной работы КПК; подчеркнул взаимосвязь между социальной и национальной задачами борьбы рабочего класса. Первостепенной задачей партии провозглашалось завоевание гегемонии пролетариата в революции.

На съезде были заслушаны доклад представителя Исполкома Коминтерна о положении в мировом коммунистическом движении (Г. Н. Войтинский), доклад Центрального Исполнительного Комитета (Чэнь Ду-сю), сообщение делегата КПК на V конгрессе Коминтерна⁸, а также доклады местных партийных организаций. Съездом было принято одиннадцать резолюций: 1) по докладу делегата КПК на V конгрессе Коминтерна, 2) по докладу представителя ИККИ, 3) по отчетному докладу ЦК, 4) о позиции Троцкого, 5) о национально-революционном движении, 6) о профсоюзном движении, 7) о крестьянском движении, 8) о движении молодежи, 9) о женском движении, 10) об агитационно-пропагандистской работе, 11) по организационным вопросам; съезд также внес изменения в Устав КПК и одобрил декларацию IV съезда и заявление в связи с первой годовщиной со дня смерти В. И. Ленина⁹.

В резолюции по отчетному докладу ЦК съезд расценил текущий момент как «период ускоряющегося политического краха милитаристов внутри страны». В другой резолюции съезд прямо констатировал назревание революционной ситуации в Китае: «Сейчас полуколониальный Китай идет к национальной революции»¹⁰. Этот прогноз полностью оправдался.

Съезд признал «в общем удовлетворительной» работу ЦК по руководству деятельностью партии в едином фронте и в гоминьдане. «Эта деятельность дала партии возможность постепенно подойти к практической политической деятельности и привела к созданию такой ситуации, когда наша партия может стать во главе национального движения в Китае»¹¹. Это заявление содержало, однако, глубокое внутреннее противоречие.

С одной стороны, тактика вступления в гоминьдан справедливо признавалась оправдавшей себя и весьма полезной для партии. В резолюции о национально-революционном движении отмечалось, что после вступления в гоминьдан партия получила «большие возможности для практической работы среди рабочих, крестьян и в армии, а также для легального налаживания антиимпериалистического движения». Однако стремление КПК как можно скорее «стать во главе» национального движения в тогдашней ситуации могло быть расценено как прямой вызов гоминьдану, выступавшему в то время руководителем национальной революции.

Развернутая постановка вопроса о гегемонии пролетариата в национальной революции была самой характерной чертой решения IV съезда.

⁸ Состав делегации КПК на V конгрессе Коминтерна установить пока не удалось. Известно лишь, что в состав делегации входил Ли Да-чжао.

⁹ См. «Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК». Б. м., 1925 (на кит. яз.).

¹⁰ Там же, стр. 16.

¹¹ Там же, стр. 11.

Решительный акцент на гегемонии пролетариата проходит красной нитью через все резолюции съезда. При этом вопрос о гегемонии пролетариата трактовался в решениях съезда не как уже свершившийся факт (в то время даже самые левацкие элементы партии не решались утверждать этого), а как заявка на гегемонию, причем не только в теоретическом плане, но и как практическая политическая установка на ближайшее будущее, как лозунг действия. «Национально-революционное движение в Китае может добиться победы только в том случае, если в нем примет активное участие и займет руководящее положение самый революционный класс — пролетариат», — записал съезд в резолюции о национально-революционном движении¹². Остальные резолюции съезда, особенно резолюция о профессиональном движении, были составлены в плане реализации этой общей политической установки.

Установка IV съезда на завоевание гегемонии пролетариата вытекала не только из анализа классовой структуры китайского общества, сложившегося соотношения классовых сил и наиболее вероятной динамики его последующего развития, но также из глубокого понимания того фундаментального факта, что китайская революция является частью мировой революции, возглавляемой международным пролетариатом, и имеет возможность опереться на помощь первого в мире пролетарского государства. Это последнее обстоятельство многократно умножало силу и влияние китайского рабочего класса и его политической партии в их борьбе за руководство революцией.

В соответствии с основным классовым анализом съезд подходил и к расстановке сил внутри гоминьдана. Сильной стороной решений IV съезда был дифференцированный подход к различным группировкам внутри гоминьдана и выработка соответствующей тактики по отношению к ним. Съезд констатировал, что «после реорганизационного конгресса гоминьдана раскол партии на левое и правое крыло стал фактом». «Левое крыло, — говорилось в решении съезда, — состоит из рабочих, крестьян и прогрессивных элементов интеллигенции. Правое крыло состоит из военных, чиновников, политиканов и капиталистов, которые в сотрудничестве с крупными торговцами-компрадорами и помещиками в Гуандуне угнетают рабочих и крестьян... Группировка центра в гоминьдане состоит из революционных элементов мелкой буржуазии и интеллигенции. Хотя эта группировка элементарно невелика, но она занимает руководящее положение в гоминьдане». Политика партии должна заключаться в решительной борьбе против контрреволюционного правого крыла и изгнании его из партии, критике и преодолении колебаний центра, зачастую тяготеющего к правым, и в расширении влияния левых. Вместе с тем съезд подчеркнул необходимость проведения самостоятельной, независимой от гоминьдана, политики партии, самостоятельной организации рабочих и крестьян во главе с коммунистами. Беспартийных рабочих не рекомендовалось вовлекать в гоминьдан¹³. Другие резолюции конкретизировали эти основные направления политики партии применительно к рабочему, крестьянскому, молодежному и женскому движениям.

Недостатком новой тактики КПК было то, что она могла на практике свестись к установке на превращение гоминьдана из широкой организации национального единого фронта в рабоче-крестьянскую пар-

¹² «Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК». Б. м., 1925, стр. 20. (на кит. яз.).

¹³ Там же, стр. 28—32.

тию, контролируемую коммунистами. Этот внешне весьма привлекательный с «классовой» точки зрения план был, во-первых, неосуществим вследствие тогдашней слабости КПК и рабоче-крестьянского движения, а во-вторых, при попытках его реализации неминуемо вел к разрушению единого фронта в сложившейся к тому времени форме.

Вместе с тем следует признать, что этим решением, пусть неудачным, КПК пыталась найти выход из действительно сложного, глубоко противоречивого положения, связанного с вступлением коммунистов в гоминьдан. Сохранив свою организационную самостоятельность, партия, однако, была не в состоянии вследствие своей слабости обеспечить себе достаточную политическую независимость. Вступление в гоминьдан открыло коммунистам широкий доступ к массам, но они, как правило, имели возможность вести массовую работу не под своим собственным, а под гоминьдановским знаменем. Тем самым коммунисты действовали объективно также и в интересах буржуазии. Последняя же в свою очередь бдительно следила за тем, чтобы коммунисты не преступали пределов дозволенного интересами имущих классов. Коммунистам становилось все более очевидным, что, помогая гоминьдану, они тем самым способствуют не только национальному освобождению Китая, но и приходу к власти буржуазии или буржуазно-помещичьего блока, после чего последние постараются избавиться от опасных и нежелательных союзников. И чем больше нарастала революционная волна в Китае, тем сильнее давал себя знать этот классовый антагонизм. Проблема единого фронта, таким образом, сводилась к тому, чтобы, с одной стороны, свергнуть господство империализма и феодализма, а с другой — чтобы не допустить перехода власти в руки буржуазии. Эта проблема волновала не только китайских коммунистов, но и советских работников в Китае и руководство Коминтерна.

В самом общем теоретическом плане и Коминтерн, и КПК нащупывали пути преодоления этого противоречия. В этой связи большой интерес представляет трактовка IV съездом особенностей китайской революции и ее возможных перспектив. Съезд отметил «две особенности» китайской революции — во-первых, ее антифеодальный и, во-вторых, ее антиимпериалистический характер. «С исторической точки зрения это демократическая революция буржуазного характера; с политической точки зрения — в ней заложены семена социалистической революции»¹⁴. Именно в силу своего антиимпериалистического характера китайская революция рассматривалась съездом как часть мировой пролетарской революции, «начавшейся после Октябрьской революции» и направленной на «свержение мирового капитализма и построение коммунизма»¹⁵. В связи с этим перспектива длительного господства буржуазной демократии в Китае вовсе не считалась неизбежной и не исключалась возможность «после победы национальной революции непосредственно перейти к пролетарской революции»¹⁶. Сложность заключалась в том, что при существовавшем в то время соотношении сил в самом Китае и на международной арене реализовать эту теоретическую возможность было весьма затруднительно.

IV съезд не только дал установку на завоевание гегемонии пролетариата, но и наметил конкретные пути к реализации этой великой цели: собирание сил и организация рабочего класса, привлечение на сторону пролетариата крестьянства и других промежуточных слоев.

¹⁴ «Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК». Б. м., 1925, стр. 26 (на кит. яз.).

¹⁵ Там же, стр. 27.

¹⁶ Там же.

В обширной и наиболее детально разработанной резолюции о профсоюзном движении съезд объективно оценивал слабость тогдашних позиций партии среди рабочего класса: «Коммунистическая партия еще не имеет влияния среди широких масс трудящихся и не занимает руководящего положения в профсоюзном движении». В профдвижении «до сих пор наша работа часто сводилась лишь к техническим вопросам, к простой деятельности профсоюзных секретарей... КПК еще не создала своего организационного костяка среди рабочих... В области организации профсоюзов достигнуты очень незначительные успехи»¹⁷. В резолюции по агитационно-пропагандистской работе также отмечалось, что «наша партия в прошлом слишком большое значение придавала формальной организационной работе в профсоюзном движении, партийная пропаганда и классовое воспитание не доходили до рабочих масс; поэтому база партии была непрочной и не могла противостоять репрессиям ... база нашей партии в профсоюзном движении была на местах крайне слабой»¹⁸.

В связи с этим съезд поставил задачу активного внедрения партии в рабочие массы («максимально приблизиться к массам»), широкого вовлечения рабочих в партию, завоевания прочного руководства в профдвижении, создания действительно жизнеспособных профсоюзов, которые «имеют глубокие корни и прочную опору в массах... и не развалятся под напором реакции, как это бывало прежде»¹⁹.

Это решение не осталось на бумаге и сыграло большую роль в приближении партии к пролетарским массам, используя всевозможные средства, в том числе аппарат гоминьдана. «Мы должны найти любой способ включиться в работу рабочего отдела ЦИК гоминьдана,— говорилось в резолюции,— дабы воспользоваться этим для преобразования гоминьдановских профсоюзов в боевые профсоюзы рабочего класса и создать единое профсоюзное движение»²⁰.

IV съезд КПК впервые принял развернутую резолюцию по крестьянскому движению. Принятие такой резолюции стало возможным лишь на основе обобщения опыта крестьянского движения в Гуандуне²¹. Съезд подтвердил резолюцию майского Пленума ЦК КПК (1924 г.) по крестьянскому вопросу, дополнив ее рядом новых положений. Было подчеркнуто, что крестьянский вопрос в Китае «особенно важен» и что без вовлечения крестьянства в активную революционную борьбу под руководством пролетариата «мы не можем надеяться на успех китайской революции и на то, чтобы занять ведущее место в национальном движении»²². Таким образом, съезд сделал значительный шаг вперед, связав перспективы победы революции и гегемонии пролетариата в ней с руководством рабочего класса крестьянством.

На данном этапе крестьянского движения съезд считал необходимым развернуть борьбу прежде всего против крупных помещиков, деревенских мироедов (тухао и лешэнь). В соответствии с этим в резолюции были сформулированы основные лозунги крестьянского движения: организация и вооружение крестьян путем создания под руководством коммунистов крестьянских союзов, союзов арендаторов и батраков,

¹⁷ «Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК». Б. м., 1925, стр. 42, 47—49 (на кит. яз.).

¹⁸ Там же, стр. 49—50.

¹⁹ Там же, стр. 89.

²⁰ Там же, стр. 59.

²¹ Подробно об этом см.: Л. П. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921—1928). М., 1972, стр. 123—134.

²² «Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК». Б. м., 1925, стр. 60—61 (на кит. яз.).

крестьянской «армии самообороны»; снижение налогов, арендной платы, борьбы с ростовщичеством, требование «раздела чиновничьих земель между беднейшими крестьянами»²³. Вместе с тем, учитывая опыт прежних неудач и поражений, съезд предупредил об опасности забегания вперед, выдвижения в крестьянском (как и рабочем) движении «чрезмерных», «завышенных», «преждевременных» требований, которые могут поставить пока еще слабые массовые организации под угрозу разгрома²⁴. Так же как и другие решения съезда, резолюция по крестьянскому движению нацеливала партию на завоевание масс.

В резолюции о молодежном движении вновь подтверждалось, что «комсомол должен абсолютно подчиняться партийному руководству». Но съезд был вынужден признать, что прежние решения об отношениях между партией и ССМК «так и не были осуществлены на практике, и ССМК по-прежнему продолжает напоминать вторую партию». Во многих случаях в рабочем движении, и особенно в работе среди крестьян, члены ССМК «подменяют партию». «Причины,— отмечалось в резолюции съезда о движении молодежи,— заключаются в факте, что союз молодежи до сих пор не понял своих обязанностей, природу своей организации. Многие члены союза молодежи переросли молодежный возраст, и нет никакой разницы между работой, проводимой партией и союзом. Среди рабочих союз организует рабочих вообще. Студенческое движение используется только для политического массового движения. Среди крестьян проводит ту же работу, какую постоянно проводит компартия. Такая ситуация не только тормозит развитие молодежного движения, но и чревата опасностью раскола коммунистического движения»²⁵. Съезд отметил также слабости молодежного движения: в работе среди молодых рабочих «не было каких-либо успехов»; работа среди молодых крестьян «пока ограничивается обследованием и пропагандой», наблюдалось «отсутствие прогресса в студенческом движении»²⁶. Наметив ряд мер для усиления партийного руководства молодежным движением, съезд ориентировал ССМК на завоевание широких масс рабочей и крестьянской молодежи, на орабочивание комсомола. «Максимальное привлечение молодых рабочих в ССМ — такова важнейшая обязанность ССМ»²⁷.

В области внутривнутрипартийной жизни съезд признал «важнейшим вопросом существования и развития нашей партии» организационный вопрос, без решения которого партия «не сможет перейти от мелких пропагандистских кружков к агитационной работе среди широкой рабочей-крестьянской массы и среди революционных масс вообще»²⁸. Чтобы изжить «слабость партии», съезд постановил «расширять ряды партии, осуществлять принцип демократического централизма, укреплять партийную дисциплину»²⁹. Принцип демократического централизма был впервые упомянут в официальном документе КПК. «В целях увеличения численности партии» съезд постановил обратить главное внимание на вовлечение в партию промышленных рабочих в основных пролетарских центрах страны, расширить сеть парторганизаций, в том числе «в таких промышленных районах и крупных городах, где еще нет наших

²³ «Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК», Б. м., 1925, стр. 67—69.

²⁴ Там же, стр. 65.

²⁵ Там же, стр. 72—73.

²⁶ Там же, стр. 74—77.

²⁷ Там же, стр. 76.

²⁸ Там же, стр. 95.

²⁹ Там же, стр. 96.

организаций, например в провинциях Северо-Западного Китая, в Хэнане, Чунцине, Цзюцзяне, Уху, Фучжоу и др.»³⁰. Парторганизации должны были строиться в промышленных районах по производственному признаку. Снимались прежние ограничения на пути приема в партию промышленных рабочих (прохождение длительного стажа в профсоюзных «десятках» или в ССМК), снижалось с 5 до 3 человек число членов партии, необходимых для создания первичной партийки. Соответствующие изменения были внесены и в устав партии³¹.

Съезд уделил особое внимание укреплению «теоретической базы» партии, которая прежде часто оказывалась «непрочной». Для этого съезд предложил в первую очередь повысить уровень теоретического органа ЦК КПК журнала «Синь циньянь», «с тем чтобы он стал систематическим популяризатором многочисленных проблем теории и практики марксизма-ленинизма». Издательской комиссии ЦК было предложено наладить широкое издание и перевод брошюр по проблемам ленинизма, политики Коминтерна, марксистской политэкономии и другим вопросам теории³². В специальном обращении в связи с первой годовщиной со дня смерти В. И. Ленина съезд призвал рабочих, крестьян, все угнетенные массы Китая «изучать ленинизм, осуществлять ленинизм, ибо ленинизм — это наше единственное оружие в борьбе за собственное освобождение»³³.

В резолюции о позиции Троцкого съезд записал, что «позиция Троцкого, нашедшая свое отражение в его последних выступлениях, направлена против большевистского ЦК РКП(б) и III Интернационала и фактически может быть использована врагами мирового коммунистического движения. Съезд КПК целиком согласен с трактовкой троцкизма, данной руководителями РКП(б), как с одним из течений оппортунизма... Съезд шлет свои поздравления Коминтерну и ленинскому ЦК РКП(б)»³⁴.

Таким образом, в условиях назревающей революционной ситуации IV съезд КПК принял решения, нацеленные на превращение КПК в массовую, охватывавшую своим влиянием всю страну, политическую партию пролетариата. Заслуга IV съезда КПК состояла в том, что он сумел тесно увязать антиимпериалистическую программу единого национального фронта, принятую I съездом гоминьдана, с задачами классовой борьбы пролетариата и крестьянства, решительно и открыто подчеркнул, что без выдвижения классовых лозунгов и развертывания классовой борьбы в интересах трудящихся невозможно обеспечить

³⁰ Там же, стр. 97.

³¹ Там же, стр. 97—98.

³² Там же, стр. 22.

³³ Там же, стр. 126. «Обращение» было опубликовано в специальном ленинском номере журнала «Сяндао» (1925, № 99) и в ленинском номере журнала «Синь циньянь» (1925, № 1). В том же номере «Сяндао» были помещены статьи Чэнь Ду-сю «Ленин и Китай», Ши Фу «Угнетенные народы колоний должны помнить Ленина», Г. Н. Войтинского «Ленин бессмертен» и др. Ленинский номер журнала «Синь циньянь» поместил редакционную статью «Первая годовщина со дня смерти Ленина», работы В. И. Ленина «К истории вопроса о диктатуре», «Третий Интернационал и его место в истории» (обе в переводе Чжэн Чао-линя), «Положение и задачи социалистического Интернационала» (в переводе Чэнь Цяо-наня), а также статьи Чэнь Ду-сю «Ленинизм и национальное движение в Китае», Цюй Цю-бо «Основы ленинизма», «Ленинизм и троцкизм», Чжэн Чао-линя «Ленин и профдвижение», Се Вэнь-циня «Ленин и крестьянство», Жэнь Би-ши «Ленин и молодежь», Г. Н. Войтинский «Ленин, колониальные народы и империализм». Номер открывался портретом В. И. Ленина и призывами: «Ленин — наше знамя!», «Ленинизм — наше оружие!», «Мировая революция — наша задача!».

³⁴ «Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК». Б. м., 1925, стр. 6—7 (на кит. яз.).

массовую базу национально-освободительного движения и привести революцию к победе. Однако возможность реализации этой насущной задачи значительно снижалась из-за того, что решения съезда истолковывались в левосектантском духе со стороны Чэнь Ду-сю, Пэн Шу-чжи, Чжан Го-тао и других членов ЦК, отрицавших революционность китайской национальной буржуазии.

В состав избранного съездом ЦК вошли девять человек (Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао, Цай Хэ-сэнь, Цюй Цю-бо, Чжан Го-тао, Пэн Шу-чжи, Ли Вэй-хань, Тань Пин-шань, Хуан Дэ-лун) и пять кандидатов (Чжан Тай-лэй, Дэн Пэй, Чжу Дин-тань, Ло Чжан-лун, Ван Хэ-бо). Генеральным секретарем ЦК КПК был вновь избран Чэнь Ду-сю.

Историческое значение IV съезда КПК состоит в том, что в его решениях было найдено удачное сочетание пролетарско-классового подхода к проблемам национально-освободительного движения в Китае с последовательным пролетарским интернационализмом. Руководствуясь решениями съезда, КПК сумела в короткий срок многократно умножить свои ряды, стать массовой пролетарской партией, поднять, организовать и сплотить вокруг себя многомиллионные массы рабочих и крестьян. Под руководством КПК китайский пролетариат сумел стать авангардом, а в ряде случаев и руководителем последующих революционных событий. Принципиальные установки IV съезда на завоевание гегемонии пролетариата, на союз рабочего класса и крестьянства во главе с рабочим классом, на союз с международным коммунистическим и рабочим движением выдержали проверку временем и неоднократно подтверждались в последующих программных документах КПК, в решениях V, VI, и VIII съездов партии.

Несмотря на ряд тяжелых поражений, которые китайский рабочий класс потерпел в прошлом вследствие неблагоприятного соотношения сил, весь исторический опыт китайской революции подтверждает, что именно пролетариат был не только застрельщиком революции, но и наиболее последовательным, решительным и героическим борцом за великие национальные и социальные идеалы китайского народа. Вся история КПК, включая решения ее IV съезда, подтверждает также, что маоизм был и остается течением, развивающимся вне рабочего класса и враждебным ему. Историческую миссию и роль рабочего класса маоизм подменяет мелкобуржуазными, великодержавно-шовинистическими установками, порывая тем самым с пролетарскими, интернационалистскими традициями КПК.

КОММЕНТАРИИ

Народ Вьетнама в борьбе за выполнение Парижского соглашения

С. И. Иваньшин, И. А. Осотов

Подписание в Париже 27 января 1973 г. Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме было расценено мировой прогрессивной общественностью как большая победа вьетнамского народа, победа всех миролюбивых сил, открывшая новые возможности как для развития процесса разрядки международной напряженности, так и прежде всего для дальнейшего продвижения Вьетнама по пути мира, независимости и прогресса. Как отметил в речи на приеме в Кремле 30 января 1973 г. тов. Л. И. Брежнев, «сделан решающий шаг на пути полного восстановления мира на вьетнамской земле. Демократическая Республика Вьетнам возвращается к созидательному труду, она получила возможность сосредоточить свои силы на социалистическом строительстве, возникают новые перспективы в осуществлении завета президента Хо Ши Мина — создании мирного воссоединенного демократического Вьетнама»¹.

Также высоко оценили значение заключенного в Париже соглашения руководители Партии трудящихся Вьетнама и Демократической Республики Вьетнам. Как отмечалось в передовой статье органа ЦК ПТВ — газеты «Нян Зан», посвященной 43-й годовщине Партии трудящихся Вьетнама, с 28 января 1973 г. в истории революционной борьбы вьетнамского народа открылась новая глава, содержанием которой является «усиление социалистического строительства на Севере при одновременном завершении исторических задач национальной народно-демократической революции на Юге»².

События истекших лет подтвердили справедливость указанных оценок и прогнозов. Парижское соглашение действительно стало юридической и политической основой, на которой разворачивается новый, более высокий этап борьбы прогрессивных сил Вьетнама за достижение поставленных ими целей как на Севере, так и на Юге страны. В ходе этой борьбы достигнут ряд немаловажных успехов, созданы предпосылки для еще больших побед в будущем. Вместе с тем жизнь показала, что заложенные в Парижском соглашении позитивные возможности реализуются далеко не автоматически: напротив, их реализация оказывается возможной лишь как результат настойчивой и сложной борьбы Демократической Республики Вьетнам и патриотических сил Южного Вьетнама в лице Национального фронта освобождения и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам за строгое соблюдение условий Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, против попыток сайгонских властей сорвать его выполнение.

***

На Севере Вьетнама истекшие после подписания Парижского соглашения два года были периодом всемерного развертывания мирного строительства, восстановления экономики, подготовки условий для решения важных задач строительства социализма в соответствии с линией, намеченной Партией трудящихся Вьетнама.

Еще в сентябре 1960 г. III съезд Партии трудящихся Вьетнама указал, что в деле развития революции в масштабах всей страны социалистический Северный Вьетнам играет определяющую роль. С тех пор ПТВ последовательно осуществляла курс, направленный на то, чтобы в любых, даже самых трудных условиях продвигать вперед социалистическое строительство на Севере. В суровые годы борьбы против американской агрессии не только не прекращались усилия по поддержанию экономики ДРВ на необходимом уровне, но и — по возможности — предпринимались меры для ее развития. Подчеркивая необходимость всемерно сочетать хозяйственную деятельность с борьбой против империалистической агрессии, Первый секретарь ЦК ПТВ тов. Ле Зуан указывал в одном из выступлений в 1968 г.: «Следует думать о долгосрочном курсе, эффек-

¹ «Правда», 31. I. 1973.

² «Нян Зан», 3. II. 1973.

тивно готовить условия для восстановления и развития более высокими темпами нашей экономики после того, как кончится война»³.

Подписание Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме создало благоприятные условия для дальнейшей активизации социалистического строительства на Севере страны. Перед Партией трудящихся Вьетнама, перед рабочими, крестьянами и народной интеллигенцией ДРВ встала задача достижения максимально высоких темпов хозяйственного строительства в целях обеспечения всестороннего укрепления и быстрого роста социалистического Севера во всех отношениях. Большую разностороннюю помощь в этом оказывают ДРВ Советский Союз, другие страны социалистического содружества.

Характеризуя положение в экономике страны, тов. Ле Зуан говорил на III съезде профсоюзов Вьетнама в феврале 1974 г.: «Если бы не было войны, экономический облик Севера заметно улучшился бы, отнюдь не был бы таким, как сейчас. Война отбросила назад и задержала более чем на десяток лет нашу экономику, слабую в своей основе, успевшую сделать лишь шаг вперед.

Наряду с материальным ущербом, исчисляемым миллиардами донгов, война оставила во многих областях такие пагубные последствия, преодоление которых потребует длительного времени»⁴.

Исходя из условий нового этапа, Партия трудящихся Вьетнама наметила и осуществила с начала 1974 г. ряд крупных мероприятий. Важнейшим из них явилось проведение XXII Пленума ЦК ПТВ (конец 1973 г. — начало 1974 г.), определившего задачи, стоящие перед Северным Вьетнамом на новом этапе.

Выступая на III съезде профсоюзов Вьетнама, тов. Ле Зуан подчеркивал, что для трудящихся ДРВ, в первую очередь рабочего класса, необходимо сейчас «прежде всего четкое понимание, на каком этапе пути к социализму мы находимся; действительно четкое отделение того, что мы уже сделали, от того, что еще не сделано, что необходимо сделать прежде всего и что в будущем»⁵. Проанализировав положение в стране, Центральный Комитет ПТВ указал, что, «твердо стоя на позициях рабочего класса, необходимо продолжать борьбу между двумя путями — социалистическим и капиталистическим»⁶. Основное содержание этой борьбы состоит во всемерном укреплении диктатуры пролетариата, в расширении прав трудового народа — коллективного хозяина страны, в одновременном осуществлении трех революционных процессов — в области производственных отношений, в сфере техники, в сфере идеологии и культуры. Главным из этих трех аспектов революционных преобразований является техническая революция.

Основываясь на решениях III съезда ПТВ и творчески применяя их к нынешним условиям, сложившимся во Вьетнаме, Центральный Комитет ПТВ в решениях своего XXII пленума определяет: «Для преобразования экономики Северного Вьетнама от мелкого к крупномасштабному социалистическому производству, минуя капиталистический этап развития, необходимо твердо следовать линии на социалистическую индустриализацию, которая является центральной задачей переходного периода»⁷. Именно в этом видят вьетнамские товарищи главную сторону диктатуры пролетариата в Северном Вьетнаме на современном этапе, предопределяющую создание материально-технической базы социализма. В то же время как «очень важная сторона» диктатуры пролетариата характеризуется борьба в защиту социализма, за сохранение мира в Северном Вьетнаме — революционной базе для всей страны.

Конкретизируя общие цели развития социалистической революции в Северном Вьетнаме, выдвинутые в решениях XXII пленума ЦК ПТВ, Партия трудящихся Вьетнама указала на те основные задачи, которые необходимо решать в предстоящие годы, чтобы перестроить экономику страны на основе развития крупного социалистического производства, укрепить позиции социализма в Юго-Восточной Азии и еще больше упрочить авторитет ДРВ на мировой арене. «На новом этапе, — говорится в решениях XXII пленума ЦК ПТВ, — общая задача Северного Вьетнама состоит в том, чтобы сплотить весь народ, бороться за сохранение прочного мира, всемерно претворять в жизнь социалистическую индустриализацию, форсировать проведение трех революций, созидавая Северный Вьетнам, идущий ускоренными темпами, могучей и уверенной поступью вперед к социализму; сочетать развитие экономики с укреплением обороноспособности, повышать бдительность, быть готовыми сорвать какие бы то ни было проделки американских империалистов и их марионеток; стремиться до конца выполнить свой долг в отношении революционной борьбы за окончательное достижение в Южном Вьетнаме независимости и демократии, за мирное воссоединение родины; до конца выполнить свой интернациональный долг в отношении революционного движения в Лаосе и Камбодже»⁸.

³ Ле Зуан. Избранные статьи и речи. М., 1971, стр. 128.

⁴ «Нян Зан», 12. II. 1974.

⁵ Там же.

⁶ «Нян Зан», 16. III. 1974.

⁷ Там же.

⁸ «Нян Зан», 22. II. 1974.

Практическая основа для выполнения указанных задач закладывается уже сегодня. Начало их решению положено успешным проведением восстановительных работ в ведущих отраслях народного хозяйства в 1973—1974 гг. Этот период, как указывалось в докладе члена Политбюро ЦК ПТВ Ле Тхань Нги на IV сессии Национального собрания ДРВ в феврале 1974 г., «имел очень большое значение для укрепления экономического и оборонного потенциала, укрепления социализма в Северном Вьетнаме, который является тылом борьбы за независимость и демократию в Южном Вьетнаме, на пути к мирному объединению родины»⁹.

В течение 1973—1974 гг. восстановлено движение на основных железнодорожных магистралях страны, отремонтированы и сданы в эксплуатацию все крупные мосты на шоссе и железных дорогах, в годы войны, как известно, бывшие одними из главных объектов, подвергавшихся бомбардировкам. Очищены от мин пути во вьетнамские порты.

Особого напряжения сил потребовало возвращение на основные базы рассредоточенных во время войны по джунглям промышленных предприятий и отдельных цехов и бригад. И рабочий класс Вьетнама справился с этой задачей. В 1974 г. общая стоимость промышленной продукции, включая ремесленное производство, на 4% превысила план и на 15% увеличилась по сравнению с 1973 г.

Говоря о развитии промышленности страны за два мирных года, следует, прежде всего, указать на успехи, достигнутые энергетиками ДРВ. Дают ток все разрушенные в годы войны тепловые электростанции, возобновила работу построенная с помощью Советского Союза крупнейшая в Индокитае ГЭС Тхакба. Количество электроэнергии, выработанной в ДРВ в 1974 г., на 66% превышает максимальный довоенный показатель, достигнутый в 1965 г.¹⁰

Несмотря на стихийные бедствия, обрушившиеся в 1973—1974 гг. на основные производящие районы страны, кооперированное крестьянство делает все, чтобы быстрее снабжать продовольствием трудящихся Северного Вьетнама и оказывать помощь своим соотечественникам в освобожденных районах Южного Вьетнама.

Залечивание ран войны в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве сочеталось с мероприятиями, проводимыми партией и правительством в области улучшения условий жизни трудящихся. За первые мирные месяцы в ДРВ была отремонтирована значительная часть поврежденных бомбардировками жилых домов. Построено 60 тыс. кв. м жилой площади в домах капитального типа, а также 400 тыс. кв. м временных жилых помещений. «Хотя это первые успехи, — говорил Первый секретарь ЦК ПТВ тов. Ле Зуан, — но они еще раз подтверждают жизненную силу нашего строя, ясно показывают твердую волю рабочего класса и трудящихся Севера, вступающих в новый этап революции, и одновременно свидетельствуют о правильности курса нашей партии»¹¹.

Руководствуясь решениями XXII пленума ЦК ПТВ и учитывая производственные итоги 1973 г., IV сессия Национального собрания ДРВ утвердила план восстановления и развития народного хозяйства на 1974—1975 гг.

Эти два года представляют собой период напряженной борьбы трудящихся ДРВ за осуществление трех основных задач:

«Мобилизация трудовых ресурсов общества на созидательный труд, использование всех потенциальных возможностей экономики, расширение производства и осуществление режима экономии, доведение общественного производства в каждой отрасли и на каждом предприятии до самого высокого ранее достигнутого уровня 1965 г. или 1971 г. либо его превышение.

Укрепление и развитие социалистических производственных отношений как в государственном, так и в кооперативном секторах, преодоление отрицательных явлений в экономике и обществе.

Улучшение руководящей и управленческой работы, внесение корректив в управление экономикой как в центре, так и на местах»¹².

Особенностью рассматриваемой программы является то, что параллельно осуществляются восстановление и развитие народного хозяйства страны. Причем известный приоритет отдается именно развитию экономики. В частности, капиталовложения, инвестируемые в развитие производства, повсеместно превосходят (в ряде случаев вдвое) вложения на восстановительные работы¹³. Это делается в интересах ускорения темпов развития экономики и в конечном счете для того, чтобы создать надлежащие условия и основу для развития всего народного хозяйства в последующие годы, прежде всего для подготовки к выполнению второго пятилетнего плана (1976—1980 гг.). Успешное

⁹ Ле Тхань Нги. Задачи и направления восстановления и развития экономики в 1974—1975 гг. и государственный план на 1974 г. Ханой, 1974, стр. 5.

¹⁰ «Нян Зан», 24. XII. 1974.

¹¹ «Нян Зан», 12. II. 1974.

¹² Ле Тхань Нги. Цит. соч., стр. 24—25.

¹³ «Нян Зан», 22. II. 1974.

претворение в жизнь плана на 1974—1975 гг., подчеркнул в своем докладе на IV сессии Национального собрания ДРВ тов. Ле Тхань Нги, «поднимет экономику Северного Вьетнама на новую ступень по сравнению с 1965 г. — годом самого высокого уровня производства в предвоенный период. Совокупный общественный продукт увеличится на 21%, национальный доход — на 14, общая стоимость продукции промышленности и кустарного производства — на 42, общая стоимость сельскохозяйственной продукции — на 16, грузооборот на транспорте — на 81%; основные государственные капиталовложения увеличатся в 2,4 раза, товарооборот в розничной торговле — на 94%»¹⁴.

Намечая конкретные планы развития на ближайшие годы, Партия трудящихся Вьетнама тщательно учитывает реальную обстановку в стране, видит имеющиеся трудности и призывает население ДРВ преодолевать их. «Мы отнюдь не боимся говорить о трудностях, — подчеркивал тов. Ле Зуан. — Напротив, для того чтобы идти вперед, надо видеть все проблемы и задачи, требующие решения. На самом деле, где и когда построение социализма было легким?.. А мы к тому же идем к социализму в действительно особенной обстановке: мы миновали этап капиталистического развития, подверглись агрессии и тяжелым разрушениям, а поэтому трудностей у нас еще больше»¹⁵.

Трудностей и сложностей действительно много, как объективных, вызванных последствиями разрушительной войны, так и субъективных, выражающихся в том, что «во многих местах еще наблюдаются явления безответственности, нарушения демократии, переходящие в ряде случаев в нарушения государственного законодательства и хищения государственной собственности»¹⁶ и т. п.

Серьезное внимание руководство ПТВ уделяет положению, сложившемуся в производственных сельскохозяйственных кооперативах страны. Разработан и широко обсуждается проект нового Устава сельскохозяйственного кооператива, ускорена подготовка кадров для руководства кооперативами и т. д.

Одной из основных задач предстоящего периода Партия трудящихся Вьетнама считает всемерное совершенствование управления экономикой страны. На повестку дня выдвигаются вопросы о развитии специализации и кооперирования предприятий, о расширении ответственности и хозяйственно-производственной инициативы экономических районов и отдельных предприятий, о строгом осуществлении принципа единоначалия и личной ответственности руководителя предприятия и др.

«Нашей главной, ежедневной задачей на Севере в настоящее время является строительство»¹⁷, — подчеркивал тов. Ле Зуан. Практически программа развития страны находит воплощение и в реализации долгосрочных планов освоения окраинных районов, превращения их в новые экономические центры, и в быстром увеличении числа учащихся, студентов и слушателей курсов повышения квалификации, и в улучшении условий жизни населения.

Внешнеполитические организации ДРВ ведут настойчивую и последовательную борьбу за выполнение Парижского соглашения. По инициативе ДРВ летом 1973 г. было подписано четырехстороннее коммюнике о ходе выполнения этого Соглашения. Демократическая Республика Вьетнам решительно поддерживает дипломатическую и политическую борьбу Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, в частности все его предложения, направленные к урегулированию внутривьетнамских проблем Южного Вьетнама.

Ключом к пониманию позиции ДРВ в ее борьбе за претворение в жизнь Парижского соглашения могут быть следующие слова «Белой книги» МИД ДРВ, опубликованной в связи с первой годовщиной подписания Соглашения: «Содержание этого Соглашения отвечает основным национальным интересам вьетнамского народа и основной тенденции нашей эпохи. Оно представляет собой прочную юридическую основу, на которой вьетнамский народ может начать новый этап в своей революционной борьбе, заключающийся в сохранении мира и в таком упрочении его, чтобы он был продолжительным, в построении социализма на Севере, в завершении дела независимости и демократии на Юге, в достижении мирного воссоединения страны и тем самым в содействии делу мира в Индокитае, в Юго-Восточной Азии и во всем мире»¹⁸.

Вьетнамский народ намерен и впредь бороться за строгое выполнение Парижского соглашения, рассматривая его как «юридически обязательный для всех сторон документ, положения которого тесно связаны друг с другом». Как подчеркивается в «Белой книге» МИД ДРВ, «ДРВ и ВРП РЮВ, как и прежде, полны решимости добросовестно выполнять Парижское соглашение по Вьетнаму и требуют того же от Соединенных Штатов и сайгонской администрации»¹⁹.

¹⁴ Ле Тхань Нги. Цит. соч., стр. 76—77.

¹⁵ «Нян Зан», 12. II. 1974.

¹⁶ Ле Тхань Нги. Цит. соч., стр. 19.

¹⁷ «Нян Зан», 12. II. 1974.

¹⁸ «Новое время», 1974, № 6, стр. 10.

¹⁹ Там же.

Дипломатическая деятельность ДРВ за минувшие два года — это неотъемлемая составная часть мирного наступления, осуществляемого ПТВ и всем вьетнамским народом на новом этапе революции в целях осуществления основных национальных чаяний.

«Именно теперь, когда на Севере восстановлен мир, мы всемерно используем это условие, чтобы расширять строительство, а это мы делаем для укрепления экономического и оборонного потенциала, чтобы, имея достаточно сил для сохранения мира, заставить противника серьезно и полностью выполнять Парижское соглашение, к чему искренне стремится народ всей нашей страны»²⁰, — заявил тов. Ле Зуан. В этом смысле всей деятельности ПТВ внутри страны и на международной арене, всех усилий трудящихся ДРВ за истекшие после подписания Парижского соглашения годы, в этом глубокий смысл планов, намеченных партией, за осуществление которых сейчас идет упорная борьба в цехах заводов, на стройках, на рисовых полях, в учебных заведениях Демократической Республики Вьетнам.

* * *

С подписанием Парижского соглашения открылся новый этап освободительной борьбы вьетнамского народа на Юге страны. Вывод американских войск из Южного Вьетнама, зафиксированные в Парижском соглашении обязательства его участников, в том числе Сайгона, о прекращении военных действий, восстановлении демократических свобод и ряд других положений этого документа создали более благоприятные, чем когда-либо прежде, условия для завершения национально-демократической революции на Юге Вьетнама и подготовки к его мирному воссоединению с Севером. Главной практической задачей патриотов Южного Вьетнама стало поэтому закрепление и развитие достигнутых завоеваний, прежде всего защита и укрепление контролируемой ВРП РЮВ зоны, обеспечение неукоснительного выполнения условий Парижского соглашения всеми его участниками.

За два года, истекшие с момента подписания Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, международное и внутреннее положение ВРП РЮВ значительно укрепилось. Авторитет и роль этого правительства, выступающего как подлинный представитель народа Южного Вьетнама, непрерывно возрастали. Значительно расширился круг государств, с которыми РЮВ имеет дипломатические отношения. К началу 1975 г. таких государств насчитывалось уже более 40. Все более активными и широкими становятся связи ВРП РЮВ с национальными и международными государственными и общественными организациями. Важной дипломатической акцией, способствовавшей дальнейшему росту международного авторитета Республики Южный Вьетнам, явились официальные визиты в 1973 г. делегации РЮВ во главе с председателем Президиума ЦК НФОЮВ, председателем Консультативного совета РЮВ доктором Нгуен Хыу Тхо в СССР, другие социалистические страны, в ряд неприсоединившихся государств Азии и Африки, а также в некоторые западноевропейские страны.

Параллельно с упрочением международных позиций ВРП РЮВ укрепляются и его позиции в самом Южном Вьетнаме, растет его авторитет среди населения, в том числе в районах, контролируемых сайгонской администрацией. Справедливая и разумная политика народной власти, отвечающая чаяниям всего южновьетнамского населения, завоевывает на сторону ВРП РЮВ все более широкие слои не только трудящихся южновьетнамских городов, но и средних классов, представителей национальной буржуазии, интеллигенции, чиновников сайгонской администрации и военнослужащих сайгонской армии.

Важной задачей вьетнамских патриотов, которую они решали, опираясь на помощь и поддержку стран социалистического содружества и всех прогрессивных сил мира, стало всемерное укрепление освобожденных от власти сайгонской администрации районов, которые по данным ВРП РЮВ, составляют около 1/3 территории Южного Вьетнама. Преодолевая значительные трудности, связанные как с последствиями длительной войны, так и с продолжающимися вооруженными провокациями со стороны Сайгона, население освобожденных районов под руководством ВРП РЮВ развернуло работу по восстановлению и развитию народного хозяйства, повышению жизненного уровня трудящихся. За истекшие два года был достигнут значительный прогресс в восстановлении и подъеме сельскохозяйственного и промышленного производства, налаживании работы транспорта, в дальнейшем развитии сети культурных и медицинских учреждений в зоне, контролируемой ВРП РЮВ.

Одновременно продолжалась и усиливалась борьба населения контролируемых Сайгоном районов против антинародной политики сайгонской администрации, за выполнение Парижского соглашения. Основными лозунгами, под которыми развертыва-

²⁰ «Нян Зан», 12. II. 1974.

лась эта борьба, наряду с требованиями улучшения экономического положения населения были лозунги мира, демократии, независимости и национального согласия.

Особую широту и размах движение под этими лозунгами приобрело начиная с августа 1974 г. В Сайгоне и большинстве других городов Южного Вьетнама развернулись массовые демонстрации с участием представителей различных социальных слоев населения, политических и религиозных групп. Издавна находившиеся в оппозиции к режиму, но на протяжении ряда лет открыто не выступавшие руководители влиятельной во Вьетнаме буддистской церкви (религиозно-политическая группировка «пагоды Ан Куанг» и другие) возглавили ряд крупных манифестаций, в ходе которых были выдвинуты требования осуществить национальное примирение, прекратить братоубийственную войну, нормализовать отношения с Северным Вьетнамом. Во многих случаях к буддистам присоединялись католики, ранее воздерживавшиеся от участия в политической борьбе или же выступавшие с проправительственных позиций. Развернулась широкая кампания протеста против подавления сайгонским режимом свободы печати, в которую оказались вовлеченными журналисты, издатели и работники редакций большинства сайгонских газет.

Оппозиционное движение в южновьетнамских городах, находящихся под контролем сайгонских властей, стало приобретать в последнее время все более организованный характер. Представители населения католического вероисповедания создали так называемое «Народное движение против коррупции», выступившее с обвинениями в продажности и злоупотреблениях по адресу чиновников сайгонской администрации и, прежде всего, самого «президента» Нгуен Ван Тхиеу. В сентябре 1974 г. лидеры буддистской церкви создали политическую организацию «Силы национального примирения» (СНП) во главе с сенатором Ву Ван Мау и руководителем пагоды Ан Куанг священником Тхить Чи Куангом. Программа СНП предусматривает прекращение войны в Южном Вьетнаме, налаживание сотрудничества и взаимопонимания между всеми слоями народа, ликвидацию всех форм диктатуры и установление подлинной демократии, содействие мирному объединению вьетнамской нации. «Силы национального примирения» солидаризировались с движением против коррупции, что создало основу для образования единого фронта буддистов и католиков в борьбе против диктаторского режима Тхиеу.

В сайгонском парламенте впервые за всю историю его существования стали открыто критиковаться правительство и лично Тхиеу, их социальная и экономическая политика, а также их отказ выполнять Парижское соглашение.

Ширяющееся оппозиционное движение, наряду с недовольством населения сайгонской зоны растущими экономическими трудностями, полицейским произволом властей, продолжающимися военными действиями, все более подрывают и без того непрочные позиции реакционных правителей Сайгона. Газета «Нью-Йорк таймс» еще в июле 1974 г. в статье под заголовком «После достижения соглашения о перемирии политическая власть Тхиеу пошатнулась» писала по этому поводу: «18 мучительных месяцев, прошедших после подписания Парижского соглашения о мире, подорвали господствующее положение президента Нгуен Ван Тхиеу на политической арене Южного Вьетнама». Среди причин этого газета называла «развал внутренней экономики; войну, ведущую к истощению; появившееся в последнее время сильное недовольство народа, вызванное главным образом коррупцией среди чиновников»²¹. События последних месяцев, в частности значительная активизация оппозиционных сил в городах Южного Вьетнама, подтвердили правильность этого вывода, наглядно показали, что правящая военно-бюрократическая верхушка в Сайгоне во главе с Тхиеу оказалась в полной изоляции даже в тех районах Южного Вьетнама, которые она пока контролирует. Сайгонский режим, проводящий антинародную политику войны и репрессий, переживает глубокий политический кризис.

Одним из источников недовольства населения сайгонским режимом являются серьезные экономические трудности, с которыми сталкиваются контролируемые Сайгоном районы. В 1974 г. в них насчитывалось более 1 млн. безработных. Ощущается все более острая нехватка продовольствия, значительная часть населения живет в условиях нищеты и голода. Бюджетные расходы на 1974 г. распределялись следующим образом: 48% — на военные нужды, 6 — на «поддержание внутреннего порядка», 7 — на нужды промышленности, 5 — на сельское хозяйство. Естественно, что при таком колоссальном военном бюджете огромных размеров достигает инфляция, стремительно растут цены. Так, цены на товары первой необходимости в Сайгоне, согласно официальным данным, возросли в 1973 г. на 65%, а за первые 10 месяцев 1974 г. — на 38%.

Перед лицом нарастающего внутреннего кризиса сайгонское правительство усиливает политику репрессий в контролируемой им зоне. В нарушение Парижского соглашения сайгонские власти продолжают держать в тюрьмах и концлагерях 200 тыс. политзаключенных. Как указывалось в заявлении МИД РЮВ от 4 октября 1974 г., до 1 октября сайгонская администрация передала ВРП РЮВ всего около 2% от общего

²¹ "New York Times", 28. VII. 1974.

числа политических заключенных. Уже после подписания Парижского соглашения сайгонское правительство дополнительно заточило в тюрьмы 50 тыс. человек²².

Одновременно Сайгон наращивает активность военных действий против зоны, контролируемой ВРП РЮВ. Сайгонские власти рассчитывают при этом, что в условиях продолжения войны и сохранения военно-полицейского режима им удастся продлить свое существование и задержать процесс укрепления позиций ВРП РЮВ. На протяжении истекших двух лет политика сайгонских властей была направлена на ликвидацию завоеваний патриотов, получивших закрепление в Парижском соглашении, на срыв предусмотренных этим Соглашением политических мероприятий, имеющих целью установление в Южном Вьетнаме мира и национального согласия. Иными словами, политика Сайгона была и остается политикой саботажа подписанного в Париже Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

На контролируемой сайгонским правительством территории сохраняется военное положение. Значительная часть населения в той или иной форме вовлечена в различные военные или полувоспитные формирования. Всего под ружьем в сайгонской зоне находится более 1100 тыс. человек, не считая 200 тыс. полицейских. При помощи США сайгонский режим непрерывно укрепляет свою армию, оснащая ее современной боевой техникой. С начала 1973 г. до середины 1974 г. США поставили в Южный Вьетнам более миллиона тонн боеприпасов, 1100 танков и бронемашин, 800 артиллерийских орудий, 700 самолетов и вертолетов, более 200 военных судов.

Огромная армия сайгонского режима содержится отнюдь не в оборонительных целях, как это пытаются представить сайгонские руководители и их покровители в США. Эта армия постоянно используется в операциях по «умиротворению» и по захвату территории, находящейся под контролем ВРП РЮВ. При помощи этих операций сайгонские власти пытаются ослабить базу освободительной борьбы патриотов, обескровить их вооруженные силы, расширить свою зону контроля, в особенности за счет ликвидации вкрапленных в нее освободительных районов (так называемая «шкура леопарда»). По данным печати ДРВ и РЮВ, сайгонская администрация в среднем проводила в истекший период более 3 тыс. операций по «умиротворению» и захвату территории в неделю. Среди них было немало операций крупного масштаба с участием нескольких дивизий («операция повторного захвата» Ле Минь в феврале 1974 г., «операция Куанг Чунг» в феврале и мае в районе Бенкат, провинция Тхудаумот, и др.). Наряду с операциями по «умиротворению» и захвату правительство Тхиену регулярно прибегало к ожесточенным бомбардировкам районов, контролируемых Временным революционным правительством Республики Южный Вьетнам.

Под предлогом «борьбы с коммунистами» сайгонские власти ликвидировали практически все демократические свободы на контролируемой ими территории. Правительственный декрет, изданный в 1973 г., позволяет без суда и следствия заключать в концентрационные лагеря всех заподозренных властями в нелояльности к режиму. Осуществляемая политика террора и репрессий по отношению ко всем инакомыслящим направлена как на искоренение симпатий населения к ВРП РЮВ, так и на то, чтобы всячески затруднить попытки консолидации и организованных выступлений политической оппозиции режиму.

Естественно, что в условиях, когда сайгонский режим проводит подобную политику, оказывается практически невозможным реализовать целый ряд важных положений Парижского соглашения, предусматривающих достижение политического урегулирования в Южном Вьетнаме на основе национального примирения и согласия. Это — результат сознательного саботажа Парижского соглашения Сайгоном, который видит в нем угрозу своему бесконтрольному хозяйничанью на части территории Южного Вьетнама.

Перед лицом открытого саботажа Парижского соглашения сайгонскими властями ВРП РЮВ в истекшие два года последовательно и настойчиво боролось за строгое соблюдение этого международного акта. Неоднократно — 25 апреля, 28 июня, 18 июля 1973 г., 22 марта 1974 г. — Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам при полной поддержке и одобрении правительства ДРВ выступало с конкретными и четкими предложениями, осуществление которых обеспечило бы действительное прекращение огня, восстановление демократических свобод, создание реальных условий для формирования в соответствии с Парижским соглашением Национального совета национального примирения и согласия и последующего проведения выборов в Южном Вьетнаме. Этими предложениями и руководствовались делегация ВРП РЮВ на двусторонних консультациях с представителями Сайгона в Париже, а также представитель правительства ДРВ Ле Дык Тхо во время переговоров с государственным секретарем США Г. Киссинджером (декабрь 1973 г.). К сожалению, последовательная, ясная и конструктивная позиция ДРВ и РЮВ в вопросе о выполнении Парижского соглашения не встретила отклика другой стороны.

8 октября 1974 г. Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам выступило с важным заявлением о положении в Южном Вьетнаме. Отметив,

²² «Нян Зан», 5. X. 1974.

что движение за мир, благосостояние, демократические свободы, национальное примирение и согласие растет и ширится в городах и районах, контролируемых сайгонским правительством, ВРП РЮВ констатировало, что «до тех пор, пока Тхиеу стоит у власти, будут продолжаться война, репрессии, террор, эксплуатация, коррупция, горе, нищета, ненависть и раскол». «Вот почему, — говорится в заявлении, — общее неотложное требование заключается в следующем: свергнуть Тхиеу для того, чтобы сформировать в Сайгоне администрацию, выступающую за мир и национальное согласие, которая будет правильно осуществлять Парижское соглашение по Вьетнаму». ВРП РЮВ заявило о безоговорочной поддержке указанного требования и о своей готовности вести переговоры с новой администрацией, которая была бы сформирована в Сайгоне и выступала за мир, национальное согласие и правильное осуществление Парижского соглашения, для того чтобы быстро добиться разрешения проблем Южного Вьетнама. Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам призвало «все силы без различия политических убеждений и религиозных верований и всех людей независимо от их прошлого, которые искренне стремятся к прекращению войны, установлению мира и достижению национального согласия, объединиться и действовать сообща, чтобы потребовать прекращения военного участия и вмешательства Соединенных Штатов в Южном Вьетнаме, свержения Нгуен Ван Тхиеу и его приспешников и скорейшего формирования в Сайгоне администрации, которая будет серьезно осуществлять Парижское соглашение»²³. Заявление ВРП РЮВ от 8 октября 1974 г. было поддержано правительством ДРВ и нашло широкий отклик во всем мире.

В условиях, когда сайгонская администрация, игнорируя разумные дипломатические инициативы ДРВ и РЮВ, продолжала и наращивала военные действия против контролируемой ВРП РЮВ зоны, патриоты Южного Вьетнама, не ослабляя усилий на политическом и дипломатическом фронтах, решительно встали на защиту своих революционных завоеваний. Нанося ответные удары по сайгонским войскам, обороняя свои позиции и возвращая районы, которые в результате односторонних военных действий сайгонских войск перешли под контроль Сайгона после подписания Парижского соглашения, Народные вооруженные силы освобождения Южного Вьетнама нанесли противнику целый ряд крупных поражений.

* * *

Истекшие со времени подписания Парижского соглашения два года показали, что ныне во Вьетнаме и во всем Индокитае действуют две противоположные тенденции, по существу отражающие на этом участке земного шара общие тенденции, сложившиеся в мире.

Во-первых — тенденция к миру и стабильности. Выразителем этой тенденции является ДРВ — социалистическое государство, чья внутри- и внешнеполитическая деятельность служит еще одним доказательством того, что социализм и мир неотделимы, — а также ВРП РЮВ.

Во-вторых — тенденция к сохранению нестабильности и состояния войны, носителем которой является нынешняя администрация в Сайгоне, само существование которой неразрывно связано с поддержкой и взвинчиванием напряженности. Нет сомнения в том, что в конечном итоге тенденция к миру победит, потому что именно она выражает волю подавляющего большинства вьетнамского народа.

²³ «Нян Зан», 9. X. 1974.

«Критика» У Ханя — манун «культурной революции»

В. Г. Градов

Так называемая теория волнообразного развития общества, провозглашенная маонистами, была, по их замыслу, обоснованием деятельности в области идеологии почти на протяжении всего существования КНР. Суть этой «теории» состоит в том, что общество должно время от времени переживать серьезные потрясения. Ключевая цель специально устраиваемых профилактических встрясок — держать людей в постоянном страхе, подогревать в обществе настроения взаимного недоверия и подозрительности. Волны (иными словами, идеологические кампании, критика негодных маонистам взглядов) с определенным интервалом прокатывались по всему Китаю. Причем слово «критика» в контексте маонистской пропаганды в ходе этих кампаний приобрело отличный от привычного смысл; по сути дела, оно стало синонимом таких слов, как «проработка», «разнос», «чистка».

Еще в 1951 г. когда, казалось, все усиленно необходимо было направить на восстановление разрушенного хозяйства и создание основ социалистического строительства в КНР, по инициативе Мао Цзэ-дуна в общегосударственном масштабе была развернута «критика» кинофильма «Жизнь Сюня». Под видом критики фильма фактически была организована политическая кампания против тех, кто не желал признаться со все растущим культом личности Мао Цзэ-дуна. Точно такая же «критика» последовала через три года: на этот раз объектом ее стал литературовед Ай Цин-бо за свои исследования классического романа «Сон в красном тереме», а затем писатель Ху Фэн, объявленный врагом идей Мао Цзэ-дуна, в противовес коммунистического руководства в литературе. Многие — политическая кампания, завершившаяся репрессиями. Еще более масштабной и жесткой характер приобрела ка-

рательная кампания в 1957 г., известная под названием «борьба против правых буржуазных элементов». Ярлык «правый», как правило, навешивался честным коммунистам, интеллигентам, государственным служащим, вся «вина» которых заключалась лишь в том, что они недостаточно усердно штудировали статьи Мао Цзэ-дуна и открыто высказывали недовольство его «курсом». Жертвами репрессий стали такие авторитетные литераторы, как Фэн Сюэфэн — соратник Лу Синя, старый коммунист; Дин Лин — известная писательница, автор переведенного на многие языки мира романа «Солнце над рекой Сангань»; выдающийся китайский поэт Ай Цин.

Можно сказать, что все политические кампании 50-х годов начинались с «критики» творческой и научной интеллигенции. Это стало обычным методом маонистов, которым широко пользовались и в политической борьбе с инакомыслящими в 60-е годы.

Начало 60-х годов явилось, по признанию самой китайской прессы, периодом «пятой большой переоценки ценностей в литературе и искусстве». В 1964 г., например, объектами «критики» были: Ян Хань-шэн, его пьеса «Смерть Ли Сюэчэна» и сценарий кинофильма «Преобразование Севера в Юг»; писатели Шао Цюань-линь, Кан Чжо, Чжао Шу-ли, Оуян Шань и многие другие. Подверглись разному кинофильмы «Ранней весной» в феврале, «Лавка Линя»; под обстрел топал видный писатель и драматург Ся Янь.

Сегодня, десять лет спустя после этих событий, многое проясняется и становится понятным, обнажается смысл многих событий. На первый взгляд не связанные между собой отдельные явления предстают теперь как этапы одного крупного продуманного мероприятия — кампании по уничтожению инакомыслящих и неслыханных с политической линией, проводимой Мао Цзэ-дуном. Любые антимаоцзэдуновские настроения, в какой бы области и форме они ни проявлялись, рано или поздно неминуемо подвергались и подвергаются выкорчевыванию, лишаются права на жизнь. Все эти кампании, казалось бы различные по содержанию и по объекту критики, едины по цели, преследуемой их инициаторами; держать людей в постоянном напряжении, нагнетать атмосферу культа личности.

После проработочных кампаний 1964 г., казалось, что 1965 г. принесет стране спо-

койствие и порядок. Но это было затишье перед бурей.

В октябре 1965 г. на рабочем совещании Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК Мао Цзэ-дун выступил с требованием развернуть критику пьесы У Ханя «Разжалование Хай Жуй».

Чтобы понять причины и смысл атак маоистов на творческую интеллигенцию Китая, в частности на У Ханя, в первой половине 60-х годов, необходимо вкратце напомнить о политических событиях 1958—1959 гг.

Как известно, Мао Цзэ-дун в 1958 г. навязал партии и народу курс на осуществление политики «трех красных знамен» («генеральная линия», «большой скачок», «народные коммуны»). Китайский народ был дезориентирован авантюристическим лозунгом «три года упорного труда — десять тысяч лет счастья». По всему Китаю началось насаждение так называемой «малой металлургии» в промышленности и народных коммун в сельском хозяйстве. Пагубность нового курса в скором времени дала о себе знать. Промышленность и сельское хозяйство оказались в катастрофическом положении.

Здравомыслящие люди, движимые честными побуждениями, искали пути к преодолению трудностей. Именно в этот момент, в июле — августе 1959 г. на VIII (Лушаньском) Пленуме ЦК КПК против курса Мао Цзэ-дуна резко выступил Пэн Дэ-хуай, министр обороны КНР, член Политбюро ЦК КПК. Его поддерживали видные деятели партии Хуан Кэ-чэн, Чжан Вэнь-тянь, Чжоу Сяо-чжоу и многие другие. В своем письме на имя Мао Цзэ-дуна от 14 июля 1959 г. Пэн Дэ-хуай осудил политический курс Мао Цзэ-дуна как внутри страны, так и на международной арене. Он открыто назвал «большой скачок» и народные коммуны пагубными для Китая, а политику «трех красных знамен» в целом «мелкобуржуазным фанатизмом», «левацкой ошибкой», стремлением «единым махом войти в коммунизм».

Письмо Пэн Дэ-хуая произвело огромное впечатление на участников VIII пленума; однако Мао Цзэ-дуну удалось свалить вину за допущенные ошибки на неких «правых оппортунистов в ЦК» и «правых оппортунистов на провинциальном уровне», — словом, обвинить всех, кроме себя самого, и в первую очередь Пэн Дэ-хуая. В сентябре 1959 г. Пэн Дэ-хуая снимают с поста министра обороны, на его место назначается Линь Бяо. Но, как свидетельствуют факты, воля Пэн Дэ-хуая не была сломлена. В течение ряда лет он настойчиво доказывал свою правоту и несправедливость, допущенную по отношению к нему Мао Цзэ-дуном. Так, на X пленуме ЦК КПК в сентябре 1962 г. он открыто заявил: «Я не буду больше молчать. Я хочу быть Хай Жуйем». В 1967 г., уже во время «культурной революции», он писал: «После Лушаньского пленума со

мною было покончено, как с Хай Жуйем».

Кто же такой Хай Жуй и почему Пэн Дэ-хуай, говоря о своей судьбе, так часто и настойчиво сравнивает себя с ним?

Хай Жуй жил в XVI в. Он был высокопоставленным чиновником в годы правления императора Минской династии Ши-цзуна (1522—1566). История говорит о Хай Жуйе как о защитнике народа, покровителе угнетенных и обиженных. Эти суждения и многочисленные факты, подтверждающие их, сохранили до нашего времени такие источники, как «История династии Мин», «Жизнеописание Хай Жуйя» Ли Чжи и многие другие.

Представление о честном и принципиальном чиновнике Хай Жуйе стало традиционным, обросло народными легендами. Но, пожалуй, еще никогда оно не приобретало столь огромного значения, как после выхода в свет статей и пьесы о нем известного китайского историка и публициста У Ханя, появившихся в печати КНР после Лушаньского пленума.

Трагедия Пэн Дэ-хуая натолкнула У Ханя на мысль обратиться к образу Хай Жуйя. Он знал, что, несмотря на расправу с Пэн Дэ-хуаем, лучшие люди Китая чтят этого мужественного человека, его побоявшегося открыто выступить против Мао Цзэ-дуна. Мысли и чувства людей, сочувствовавших Пэн Дэ-хуаю, и решал высказать У Хань, обратившись к образу исторического героя, в частности в таких работах 1959—1961 гг.: «Хай Жуй», «О Хай Жуйе», «Хай Жуй ругает императора».

Особенно характерна статья «Хай Жуй ругает императора», в которой речь идет о взаимоотношениях императора и его верноподданных. Одной из традиционных форм таких взаимоотношений в Китае было письменное обращение чиновников непосредственно к Сыну Неба. Многие европейцы, кстати говоря, считали это чуть ли не показателем того, что в Китае существовала якобы просвещенная монархия. Разумеется, такие суждения были далеки от истины. У Хань в статье «Хай Жуй ругает императора» показал это в убедительном историческом материале.

Хай Жуй направил императору Ши-цзуну послание, в котором осмелился высказать дерзкие упреки. Он указывал, в частности, что государь запустил дела страны, тратит время на бессмысленные мечтания, чтобы обрести эликсир бессмертия. Хай Жуй обращал внимание императора на то, что в кругу даосских проповедников и алхимиков он совершенно забыл о Поднебесной. «Даос Тао Чжун-вэнь, — пишет Хай Жуй, — был вашим учителем, но и умер, не открыв секрета бессмертия. А вы, если он не смог отгадать, сумеете ли до-

¹ "The Case of Peng Teh-huai, 1959-1968". Hong Kong, 1968, p. 446.

² «Хай Жуй». Пекин, 1962, стр. 219.

«Обиться этого вы, государь?»². Но самый главный упрек в адрес императора заключался в следующих словах Хай Жуя: «Вы стали несправедливы. Только себя считаете правым, не прислушиваетесь к наставлениям. Ваших ошибок слишком много»³.

Хай Жуй знал, что его прямого вызовет глава императора, и, предвидя свою участь, заранее приобрел гроб. И действительно, расстроенный, Ши-цзун повелел немедленно «догнать» и осудить на казнь дерзкого чиновника. Когда же императору доложили, что Хай Жуй вовсе не помышляет о бегстве, Сын Неба был обескуражен и смертный приговор заменил заключением Хай Жуя в тюрьму.

Статья У Ханя «Хай Жуй ругает императора» вызвала большой интерес и многочисленные одобрительные отклики. Она вдохновила известного китайского актера Чжоу Синь-фана написать в соавторстве с Сюй Сы-янем и затем поставить пьесу «Доклад Хай Жуя на высочайшее имя». Появившись в Шанхае, эта пьеса с успехом шла на сценах других театров страны.

Еще большее впечатление на общественность Китая произвела историческая драма У Ханя «Разжалование Хай Жуя», опять-таки посвященная, как об этом говорит ее заголовок, легендарному чиновнику Минской династии.

Драма У Ханя воспроизводит только один период жизни героя: его непродолжительную службу в должности военного губернатора области Ит Тянь. Вступив в эту должность летом 1569 г., Хай Жуй хотел справедливо решить вопрос о земельных владениях крестьян и отторгнуть от земель помещиков участки, которые они захватили у бедняков, дабы вернуть их прежним владельцам. Борьба Хай Жуя за возвращение земли беднякам, тяжелое положение крестьян показаны в драме на примере семьи крестьянки Хун А-лань.

Реформы Хай Жуя и проводимые им мероприятия вызывают недовольство и противодействие местных землевладельцев. Помещикам, самым богатым и влиятельным среди которых является Сюй Цзе, отставивший первый министр минского двора, путем клеветы и подкупов удаётся очернить Хай Жуя в глазах императора и добиться его разжалования. Но губернатор убежден в своей правоте, и до тех пор пока символы губернаторской власти⁴ находятся у него в руках, доводит до конца начатые дела. Хай Жуй казнит сына Сюй Цзе, жестокого притеснителя крестьян Сюй Ина, заставляет помещиков вернуть крестьянам захваченную у них землю. Только после этого он передает знаки пол-

номочия новому губернатору. Драма завершается разжалованием Хай Жуя, но и отстраненный от должности, он преисполнен чувства исполненного долга, непоколебимой веры в свои убеждения.

Драма У Ханя была впервые поставлена в начале 1961 г. в столичном театре Пекинской музыкальной драмы. Не случайно свое сценическое воплощение она получила в этом театральном коллективе: ведь сами актеры театра подали У Ханю идею написать историческую драму о Хай Жуе. Автор так вспоминает об этом в предисловии к пьесе: «В 1959 г. я занимался изучением Хай Жуя, написал несколько посвященных ему статей. Приблизительно в конце этого года (1960. — В. Г.) тов. Ма Лянь-лян из театра музыкальной драмы в Пекине и его друзья нашли меня и изъявили желание поговорить о Хай Жуе. В конце нашей беседы они предложили мне подготовить набросок для будущей пьесы. Я с радостью принял это предложение»⁵. Первоначально свою историческую драму У Хань назвал «Хай Жуй», но после долгих раздумий и желая подчеркнуть главное в своем замысле он дал ей другое название: «Разжалование Хай Жуя». Как свидетельствует сам автор, пьеса имела семь вариантов. Многократная правка говорит о настойчивых поисках воплощения замысла драматурга и его друзей, чтобы зритель уловил связь ее с современностью.

Драматическое произведение У Ханя было с восторгом принято многими писателями Китая, в частности Ляо Мо-ша, который обратился к нему с открытым приветственным письмом. В нем он поздравил У Ханя с дебютом на драматургическом поприще, отмечая, что дебют этот прошел отлично, и призывал У Ханя написать новую историческую драму. Отвечая Ляо Мо-ша, У Хань писал: «Вы говорите, что я, пробив брешь, вышел на новое поприще. Вы попали в самую точку: именно этого я и добивался. Эту брешь нельзя было не пробить»⁶.

Говоря о художественных достоинствах пьесы, следует заметить, что, несомненно, она является произведением незаурядным. Изобилующая острыми конфликтами, неожиданными ситуациями, динамическая и в то же время непринужденная, драма привлекала внимание зрителя с первого до последнего действия. Особенно впечатлял финал драмы, когда Хай Жуй, уже зная о своей отставке, приказывает привести в исполнение свои решения и только после этого оставляет пост. Зритель испытывал удовлетворение, поскольку зло наказано и справедливость восстановлена, и негодовал, видя вопиющую несправедливость, жертвой которой оказался Хай Жуй.

Продолжая тему незаслуженно постра-

² Лю Мянъ-чжи (псевдоним У Ханя. — В. Г.). Хай Жуй ругает императора. — «Ляньминь жибао», 16.VI.1959.

³ В феодальном Китае крупные императорские чиновники имели знаки власти: печать, грамоту.

⁵ У Хань. Разжалование Хай Жуя. Пекин, 1961, стр. 1.

⁶ У Хань. Ученба. Пекин, 1963, стр. 146.

давшего честного чиновника, У Хань тогда же опубликовал статью, посвященную Юй Цяню. Этот чиновник, как и Хай Жуй, был оклеветан по ложному доносу, однако в конце концов реабилитирован и назначен главой военной палаты. Автор явно намекал на то, что со временем будет восстановлено и доброе имя Пэн Дэ-хуая.

В 1962 г. У Хань вновь обратился к образу Хай Жуя. В Пекине вышел подготовленный при его участии сборник в двух томах «Хай Жуй». В него вошли доклады самого Хай Жуя, а также произведения о нем: исторические хроники и свидетельства, стихи, предания. Опираясь на документальную и художественную литературу, У Хань как бы упорядочивает все сведения об этом человеке, реконструирует портрет прославленного чиновника.

Не остались в стороне от решения проблемы честного чиновника и некоторые другие известные писатели и публицисты. Дэн То, например, вслед за У Ханем опубликовал статью «Дело Чэнь Цзяна и Ван Гэна». Тему справедливого чиновника он продолжал разрабатывать и в последующие годы. В 1962 г. появилась статья «В защиту Ли Сань-цая», затем статьи о чиновниках Чжэн Бань-цяо, Ми Вань-чжуне, Ли Шане. Все они были написаны под впечатлением произведений У Ханя «Хай Жуй ругает императора» и «Разжалование Хай Жуя» и объективно продолжали инскапозительный разговор о событиях современности. Не случайно впоследствии Яо Вэнь-юань усмотрел прямую параллель между статьей Дэн То «В защиту Ли Сань-цая» и исторической пьесой У Ханя.

«Разве не ясно, — писал он, — что статья «В защиту Ли Сань-цая» является продолжением «Разжалования Хай Жуя», а сам Ли Сань-цай — вторым разжалованным «кристально чистым Хай Жуюем»?»⁷.

Поставленная впервые на сцене столичного театра Пекинской музыкальной драмы в 1961 г. пьеса У Ханя «Разжалование Хай Жуя» вскоре вошла в репертуар многих других театров страны и везде пользовалась неизменным успехом.

Но если со стороны творческой интеллигенции и большинства зрителей драма встречала единодушный положительный прием, то совсем иное отношение было к ней со стороны Мао Цзэ-дуна и его окружения; подтекст произведения оказался слишком прозрачным. Мао Цзэ-дуну трудно было понять, что, рисуя образ императора, драматург имел в виду именно его, Мао Цзэ-дуна. Поэтому на рабочем совещании Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК в октябре 1965 г. Мао Цзэ-дун категорически потребовал «рас-

критиковать» — иначе говоря, изъять из жизни, — это «крамольное сочинение»⁸.

10 ноября 1965 г. в шанхайской газете «Вэньхуэй бао» была опубликована статья Яо Вэнь-юаня⁹ под заголовком «Критика новой исторической пьесы «Разжалование Хай Жуя». Это был первый удар по У Ханю.

Как стало позже известно из хунвэйбаиновской печати, статья эта была написана по инициативе Мао Цзэ-дуна и при его непосредственном участии. Вскоре после октябрьского рабочего совещания, не чувствуя отклика на свое требование «критиковать» У Ханя, Мао Цзэ-дун лично отправился в Шанхай для подготовки публикации статьи. Уже это обстоятельство может свидетельствовать о том, что «критика» У Ханя рассматривалась Мао Цзэ-дуном как идеологическая операция чрезвычайной важности. Об этом же говорят и широкое масштабы последовавшей за статьей Яо Вэнь-юаня кампании. До сих пор упоминания исторической драмы У Ханя встречаются на страницах маоистской печати.

Однако может показаться странным, что пьеса У Ханя, появившаяся в начале 1961 г., подверглась нападкам Мао Цзэ-дуна лишь в конце 1965 г. Почему же почти 5 лет инициаторы критики молчали? Объясняется это, видимо, расстановкой сил — маоистов и их противников в Политбюро ЦК КПК и других руководящих органах страны. В Политбюро ЦК КПК шла острая политическая борьба, которая характеризовалась переменным успехом противоборствующих сил. Это и объясняет тот факт, что только в октябре 1965 г. Мао Цзэ-дун счел возможным выступить с требованием критиковать «Разжалование Хай Жуя». Однако и тогда Мао Цзэ-дун сомневался в успехе начатого им меро-

⁸ См.: О. Борисов, М. Ильин. Маоистская «культурная революция». — «Вопросы истории», 1973, № 11, стр. 87, 89.

⁹ Интересно, хотя бы вкратце, проследить за восхождением Яо Вэнь-юаня на пекинский «Олимп». Он был активным «обличителем» Ху Фына во время критики последнего в 1954—1955 гг., в кампании 1957 г. против «правых». Как и во многих других случаях, в 1960 г. Яо Вэнь-юань выступил застрельщиком (разумеется, с благословения Мао Цзэ-дуна) проработки «писателей-ревизионистов», опубликовал статью «Критиковать теорию человечности Ба Жэня». В 1963—1964 гг. жертвой Яо Вэнь-юаня, а точнее — людей, по приказу которых он выступал, стал известный китайский литературовед и критик Чжоу Гу-чэн. И наконец, в конце 1965 г. очередь дошла до У Ханя (в то время Яо Вэнь-юань являлся главным редактором центральной шанхайской газеты «Цзэфан жибао»). В «награду» за старания 22 ноября 1966 г. Яо Вэнь-юань был назначен членом Группы по делам «культурной революции». 26 апреля 1969 г. он стал членом Политбюро ЦК КПК.

⁷ Цит. по: «Великая социалистическая культурная революция в Китае». Вып. 1. Пекин, 1966, стр. 88.

иятия, так как был со своими единомышленниками в явном меньшинстве в ЦК КПК. В руководящих органах страны мало кто разделял взгляды Мао Цзэ-дуна на произведение У Ханя, и, «поскольку пропагандистские органы и в Пекине, и в КНР контролировались противниками его политики, Мао был вынужден обратиться с просьбой к партийному комитету Шанхая в конце 1965 г. и к НОАК весной 1966 г., чтобы начать атаки против У Ханя и его могущественных защитников в партии»¹⁰.

«Статья Яо Вэнь-юаня должна была, по мысли ее автора, подготовить общественное мнение в стране, выявить оппозицию единомышленников. Первая установочная статья и все последовавшие за ней материалы негативного характера были практической реализацией тезиса Мао Цзэ-дуна, который он провозгласил в 1962 г. на Пленуме ЦК КПК: «Чтобы свергнуть ту или иную политическую власть, всегда необходимо прежде всего подготовить общественное мнение, сделать работу в области идеологии». В связи с этим следует упомянуть другую, напечатанную в сентябре 1965 г. статью Яо Вэнь-юаня — «Учиться у революционных рассказов»¹¹. Этой статьей, в которой критиковались повести о судебных делах Пэна и «О судебных делах Шин», автор подготавливал почву для своей будущей «Критики новой исторической пьесы «Разжалование Хай Жуйя». Эта статья «Учиться у революционных рассказов» наносила рекошетом удар и по Ханю — автору работ о Хай Жуйе.

Статья Яо Вэнь-юаня «Критика новой исторической пьесы «Разжалование Хай Жуйя» в работах многих авторов¹² рассматривается как определенный рубеж, связанный с так называемой «культурной революцией» в Китае. Такая же точка зрения отражена на страницах 5-томного издания, вышедшего в Гонконге и посвященного бытию «культурной революции»: «Начиная с 10 ноября 1965 г. после «возникновения дела» о пьесе «Разжалование Хай Жуйя» культурная революция стала постепенно и интенсивно распространяться в сфере культурных, научно-исследовательских и учебных заведений»¹³. Сам Мао

Цзэ-дун, отмечая установочный характер статьи Яо Вэнь-юаня, признавался: «Статья тов. Яо Вэнь-юаня, была сигналом к великой пролетарской культурной революции»¹⁴.

Однако сигнал этот поначалу как будто никем не был замечен. И даже после появления статьи Яо Вэнь-юаня в шанхайской газете, «в Пекине ее тем не менее не публиковали в течение 90 дней. В дальнейшем, — вспоминала позже Цзян Цин, — рассерженный этим председатель предложил издать статью в виде брошюры. Однако и после того, как брошюру издали, в Пекине ее не распространяли. В то время меня это крайне удивляло. В самом деле, разве мы не имеем права критиковать какого-то У Ханя? Что в этом особенного? Лишь потом, когда премьер Чжоу Энь-лай пояснил мне, я поняла, что если колнуть У Ханя, то за ним окажется еще целый ряд других»¹⁵. Лицемерные слова Цзян Цин, «главнокомандующего» «культурной революции», как ее иногда называют, едва ли могут убедить кого-либо в том, что она не понимала с самого начала истинных целей атак против У Ханя.

Впрочем, сама пьеса в известной степени была лишь поводом для нападков на ее автора — являвшегося тогда заместителем мэра Пекина. Под словами «целый ряд других» Цзян Цин подразумевала члена Политбюро, секретаря ЦК КПК Пэн Чжэня, являвшегося также первым секретарем Пекинского горкома КПК и одного из секретарей горкома Дэн То и других, не разделявших взгляды маоистов. Именно к ним и «подбирался» Мао Цзэ-дун, но делал это осторожно, начиная с самого слабого звена в цепи антимаоистской оппозиции¹⁶. Во имя осуществления этого замысла была мобилирована вся находившаяся в распоряжении группы Мао Цзэ-дуна пропагандистская машина, обрушившаяся сначала на У Ханя, затем на Тянь Ханя, Дэн То и многих других.

Таким образом, критики У Ханя преследовали далеко идущие цели. Однако какими методами и средствами «критиковали» У Ханя в своей статье Яо Вэнь-юань?

Прежде всего он обвинил драматурга в том, что ответы на вопросы, поставленные в произведении, якобы носят «реакционный характер» и «вредят строительству социализма в Китае». Как уже говорилось, Хай Жуй в пьесе заставляет помещиков вернуть крестьянам силой отнятую у них землю. Рассматривая этот факт, Яо Вэнь-юань делает совершенно не обоснованный и алогичный вывод: мол, историческая драма У Ханя — это антисоциалистическое произведение, направленное против партии и ее ЦК. Своей пьесой, продолжал Яо Вэнь-юань, автор ратует за возвращение земли помещикам в современном Китае.

¹⁰ «Asia Quarterly», 1973, № 1, p. 25.

¹¹ Яо Вэнь-юань. Учиться у революционных рассказов. — «Вэнь бао», 1965, № 99.

¹² Например: Л. С. Кю з а д ж а н. Идеологические кампании в КНР. 1949—1966. М., 1970; И. М. Н а д е е в. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. М., 1970; Т о м а с Т в а р д и. Истоки маоизма. — Сб. «Маоизм». Варшава, 1973; К. Э н г е л я. Ересь У Ханя. Его пьеса «Разжалование Хай Жуйя» и ее роль в культурной революции Китая. Торонто, 1971.

¹³ «Материалы великой культурной революции коммунистического Китая». Т. 1. Гонконг, 1967, стр. 8.

¹⁴ «Чжаньван». Гонконг, 1970, № 194.

¹⁵ Там же, № 204.

¹⁶ Там же, № 194.

идет против народных коммун. С его точки зрения, заступаясь за народ, делая для него добрые дела, возвращая крестьянам отнятую помещиками землю, осуществляя полезные реформы, Хай Жуй «проводил реакционные мероприятия, смягчал классовые противоречия, подавлял в крестьянах боевой дух» и вообще «тормозил общественный прогресс». Поэтому, заключал критик, этот чиновник заслуживает осуждения, а не прославления.

Статья Яо Вэнь-юаня может служить образцом маонистской «критики». В ней — полный набор излюбленных приемов маонистской пропаганды: вульгаризаторский подход к проблеме, демагогия, фальсификация и подтасовывание фактов, выхватывание отдельных цитат из контекста и их произвольное толкование, явное искажение мыслей и высказываний классиков марксизма-ленинизма.

Однако Яо Вэнь-юань объективно оказался прав в одном: У Хань, действительно, не случайно обратился к историческому сюжету, и единственной целью такого экскурса в прошлое было его желание побудить зрителя задуматься о сегодняшнем дне Китая.

Собственно говоря, этого не скрывал и сам драматург. Предназначение исторической драмы, в его понимании состоит не столько в том, чтобы рассказывать современникам о деяниях предков, сколько в том, чтобы высказывать свое отношение к событиям современной действительности, активно вмешиваться в жизнь и воздействовать на нее. У Хань подчеркивал: «Историческая пьеса должна служить современности», для создания ее «нужно выбирать материал, имеющий значение для современности»¹⁷. В статье «Некоторые вопросы относительно исторической пьесы» он пишет: «Будь то историческая книга или пьеса, их исторические герои — не возрожденные трупы. Описывая людей, изображая их на сцене, всегда нужно помнить о той роли, какую они играют для потомков, и делать из их опыта свои выводы. Одним словом, служить не мертвецам, а живым людям и воспринимать боевой опыт и уроки предшественников, чтобы направить их на службу сегодняшнему социалистическому строительству, древность — на службу современности»¹⁸.

Подчеркивая связь между своей драмой и современными событиями, У Хань указывал на идейную нагрузку, которую несет конкретный исторический материал. Он пишет: «История фиксирует опыт и уроки наших предшественников в экономической и классовой борьбе. Мы, современники, должны из их опыта сделать выводы, извлечь все самое ценное, должны сделать выводы из истории за все время — от Конфуция до Сунь Ят-сена»¹⁹.

Для автора исторической драмы, считал У Хань, особенно важно умение, опираясь на конкретный исторический материал, поставить волнующие современность читателя и зрителя вопросы и попытаться ответить на них. При достижении этой цели главным художественным приемом является инсказание. Именно к нему обратился автор драмы «Разжалование Хай Жуя».

После опубликования статьи Яо Вэнь-юаня на страницах китайской печати высказывались мнения и «за» и «против» пьесы «Разжалование Хай Жуя». Однако большинство статей вторило шанхайской «критике». Сам же У Хань критику своей пьесы воспринял, видимо, как очередную дежурную встряску, организованную секретариатом для профилактики, чем из действительно насущной необходимости критиковать. Поэтому, следуя уже сложившейся традиции, У Хань написал и опубликовал «Самокритику»²⁰.

Однако вопреки ожиданиям самого У Ханя его «самокритика» дала лишь новый импульс кампании против него и вызвала новую волну нападков маонистских пасак. Такие проводники идей Мао Цзэ-дуна, как Линь Цзе, Гуань Фэн, Ши Шэбинь, Дай Бу-фань, Ци Бэнь-юй, Ма Цзэминь, написали по несколько статей, в которых, согласно полученным свыше указаниям, «клеячили» и «обличали» У Ханя.

Надо отметить, что еще до того, как критика У Ханя приняла масштабы всекитайской кампании, Мао Цзэ-дун поручил Пэн Чжэню заняться исследованием ошибок, допущенных, по его мнению, автором пьесы «Разжалование Хай Жуя», и представить отчет. Позже Мао Цзэ-дун признавал, что это поручение было проверкой самого Пэн Чжэня²¹. Он преследовал цель расправиться не только с У Ханем, но и выявить всех его единомышленников, расправиться с ними. В ходе подготовки отчета Пэн Чжэнь за период с декабря 1965 по февраль 1966 г. дважды ездил в Шанхай, где в это время находился Мао Цзэ-дун, знакомил его с ходом исследования дела У Ханя и даже выслушал его извинения по поводу того, что дело раздуто зря²². Объясняется это характерной для Мао Цзэ-дуна в тот период тактикой маневрирования.

12 февраля 1966 г. Пэн Чжэнь представил отчет, который назывался «Тезисы доклада Группы пяти по делам культурной революции о нынешней научной дискуссии». Одна из основных установок этих тезисов формулировалась следующим образом: «Дискуссию в печати нельзя огра-

²⁰ У Хань. Самокритика по поводу пьесы «Разжалование Хай Жуя». — «Бэйцзин жибао», 27.XII.1965.

²¹ «China! Inside the People's Republic». N. Y., 1972, p. 76.

²² «Чжаньван». Гонконг, 1970, № 192, стр. 10.

¹⁷ У Хань. Весна. Пекин, 1961, стр. 164.

¹⁸ У Хань. Учеба. Пекин, 1963, стр. 145.

¹⁹ Там же, стр. 133.

начивать политическими вопросами, нужно развернуть широкую дискуссию по всем научно-теоретическим проблемам». Таким образом, наперекор стараниям маонистов ввести критику У Ханя к политическому избирательству в отчете Пэн Чжэня о пьесе «Разжалование Хай Жуя» акцент с политических вопросов переносился на проблемы научно-теоретического характера, и, следовательно, критика пьесы переносилась на рельсы академической дискуссии. Это в корне противоречило планам инициаторов антихунаньской кампании. Однако только в мае 1966 г., то есть три месяца спустя после представления Группой пяти «Тезисов», Мао Цзэ-дун и его единомышленники сочли возможным публично высказать свое принципиальное несогласие с ними. Правда, еще в марте Мао Цзэ-дун, как передал Кан Шэн Пэн Чжэню, критиковал Пекинский горком партии, а по сути дела, — Пэн Чжэня, который был его первым секретарем. «Не отбывает правду от лжи, — говорил он, — поощряет правых, третирует массы, покрывает плохих людей»²³. К последним он в первую очередь относил У Ханя. Таким образом, Мао Цзэ-дун достиг еще одной цели — он выяснил позицию Пэн Чжэня. Подозрения его оправдались: Пэн Чжэнь был единомышленником У Ханя и, как считал Мао Цзэ-дун, разделял взгляды его тогдашних идейных противников. В «Сообщении ЦК КПК» от 16 мая 1966 г. Пэн Чжэню инкриминировалось то, что его тезисы затушевывают острую классовую борьбу, происходящую в настоящее время на культурном и идеологическом фронтах, в особенности цель этой серьезной борьбы — критику в адрес У Ханя». Далее в «Сообщении» говорилось: «Тезисы обходят молчанием неоднократное указание Председателя Мао Цзэ-дуна о том, что самое главное в написанной У Ханем драме «Разжалование Хай Жуя» — это разжалование, эти замазывают серьезный политический характер борьбы»²⁴.

«Сообщение ЦК КПК» хотя и носило установочный характер, но не выражало мнения подавляющего большинства членов Центрального Комитета. Именно поэтому его полный текст был напечатан только год спустя — 17 мая 1967 г. «Тезисы», которыми Пэн Чжэнь хотел смягчить дело У Ханя, продолжали оставаться руководящим документом на местах для партийных, пропагандистских и творческих организаций, их строго придерживались и проводили научную дискуссию.

«Тезисам» группы Пэн Чжэня маонисты противопоставили «Протокол Совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии, созданного товарищем Цзян Цин по поручению товарища

Линь Бяо». В «Протоколе Совещания», проходившего в Шанхае со 2 по 20 февраля, говорилось о «черной линии», под которой подразумевались Пэн Чжэнь, Дэн То, У Хань и др. В нем также отмечалось: «После ликвидации этой черной линии могут появиться новые черные линии и снова нужно будет вести борьбу. Поэтому это тяжелая, сложная и длительная борьба. Она потребует усилий нескольких десятков и даже сотен лет»²⁵.

Как видно из этих заявлений, уже тогда, в 1966 г., наметилась пресловутая теория о периодическом характере «культурных революций», которая была официально зафиксирована в новом Уставе КПК, принятом X съездом в 1973 г. В уставе подчеркивалось, что «культурная революция» «будет проводиться много раз» и что «борьба двух линий», ярчайшим проявлением которой была так называемая «культурная революция», «будет повторяться еще десять, двадцать, тридцать раз».

Многие участники обсуждения исторической драмы У Ханя высказывались в поддержку его произведения²⁶. Среди материнских установок, идущих вразрез с маонистскими установками, наиболее аргументированными и примечательными были статьи Сян Ян-шена (псевдоним Дэн То), Хэ Чжэн-сяна и Ли Сянь-шу, Ли Дун-ши (есть предположения, что это псевдоним Ли Ци, ведущего отделом пропаганды Пекинского горкома партии). Продолжая этот перечень, можно назвать такие статьи, как «Хай Жуй достоин называться честным чиновником» Лю Ло, «Нужно исторически рассматривать «честного чиновника» Сюй Чжао-чжу», «Некоторые возражения к «Критике новой исторической пьесы «Разжалование Хай Жуя» Фан Ши, и многие другие. Эти работы убедительно вскрывают предвзятый подход Яо Вэнь-юаня и его единомышленников к проблеме «честного чиновника», вульгарно-социологическое трактование исторической пьесы У Ханя.

Все эти авторы пытались ввести в рамки здоровой научной дискуссии критику У Ханя, начинавшую приобретать характер, мягко говоря, некорректного отношения к критикуемому.

²⁵ «Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы)». Пекин, 1970, стр. 192.

²⁶ Обстановка резко изменилась после рабочего совещания Политбюро ЦК КПК в Ханчжоу (апрель 1966 г.), на котором группе Мао Цзэ-дуна удалось сместить Пэн Чжэня с его поста. В конце мая маонисты взялись за реорганизацию печатного органа ЦК КПК газеты «Жэньминь жибао». 1 июня 1966 г. было обновлено все руководство газеты.

Однако до этих перестановок единомышленники У Ханя имели возможность высказываться в печати.

²³ Там же.

²⁴ «Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы)». Пекин, 1970, стр. 101—102.

Автор статьи «Некоторые замечания по поводу критики пьесы «Разжалование Хай Жуя» Ши Хань-жэнь выступил против самого метода критики, предложенного Яо Вэнь-юанем. Критика, замечает он, должна помочь исправить ошибки, если таковые есть. «Критика тов. У Ханя должна быть по существу, — писал Ши Хань-жэнь, — ошибочные взгляды следует критиковать, но и правильные — поддерживать. Цитируя текст тов. У Ханя, нужно быть точным. Некоторые товарищи в этом смысле недостаточно внимательны, недобросовестно обходятся с текстом; чтобы подтвердить свою точку зрения, невзирая на авторский текст и на смысл, который в него вкладывается, переставляют фразы и манипулируют ими, выбирают из текста только то, что их устраивает и отбрасывают остальное»²⁷. Отмечая недобросовестность и ненаучность подобной критики, Ши Хань-жэнь писал, что такие приемы не к лицу марксисту-ленинцу. «Критика, — продолжает он, — должна помогать человеку, а не подавлять его»²⁸.

«Один из самых недобросовестных приемов, использованных Яо Вэнь-юанем, — пишет канадский синолог Энсли, — заключается в выдергивании цитат из контекста, отсутствии на них сносок. Дело доходит до того, что он берет у оппонента только одно слово, а всю фразу строит исходя из своей цели»²⁹.

Хэ Чжэн-сян и Ли Сянь-шу, авторы статьи «В защиту пьесы «Разжалование Хай Жуя»³⁰, высказывания Яо Вэнь-юаня о том, что У Хань ратует за возвращение земли помещикам в народном Китае и якобы выступает против народных коммун, назвали «бредовыми», а все его рассуждения — «логикой по-явэньюаневски»³¹.

Оппоненты Яо Вэнь-юаня Лу Юй³² и Сюй Чжао-чжу³³ резонно замечают, что если ругать Хай Жуя, то, следовательно, нужно возносить тех эксплуататоров, деспотов, мироедов, взяточников, казнокрадов, с которыми честный чиновник постоянно боролся и недругом которых был. Эти люди притесняли народ, совершали

²⁷ Ши Хань-жэнь. Некоторые замечания по поводу критики пьесы «Разжалование Хай Жуя». — «Жэньминь жибао», 10.II.1966.

²⁸ Там же.

²⁹ С. Ansley. The heresy of Wu Han. His play "Hai Jui's Dismissal" and its role in China's Cultural Revolution. Toronto, 1971, p. 98—99.

³⁰ «Гуанмин жибао», 29.I.1966.

³¹ Там же.

³² Лу Юй. Пьеса «Разжалование Хай Жуя» не имеет активного значения? — «Жэньминь жибао», 19.I.1966.

³³ Сюй Чжао-чжу. Нужно исторически рассматривать «честного чиновника». — «Жэньминь жибао», 17.II.1966.

злodeяния, силой захватывали крестьянские земли — словом, творили великое множество преступлений. А следуя логике Яо Вэнь-юаня, они способствовали общественному прогрессу: обостряли классовые противоречия, своими злодеяниями разжигали в крестьянах боевой дух и тем самым приближали революцию. Подобные рассуждения Яо Вэнь-юаня Сюй Чжао-чжу называет «смехотворными», а все обвинения, обнаруживающие полнейшее невежество Яо Вэнь-юаня в вопросах марксистско-ленинского учения (таких, как реформы и революции, роль народных масс и личности в истории), он справедливо называет «не выдерживающими никакой критики»³⁴.

Постепенно дискуссия вокруг драмы У Ханя переросла в шумную кампанию травлю, в ходе которой разносу подверглись и те, кто встал на защиту драматурга. Все они, независимо от того, выступали ли публично в защиту У Ханя или только подозревались в сочувствии ему, были причислены к разряду «реакционеров». Имя же самого У Ханя пестрело в печати в окружении уничтожающих эпитетов: «последыш Ху Ши», «американский агент и прихвостень», «пособник Чан Кай-ши», «черный бандит» и т. п.

Кампания, развернутая по личной инициативе Мао Цзэ-дуна вокруг исторической драмы У Ханя «Разжалование Хай Жуя», явилась «увертурой» к пресловутой «культурной революции». Она ознаменовала начало той «переоценки ценностей», последствия которой и поныне болезненно сказываются на жизни китайского народа.

В годы, предшествовавшие «культурной революции» в Китае, авантюристический курс Мао Цзэ-дуна вызвал мужественное сопротивление многочисленных представителей передовой общественности, в авангарде которой шли честные люди, подлинники коммунисты, писатели, ученые — такие, как У Хань, Дэн То, Тянь Хань, и многие другие. Невзирая на трудности борьбы, угрозу репрессий, они находили средства, чтобы донести свое слово до миллионов граждан КНР, разоблачить антинародную, авантюристическую линию Мао Цзэ-дуна.

Когда же Мао Цзэ-дуну и его окружению стало ясно, что критика, в маоистском понимании этого слова, бессильна перед все растущей оппозицией, было решено прибегнуть к грубой силе. Началась «культурная революция» и та самая хунвейбиновщина, которая в сфере общественно-политической, экономической и культурной причинила огромный урон Китаю и поставила под угрозу его революционные завоевания, развитие страны по социалистическому пути.

³⁴ Там же.

Становление норм литературного языка в КНДР

Ю. Н. Мазур,
кандидат филологических наук

В истории каждого народа есть такие знаменательные события, которые навеки остаются неизгладимыми в его памяти и отмечаются как большой национальный праздник. Таким выдающимся событием в жизни корейского народа, открывшим новую эру в его историческом развитии, стал день освобождения страны от японского колониального господства. 15 августа 1945 г. исполняется 30 лет со дня освобождения Кореи.

Освобождение Кореи открыло перед корейским народом путь к национальному возрождению и созданию подлинно независимого демократического государства. Однако чаяниям многострадального и свобододолюбивого народа не суждено было сбыться на территории всей страны. Вследствие политики американских властей на юге Кореи страна была искусственно расчленена на две части, что явилось трагедией для ее народа.

В Северной Корее народ под руководством рабочего класса и его авангарда Трудовой партии Кореи взял власть в свои руки и направил развитие страны по демократическому и социалистическому пути.

Основные общественные требования, обращенные к деятелям культуры и народного образования, науки (и в том числе корейского языкознания), определялись необходимостью создания своей национальной школы, развития своей национальной культуры. Эти требования сводились прежде всего к постановке и разрешению задач, осуществляемых только на основе и при помощи одного языка. Общее повышение значения национальной культуры в жизни корейского народа на новой, действительно всенародной, социальной базе послужило невиданным ранее стимулом для нормализации и изучения своего языка.

Еще до освобождения страны корей-

скими языковедами были поставлены многие вопросы нормирования корейского литературного языка. Начало этой работе положило в 1924 г. «Общество по изучению корейского языка», созданное вскоре после основания в 1920 г. крупнейших газет «Вестник Восточной Азии» (*Тонга илло*) и «Вестник Кореи» (*Чосон илло*). Преемником его явилось «Корейское лингвистическое общество» (1931—1935 гг.), занимавшееся вопросами унификации орфографии, научно-технической терминологии, установлением норм литературного языка, изучением грамматики, диалектологическими исследованиями, составлением толковых словарей¹. С 1927 г. издавался журнал «Корейская филология» (*Ханкыл*).

Новый этап в нормировании корейского литературного языка начался после 1945 г. Основной проблемой явилась демократизация литературного языка, приближение его к языку народа. Чрезвычайно актуальными стали вопросы письменной культуры и устной речи. Богатствами литературного языка стали овладевать широкие слои народа, постепенно отходившие от традиционной диалектной речи. Корейские языковеды связывали осуществление демократизации языка прежде всего с необходимостью отмены иероглифического письма, которое служило серьезным тормозом в приобщении народных масс к сокровищницам корейской культуры и замедляло темпы распространения литературного языка².

В Северной Корее после освобождения с самого начала была развернута огромная работа в области языкового строительства. Уже в июле 1946 г. начал свою работу «Комитет по изучению корейского языка и письма», который объединил многих ученых-языковедов. В феврале 1947 г. по постановлению Временного Народного Комитета Северной Кореи на базе этого комитета было создано «Корейское филологическое общество» (*Чосон эмин йонку-хве*). В октябре 1948 г. правительство предоставило этому обществу права комитета при министерстве просвещения КНДР. Председателем общества стал Ли Гык Но. Обществу было поручено к концу 1949 г. подготовить к печати «Граматику корейского

¹ Таковы, например, словари Мун Се Ена, Ли Юн Джэ, Но Ён Хо и др.

² См.: Л. Б. Никольский. Нормирование национального литературного языка в Кореи. — «Современные литературные языки стран Азии». М., 1965, стр. 125.

языка» и «Словарь корейского языка». С апреля 1949 г. «Корейское филологическое общество» начало издавать журнал «Изучение корейского языка (*Чосон-э йэнку*)».

Лингвистическая практика — нормирование языка в совершенно новых условиях неупотребления иероглифической письменности, завершение реформы корейской орфографии, начатой еще в 1933 г., создание учебников, словарей, грамматик, упорядочение лексики и словоупотребления, колоссальная работа в области научно-технической терминологии — все это и многие другие актуальнейшие практические задачи определили на истекшие три десятилетия направление развития корейского языкознания и содержание лингвистических работ.

Сложность вопросов, которые можно было решить только на прочной теоретической основе, обусловила появление в процессе творческих поисков некоторых искудов и ошибок. Многие (в особенности в теоретической разработке проблем культуры речи и их практическом применении) оказались пока еще не выполненными. Однако корейское языкознание за 30 лет в основном справилось с задачами, поставленными перед ним новой жизнью.

В настоящее время мы являемся свидетелями глубоких процессов становления новых норм литературного языка в Корее на основе сочетания всех прогрессивных тенденций развития общенационального языка с истоками народной речи. Разделение страны на две части нарушило не только единство в нормировании литературного языка, но и сказывается неизбежно на его развитии. Вместе с тем, изучая и оценивая структуру национального корейского языка нового времени с учетом разделения страны на две части, не следует преувеличивать расхождения в нормах литературного языка в КНДР и Южной Корее, хотя эти расхождения, безусловно, имеются. Различия в тенденциях нормирования, которые можно наблюдать, например, по материалам прессы, касаются в основном некоторых стилей письменной речи. Они не оказывают существенного воздействия на формирование норм обиходно-разговорной речи — важной разновидности непринужденного устного общения, в которой более заметны бывают не эти тенденции, а присущие ей давно, но постепенно нивелирующиеся диалектальные отличия.

Возникновение и рост новых социальных институтов, подъем народного хозяйства, расцвет национальной культуры в КНДР в невиданных доколе масштабах повысили общественные функции корейского языка. Все это предъявило новые, повышенные требования к языку, выдвинуло на первый план проблемы его нормализации, установления и соблюдения норм литературного языка.

Сознавая условность термина «литературный язык», которым чаще всего обозначают общепринятый у образованных людей

язык письменного и устного общения (в традиционном корейском термине *пхэчымал* «стандартный (образцовый, кодифицированный) язык», а также терминологическую новинку КНДР — *мунхва-э* «культурный язык»), мы исходим из того, что основным качеством современного корейского литературного языка должна являться «общеобязательность его норм как образцовых для всех, кто им владеет и пользуется, независимо от социальной, профессиональной и территориальной принадлежности»³.

Нормы литературного языка, закрепленные в нем употреблением, обиходноупотребляющиеся в первую очередь на книжно-печатной традиции, но вместе с тем подвергаются и многие изменения, наблюдавшиеся в разговорной речи, если литературный язык «приспособил, — как писал Л. В. Щерба, — новое к своей системе, подправил и переделал его соответственным образом»⁴. Благодаря этому целенаправленное использование школы и средств массовой информации дает возможность интенсивно воздействовать на процессы развития языка и проводить определенную языковую политику.

«Работа по нормализации языка в нашей стране осуществлялась во многих случаях на основе центрального диалекта, ядром которого является сеульский говор. Однако после освобождения центром политической, экономической и культурной жизни страны явилась ее демократическая столица — город Пхеньян. Благодаря успешному ходу демократических преобразований и социалистического строительства участились контакты и общение жителей разных районов страны. В связи с этим возникла необходимость широкого внедрения всего положительного в сокровищницу общенационального языка, преодоления узости подхода к вопросам нормализации, выражавшегося в стремлении опираться только на основной диалект. Нельзя было бы забывать того обстоятельства, что в литературный (стандартный) язык стали энергично проникать самые разнообразные диалектальные элементы»⁵.

Орфографические нормы. В первые годы народной власти на севере страны, как и в начале сороковых годов в Корее, в центре внимания языковедов оказались вопросы правописания. Орфография претерпела за последние сорок лет в Корее значительные изменения. Отметим, кстати, что правила правописания, принятые в

³ Русский язык в современном мире. М., 1974, стр. 108.

⁴ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 128.

⁵ «Расцвет и развитие нашего национального языка под руководством Трудовой партии Кореи» (*Чосон дотонъ-танъ-ый чимитх-е кэхва-пал'тал-хан ули минчок-э*) Пхеньян, 1962, стр. 148.

настоящее время в КНДР, отличаются от правил, действующих в Южной Корее.

Большим подспорьем для установления и закрепления норм орфографии в КНДР явились «Проект унификации корейской орфографии» (*ханкыл мач. чхум'пэл тхондил-ан*), разработанный и опубликованный еще в 1933 г., а также изданные еще до освобождения страны «Корейским лингвистическим обществом» «Проект унификации транскрибирования иноязычных слов» (*велэ-э пхёки'пэл тхондил-ан*) и «Пересмотренный словарь корейского литературного языка» (*Сачонь-хан чосэм-э пхёчундил мов.м.*) В июле 1947 г. в Пхеньяне была издана книга Киль Ен Джина о «Проекте унификации корейской орфографии»⁶. В предисловии к книге говорилось, что на очередном пленуме «Корейского лингвистического общества» (*Чосэм-э хаххве*), состоявшемся 8 сентября 1946 г. в Сеуле, были внесены некоторые изменения в «Проект унификации корейской орфографии» (указаны конкретно, какие именно). Книга состоит из семи разделов и приложения. В каждом разделе за каждым правилом (всего 89 правил), приводимом из «Проекта унификации», следовало разъяснение.

Существенным вкладом в дальнейшее совершенствование норм правописания являлся свод правил «Орфография корейского языка», опубликованный в 1954 г. Академией наук КНДР, и «Орфографический словарь» (1956). Они послужили важным пособием для работников народного просвещения, органов печати, для самых широких масс. Это был кодекс орфографических норм, завершивший в основном реформу правописания.

Доминирующим в корейской орфографии является не фонетический (хотя он и применяется в некоторых случаях), а морфологический принцип, обеспечивающий единообразное написание значащих частей слова (морфем) вне зависимости от их реального произношения.

Трудным для корейской орфографии оказался вопрос, касающийся обозначения фонетических изменений, возникающих на стыке двух корней (в исконно корейской лексике) или двух слогоморфем (в ханмундой лексике). Одним из таких изменений является замена начального слабого (*п, т, ч, к, с*) сильным (*пп, тт, чч, кк, сс*) согласным. Это изменение обозначалось на письме по-разному: либо сильный согласный обозначался соответствующей буквой, либо для этого использовалась как сигнал буква *с* (приписывавшаяся в конце первого корня или вставлявшаяся отдельно между корнями), либо применялся (в соответствии с правилами орфографии КНДР, установлен-

ными в 1954 г.) надстрочный знак — апостроф, например: *пата'ка* «берег моря», *канг'ка* «берег реки» и т. п. В последние годы употребление апострофа было упразднено и эти изменения на письме не обозначаются. Наблюдения показывают, что пишущие разрешают теперь (если разрешают), это очевидное затруднение по личному усмотрению.

Особо следует сказать о проблемах слитного и отдельного написания. Отказ от употребления иероглифического письма обусловил необходимость поиска слова, определения графического слова в языке. В орфографический обиход в качестве обязательного было введено дополнительное очень удобное графическое средство — пробел. В последние годы многое в правилах слитного и отдельного написания было вновь пересмотрено. В общих чертах эти нововведения можно охарактеризовать как тенденцию к слитному написанию «корневых комплексов» (очень часто многокомпонентных), «формокомплексов» (то есть словоформ в самом широком значении, объединяющих в одно целое ряд компонентов — слов-конструктов и клитик-формантов, примыкающих к форме глагола или прилагательного). Реализация этого новшества внесла немало путаницы и разнобоя в орфографические нормы. О трудностях, которые были вызваны этими изменениями правописания, свидетельствуют многочисленные вопросы читателей, которым вынужден отвечать журнал «Занятия литературным языком» (*Мунхва-э хаххын*), и консультации, систематически публикуемые в нем.

Большая работа проведена в отношении унификации написания иностранных и иноязычных слов. Изданные в 1956 г. свод «Правил транскрибирования иноязычных слов в корейском языке» (*Чосэм-велэ-э пхёки'пэл*) и в 1958 г. его «Велэ-э пхёки'пэл» способствовали преодолению разнобоя в написании иноязычных слов.

Коренным образом пересмотрены вопросы правописания иностранных слов-топонимов с учетом их самоназваний. Исключения составляют лишь отдельные традиционные написания (*иллон* «Япония», *микук* «США, Америка», *йонгкук* «Великобритания, Англия» и др.). Непоследовательность вызывает введение в практику слова *печинь* (кит. *Бэйцзин*) вместо традиционного *пукхэйнь* «Пекин», поскольку все остальные китайские топонимические названия и имена собственные оказывается возможным транскрибировать только исходя из их иероглифического обозначения.

В правилах написания иностранных географических названий и имен собственных, а также и некоторых иноязычных слов в КНДР и Южной Корее приходится теперь констатировать существенные различия.

⁶ Киль Ен Джин. «Разъяснение Проекта унификации корейской орфографии», пересмотренного 8 сентября 1946 г. (*Килль Ен Чин, 1946 нйэн 9 вэл 8 ил-э сачонь-хан ханкыл мач. чхум'пэл тхондил-ан хэсэл*). Пхеньян, 1947, 124 стр.

Орфоэпические нормы. В 30-х годах работа по нормированию литературного языка в Корее основывалась прежде всего на сеульском говоре центрального диалекта.

В течение многих лет и в КНДР на произносительные нормы литературной речи большое влияние оказывали носители сеульского произношения, которые специально привлекались для работы в учреждениях, связанных со средствами массовой коммуникации. Этой проблеме уделялось такое внимание потому, что это влияние было обусловлено исторически в первую очередь центральной культурно-политической ролью Сеула в жизни страны.

В экспериментальном учебнике «Корейский язык» (1960 г.) для средней школы указывалось, что нормы орфоэпии опираются на «литературное произношение (пхёчун пал. ым) корейского языка на произношение литературного языка (пхёчун-э), наиболее широко распространенное среди корейцев»⁷.

На соблюдение установленных и принятых в качестве правильных произносительных норм обращалось серьезное внимание. Актеры и дикторы прежде всех остальных были призваны культивировать орфоэпические нормы в наиболее чистом виде. Основные правила орфоэпии были изложены в соответствующих разделах «Грамматика корейского языка» (1960 г., изд. АН КНДР) и книги «Современный корейский язык» (часть первая, 1961 г., изд-во учебной литературы для высшей школы). Нормативное произношение многих слов отмечено орфоэпическими пометками и в «Словаре корейского языка»⁸. По мере роста культуры корейского народа повышается и культура речи, в том числе и культура орфоэпии. Однако (и это вполне естественно) в области произношения допускаются весьма многочисленные колебания, которые в общем-то не мешают языковому общению.

Одно явление требует специального рассмотрения. Известно, что произношение часто сближается с правописанием. Вследствие единообразного написания в словах ханмунного слоя, слогоморфем с начальной буквой, обозначающей «двуликую» фонему л/р, в КНДР⁹ возникла проблема новых взаимоотношений между звуковой системой языка и письменной системой.

До сравнительно недавнего времени звуки Л и Р в начале слова в корейском языке не встречались (исключение составляли лишь иностранные слова и небольшое количество вошедших в корейский словарь иностранных слов). Наши наблюдения (1958—

1959) показали, что под влиянием иностранных языков и новых правил орфографии в КНДР стала очень сильно развиваться тенденция произносить Л и Р не только в иностранных (и иностранных) словах, но и в корейских словах ханмунного слоя. Причем в словах ханмунного слоя учащиеся начальной школы уже усваивали на уроках родного языка произношение начального Р во всех случаях (например, *ротонъ* «труд», *рйэкса* «история», в именах собственных — *Ри Сун Син* и т. п.). Интересно было проследить за судьбой этой весьма любопытной тенденции. Поэтому автор этих строк во время посещения КНДР в 1970 и 1972 гг. очень внимательно прислушивался к речи экскурсоводов в музеях. Это были как раз люди того возраста, которых в 1958 г. приходилось слушать в начальных классах школы. Наблюдения показали, что начальное Р произносилось часто (но и то не всегда!) в наиболее частотных словах (к примеру, *ротонъ-танъ* «трудовая партия»). В иных случаях можно заметить разницей даже в произношении одним и тем же лицом одних и тех же слов в разных контекстах. И нередко были просто отступления от тенденции произнесения начального Р в пользу старых правил. Прежние орфоэпические нормы, усвоенные под влиянием их носителей — людей старшего поколения в естественной обстановке, в повседневной жизни, в быту, в кругу семьи, — все еще не сдавали своих позиций.

В связи с этим отметим, что недоумение вызвала рекомендация, сформулированная в параграфе 36 «Сборника нормативных правил корейского языка» (*Чосэн-мал кюпэм-чил*, Пхеньян, 1966, стр. 61) и «Разъяснениях» к этому сборнику («*Чосэн-мал кюпэм-чил*» *хэсэл*, Пхеньян, 1972, стр. 302—303), которая предписывает произносить начальный звук Р в квазисуффиксах, входящих в состав производных слов ханмунного слоя (например, в словах *покван-и* «плата за хранение», *сэнъсан-лйэк* «производительные силы» — *лэ* и *лйэк* рекомендуется произносить как *-рэ* и *рйэк*, а не как было в традиционном произношении *-лэ* и *-лйэк*).

В настоящее время в КНДР на формирование орфоэпических норм оказывает влияние, и это вполне естественно и закономерно, пхеньянский говор.

Грамматические нормы. Решение ответственных практических задач явилось могучим стимулом подъема теоретического языкознания в Корее. Общее направление развития грамматических воззрений отражало стремление корейских языковедов не порывать с традицией в грамматической теории выявить специфические структурные особенности корейского языка. Языковеды стремились в более полном объеме охватить и систематизировать весь арсенал грамматических средств, показать разнообразие стилистических средств и богатство выразительных возможностей.

Теоретическая разработка языковедче

⁷ «Корейский язык» (*Чосэн-сихэм-ёнъ*). Пхеньян, 1960, стр. 103.

⁸ «Словарь корейского языка» (*Чосэн-мал сачэн*), I—VI. Пхеньян, 1960—1962.

⁹ В Южной Корее принят иной принцип записи таких слов.

ских проблем, непосредственно относящихся к вопросам языковой нормализации, была начата «Грамматикой корейского языка» 1949 г., написанной коллективом авторов при участии и под руководством одного из наиболее видных корейских грамматистов Ким Су Гёна.

Систематическое описание грамматических норм литературного языка содержится также в книге «Современный корейский язык» (*Хэйнтэ чосён-э*, часть 2, Морфология, 1962 г.). Большую роль сыграли в распространении грамматических норм школьные и вузовские учебники по грамматике корейского языка (Ким Су Гёна, Ким Бён Дже, Ли Гын Ена, Чон Нель Мо, Ан Мун Гу и др.). Особо отметим как несомненный шаг вперед в теоретическом осмыслении большого круга проблем грамматического строя современного корейского языка учебники «Корейский язык»¹⁰ (для студентов университета) и «Грамматика корейского языка»¹¹ (университетское издание для студентов-иностранцев).

Во всех этих грамматических описаниях было закреплено многообразие тех новых грамматических особенностей строя корейского языка, которые появились в нем после 1945 г. Более точное объяснение, научную интерпретацию нашли в них многие грамматические явления, которые были описаны и в прежних, более ранних работах.

В 1960—1961 гг. вышли в свет два тома фундаментальной «Грамматики корейского языка», явившейся результатом коллективной работы лингвистов КНДР. В этом труде, носящем характер нормативно-описательной грамматики, впервые с такой полнотой описаны фонетический, морфологический и синтаксический строй современного корейского литературного языка. Предметом пристального внимания авторов этой грамматики явился скрупулезный анализ значений и употреблений грамматических форм.

Спорным, а также малоизученным вопросам грамматического строя были посвящены статьи многих языковедов (Хон Ги Мун, Ким Су Гён, Ли Гын Ен, Хван Бу Ен, Чон Нель Мо, Ю Ель, Ем Джон Нюр, Пак Сван Джун, Сон Со Рён, Ким Ен Хван, Ким Бээк Нён, Пак Сын Хи, Вон Ын Гук, Чон Дже Су и др.), печатавшиеся в филологических журналах и сборниках.

Сопоставлению различных точек зрения в обобщенно грамматических воззрениях корейских лингвистов было посвящено специальное издание «Теоретические вопросы грамматики корейского языка»¹².

¹⁰ «Корейский язык» (*Чосён-э*). Пхеньян, 1969.

¹¹ «Грамматика корейского языка» (*Чосён-э мун'пэл люхаксэнъ-ёнъ*). Пхеньян, 1972.

¹² «Теоретические вопросы грамматики корейского языка» (*Чосён-э мун'пэл лилон-чил*). Пхеньян, 1965.

Однако задача грамматических описаний и исследовательских работ заключалась не только в регистрации и объяснении тех или иных явлений строя языка, но и в утверждении грамматических норм, внедрении их в язык широких народных масс. Пропагандой грамматических норм, также способствовавшей в немалой степени унификации правил грамматики, занимался систематически и последовательно научно-популярный журнал «Язык и письменность» (*Мал-ква кыл*). В какой-то мере эту работу продолжает сейчас и популярный журнал «Занятия литературным языком».

В области морфологии, как это было ранее подмечено А. А. Холодовичем, «наблюдается довольно последовательно и настойчиво проводимая языком замена аналитических процессов синтетическими»¹³. Характерной особенностью развития грамматического строя современного корейского языка явилось повышение в нем удельного веса и роли «контрактурного формообразования». Различные типы стяжений форм (будем называть их контрактурами), образованных путем сокращения грамматических конструкций, совсем еще недавно были присущи только разговорной речи, но теперь уже получили распространение (в разной степени) и в других речевых произведениях. Контрактуры выступают главным образом как своеобразные заместители соответствующих сочетаний формантов со словами-конструктами. Так, форма *по-пта-птита* «смотрит (мне это сказано)» является результатом слияния конструкции *по-пта-ко ха-птита*, в составе которой имеется слово-конструкт *ха-та*. Широкое употребление в области формообразования предикативов (глаголов, прилагательных, а также связок) контрактур, рассчитанных на значимые части, санкционировано внутриязыковыми тенденциями экономики речевых средств. Имеются, однако, и качественно иные контрактуры (конденсаты), которые семантически не являются расчленяемыми и составляют особый разряд формативов (ср., например, контрактуры — формы конечной сказуемости: *-та-мйэ*¹⁴, *-та-мйэсэ* и т. д.). Распространение контракции является объективной закономерностью и обусловлено сближением норм устной и письменной речи.

Очень большое внимание разграничению грамматических форм книжно-письменной и разговорной речи, их стилистическим характеристикам было уделено уже в экспериментальном учебнике «Корейский язык» (1960).

Чрезвычайно большой интерес представляет развитие в современном корейском языке грамматической категории ориентации и судьба каждой из форм, имеющей

¹³ А. А. Холодович. Строй корейского языка. ЛГУ, 1938, стр. 8.

¹⁴ «Справочник грамматических показателей корейского языка» (*Чосён-мал тхо пхёнлам*). Пхеньян, 1967, стр. 43.

отношение к этой категории. Категория ориентации (или личного отношения) выражает отношение говорящего к собеседнику. Выбор различных форм ориентации в диалогической речи определяется факторами общественного положения: старший по положению (старший по службе или возрасту и т. п.), равный по положению, младший по положению (подчиненный по службе, младший по возрасту и т. п.). Если в «Грамматике корейского языка» Ким Су Гёна (1954) различалось пять ступеней категории ориентации (*хэла* — нейтральная, *хаке* — интимная, *хао* — учтивая, *чонтэ* — вежливая, *лам-мал* — фамильярная),¹⁵ то в экспериментальном ученике «Корейский язык» была сделана решительная попытка, отражающая тенденции языкового развития, выделить и определить только три ступени категории ориентации: ориентация на старшего, ориентация на равного, ориентация на младшего¹⁶. Так же определялись ступени ориентации и в школьном учебнике «Грамматика корейского языка» Ким Бен Дже. «Грамматика корейского языка» для студентов-иностранцев (1972) тоже выделяет три ступени ориентации, однако каждую из них подразделяет еще на два типа: ориентация на старшего (*нопх. ин мал*, формы двух типов: *хасилсхо* и *хэё*), ориентация на равного (*потхонэ мал*, формы двух типов: *хао* и *хаке*), ориентация на младшего (*нач. чхун мал*, формы двух типов: *хэ* и *хэла*). Подразделение каждой ступени на два типа форм едва ли можно считать оправданной современной речевой практикой. Скорее наоборот. Появление дополнительной рубрикации можно объяснить тем, что не так просто дать определенную характеристику каждой из употребляющихся форм, поскольку сама интеграция элементов (формантов) в систему (или подсистему) находится в стадии становления.

Некоторые (весьма незначительные) сдвиги произошли в употреблении послелогов¹⁷.

Полезными с точки зрения нормализаторской работы представляются специальная книга по культуре устной и письменной речи (издательство Академии общественных наук)¹⁸, а также «Пособие для занятий литературным языком»¹⁹, в которых значительное место отводится разъяснению грамматических норм, анализу особенностей разных стилей речи.

¹⁵ Ким Су Гён «Грамматика корейского языка» (*Ким Су Кисёнэ, Чосэн-э мун'пэл*), 1954, стр. 209.

¹⁶ «Корейский язык», 1960, стр. 225.

¹⁷ «Грамматика корейского языка» (*Чосэн-э мун'пэл*). Т. I. Пхеньян, 1960, стр. 141—179.

¹⁸ «Занятия по устной и письменной речи» (*Мил-ква квил-ый хаксын*). Пхеньян, 1967, 230 стр.

¹⁹ «Справочное пособие для занятий литературным языком» (*Мунхва-э хаксын чхамко-сэ*). Пхеньян, 1973, 542 стр.

Лексические нормы. Становление лексических норм связано с огромной издательской работой в области отбора и употребления слов и их значений²⁰. Прежде всего было обращено внимание на необходимость употребления литературных вариантов слов и вытеснения из устной и письменной речи диалектизмов и просторечия (борьба с *сатхули*, то есть с диалектизмами и жаргонизмами). В мае 1946 г. в Северной Корее была издана книга «Словнообразцового корейского языка»²¹ Ли Ок Нама, знакомство с которой показывает как много различных вариантов одних и тех же слов, теперь уже давно считающегося общепринятым, бывало и употреблялось в ту пору.

Одной из основных проблем нормирования лексического состава стало отношение к хаимунной лексике. «Среди слов хаимунной лексики, — пишет Ли Гын Ен, — сейчас много слов, в отношении которых в нашей речи крайне ослабло осознание того, что они являются хаимунными словами, и которые, соответственно, настолько вошли в нашу жизнь, что мы воспринимаем их как обычные слова, не вспоминая, какими иероглифами они обозначаются на письме»²². Это очень верное замечание. Ли Гын Ен приводит для примера 14 слов, причем сначала дает их все в корейском написании (то есть с корейскими буквами), а ниже дублирует их иероглифами: *чанэ* «соевый соус», *йонки* «дым», *инса* «приветствие», *чэпэ* «умывание», *чэмсим* «обед», *всёнэ* «хлеб, стойло», *хвало* «жаровня», *пачэ* «бутылка; банка» и др.

Но в связи с этим напрашивается вопрос: разве есть необходимость запоминать какими иероглифами записывается слово? Такая необходимость возникает, когда де-

²⁰ В языке как средстве массовой социальной и культурной коммуникации в настоящее время на Севере и на Юге, естественно, обнаруживаются отличительные особенности в формировании системы литературного языка, которые прежде всего, разумеется, дают себя знать в области семантической — в составе понятий и в их связи. В этот состав входят те понятия, которые носители языка оперируют в своей повседневной жизни и деятельности и которые определяются общественным строем и социально-психологическим укладом населения. Эти же понятия, при посредстве которых они осознают, воспринимают и осваивают современную им культуру, науку и технику. Немало среди этих понятий реальных, отражающих житейский быт. Все это соответствующим образом преломляется в лексике.

²¹ Ли Ок Нам «Словник образцового корейского языка в сопоставлении с диалектной лексикой» (*панён тэчо пхёнчхон-э чхакхо*). Изд-во «Пэкхо-са», 1946, 268 стр.

²² Ли Гын Ен. Корейский язык (Т. I. *Ким Исёнэ, Чосэн-э*). Пхеньян, 1955, стр. 157.

контекст не помогает определить значение слова (при наличии омофона или ряда синонимичных слов). Иероглифическое обозначение, будучи в письменной речи графическим обликом слова, отличается от буквенного обозначения тем, что служит более выразительной приметой слова, поскольку и иероглифом обычно закреплено одно или несколько значений, которые и подсказывают (помогают осознать) значение слова. Иероглифическое обозначение существует при слове как ярлык. Причем во многих случаях иероглифы (вернее, приписываемые им значения) уже отношения к значению слова не имеют.

Если взять из приведенных Ли Гын Босом примеров слов *чэпсим* «обед», то окажется, что иероглифы в этом случае как раз и представляют собой типичный ассимиляционный ярлык.

При анализе двухсложных слов ханмунской лексики обычно оперируют критерием «смыслности-непонятности», «выводимости» значения слова из его компонентов. Но совершенно очевидно, что в подавляющем большинстве ханмунских слов значение не выводится из «значений морфем». Более того, оно нередко даже вступает в противоречие с теми значениями, которые приписываются иероглифам (а соответственно и обозначаемым ими «морфемам»). Разложение слов на структурно-семантические компоненты («морфемы») ханмунского происхождения можно сравнить с анализом слов русского языка, состоящих из латинских элементов. Только лингвист, во всяком случае человек, знакомый с латынью, может вскрыть «внутреннюю форму» слов такого, например, ряда, как «телефон», «телеграф», «телега», «телескоп». Для носителя русского языка эти слова «внутренней формы» не имеют и употребляются как функционально простые слова.

После 1945 г. особенно наглядны стали случаи невиданной ранее акселерации процесса ассимиляции и опрощения ханмунской лексики, явившиеся в КНДР следствием фактически полного исключения из общественной жизни и неупотребления иероглифического письма.

В ходе нормализаторской работы стали замечаться из употребления многие слова ханмунского слоя (архаизмы, историзмы, устаревшие слова, а также слова, трудно воспринимаемые на слух), слова, которые без ущерба могли быть во всех случаях заменены исконно корейскими словами (например, *чэп* «возраст» вместо *чхунчху* и т. п.). Стали ограничиваться и употребление иноязычных слов без надобности (например, *яп. гэхакэ* «очки», *сала* «тарелка», *канччэме* «консервы»; *англ. сыххылин* «экран», *леин* «плац» и мн. др.). При этом для установления лексических норм было взято правильное направление, суть которого заключалась в том, чтобы, с одной стороны, ограничить в употреблении те слова из числа ханмунской или иноязычной лексики, которые уже глубоко пустили корни в нашей

жизни и могут быть поняты на слух независимо от иероглифического обозначения или сопоставления с его иноязычным этимоном, а с другой стороны, не отбирать таких слов, которые, хотя и создавались из исконно корейских элементов, но производили впечатление слов неуклюжих, искусственно образованных, а также не отбирать слов с ярко выраженными чертами архаизмов или диалектизмов»²³. Уже в 1948 г. было принято решение о составлении «Словаря корейского языка». Эта работа была поручена «Комитету по изучению корейского языка и письма» (*Чосон эмун йэкигу-хве*). Рукопись была слана в набор, однако в 1950 г. эта работа была прервана. Война помешала изданию словаря. В 1956 г. в КНДР вышел первый толковый словарь. Это был «Малый словарь корейского языка»²⁴ (41 927 заглавных слов, в том числе 8120 слов производных). Это было успешное начало, но лишь начало громадной лексикографической работы, развернувшейся в стране под руководством Института языка и литературы АН КНДР. В многочисленных статьях, опубликованных в журналах «Корейская филология» (*Чосон эмун*), «Корейское языкознание» (*Чосон эхак*), «Филологические штудии» (*эмун йэкигу*), на различных научных конференциях, семинарах рассматривались и обсуждались теоретические принципы корейской лексикографии.

К концу 1962 г., когда отмечалось десятилетие Академии наук КНДР, было завершено издание шеститомного «Словаря корейского языка». Выход этого уникального толкового «Словаря корейского языка», составленного коллективом сотрудников Института языка и литературы АН КНДР под руководством Хван Бу Ена был событием большого научного, общественного и культурного значения. Этот замечательный лексикографический труд, результат колоссальной, кропотливой работы, стал воплощением грандиозного замысла о создании большого, всеохватывающего словаря, который стал бы хранилищем «слов (как писал В. И. Ленин о словаре русского языка), употребляемых *теперь* и *классиками*...»²⁵. Недаром в рецензии на этот словарь, опубликованной в журнале «Корея» на русском языке, подчеркивалось, что составители, уделяя главное внимание подбору лексики современного корейского языка, учитывали также и «словарь, которым пользовались наши классики и который необходимо знать при освоении нашего культурного наследия».

В шести томах словаря содержится 187 137 заглавных слов. Кроме огромного количества слов и фразеологических единиц

²³ Расцвет и развитие нашего национального языка..., стр. 154.

²⁴ «Малый словарь корейского языка» (*Чосон-э со-сачон*). Пхеньян, 1956.

²⁵ В. И. Ленин и. Полн. собр. соч. Т. 51, стр. 122.

современного корейского языка, в словарь включены многие слова из старого литературного языка, выражения, изречения, языковые формулы, идущие из старых памятников. Наличие этого инвентаря старой лексики может служить поводом, для того чтобы упрекнуть его в отсутствии лексикографической определенности. Однако составителей словаря можно при желании не только понять, но и похвалить, поскольку они создавали словарь не только современного корейского языка, что и следует даже из его названия.

В словаре получили дальнейшее развитие традиции корейской лексикографии по созданию нормативных толковых словарей. Значительное внимание уделено в словаре словообразующим средствам — как исконно корейским суффиксам и префиксам, так и квазисуффиксам и квазипрефиксам ханмунного слоя. Составители исходили при этом из того, что включение в корпус словаря словообразовательных аффиксов в виде самостоятельных вокабул в значительной мере поможет читателю «расшифровать» значение производных слов, по каким-либо причинам не попавших в словарь, или слов окказиональных.

Вполне обоснованно и удачно решаются составителями словаря вопросы, связанные с разработкой и использованием грамматических помет.

Словарь в значительной мере преследовал нормативные задачи и может служить пособием к правильному употреблению слов, к правильному образованию форм слов, к правильному произношению. Первой задаче служат стилистические пометы (набор этих помет достаточно обширен и разнообразен, но основная линия стилистического разграничения выражена в характеристиках «книжное» — *кылчхе* — и «разговорное» — *малчхе*). Второй задаче служат указания форм во многих словарных статьях. Это касается главным образом предикативов, т. е. глаголов и прилагательных. Во многих статьях показано правильное образование второй основы и других форм. Третьей задаче служат орфоэпические рекомендации (ни в одном ранее изданном словаре они так широко не представлены), обозначение долготы гласных.

Осуществить эти задачи было нелегко. В лексике корейского литературного языка после освобождения произошли значительные количественные (расширение словарного состава за счет неологизмов) и качественные (смысловые) изменения. В нормах устной и письменной речи наблюдались (и наблюдаются до сих пор) многочисленные колебания. Все это требовало от составителей словаря большого такта и тонкого языкового чутья. С массой трудностей составители словаря смогли справиться вполне успешно.

Вскоре после этого была проведена работа по составлению и изданию словаря-однотомника («Словарь современного корейского языка») ²⁶, от которого следовало

ожидать регистрации объективных изменений в языке и его нормах за десятилетие, прошедшее после выхода в свет шестого тома «Словаря корейского языка». Это был новый опыт лексикографического описания словарного состава корейского языка без иероглифики. Составителям предстояло решить сложные вопросы отбора современной лексики для краткого словаря, хотя они и имели возможность опереться на удачную в целом попытку создания краткого толкового словаря, предпринятую ранее Институтом языка и литературы АН КНДР и завершившуюся изданием в 1956 г. «Малого словаря корейского языка».

«Словарь современного корейского языка» насчитывает 50 тысяч заглавных слов (вокабул). В словаре явное предпочтение отдавалось исконно корейской лексике независимо от частотности употребления слов. В результате широко употребительные слова (но слова ханмунного слоя) в словарь не попали и, наоборот, крайне редко встречающиеся и архаичные слова (но слова исконно корейские) в нем оказались. В небольшой заметке (на полторы страницы журнала «Занятия литературным языком» под заголовком «Вышел «Словарь современного корейского языка», употреблены четыре слова ханмунного слоя, отсутствующие в словаре, о котором в заметке идет речь: нет слова *пхасэнь-э* «производное слово» (в «Малом словаре корейского языка» оно было) и нет отдельно квазисуффикса — *э* «слово; язык, речь»; нет слова *эвэн* «этимология» (в «Малом словаре» оно было), нет слова *пхунгпу-хва* «обогащение» и нет отдельно квазисуффикса — *хва* (в «Малом словаре» этот квазисуффикс был); нет слова *ситэ-э* «историзм (слово определенной эпохи)». Таким образом, словарь не полностью помогает прочесть заметку, посвященную его изданию, что свидетельствует об уязвимости принципов отбора словника. Односторонняя ориентация на исконно корейскую лексику сказывается и в том, что в словарь не включены и очень продуктивные словообразовательные элементы ханмунного слоя — все квазисуффиксы и квазипрефиксы. В этом отношении словарь уступает «Малому словарю корейского языка».

В то же время в «Словаре современного корейского языка» ощутима важная идея нормализаторской работы: словник словаря по замыслу составителей не только отражает то, что есть, но и рекомендует то, что должно быть (отсюда стремление собрать по возможности больше собственно корейских слов и словообразовательных элементов, пусть даже малопродуктивных или непродуктивных). Существенно отметить, что составители обращают не меньшее внима-

²⁶ «Словарь современного корейского языка» (*Хйэнтэ чосэн-мал сачэн*). Пхеньян, 1972.

²⁷ «Занятия литературным языком» (*Мунхва-э хаксын*), 1968, № 3, стр. 30—31

нее и на рекомендации по поводу того, что должно быть в значениях слов. Положительной стороной одиотомного словаря является уточнение определения значений некоторых слов, их стилистических характеристик.

С борьбой за очищение родного языка от излишних заимствований, иноязычных слов связывалась работа по созданию новой научно-технической терминологии. В феврале 1949 г. был создан «Комитет по упорядочению научно-технической терминологии» (*Хаксул ёнъо сачонъ вивонхое*), где работало более 40 подкомиссий по различным отраслям знания. Разработка терминологии была поручена авторитетным в данной отрасли знания специалистам совместно с языковедами. При упорядочении терминологии было обращено внимание на преодоление следующих недостатков, которые выявились на первом же этапе работы: 1) многие широкоупотребительные слова в терминологию не вводились, не использовались в качестве терминов исконно корейские слова; 2) беспорядочно использовалась хангыльская лексика, без учета того, понятны ли термины широкому кругу лиц или нет; 3) чрезмерно много было оставлено или введено иноязычных терминов, которые могли быть без труда калькированы.

Постановлением кабинета министров КНДР от 25 ноября 1961 г. были четко определены задачи «Комитета по упорядочению научно-технической терминологии». Перед языковедами была поставлена большая цель — унифицировать старую и разработать новую терминологию, создав тем самым необходимые терминологические системы. И хотя к настоящему времени издано уже довольно много специальных терминологических словарей и справочных пособий, терминотворческая работа продолжается и носит все еще характер большого настоящего поиска.

В течение нескольких последних лет в КНДР предпринимаются попытки направить упорядочение лексики (так называемое «уход за языком, упорядочение языка»), терминологию и терминотворческую работу по такому пути, целью которого является постепенное вытеснение ханмуных слов, ханмуных стилистических элементов, замене их на исконно корейские там, где это возможно (а удавая это, можно с полной очевидностью сказать, далеко не везде). Так, например, в трехсложных словах, состоящих из двух элементов — двух самостоятельно употребляющихся слов (двухсложного и односложного), первое слово заменяется исконно корейским, а второе остается без изменения. Предлагаются, скажем, термины *кып-кып* (вместо *ихечунъ-кып*) спорт «ве-

совая категория», *мул-калым-лыонъ* (вместо *пунсу-лыонъ*); геол. «водораздел», *палам-кван* (вместо *тхонъпхунъ-кван*) «вентиляционная труба», *саи-кык* (вместо *мак-кан-кык*) «интермедия», *ич. ым'-чынъ* (вместо *кянманъ'-чынъ*); мед. «амнезия», *ныч-чонъ* (вместо *мансук-чонъ*) «поздний сорт», *чук. нын-люл* (вместо *саманъ-люл*) «смертность», *мут.хин-лягънъ* (вместо *мэчанъ-лягънъ*) «залежи, запасы»²⁸. Во всех этих вновь созданных терминах сохраняется ханмуный компонент — односложное слово (*кып* «категория», *лыонъ* «горная цепь», *кван* «труба», *кык* «пьеса», *чынъ* «воспаление, болезнь», *чонъ* «сорт», *люл* «процент, коэффициент», *лягънъ* «количество»). Структура первого компонента новых терминов неодинакова: есть производные имена (*палам* «ветер», *саи* «интервал»), производные имена (*ич. ым* «забвение»), сложные имена (*мул-калым* «разграничение вод»), причастия (*чук. нын* от *чук-та* «умирать», *мут. хин* от *мут-хи-та* «быть закопанным»), префиксы (*ичич-* «поздний»). Часто вместо односложного термина предлагаются термины-словосочетания (например, вместо *кычич'-чэм* «перигей» предлагается термин *чику каккауи чэм*, состоящий из трех слов).

Что же касается двухсложных терминов, то аналогичные частичные замены предлагаются, и это вполне понятно, лишь в тех случаях, когда один из компонентов его (второй, как опорный) совпадает с самостоятельным односложным словом. Так, например, вместо *ве-как мат.* «внешний угол» предлагается термин *пак-катх-как* (компонент — слово *как* «угол» сохраняется).

Язык всегда, а особенно в периоды бурных общественных преобразований, находится в движении, и в языковой практике в каждый данный момент есть то, что еще только возникает, появляется и распространяется, то, что остается и закрепляется, и то, что уже затухает и исчезает.

Интенсивная общественная практика будет с каждым годом все заметнее способствовать превращению корейского литературного языка в отобранную еще тщательнее систему лексики, грамматических и стилистических форм. Во всех своих сферах — фонологической, лексической, семантической, грамматической — современный корейский литературный язык приобретает все более определенные качества, которые позволяют ему уже и сейчас быть языком всеобщего общения в пределах нации, быть языком, способным выразить все, что требуется общественным сознанием современной эпохи.

²⁸ Все приведенные здесь примеры подобраны из кн.: «Материалы по упорядочению языка» (*Мал-татымки чалё*). Пхеньян, 1970.

Китайская история в Китае и в Европе

В. М. Алексеев,
академик (1881—1951)

Вот уже более трех столетий насчитывает синология, и от времени до времени начинают раздаваться голоса, требующие подведения итогов, проекта дальнейших путей. Действительно, теперь, когда наша наука все крепче и крепче вырастает в академические организмы, удаляясь в то же время от бывшего дилетантства живших в Китае и говорящих по-китайски чиновников и миссионеров, — теперь уже пора подумать о том, как быть дальше с наследием прошлого: забраковать ли его окончательно или, наоборот, продолжать свое развитие на его почве. Что же, наконец, сделано: что приобретено в научный капитал и что надо переделать, улучшить, дополнить?

Конечно, для всей науки этот вопрос слишком обширен: на него не ответит и целый комитет первоклассных ученых сиологов, действительно умеющих читать тот текст, с которым они пишут. Поэтому вопрос сам собою расчленяется по областям синологии, и в первую очередь ставится вопрос об итогах синологии исторической, об изучении китайской истории.

В статье неизвестного мне по другим работам проф. Латуретта¹ этот вопрос был поставлен на очередь и рассмотрен с некоторым вниманием, которое мне, однако, кажется слишком элементарным и, во всяком случае, недостаточным.

Кроме того, он ограничивается, как показывает само заглавие статьи, исключительно синологией европейской. Может быть, так и мне правильнее было бы поступить, ограничиваясь одним лишь этим фазисом науки и рассмотрев его более детально и, на мой взгляд, более существенно. Однако, пренебрегая соображениями времени и пространства, весьма красноречиво говорящими против столь несоразмерной им попытки, я постараюсь в виде опыта набросать систему моих суждений по вопросу в его целом и трактовать изучение китайской истории как в Европе, так и в самом Китае.

Однако эти две части вопроса несоизмеримы ни по своей величине, ни по доступности материала для суждения, и, чтобы не потерпеть аварии, я возьму линию наименьшего сопротивления и буду несколько более краток в области китайской синологии за счет синологии европейской, тем более что для первой нужно сделать целый ряд этюдов совершенно наново, а это отдалит срок таких тем до греческих календ². Одним словом, этот очерк, не претендующий на полноту, имсет в виду не столько популяризаторское повествование, сколько ряд принципиальных суждений, и притом не только о прошлом, но и о будущем.

II

Всем известно, что материалом для истории Китая служит в громадном большинстве случаев — чтоб не сказать: является почти единственным, — история Китая, написанная с древних времен и доселе пишущаяся самими китайцами. Таким образом, китайская историография имеет приблизительно трехтысячелетний (если не больше) опыт, притом опыт непрерывный, как сама китайская культура и китайский язык, опыт, кроме того, многообразный, активный и крайне идейный, принципиальный.

Первый опыт фиксации китайской истории был, как и следовало ожидать, использован героическим преданием, которое то оперирует с героями туземного происхождения, то с чем-то иноземным, вернее всего, западным. Предания, зафиксированные в первом историографическом памятнике, называемом Шу, то есть Писанием, дошли до Конфуция, пленили его, вошли в его проповедь, но зато были им своеобразно редак-

¹ A Survey of the Work by Western Students of Chinese History. By prof. Kenneth Scott Latourette. Journal of the North China Branch, Royal Asiatic Society; Vol. XLVII, 1916, p. 103—115. В Ленинграде этот номер появился в 1922 г.

² Так, например, интереснейшая книга Лян Ци-чжо «Методы изучения китайской истории» («Чжунго лиши яньцзю фа», 1926, 5-е изд.) заслуживает совершенно особой статьи, подготавливаемой мною к печати.

тированы — попросту сокращены, причем кулоры отошли неизвестно куда, вернее всего, опять в предание, но уже апокрифическое, которому удалось воскреснуть вновь значительно позднее.

В Писании-Шу лапидарным, архаичным языком повествуется о первых (по счету Конфуция) государях Китая — основателях культуры и цивилизации. Архаичный, порой тяжеловесный, порою ритмический текст Шу интересуется не столько фактами и описаниями, сколько речами героев-культуротворцев. В книге этой мы находим целостное мировоззрение, тесно связанное с идеей государства, и наивное оправдание неизбежно вытекающих отсюда компромиссов. Однако мораль, а главное, идея сверхчеловека, повелевающего людям в силу своей лучезарной доблести, составляет основу Шу в редакции Конфуция, который через посредство своей проповеди распространил эту идею на всю последующую историографию, занимающуюся государем и его министрами более всего прочего.

Однако это героическое предание ко времени Конфуция (к концу VI в. до н. э.) сформирование свое давно закончило, и, расправившись с его полным текстом, Конфуций окружил его идеалом старины, не имеющей общего с современностью и вещающей ей лишь издали. Сам же проповедник решил творить историю на новых началах.

Издавна при дворах владетельных государей был заведен институт придворных астрологов, совмещавших свое амплу с амплу историографов. Историк должен был записывать дела государя и всей его придворной жизни вкупе с течением светил и метеорологическими явлениями. Ко времени Конфуция у удельных князей накопилось порядочно материала подобного сорта, который, конечно, был далек от истинного источника света, ибо был, повторяю, придворным указателем. Тогда Конфуций решил дать людям своей страны урок, как надо писать историю.

С этой целью он взял хронику придворного историка в своем родном уделе Лу, — хронику, которая в силу этого последнего обстоятельства была окружена местной традицией, помогающей восстановить потерянное, недомолвленное или искаженное, и, кроме того, представляла большой интерес как хроника одного из старейших уделов, имеющих инвестирующую первооснователей династии, что было к тому времени уже редкостью.

Взяв эту сухую хронику, перечисляющую визиты одного князя к другому, затмения Солнца и Луны, войны, убийства, свадьбы князей и прочий скудный репертуар сведений, Конфуций, не допуская мысли об обработке этого материала на линиях героического рассказа, внимательно рассматривал буквально каждое слово этой сухой регистрации и придавал ему значение рокового приговора над поступком человека. Для этой цели он ввел в терминологию повествования обширную синонимистику. Так, для понятия войны у него несколько различных терминов, последовательно употребляющихся для всех оттенков войны: «набег, карательная экспедиция (исходящая от сюзерена), помощь войском обидчику, защита страны войском» и т. п.; для понятия убийства точно так же синонимистика знает оттенки: «убить равного себе, убить государя, убить отца, казнить» и т. д.

Переделав таким образом весь текст летописи, Конфуций преподавал своим ученикам этот свой стиль-приговор, но, конечно, снабдил все это обширными примечаниями, фактическим и всяким и всяким материалом, который дошел до нас уже в косметной традиции его учеников и школы. Впрочем, в этом материале не трудно усмотреть все характерные черты Писания-Шу: речи героев и реплики «человека чести» (цзюньцзы) — речь самого диктовавшего, и затем писавшего — составляют существенную основу всей историографической ткани текста, которая, таким образом, превращалась в стилистически обработанный материал для чтения, иначе говоря, материал литературный.

Влияние этого приема письма было огромно, и, в сущности, вся дальнейшая историография китайцев есть не что иное, как прямое развитие преподаваемых ей Конфуцием начал.

Так, первый настоящий историк Китая, обнявший уже не только предание или хронику какого-то удела, а всю историю Китая от периода отдаленной древности, который Конфуцием был торжественно игнорирован, — историк Сыма Цянь, умерший в начале I в. до н. э., в своем классическом предисловии заявляет прямо и решительно, что он продолжает мысль и стиль Конфуция, преклоняясь перед ним, как пред «учителем на веки веков». Сыма Цянь же сам был основателем историографического жанра, и тоже «на веки веков», — во всяком случае, на добрых две тысячи лет (считая и его самого в том числе), ибо всех последующих историков правильнее всего принимать за Сыма Цяней — вариантов.

Сыма Цянь исчерпал в своем повествовании всю древность. Оставалось его продолжать по частям. Эти части совпадали в силу конфуцианской традиции с появлением новой династии и вместе с нею и с новым курсом всеправящего неба, которое, отсекая от себя одного «сына неба», вручает свою волю другому.

Отсюда происхождение знаменитых китайских династийных историй. Все это, как уже сказал, варианты Сыма Цяня, продолжать дело которого и самый стиль его

письма считалось официальным приличием: каждая династия считала своим долгом писать историю своей предшественницы под Сыма Цяня.

Правда, иногда некоторым из них было некогда этим заниматься, но тогда традиция торжествовала — и может быть, к лучшему — через одну, а то и две династии и больше.

За немногими исключениями, эти официальные истории состоят прежде всего из хроники придворных событий — как в Летописи Конфуция — Чунью, — хроники образованной, конечно, в должном стиле; затем они состоят из собрания повествований об отдельных замечательных лицах, группах и целых народах и, наконец, истории культурных институтов страны (государственной религии, путей сообщения, системы календаря, счисления, мер и т. д.). К XIX в. таких историй накопилось, не считая побочных, всего 24, в 3243 книгах, что при переводе на европейские языки дало бы столько же томов.

Ко всему этому надо прибавить колоссальную критико-исследовательскую литературу, которая об одном Сыма Цяне и его истории составит огромную библиотеку, а равно и все те источники, которыми пользовались официальные компиляторы и которыми никакого учета произвести нельзя.

Таким образом, факт в обличающей его оболочке и его романтическая подоплека в виде речей и реплик важных для факта лиц, точность которых, как глаголения в духе, конечно, подозрительна — вот два исконных фактора конфуцианского предания и конфуцианской регистрации, которые легли в основу китайской историографии.

Между этими факторами происходила всегда борьба. Историки увлекались то одним, то другим. В XI в. однофамилец Сыма Цяня, Сыма Гуан, написал историю решительно в духе Писания-Шу, сплотив факты и речи в стройное целое, читаемое без разбрасывания. Как Шу, по учению Конфуция, помогал ученому правителю людей и его государю, так и эта история должна была стать их настольной книгой, и книга поэтому была названа «Всеотражающим зеркалом, правлению помогающим» (Цзы чжи тун цзянь).

Однако в следующем же веке фактор конфуцианской регистратуры опять взял верх, и знаменитый обновитель конфуцианства Чжу Си приделал к каждому из параграфов «Зеркала» суровые в стиле Летописи Чунью суждения-заголовки, «награждая добрых и казня злых» по примеру Конфуция. Реформированное в этом духе издание «Зеркала» он назвал так: «Канаты и петли («глаза») невода к Всеотражающему Зеркалу, правлению помогающему». «Канатами» были титулы и формулы фактов, а «петлями» — сложная сеть их деталей.

И к этого типа истории, очень опять-таки многотомной самой по себе, надо отнести весьма обильную литературу, говорящую уже не только о фактах, но и о «стиле» заголовков, которые воскрешали собой Летопись Чунью.

Вот главные типы китайской историографии, если не упомянуть еще и многих подтипов, так или иначе, но из них исходящих и их материалом оперирующих, а также частных историй, трактатов о них и прочих исторических и историкообразных материалов (уложений; географических, археологических и иных трактатов, путешествий, этнографических обозрений, хронологий, календарей, библиографий-каталогов, биографических сводок, полиграфов в бесконечном изобилии и, наконец, монументальных энциклопедий, последняя из которых занимает 1650 томов нашего петита).

Что же такое китайская история в ее китайской обработке? Есть ли это действительно история или же это всего-навсего анналы с нагроможденными на них подробностями?

Чтобы рассмотреть — вернее, чем разрешить — этот вопрос, надо еще раз обратиться к принципиальной стороне дела, а также допустить в виде общей справедливости, что каждый народ имеет право на оригинальность и что, если это правильно, формы его быта и бытописания, — а следовательно, и истории — могут и не совпадать с другими. Обобщения хороши только тогда, когда известны индивидуальности и случайности. Только поверх их можно скользить всеохватывающим взором всемирного историка.

III

Если правильно, что творчество историка состоит или в создании собственного исторического фантазма, т. е. добросовестного и вдохновенного усмотрения истины в хаосе фактов, случайностей, выраженных, невыраженных и невыраженных форм человеческого бытия, которое кажется (jaipei) имеющей систему, или же в следовании фантазму чужому (фантазму традиции, школы, отдельной личности; фантазму пересаживания идей из одной области в другую), то про китайскую историю можно сказать более, чем про какую-либо иную, что она есть сплошное создание человеческого, и притом весьма специфического, фантазма.

Мы уже видели, впрочем, это достаточно из предыдущей главы. Основатель и вдохновитель китайской истории Конфуций не только не скрывал своего фантазма, но во имя его презирал все остальное, в том числе и самый факт. Формулу его фантазма в общих словах можно представить себе следующим образом.

Истинные в своей основе вещи порождают в хаотическом своем развитии и пре-ломлении, свойственных человеческому уму, а за ним и слову, всяческие искажения. Слово под давлением наново комбинирующихся обстоятельств начинает значить совсем не то, что ему значить полагается. Люди начинают играть большими словами и связанными с ними понятиями, все более и более отклоняясь от исходной и исконной истины вещей.

Если это так, то правильно ли о чем-либо вообще серьезно говорить, не восстановив утраченную истину? И правильно ли тем более судить людей, не употребляя слова в их подлинном значении? Конечно, неправильно, и если это так, то, прежде чем судить людей или даже просто описывать их былые поступки, надо заняться «выпрямлением» отклонившихся от истины «имен», тех имен, что даны человеческому действию без всяких экивоков и оговорок.

Поэтому при писании истории одно из двух: или данный поступок заслуживает похвалы, или порицания; обо всем прочем говорить не стоит. Возьмем пример. Слово ван значит «сын неба», единый властитель страны. Это тот именно титул, который имел основатель династии и все его законные преемники. Все остальные князья имели пять степеней иных титулов. Мне известно, однако, что некоторые из них, усилившись без помощи законного государя и не обращая на него ввиду его случайного или постоянного бессилия никакого внимания, присвоили себе титул вана. Боясь их могущества, все князья величают их ванами, и, следовательно, ван есть факт. Однако для меня, судящего факты в историческом свидетельстве, этот факт есть факт в кавычках. В моей летописи мне ничто, кроме моей новости, не угрожает, и поэтому я волен хотя бы «пустым», то есть нереальным и недействующим словом казванца, ввиду чего, несмотря на то что ван есть факт, признанный реально понимающими жизнь людьми, в летописи он возвращен к началу, и этот зарвавшийся князь фигурирует у меня под своим исходным, данным ему государем и неизменным с тех пор титулом (гун, нань, бо, цзы, нань).

Другой пример. В хронике, до меня дошедшей, стоит слово ша в значении убить: такой-то убил такого-то. Однако я дознал, что это не только, скажем, брат убил брата, но брат-подданный убил своего брата-государя. Дело в корне меняется, ибо преступление против жизни государя есть то же, что преступление против жизни отца, непроспешное ни при каких обстоятельствах. Нужно, следовательно, употребить специфическое слово ши — «убил государя» — это важнее, чем убийство брата, и только. Однако, скажут мне в некоторых случаях, убил не он, а такой-то. А я скажу: он подослал убийцу или хотя бы не принял мер против преступления. Значит, это он убил, и я пишу вопреки факту: такой-то убил государя — вина непрощаемая! Таким путем я восстанавливаю слова и в них истину вещей, при которой факт есть лишь величина переменная: сегодня люди боятся и называют вещи так, завтра перестанут бояться и назовут вещи этак, историк же, «человек чести и благородства», во всем следует абсолютному пути, самой истине, стараясь ее воплотить. Его путь есть вечный путь, величина постоянная, а не эфемерное приспособление.

Создание подобного фантазма легло в основу всей китайской историографии. Официальным историям этот фантазм был удобен: он казнил все предыдущее, вставал на защиту самодержавия, но сам находился — вместе с головами историков — под контролем новой власти.

Нельзя, однако, думать, что в Китае не было оппозиции этому влиянию конфуцианской идеи и что все «китайцы» были только стадом. Наоборот, борьба с конфуцианским засильем еще в III в. до н. э. приняла очень решительные формы, вплоть до сжигания всей конфуцианской литературы и наиболее упорных ученых этого толка. Кроме того, в каждом культурном китайце всех времен сидела та же вековечная двойственность человека: где правда — в факте реальном или в чем-то другом, им управляющем? И в соответствии с этим вся китайская историография представляет не только двойственность, но и крайнее разнообразие суждений об историческом принципе (ши лунь). Да и самое ее формирование всегда подчинялось тому или другому фантазму.

Так, в III в. н. э. три претендента одновременно захватили Китай, основав каждый свою династию. Которому же из них отдать первенство и, следовательно, кого считать «прямым преемником» (чжэн тун) в отличие от узурпаторов-самозванцев? Сначала было ясно, что сильнейший из трех и, следовательно, наиболее реальный, как факт, — это государь династии Вэй. Однако, приделав к «Зерцалу» конфуцианские заголовки, тот же Чжу Си решил иначе, и с того времени (XII в.) «прямым преемником» считается государь династии Хань, мнивший себя непосредственным продолжателем погибшей в 220 г. старой династии Хань, ибо носил ту же фамилию Лю. Очевидно теперь, что фантазм движет не только текстом китайской истории, но и самой ее системой и что китайская историография есть грандиозная фантазмическая манипуляция с фактами и системами.

Положение это было бы жутким, если бы оно было единственным. Но в том-то и дело, что в необъятной китайской историографии и соседних ей областях наряду

с китайским фантазмом развит и китайский критицизм, не говоря уже о совершенно объективных свидетельствах, не выплывающих в официальный обиход.

Таким образом, обезображенная конфуцианским фантазмом историческая истина все же в письменной природе вещей существует. Надо, значит, лишь уметь ее извлечь, а следовательно, и в китайской историографии делать то же, что и во всякой иной.

IV

Резюмируя предыдущее, можно сказать, что китайцы не только сами написали свою историю, изложив ее в количестве томов, совершенно пропорциональном количеству прожитых ими в непрерывном культурном потоке лет, но и исследовали ее, окружив остов хроники всевозможными дополнениями и теориями. Нет ни одного вопроса, который так или иначе не был бы задет китайской историографической литературой, и я мог бы по одному лишь двухсоттомному императорскому каталогу 1789 г., пользуясь его исчерпывающими и ученейшими указаниями, написать об истории, методах, содержании китайской историографии и китайского историографического критицизма, причем очень широко удовлетворил бы любознательность историка и показал бы панораму китайской науки и литературы истории во всю ширь. А что, если вместо рецензий взять самые сочинения и на них проследить течение историографической мысли! Картина получилась бы такая, что даже упоминание об остове истории в три тысячи томов совершенно померкло бы!

Вот такова картина, рисующаяся иностранцу, приступающему к изучению китайской истории. Перед ним, во-первых, классическая традиция древней историографии, которая до последнего времени заучивалась получавшими классическое образование наизусть (Шу, Чунью). Эта часть, располагающая, с одной стороны, мучительно спорным текстом, с другой стороны, располагает столь обширную о нем литературой, что прочитать ее одному человеку, тем более иностранцу, невозможно: ни в целом, ни в частях. В этом море конфуцианского фантазма и бесчисленных к нему подходов, большей частью, правда, ему вторящих, но тем более интересных, как гигантская, причудливая пирамида человеческой химеры, в этом море нет островов: есть лишь подводные скалы, ибо в химеру вошли и теории, и сами факты, и все системы, начиная с происхождения самой китайской культуры.

Во-вторых, перед иностранцем нагромождена вышеуказанная официальная история и ее спутники. Здесь трудности идут crescendo. Ведь если с грехом пополам можно выбирать из квазиоднообразного материала туземных династий, то как быть с династиями иностранного происхождения, каковых довольно значительный процент? Если химера китайского фантазма захватывала в свое марево все, что творилось с китацами, то как же причудливо — рассуждая априори — должна была она расправиться с иностранными элементами? И действительно, читая обширнейшие повествования в сотнях томов о монголах, киданях, чжурчженях, тогбак и прочих, спрашиваешь себя: в чем дело? Кто же в основе своей эти люди, так прочно и разнообразно владевшие всем Китаем или его частью?

Однако именно в этой своей части китайский историк интересен в первую голову, ибо без него об этих народах Азии и вовсе ничего не было бы известно. Всем памятна притча во языцех — история монголов в Китае, Юань ши, на которую устремляются и историки Азии, и историки Европы, в частности России, и которая до сих пор пребывает в состоянии громоздкого китайского текста, вяться за который у китайцев нет никаких сил, никакой возможности. Но монголы ведь лишь один из иноземных факторов китайской истории, притом наиболее эфемерный. История первых соседей китайцев, хуннов, исключительно влиявших на китайскую историю, не дав себя китаизировать и полностью духовно понять, — эта история посложнее, тем более что она разбросана, а не соединена в трактат наподобие официальной Юань ши, составленной в XIV в. по свежим следам президентом ученой академии историков Сун Лянем.

В этом море текстов для иностранца есть уже острова, хотя подводных рифов, конечно, больше всего. В самом деле, можно вести работу условно, рассмотрев не органические целые, а зажатые в пинцет части — скажем, например, отдельные династии; можно таким образом изучить исторический трактат как некоторую, хотя бы литературную, единицу и добыть из этого остова плюс литературы о нем все, что можно, абсолютно достоверного. А затем вступить в связь с исследователем-собратом. Как бы то ни было, в этом море можно плыть, а это главное.

Вот такова весьма и весьма приблизительная картина, развертывающаяся перед иностранным ученым. Она взята в беглой схеме, ибо детали отняли бы слишком много места, загромоздив статью, которая не рассчитана на справочную отчетность и фактически, а тем более библиографическую содержательность.

V

Первыми иностранцами, изучавшими Китай со всею сложностью его культуры, а следовательно, и с его историей, были японцы. Однако, по-видимому, вначале они, как

объект более поглощающий, нежели критический, занимались китайской историей главным образом на предмет осведомления: издавали выдержки из них в удобном для себя виде, пользовались историческими китайскими сюжетами для чисто литературных композиций и т. д.

Однако всем известна роль японской синологии, охватившей все темы и стороны науки, в том числе и китайскую историю, их чрезвычайно почтенный научный опыт в этой области, который будет вскоре иметь огромное значение.

Впрочем, судить подробнее о японском фазисе иностранной реакции на китайскую историографию я остерегусь, ибо не считаю себя достаточно компетентным. Укажу только на то, что японизированная историография китайского происхождения не особенно-то много говорит европейскому уму и сердцу, ибо разбавленные слоговым «аппаратом» иероглифы сохраняют всю свою китайскую замкнутость и трудную сстихию.

Гораздо интереснее рассмотреть вопрос о том, как реагировали на китайскую историографию европейцы.

Из всего вышесказанного можно вывести, что перед европейцами, желавшими использовать китайскую историографию в научных целях, весь вопрос сводился к одному: нужно было всеми мерами постараться освободить исторический материал, годный для научных операций, от сковывавшего его мощного туземного, конфуцианского фантазма. Идти к этому можно было двумя способами: или произвести это освобождение усилиями одной личности китаиста-синолога или же сообщить путем перевода данный материал более сильным методологически историкам и этим ограничиться. Разумеется, второй путь был легче первого, и все китаисты XVIII и XIX вв. вплоть до появления отчасти Жюльена, а главное Хирта и Шаванна, шли именно этим путем, переводя текст и далее снимая с себя всякую ответственность. Разумеется также, что подобные поставщики переводов, дававшие их, притом, в еле усвояемой форме, которая перед пользующимся больше ставила вопросов, чем давала ответов, — подобные переводчики-компиляторы громоздили лишь Оссу на Пелион, порождая быстрее всего макулатуру вульгаризаторов. И действительно на обильные переводы с китайского, мировая история с китайскою не считается. Я здесь усматриваю, кроме рутинности, с одной стороны, еще и плохие данные — с другой. Этим плохим материалом критический ум обобщателя-философа, привыкшего к филигранной разработке европейского материала, удовлетвориться не мог и оставлял его поэтому вне своих операций.

Как указано выше, европеец, знакомившийся с Китаем в области историографии, стоял перед дилеммой: заняться ли ему классической ее формой или династийными трактатами. Первые синологи, вышедшие из миссионеров и приезжавшие в Китай исключительно для того, чтобы учить китайцев и проповедать, смотрели на свое собственное усвоение основ китайской культуры как на боевые маневры: надо было познакомиться с Конфуцием, главным врагом христианства, которое в преломлении его школы было трактуемо как фанатическое суеверие, данное притом в причудливых, экзотических, грубых формах. Надо было засесть за конфуцианский канон, который наполовину состоит из историографии, а наполовину из выводов, сделанных на основании ее же текстов и взятого у ней комментария. Таким образом, конфуцианский канон есть в том или ином смысле всегда история, ибо основная догматика помещает свои исходные точки в тексте историка: или Писания-Шу, или же хроники удела Лу — Чунь-цзю. Пришлось знакомиться с историей классически-догматического типа, переводить ее *ad usum scholarum ad maiorem Dei gloriam*.

Усилия миссионеров в этой области привели в конце XIX в. к монументальным переводам иезуита Куврера и протестанта Легга. Эти переводы пока не превзойдены, ибо, разумеется, отправная точка зрения миссионера, ежечасно вздыхающего о том, что такой умный народ, как китайцы, столь продолжительное время бродил во тьме, не зная о Христе, — эта точка зрения чувствуется в каждой строке, несмотря на тщательное маскирование ее, особенно в переводах англичанина. Кроме того, шаткость текста, его неведомая традиция и почти очевидный фабрикат — все это были вопросы, не тревожившие почтенных отцов. Они брали текст, влияющий на китайские умы, читали его и переводили для сведения других. Картина, таким образом, получается такая. Те, кто китайским текстом не владеет, из этого перевода — если только они не простые ученики — ничего не вынесут. Те же, кто владеет текстом, в их переводах не нуждаются, ибо он сделан по указке комментаторов, которых всякий начинающий ученый-синолог читать умеет и сам.

В этой области догматической историографии европеец плывет в безбрежном море, натываясь на рифы, и только труды корифеев нашей науки Шаванча, Пеллио и Масперо начинают мало-помалу разбираться в картине текста критически. Однако все они признают, что вся их заслуга в том, что они познакомились наконец с китайским критицизмом, сражающимся с фантазмами догматики, и стоят на его плечах. Собственная же острота критического восприятия, исходящая из их европейской, особым образом получившейся, сложившейся личности, везде презумирована углубившимися

каждый вопрос до дна китайцами. Европеизм в погоне за истиной в этом направлении сливается с китаизмом.

Как следовало ожидать, плавание европейцев в море историографии династической дало несколько иные результаты. Правда, все «24 истории» лежат у европейцев пока на полках в китайском тексте, но к первой из них уже применен наилучший научный метод покойным Шаванном, и хотя таким образом обработана лишь меньшая часть всего текста «Исторических записок» Сыма Цяня, но то, что обработано в этих замечательных пяти толстых томах, совершенно смело вступает в мировую научную библиотеку, как надежный материал для философских обобщений и всякого другого научного пользования, в том числе и справочного, так как указатель к этим томам стоит выше всяких похвал.

Однако этот изумительный работник своею же работой показал, что стоит подойти к китайскому тексту так, как подошел он, — иначе, так, как надо подойти всякому ученому, сообщающему науке движение, а не пересказывающему в 1000% словах узанное на 20%. Так, например, глава о Конфуции, помещенная в V томе «*Mémoires Historiques de Se-Ma Ts'ien*», потребовала от него критики текста книги «Суждений и Бесед», одной из первых в канонической догматике, то есть того, что никем предвзрительно не было сделано. Нет сомнения, по крайней мере для меня лично, что значительная доля оснований, по которым дальнейшая работа покойным была отложена *ad calendas*, приходилась на идущие вскоре после V тома биографии даосов, где ему пришлось бы опять при наличии полусотни переводов Лао-цзы на европейские языки задать себе роковой вопрос: а что это за текст, который передо мной? И вслед за этим погрузиться в китайские критические его этюды, иначе бесконечную литературу, одолеваемую для перевода всего какой-либо пары строк Сыма Цянева повествования.

Из этого видно, что главной помехой свободному движению научного корабля в море китайской династической истории является вечное смешение историка с филологом, причем каждый ничтожный шаг вперед историка покупается пристальной и бесконечной работой филолога, до историка не проделанной.

Таким образом, все, что мы имеем в виде научного багажа в этой области, есть пять томов Сыма Цяня, не закончившие и половины первого из 24 трактатов. Иначе говоря, китайская история нам по-настоящему неизвестна и непонятна.

Говорю «по-настоящему», ибо, как известно, «Историй Китая» в виде книг и учебников на европейских языках немало, и, следовательно, мне могут задать вопрос: откуда же эти книги взялись, если китайские династийные истории не переведены?

Эти книги появились, как пересказы знаменитого «Зеркала, помогающего правлению», которое было переведено иезуитом де Майя (Joseph de Moyriac de Mailla) и напечатано в 13 больших томах в 1777 г. Переводчик избрал именно этот оригинал, вероятно, по двум причинам: во-первых, потому что «Зерцало» излагает события приблизительно так, как это было обычно для европейских исторических повествований того времени; во-вторых, объем его походил на объемы компендиумов; в-третьих, к его китайскому тексту имелся уже маньчжурский перевод. А надо сказать, что первые миссионеры, очутившиеся перед сложностью иероглифического письма, никоим образом не называемую «грамматикой» непостижимого, китайского текста боялись, предпочитая о китайских материях читать в маньчжурском переводе, изложенном на языке с морфологическими признаками и ясным синтаксисом.

Майя, конечно, не мог ни по времени, ни по подготовке сделать того, что сделал 150 лет спустя Шаванн, но, даже допуская все это, нельзя не видеть, что этот громадный труд сделан небрежно и пользоваться им для научных целей нельзя. Зато он оказался весьма кстати для любителей пересказывать чужое и напитал собой все позднейшие учебники, эти своеобразные декокты, состоящие из собственных имен и приуроченных к ним анекдотов.

Лишь за последнее время начинаются попытки взять общий учебник в свои руки со стороны лиц, владеющих китайским текстом не только пассивно. Однако, как и следовало ожидать, эти лица (Хирт) предпочитают ограничиться одним из периодов китайской истории, и, таким образом, весь ее обхват продолжает оставаться в руках, так сказать, декоквентов. Впрочем, и среди последних есть движение вперед: они принимают в соображение последние научные работы в области китайской истории (Кордье) и излагают ее по схемам, выработанным европейскою наукой и философией (по Спенсеру, Вернер). К ним примыкают также европеизируемые китайцы, пишущие английские учебники своей истории по туземным компиляциям и учебникам.

VI

Таким образом, европейская синология воспользовалась достижениями китайской лишь отчасти и то за последнее время в трудах самых выдающихся ее представителей.

Историческое же повествование пошло по линии наименьшего сопротивления, и в этом отношении китайский оригинал лишь кое-как пересказан, оставшись по-настоящему непостижимым.

Однако, видя то море, в какое он пускался, ученый европейский пловец давно уже старался направить свой курс по какому-либо из предполагаемых, если не очевидных, маяков. И прежде всего он спрашивал себя, нельзя ли как-нибудь связать китайскую историю с историей народов Европы и известных уже народов Азии. Для этого нужно было задать себе предварительный вопрос, откуда происходят сами китайцы, их культура и цивилизация.

Здесь китайская синология дает показания лишь односторонние, ибо игнорирует мир как сложное целое, состоящее из частей, известных не менее их родины. Китайский текст, таким образом, здесь или вовсе отсутствует, или же беспомощен: он сам нуждается в европейской обработке и сравнительном изучении со стороны международных отношений древности. Вот почему первые синологи взяли себе здесь смелость плыть по маякам более или менее смело, более или менее уверенно.

Однако это уверенное отсчитывание своих путей быстро превратилось в мираж, особенно в свете дальнейших поисков и гипотез. Так блестяще лопнули одна за другой гипотезы о связи китайской истории с библейскою («потоп» и там и здесь!), о происхождении китайцев от египетской колонии (иероглифы и там и здесь) и т. д. Пришлось вновь обратиться к китайскому тексту и пытливо искать в нем указаний, хотя бы и не прямых. Появляются заманчивые по своему размаху и самой фактуре теории западного происхождения китайцев, исходящие то из анализа архаичной формы китайской письменности, сильно напоминающей сложение письменности шумерийцев, то из анализа загадочного текста классической книги И-Метаморфоз, понятого, как акадийско-китайский словарь; наконец, из анализа китайских иероглифов в китайской же традиции, но комбинируемой *ad usum scholarum occidentalium*. Намечтавшись внаслух, европейцы переходят теперь опять-таки к китайскому тексту и ждут от строго научных с ним операций гораздо больших приближений к истине, чем плавание на соблазнительный огонек.

Однако эта полоса научных увлечений европейцев не осталась бесплодною. Китайский фантазм единого целого, всевременного, территориально и хронологически гомогенного состава китайской культуры близок к разрушению. К теориям, указанным выше, придется еще вернуться, и не без пользы; но для этого, повторяю, нужно подойти к китайскому и соседним по сравнению текстам с научной точки зрения, во всеоружии прогресса наших знаний и умений.

Другой вопрос, в котором китайский текст, переводимый в одной лишь китайской традиции, беспомощен,— это вопрос о китайской хронологии со стороны ее участия в хронологии всемирной истории. Здесь критический ум европейцев долго разбирался в степени ее достоверности, пока путем, опять-таки сравнительным, не пришли к убеждению, что некоторые ранние даты (например, 776 г. до н. э.) совпадают день в день с датами всемирной истории. Не далеко, вероятно, время, когда китайская традиция, уже не раз оказавшаяся совершенно точною, восторжествует и здесь.

Однако независимо от пунктов отсчитывания сама китайская хронология, даваемая в датах, чуждых солнечному календарю, и притом в особых условных обозначениях, требовала упорядочения и сведения с европейскою. Эта задача блистательно выполнена на основании точнейших китайских таблиц иезуитом-миссионером из китайцев Хуан Бо-лу (Piette Hoang), получившим европейское образование высокого достоинства и вполне приобретенным к европейской науке. Он составил неоменический конкорданс такой точности, что все сложные его проверки учеными, которым китайская хронология доставляла много хлопот и мучений, привели к ее окончательному установлению. С этой замечательной книгой в руках перевести любую точную китайскую дату в такую же европейскую — дело минутное, тогда как ранее это было сложным *ad hoc* вычислением, требовавшим часов и дней и в заключение всего не дающим уверенности в точной цифре.

Таким образом, здесь европеец сделал свое дело, но опять-таки только потому, что вся точная ткань была давно готова, и надо было лишь умело ее скроить в двойкий фасон.

VII

Следующею областью китайской историографии, взятою европейцами под подозрение, была сама китайская система династических историй.

Нет сомнения, что исторические периоды в жизни каждого народа могут в научном порядке миновать фактические смены властей и что китайская история в научном порядке должна быть поделена как-то иначе. Попытки в этом направлении уже сделаны, и вышеупомянутая книга спенсерянца Вернера (Werner) заслуживает внимания. Однако ее материал — все же компиляция ненаучных пока материалов, и потому она интересна лишь как опыт систематизации добытого предварительно.

Впрочем, и здесь опять придется вернуться к китайской традиции, еще раз рассмотреть ее и спросив себя: уж так ли она кустарна и так ли плоха?

В самом деле, неужели возможное минование традиционных исторических марок обязательно предполагает невозможность их сохранения?

Возьмем период династии Чжоу. Теперь всем ясно, что этот период есть нечто крайне индивидуальное и что вопрос о происхождении этой династии и есть вопрос о происхождении всей той культуры, которую шесть веков спустя после ее торжества теоретизировал Конфуций, который, как известно, с большим подозрением относился к традиционным дочжоуским династиям и их культурам. Таким образом, трактовать начало этой династии, как веху и марку, вряд ли будет ошибочным.

Но и конец этой династии, принесший конец удельной системы и разгром политического идеализма Конфуция, при ней выработанного, есть также веха огромной важности, с отчетливой физиономией. Значит, весь период Чжоу можно со спокойною научною совестью трактовать в унисон с китайскою традицией. Это, конечно, нисколько не мешает дробить и делить, комбинировать и, наоборот, диссоциировать части этого огромного тысячелетнего периода, что послужит лишь к вящей отделке целого.

Возьмем еще пример. История монголов в Китае для китайской истории началась не на берегах Онона, а с Хубилая и гибели туземной династии Сун, ибо все специфическое для этого периода, как, например, объединение под властью Китая неслыханного дотоле количества земель и стран, новые порядки управления страной, некоторые новые веяния в литературе, религии, искусстве и т. д.— все это имеет свою марку именно пришествие монголов. Точно так же и конец их владычества в Китае есть начало темной минской реакции на многие годы — опять веха!

Правда, что внутренняя жизнь Китая продолжала свой традиционный тип. Никаких в ней революций, перестраивающих жизнь, не произошло. Культурные люди терпели власть, как терпят власть бандитов попавшие к ним в плен несчастные люди, не видящие особого смысла в том, чтобы лезть на издевающийся нож, и те из ренегатов, которые, зачужив вкусные побрякушки, действовали в духе угнетателей, ничего не могли поделать с внутреннею стойкостью культурного китайца, который смотрел на все происходившее как на страшный кошмар, от которого если не он, то его потомки, конечно, освободятся. Изучались те же книги, писались те же трактаты, слагались те же стихи, писались картины прежних стилей: ученые и художники продолжали делать вверенное им культурное дело, и с этой стороны под кулаком случайных насильников Юаней процветали потерявшие свою эгиду мирные, культурные Суны. А «государственный» язык и новые веяния — за немногими, и то не без оговорок, исключениями — жили только, пока жил террор.

Однако какой историк согласится именно на этом внутреннем течении построить свой научный период большой марки? Кто из них пренебрежет тем действительно новым, что вошло в Китай хотя бы в виде наново сформированного Севера, полученного Китаем после долгого отчуждения из рук монголов и, может быть, с тех именно пор вступившего во вражду с Югом, которая, как известно, и в наши дни типична и сильна? Так что, даже приняв все вышесказанное к сведению, историк задумается перед тем, как ломать устои китайской традиции.

Эти примеры взяты из 24 историй как первые попавшиеся, но и периоды Вэй, Тан, Ляо, Цзинь, Цин — а может быть, и не только они — выдержали бы апологию китайской традиции не хуже Чжоу и Юань. Следовательно, весь принцип китайской династической традиции не так уж плох.

Иное дело — первые периоды, додинастические, находящиеся во власти мифа, столь презираемого Конфуцием, который, как известно, выбросил из Писания-Шу все, что было до государя Яо (традиционная дата 2356 г. до н. э.), то есть лишив историю традиционных пяти веков (с 2852 г.). Здесь, конечно, китайские схемы фантастичны и, как блестяще доказывает проф. Анри Масперо, эвмеристичны, то есть реализуют чистейшей формы легенду в якобы историческую запись. Но и то, что движется, как освещающие огни, со стороны европейцев, пока также не более, чем гипотеза, хотя и соблазнительная. В самом деле, положить в начало китайской легенды-истории астрологические теории не значит еще решить вопроса: ведь имена-то государей откуда-нибудь да взялись! И вообще весь этот темный вопрос ждет успеха от соседнего вопроса о происхождении китайцев и от результатов археологических открытий.

VIII

Но главным маяком, или, вернее, главными маяками, на которые держал курс корабль европейского синолога, искавшего приобщения китайской истории к мировой и ее сознания на свой научный лад, были те ее главы, которые касались иностранцев и инородцев, ибо для них у европейцев был пояснительный материал, отсутствующий у китайцев. Здесь европеец мог создать действительно научно-оригинальные ценности, хотя опять-таки не отходя от китайского текста в его, как и повсюду, обильном исследовательском окружении.

Так, задолго до научной обработки Сыма Цяня появились уже переводы его монографий о народах Средней Азии — хунну и прочих. Когда же наступила в начале XX в. эпоха экспедиций в Китай, обнаруживших на его территории его ведомые китайцам научные сокровища, позволяющие, с одной стороны, проверить китайскую традицию, а с другой — пролить свет на судьбы византийской Сериндии, — с той самой

поры научная эксплуатация китайских исторических текстов на предмет исследовательского свидетельства идет *crescendo*. В Париже создается кафедра языков и культур Средней Азии, предоставленная китаисту с совершенно исключительным кругозором, и во всех прочих странах ведется быстрым темпом работа, пользуясь, хотя и частично, свидетельскими показаниями китайских историков и полиграфов.

Таким образом, в этой области китайская историография, подкреплённая археологией, использованной по европейской инициативе, поступает полностью в научный оборот, и надо надеяться, что этот урок не пройдет даром. Отправные точки-маяки отысканы, и в дальнейшем мы уже, надо надеяться, сумеем обращаться с китайским текстом по меньшей мере не хуже наших славных современников.

В связи с этим стоит также давно уже возникшее стремление использовать данные китайской историографии на предмет выяснения связи Китая с Западом. Здесь опять-таки координация китайских данных с европейскими, китайцам неведомыми, создает научную полноту и удовлетворенность, столь часто отсутствующие при погружении в стихию, где властвует только один китайский текст и его традиция.

От этого получается резко выраженная ненормальность в распределении усилий. Европейцы, боящиеся стихии китайского текста, использовали только те его части, которые были им интересны, оставляя прочие без внимания. И вышло, что переведены и исследованы отдельные главы разных династических историй, а трактаты в целом иногда даже не характеризованы, так что материал не имеет научной марки.

Кроме того, даже там, где китайского текста вовсе нет или почти нет, европейское усилие разобратся в участии европейцев и вообще иностранцев в китайской исторической жизни, — даже там это усилие не останавливается. Так, мы знаем, сколько лиц, совершенно не знавших китайского языка и китайской истории, писало о Марко Поло, причудливо и экзотически-наивно рассказывавшего о Китае Юаней-монголов; а также, как отчасти в связи с этим, отчасти вообще в связи с историей Европы все исследователи умильно и почтительно ходят вокруг да около Юань ши, «Истории Юаней-монголов», не приступая, однако, к тексту, который дан пока в кое-каком переводе извлечений, например у монаха Иакинфа Бичурина и других. Роман Марко Поло с Китаем, рассматриваемым им сквозь очки его благодетелей-монголов, настойчиво требует китайского текста, и Палладий Кафаров своею эрудицией и проникновенностью много способствовал выяснению дела, которое, однако, до окончательного перевода истории Юаней при помощи исследовательского окружения, имеющего очень длинный список, все еще не движется вперед как следует.

Гораздо больше научной пищи в этом направлении дали регулярные сношения европейцев с Китаем, начавшиеся с миссионерского проникновения в Китай в начале XVI в. Здесь была благодарная почва для всех, как для людей науки, так и для любителей списывать и рассказывать другим о том, что они сами только что узнали или, вернее, узнают, пока пишут. От этого ненормально разросшаяся литература о последней династии маньчжурского происхождения (Цин) и знаменитые представления европейского обывателя о китайцах, носящих косы, втыкающих в шапку павлиньи хвосты и шаррики, и прочее в том же роде. Отсюда же ненормальная манера писать «Истории Китая», посвящая трехтысячелетнему Китаю до маньчжуров несколько страниц скороговорки и три четверти книги уделяя этим последним, вернее, рассказам о них на доступных языках.

Однако история Цинов пока не закончена, хотя и пишется (впрочем, неизвестно, по каким методам: старым или европеизированным). Да и те ее части, что уже известны на китайском языке, на европейских неизвестны. Таким образом, многословный интерес европейцев к этой именно династии ждет выяснения китайской точки зрения на происходившее, ибо, конечно же, для китайцев европейцы стали *deus ex machina* лишь после боксеров, а до сего времени китайская культура и цивилизация от них вовсе не зависели, по крайней мере в целом в больших цифрах.

Тем не менее надо признать, что этот период китайской истории благодаря обильному и крайне разностороннему свидетельству о нем многих европейцев, в том числе и наилучших знатоков Китая, — этот период известен нам лучше всех других, несравненно лучше всех, полнее и отчетливее.

IX

В тесной связи с предыдущим стоит огромная литература о христианстве в Китае, вызванная прежде всего участием в ней христианских миссионеров. Эта литература — явление, конечно, весьма почтенное, но лучше было бы это же количество страниц посвятить тем частям китайской истории, которые для науки более существенны, нежели христианство, насаждавшееся искусственно и вряд ли могущее считаться привитым Китаю, хотя бы и в настоящее время.

Как бы то ни было, эта литература сделала свое дело, хотя и в несколько другом, более для науки выгодном направлении: она вызвала интерес к религиозной жизни Китая, в том числе и древнего.

Сначала это были, как я указал, своеобразные маневры для войны с конфуцианством, которое мешало христианизации Китая, и люди силились понять его как явление, доходя до истоков, то есть до основ классического предания.

Затем то был знаменитый вопрос о возможности скомбинировать христианский культ с противоречащим ему, но слишком хорошо организованным культом китайским; и наконец, щекотливый, но кардинальный вопрос о том, как переводить на китайский язык слово «бог», в христианском и библейском смысле на китайском языке не существующее.

Отсюда ряд статей и вообще привитая готовность углубиться в вопросы китайской религии, одним мешающей, а других (например, консулов, переводчиков и т. д.) уже интересующей научно. Однако синология на конфуцианстве, по-видимому, потерпела аварию, ибо в европейские мерки религиозных идей это учение уложить трудно. С одной стороны, это как будто религия, ибо обладает храмом, статуарием, культом; с другой же — как будто и не религия, ибо не имеет самого для религии существенного: бога и его незримого вмешательства в жизнь верующего человека. Отсюда все затхлые и банальные определения конфуцианства как рационалистического, практического, политического и т. д. учения — определения, которым не чужды и наилучшие ученые-синологи, — и даже, как показали вновь пришедшие книги, даже европеизованные китайцы. Впрочем, у последних отношение к Конфуцию и конфуцианству вряд ли может почтаться нормальным.

А между тем этюд исторического текста, особенно в его классической — правда, труднейшей, — фазе, несомненно, установит пропорции отношений этого учения к исторической действительности и к исторически живому критицизму, и тогда перевести его на наш научный язык будет нетрудно. Урок отсюда всегда один и тот же: надо отменно читать в китайский текст и всю его традицию. Это первый шаг, ничем — тем паче красноречием — не замещаемый.

Ввиду интереса к Конфуцию и конфуцианству внимание европейцев постоянно приковывалось к династии Чжоу, при которой он жил, и о ней мы находим порядочное количество работ, тогда как о следующей за нею Цинь и далее великолепной Хань, видевшей величие Китая и внутри и вне страны, работ совершенно ничтожное количество, если по-прежнему не считать частично использованных глав этой династической истории, которые говорят об иностранцах и иноземцах.

В силу, однако, того же интереса некоторого внимания европейских исследователей удостоилась и династия Сун (X—XIII вв.), при которой конфуцианство, вступив в осмос с другими религиями Китая, заговорило особым языком как результатом синтеза хаотического и неполного доселе учения. Впрочем, династийная история Сунов по-прежнему не затронута и использована лишь частично в области, касающейся столпов нового учения, вернее, новой его фазы, да и то, в сущности, сделано это по текстам вторых рук.

Однако к истории Сунов замечается большое тяготение европейцев, заинтересованных историей развития большого китайского искусства живописи, и, может быть, два частичных интереса создадут и общий, требующий настоящего научного подвига, и история Сунов будет переведена во всем объеме. Ее всем известные недочеты могут ведь быть исправлены исследовательским аппаратом, всецело опирающимся на огромную исследовательскую китайскую об этой истории литературу.

Наконец, попытка реформ, напоминавших социалистические, исшедших так же, как и в Европе, от ученого теоретика и литератора (Ван Ань-ши) и занявших собой некоторый период этой династии, попытки, не имеющие пока удовлетворительной научной трактовки, быть может, теперь в связи с современными веяниями будут также способствовать научной обработке китайского историографического памятника. Другая туземная религия Китая — на этот раз более напоминающая европейцам религию — даосизм, религия Дао, бессмертия, воскресения и вознесения на небеса, — эта религия, не пользовавшаяся государственным покровительством и потому не очень опасная для миссионеров, ими изучалась вяло. Но с их слов ею заинтересовались местные и кабинетные ученые, особенно когда сделали поразительное «открытие» в тексте Лао-цзы имени Яхве, в его будто бы китайской транскрипции, а следовательно, и пришли к знакомым вехам, которые можно сравнивать, сопоставлять, а об этом писать, писать, писать... Наконец, судьбы этой злосчастной и у себя дома и в Европе религии в наши дни особенно печальны: Лао-цзы попал к теософам и наука быстро темнеет в абракадабре.

И здесь весь секрет в том, что вопрос о Лао-цзы и его школе в китайской историографии поставлен так, что одним переводом, представляющим читателю думать что угодно, не отделаешься. Миф ли Лао-цзы или историческое лицо? Ему ли принадлежит знаменитая книга о Дао и Дэ или это сборный памфлет? Зачем он поехал (если это не миф) на Запад, и точно куда именно? Все трудные вопросы, без ответа на которые все переводы и переводы с переводов ни к чему.

Однако на помощь историографии, как всюду и везде, идет текст китайской традиции, и если изучить вопрос о Лао-цзы, особенно не как об отдельном мыслителе, то

загадочный историографический текст воскреснет в новом и на этот раз окончательном виде.

Что касается третьей религии Китая — придерживаясь трафаретной формулы Трех, — буддизма, то почва для его изучения не нуждалась в миссионерской апробации, ибо она в Европе уже давно была создана быстро выросшей научной индустрией. Поэтому, быть может, в области китайского буддизма нелепых книг, загромождающих каталоги и полки, меньше, чем в областях конфуцианства и даосства. Однако настоящие научные исследования буддизма поступают к нам только теперь, а долгое время перед тем эти книги были писаны чаще всего недоучками и в области истории индийского буддизма, и в области китайской его истории (труды Палладия Кафарова и академика В. П. Васильева стоят особняком).

История же проникновения буддизма в Китай очень темна, хотя новые исследования французских синологов пролили много света на этот вопрос. Ввиду того, что последний стоит в теснейшей связи с исследованием роли иностранцев в Китае, каковыми были буддийские проповедники первых веков нашей эры, можно быть уверенным, что при том твердом научном курсе, который уже для этого вопроса нашу науку взят, решить его удастся.

Наконец, в связи с историей христианства в Китае большие разговоры в научной печати о знаменитой несторианской стеле 781 г., открытой близ Сианьфу в 1625 г., породили интерес к Танской династии, при которой стела была воздвигнута, — интерес, быстро поддержанный традиционной славой о литературном «золотом веке» этой династии, что наводнило синологию, вернее, синологическую печать массой разных переводов.

X

Само собой разумеется, что и другие исторические дисциплины, непосредственно исходящие из истории Китая и все время тесно с нею связанные, как-то: история литературы, история искусств и всякие прочие «истории», находятся в том же печальном положении.

В самом деле, можно ли писать историю китайской литературы, когда не разработаны даже те части династических историй, которые лягут в основание монографий, а потом уж и общих трактатов? И если спорными могут казаться традиционные периоды общей китайской истории, то как быть с периодами литературными, которые от смены властей — как мы видели на примере Юаней-монголов — не меняются? И вообще, мыслимо ли предварение историей литературы истории общей и опять-таки, разобщение филолога от историка? На эти роковые вопросы ответы могут быть также только роковыми.

То же можно сказать и об истории искусств, столь часто трактуемых в синологической и любительской печати. Как, например, установить кардинальный пункт, с которого началось падение древнего искусства и замена его новым, навеянным буддийскими иконами и буддийским статуарием? Это ведь потребует истории буддизма в Китае и, следовательно, истории всех его окружений, то есть опять-таки историю периода и периодов, как традиционных, так и намечаемых наново. Возможно ли, далее, проследить историю китайской эстетологии без глубоких знаний в области социологии и всех ее факторов, исходящих опять-таки из истории целого периода? И т. д. и т. д.

Итак, все области исторических дисциплин повелительно требуют того, чтобы был разработан основной материал династических историй. Если они плохи, то улучшить их есть много способов в окружающей их китайской же литературе и сослаться на традиционное неодобрение некоторых из них нельзя.

А между тем есть одна историческая дисциплина, которая именно от европейцев получила сильнейший стимул прогресса. Я говорю о китайской археологии³.

Имея громадный исторический опыт и колоссальную как регистрационную, так и исследовательскую литературу, китайская археология не имела в то же время смелости сойти с точки кабинетного критицизма и выступить на путь практических, добывательских кампаний. Кроме того, не питая симпатии к иностранному элементу, например к стелам, покрытым непонятными надписями, и оставляя их в лучшем случае без объяснений, а то и вовсе без регистрации, китайская археология упустила, конечно, много драгоценных свидетельств, весьма пригодных для освещения их же общей истории.

Европейцы с присущей им в синологии страстью к инициативе и новизне принялись за китайскую археологию весьма энергично. Ряд экспедиций в области, лежащие вне досягаемости китайских археологов, а также — и совместно с ними — ряд экспедиций в исторически засвидетельствованные территории собственного Китая, повернули колесо науки о китайской истории круто вперед. Вместо схематического рисунка памят-

³ См. мою статью: «Судьбы китайской археологии» в «Изв. Росс. Ак. Ист. Материальной Культуры». Т. 3, 1924, стр. 49—80.

ника от руки дали образцовый фотографический снимок; вместо расплывчатых эстампажей — точную, свежую репродукцию; и наконец, вместо археологического предания — археологическую реликвию. Китайцам были предъявлены у них же, но не их стараниями найденные рукописи первоклассного значения, которые они только теперь, кажется, начинают чувствовать. Их археологические предметы вместе с богатейшими экспонатами искусства украшают европейские музеи. В науку мировой истории течет обильный первосортный материал.

В этой области фрагментарное пользование китайскими источниками — давно уже, впрочем, практикуемое самими китайцами — принесло максимальную пользу. Однако, как и вся дисциплина, это только служебный поиск, сделанный во имя и в целях изучения общей истории Китая и ее отдельных династических трактатов.

К более целым — хотя в основе также фрагментарным — этюдам этого сорта можно отнести — на этот раз чисто кабинетное — изучение истории отдельных царств, которыми китайская история кишит, но которые игнорируются большими династическими трактатами, как самоchinные организации и сатрапии самозванцев.

XI

Таковы успехи европейской исторической синологии и такова ее вечная боязнь историографических целых. Однако надо себя спросить, как же можно использовать фрагмент целого, который всегда так или иначе отражает неизвестные пользующемуся им части, ссылается на них, цитирует, намекает, делая, таким образом, текст непонятным или понятным в относительной лишь мере? Как быть с картами, географическими и историко-географическими? Как быть с вечно менявшимися собственными именами мест? Наконец, как узнать из авторитетных уст о сочинении, не прочитав его целиком?

Ответ на это прост: надо обратиться к справочным пособиям, которые составлены европейцами почти исключительно в виде кое-каких переводов и переложений с китайского же. Так, библиография, в частности историческая, могущая быть использована научно с большою продуктивностью, имеется в двуязычном, китайско-европейском виде лишь как частичные извлечения, пересказанные *ad usum lectoris* без права научной ссылки. Биографические словари точно так же составлены кое-как, для беглых, элементарных справок — отчасти для литературного чтения — и отнюдь не пригодны для серьезных цитат.

«Encyclopaedia Sinica» — пока один намек на то, что должно бы быть, и вообще этот справочный отдел китайской истории — ничтожная и малопригодная европеизация китайских статей и только в области европейских отношений к Китаю еще что-либо значит. Полезно, значит, опять-таки обратиться к оригиналу и сделать из него нечто для научной справки более пригодное.

Наоборот, в области картографии, как известно, именно европейцы поставили дело научно, так что вся заслуга за ними. Однако исторические атласы делаются по китайским схемам — лишь в европейской сетке, — и еще не так давно знаменитый миссионер-переводчик Легг к своему переводу Хроники Конфуция и Писаний-Шу приложил чисто китайские исторические карты.

Историко-географические справочники составлены фотографически по китайскому оригиналу, разве только составители дали себе труд снабдить их алфавитным указателем.

Точно так же и те замечательные синхронизмы, о которых я уже говорил, — плод в основе всего китайской научной лаборатории и потом уже контроля над ней и конкорданса, сделанных европейцем.

На долю чисто европейского творчества — иначе, конечно, и быть не могло — отошла библиография европейской синологии, известная «*Bibliotheca Sinica*» Кордьё, о которой можно сказать много хорошего, но, конечно, было бы лучше, если бы она была составлена китаистом, владеющим текстом непосредственно.

XII

Подводя итог вышесказанному, мы видим, что европейцы работали в области исторической синологии без системы, фрагментарно. Они перебрасывались с темы на тему, пользуясь всегдашней готовностью китайского текста отвечать на любую из них и на заре китаеведения наивно принимая сырой перевод за научную работу. Затронуто, таким образом, если не все, то очень многое, и почти все надо переделать, забыв о первом опыте. Изучение истории Китая только что сейчас начинается, и, следовательно, писать наукообразную «Историю Китая» на европейском языке — значит обречь ее на эфемерную приспособляемость — и только. Само собою разумеется, что за это дело не следовало бы браться лицам, китайским текстом не владеющим. Правда, что владеющие текстом вряд ли пожелают компилировать, вместо того чтобы производить исследование прогрессивного характера.

Тем не менее сделано многое, хотя усилиями всего одного-двух лиц. Так, переведены — как уже сказано выше — и научно обработаны первые части основной древней китайской истории и написан очень хороший ее учебник (курс лекций).

Произведена научная критика текста Писаний-Шу как со стороны его аутентичности, так и со стороны его тематического сложения.

Сделаны научные исторические очерки китайских народных и государственных культов, и этим образцовым исследованиям (Масперо) остается только подражать.

Произведена научная археологическая съемка каменных археологических реликвий Китая, исследованных со всею научною добросовестностью.

Поставлен вопрос о точной клановой дифференциации Древнего Китая и об элементах, складывавших периоды его традиционной истории.

Найдены, расшифрованы и описаны древнейшие образцы китайских записей и деловых бумаг, свидетельствующих о жизни и быте китайских пограничных гарнизонов, о которых мы знали только из ссылок и поэм-фикций. Дальнейшая история сношений Китая с Западом мимо этого монументального научного предприятия пройти уже не может.

Кроме того, мы в этой коллекции имеем вообще древнейшие из известных памятников китайских письменных материалов и способов письма, что несколько сократит беглые операции со словом «книга» в речи о древнем захолустном Китае, ибо «книжки» эти были на деревянных дощечках.

И вообще миф и шаблонные ламентации о китаизме и китайской стене после всех этих открытий, доказывающих непрерывные сношения Китая с Западом, нетерпимы уже совершенно.

Точно так же исследования последних лет доказали, что так называемый китайский застой есть одно из созданий европейской химеры, старающейся романтически окрестить экзотические страны и их быт. Китай, говорит один из корифеев современной синологии, эволюционировал более регулярно и последовательно, чем Европа, и отказать ему в эволюции невозможно. Все дело в том, что в его истории не было таких все ниспровергающих революций, какие отличают жизнь Европы.

Признав это и разрушив фальшивые представления о Китае, создавшиеся литераторами, читавшими *lettres édifiantes* как *lettres amusantes*, европейские синологи наконец вступают на истинный путь. Они уже видят, как серьезна китайская традиция и китайская наука и не желают более впадать в огульную и поверхностную экзотизацию отсталого Китая.

На долю русской науки приходится из всего этого немного, но и то, что сделано, заслужило во многих своих статьях горячее признание как достойное у тех, кто вообще с русским языком считался. Имена Палладия Кафарова и академика В. П. Басильева — имена почетные, и русской синологии остается поддерживать, если не создавать науку, славу былых достижений.

XIII

Из предыдущего уже ясно, что надо делать европейцу, чтобы отойти от любительства и войти в научное творчество. Можно теперь это бегло резюмировать.

Нужно прежде всего проделать над текстом филологической работы по типу той, которую проделал покойный Шаванн. Нужно овладеть китайской литературой вопроса и только после этого, встав в ряд с китайским исследователем, продолжать дело на новых линиях. Эти новые линии начинаются с обособления европейского критицизма, совершенно иначе подготовленного, нежели критицизм китайский, от последнего. Для этого же нужно быть вообще подготовленным филологом или историком и понять свою задачу совершенно ясно, не смешивая науку с рассказами, удивляющими ахающий муравейник или усыпляющими путешественников в спальнях вагонов.

И прежде всего исследователь должен атаковать китайский фантазм, сковавший тысячелетние тексты. Он должен, наконец, понять и взвесить как учение Конфуция, так и учение его школы, чтобы свободно читать китайский исторический текст, минуя случайные показания словарей...

Конечно, все это работа филолога, но нельзя же ждать, пока он все это сделает, и надо в себе соединить филолога с историком. Однако эти «надо» такого размера, что учитывать их и размещать в расписании занятий сиологов не приходится. Одно «выяснение» Конфуция чего стоит! И все-таки без этого не обойтись, и чем скорее к этой кипе дел мы приступим, тем будет лучше, ибо за ней начинается кипа другая — перевод династических историй, дело ряда поколений тружеников.

Однако, атакуя китайский фантазм, разрушая его концепции «Поднебесной», «Срединной Империи», «Сына Неба» и прочие в свете общечеловеческих явлений, нельзя замещать фантазм китайский фантазмом европейским, любящим в приложении к Китаю употреблять разные фигуры вроде ума желтой расы, религиозного массового сознания, а главное, излюбленного ландшафта, который, оказывается, и учение Конфуция создал, и заклинателей, и даосское бессмертие, и всё вообще. Поскольку жалок первый, создавший, однако, очень многое, постольку жалок будет и второй, который

собирается лишь что-то создавать. Конечно, нет науки без фантазма, но нет науки и без разрушений фантазмов, ставших очевидными. В этом и есть прогресс науки как величавого порыва в вечность, вечно искреннего, может быть всегда окрашенного, но никогда не окрашиваемого.

Вместе с тем китайцам необходимо поскорее создать у себя больше институтов (ср. Синолог. Инст. в Пекине) для разработки своей истории по примеру Европы и Америки и по их методам. Еще лучше будет, если они будут делать извлечения из своих этюдов на языках, более доступных, чем их письменный язык, хотя бы и в новой форме.

Итак, является ли китайская история в Китае и в Европе наукой?

Китайская история в Китае, как мы видели, есть прежде всего официальная историография и окружающий ее критический и исследовательский аппарат. Фантазм в ней и движущая и мертвящая сила, как и вообще в науке. Стремление к истине, однако, налицо, а имея это в виду, надо признать, что исключительный по богатству и точности материал плюс критическая о нем литература есть наука, хотя наука оригинальная, ждущая сведения с наукою общею.

С другой стороны, китайская история в Европе и Америке (вернее, на европейских языках) есть также наука, ибо имеет и прочно установленные факты и современную их теоретизацию, но эта наука частична по крайней мере не менее первой, у которой ей многому надо поучиться. Последнее замечание не избавляет от той же необходимости и новую китайскую науку.

Обе фазы науки китайской истории одинаково почтенны, и наш дальнейший путь ясен: надо их слить в одно для дальнейшего движения нашей частичной добывательской науки с мировой историей.

XIV

В заключение надо поставить вопрос ребром. Имеем ли мы основание рассчитывать, что при современном положении синологии, когда она устремляется в самые разнообразные области без завершения больших дел, это возможно?

Думаю, что не имеем. Следовательно, вся надежда на особую организацию работ по переводу и исследованию китайских историографических трактатов, — организацию международного типа, которая, давая средства ученому на книги, экспедиции и жизнь, могла бы требовать регулярного формирования исследований. Иначе мы будем продолжать питаться фрагментами и справочниками и вместо истории Китая будем регулярно получать под многообещающими заглавиями все те же пересказы пересказов Майя или же пересказы в кубе.

Несколько замечаний к статье академика В. М. Алексеева

*Л. З. Эйдлин,
доктор филологических наук*

В. М. Алексеев назвал свою статью «Китайская история в Китае и в Европе». Эта до сих пор не публиковавшаяся статья написана в 1929 г. и, возможно, за эти почти столетия давно бы устарела, если бы целью ее было одно лишь определение состояния китайской и европейской науки. Но, к счастью, очерк большого нашего ученого — воспользуемся собственными его словами — «имеет в виду не столько популяризаторское повествование, сколько ряд принципиальных суждений, и притом не только о прошлом, но и о будущем».

Это будущее, пусть пока не слишком далекое, уже наступило. И нетрудно перечислить то множество новых работ в области китайской истории, которое появилось в самом Китае, в нашей отечественной и во всей мировой науке, и таким образом как бы продолжить до наших дней, как бы осовременить публикуемую нами статью.

Но есть ли необходимость в подобном подходе к ней? Нам больше интересуют «ряд принципиальных суждений», высказанных редким знатоком китайской культуры и весьма полезных и для нынешнего движения нашей синологии.

Прежде всего — это отношение к истории Китая, пишущейся с древних времен «саими китайцами». В. М. Алексеев пользуется характеристикой китайской истории Китая также и для того, чтобы подчеркнуть, что опыт ее непрерывен, «как сама китай-

ская культура и китайский язык», что огромное количество ее томов совершенно пропорционально количеству прожитых китайцами «в непрерывном культурном потоке лет».

Китайской истории, написанной самими китайцами, В. М. Алексеев уделяет самое большое внимание. Именно в связи с ней говорит он о китайской традиции, резко возражая против популярной в продолжение многих лет теории «китайского застоя», заставлявшей находить экзотику в «отсталом Китае» и вырывать его развитие из пути прогресса западных стран. Для В. М. Алексеева Китай «эволюционировал более регулярно и последовательно, чем Европа, и отказать ему в эволюции невозможно. Все дело в том, что в его истории не было таких все неспровергающих революций, какие отличают жизнь Европы».

Подчеркивая серьезность китайской традиции и китайской науки и утверждая, «что материалом для истории Китая служит в громадном большинстве случаев — чтоб не сказать является почти единственным — история Китая, написанная с давних времен и доселе пишущаяся самими китайцами», В. М. Алексеев в статье анализирует особенности китайских историй, начиная с преданий, зафиксированных в «Шуцзине». Он останавливается на конфуцианской идее «сверхчеловека, повелевающего людьми в силу своей лучезарной доблести» и подчеркивает важный для историка Китая факт, что вся последующая историография занимается прежде всего государем и его министрами.

Та пристальность, с которой В. М. Алексеев рассматривает китайское слово с самой глубокой его древности, значение, которое В. М. Алексеев придает этому дошедшему до наших дней старинному слову, совсем не случайны и присущи нашей науке да и нашей поэзии. У И. А. Бунина: «Молчат гробницы, мумии и кости, — Лишь слову жизнь дана: Из древней тьмы, на мировом погосте, Звучат лишь Письмена». Правда, В. М. Алексеев несколько односторонен: к написанной самими китайцами истории Китая в качестве материала для создаваемой истории Китая следовало бы добавить и художественную литературу. Но и при этом добавлении основой все же остается история, тем более что В. М. Алексеев особо отмечает стилистическую ее обработанность, превращение ее в «материал литературный».

Показывая нам Конфуция как первого историка Китая, В. М. Алексеев первым настоящим историком Китая «на веки веков» (тысячи на две лет) называет Сыма Цяня, повествование которого «по частям» продолжили официальные династийные историки.

В. М. Алексеева (да и нас) прежде всего интересует вопрос достоверности китайской истории, необходимости коррективов к ней: «Есть ли это, действительно, история: или же это всего навсего анналы с нагроможденными на них подробностями?» И насколько можно верить этим подробностям в их конфуцианской окраске? Нас привлекает во взгляде В. М. Алексеева его твердая уверенность в том, что исследователь культуры любого народа обязан «в виде общей справедливости» исходить из права каждого народа на оригинальность формы его быта и, следовательно, бытописания, то есть истории. Нам кажется весьма пригодным и для нынешнего уровня нашей науки сделанный В. М. Алексеевым отсюда вывод: «Обобщения хороши только тогда, когда известны индивидуальности и случайности. Только поверх их можно скользнуть всеохватывающим взором всемирного историка».

Естественно, что, поставив перед собою задачу испытания китайской истории на достоверность, В. М. Алексеев размышляет над характером факта в конфуцианском предании и конфуцианской регистрации, «которые легли в основу китайской историографии». Он отделяет факт, предстающий, по удачному выражению ученого, в обличительной оболочке, от романтической подоплеку этого факта, то есть речей важных для факта лиц, рассуждения которых всегда должны быть исследователем взяты под подозрение.

Именуя Конфуция основателем и вдохновителем китайской истории, В. М. Алексеев рассматривает важное для понимания и последующих исторических текстов его отношение к факту. В. М. Алексеев довольно много говорит о фантазме Конфуция, подразумеваемая под этим словом владевшую тем главную идею. Идею догматическую, поскольку, как считает В. М. Алексеев, во имя ее он «презирал все остальное, в том числе и самый факт».

Факт заключен в слово, слово же со временем меняет свое значение и искажает самый факт в его первоначальном состоянии. Конфуций хотел восстановить утраченную с веками истину, в чем и заключалось «выпрямление имен», о котором В. М. Алексеев в статье говорит по-новому свежо и интересно, демонстрируя вскрытие, или очищение, Конфуцием факта для похвалы или порицания.

А как понимать отмеченное В. М. Алексеевым презрение Конфуция к самому факту? Что же все-таки, согласно суждению последователей Конфуция, считал он фактом? Лишь добро, долженствующее торжествовать добро, — есть, по Конфуцию, подлинный факт, зло же не подлежит глубинному рассмотрению, как факт призрачный, исторической силы не имеющий.

Очень четкий и необходимый нам ответ на этот вопрос находим мы в работе В. М. Алексеева «Китайский народный театр и китайская народная картина»: «Все это отразилось в китайской драме, формула которой ведь та же самая: добро и зло несо-

единицы, добро торжествует всегда — оно есть подлинный факт, а зло есть только факт-химера, мираж, предлог к разговору и, значит, к театральному представлению... История должна пониматься не как история фактов, но как строгий суд над этими фактами, суд, основанный на концепции добра и зла. Поэтому сюжетом китайской драмы всегда является исторический факт и «восхваление или осуждение» его. Не удивительно поэтому, что сюжеты, лежащие в основе этих драм, чаще всего вращаются вокруг тех исторических периодов, которые с наибольшей ясностью выставляют конфуцианского героя. Так, например, сюжеты сотен пьес взяты из III в. н. э., когда разыгрывались события, которые историк-конфуцианец, а за ним и драматург подвергли своему суверенному суждению, встав на защиту слабого и незначительного князька против фактического властителя, который, как злодей ложноклассического типа, конфуцианской идеологией признается фактом, не имеющим значения и служащим лишь фоном для парадного показа рыцарства, окружающего трон и дело князя, потом императора — Лю Бэя*.

Теория Конфуция знает две крайние противоположности в делении людей — «цзюньцзы», человек благородный, и «сяожэнь», человек ничтожно малый. В. М. Алексеев называет «цзюньцзы» человеком чести и благородства. Таков, по Конфуцию, историк, «выпрямляющий слова», следующий истине, обнажающий факты, именуемые людьми из боязни сегодня так, а завтра, освободившись от страха, иначе. Как формулирует конфуцианскую мысль В. М. Алексеев: «Его (историка. — Л. Э.) путь есть вечный путь, величина постоянная, а не эфемерное приспособление».

Дочитав до этого места, мы приходим к отчетливому пониманию, что в слове «фантасм» В. М. Алексеевым заложено не просто понятие идеи, но и некая отрицательная сторона ее. Проще говоря, ученый разоблачает лицемерие, таящееся в конфуцианской формуле, внешне непререкаемо добродетельной, показывает служение ее времени, сходство ее с тем самым, что она опровергала. «Официальным историям этот фантасм был удобен: он казнил все предыдущее, вставал на защиту самодержавия, но сам находился, вместе с головами историков, под контролем новой власти». Так ученый приходит к важному выводу, «что китайская историография есть грандиозная фантасмическая манипуляция с фактами и системами».

На каких-нибудь десяти — двенадцати страницах В. М. Алексеевым дан спокойный, трезвый и глубокий анализ конфуцианской мысли и влияния ее на протяжении долгих веков на запечатленное слово, которое предстает раскрыть историку Китая. Нарисована как будто поистине безрадостная картина. Но исследователь тянет нить дальше: «Положение это было бы жутким, если бы оно было единственным». К счастью, наряду со столь образно и вместе с тем точно представленным нам «китайским фантасмом» существует и спасающее положение «китайский критицизм». Существуют и объективные свидетельства, не входящие в официальные истории. Мы бы, кстати, добавили здесь и уже упомянутые нами свидетельства великой китайской литературы, и в частности поэзии, развитие которой во многом отражало изменения в китайском обществе.

В конечном итоге взгляд В. М. Алексеева на перспективы изучения истории Китая вполне оптимистичен: надо проникнуть в смысл и логику конфуцианской идеи, диктовавшей направленность исторического описания, и тогда уже суметь отыскать лежащую внутри его истину, пользуясь окружающими основной источник сведениями. «Таким образом, обезображенная конфуцианским фантасмом историческая истина, все же в письменной природе вещей существует. Надо, значит, лишь уметь ее извлечь, а следовательно, и в китайской историографии делать то же, что и во всякой иной». Перед ученым широкое море текстов, но в море этом, как говорит В. М. Алексеев, можно плыть, «а это главное».

В. М. Алексеев задается свежим и по сию пору вопросом о том — религия ли конфуцианство и, как видим, ставит этот вопрос тоже применительно к прочтению текста. Ученого отличает ясность мышления, умение взглянуть в национальную специфику, отойдя от привычных для европейца представлений, а отсюда утверждение, что «в европейские рамки религиозных идей это учение уложить трудно».

Рассуждение о конфуцианстве, занявшее едва ли страницу, поражает глубиной и обилием мыслей. Оно будит также мысль читателя и ведет ее в нужном направлении, подсказанным советом ученого «отлично вчитаться в китайский текст и всю его традицию. Это первый шаг, ничем — тем паче красноречием — не заменяемый». Примечательны слова В. М. Алексеева о «европеизированных» китайцах, у которых «отношение к Конфуцию и конфуцианству вряд ли может почтаться нормальным». Нам не избегнуть ассоциаций с нынешними китайскими печатными изданиями, наполненными статьями, в которых яростное и огульное «отношение к Конфуцию и конфуцианству», тем более «вряд ли может почтаться нормальным».

Так же плодотворно наталкивают на размышления вопросы, поставленные В. М. Алексеевым по поводу даосизма и буддизма. С самого начала своей научной деятельности нетерпимо относившийся к религиозному мистицизму, ученый и здесь остав-

* В. Алексеев. Китайская народная каргина. М., 1966, стр. 74.

ся верен себе. Он с огорчением говорит о печальной судьбе даосизма, попавшего к теософам и вместо научного изучения «темнеющего в абракадабре». Надо сказать, что и существующее среди некоторых синологов направление, свидетелями которого мы являемся и при котором история Китая изображается односторонне в виде борьбы «положительного» даосизма с «отрицательным» конфуцианством без всякого учета переплетения этих мыслительных систем (все на той же конфуцианской основе), также не может иметь научных перспектив.

В. М. Алексеев, ставя главной целью задачи и возможности изучения истории Китая, отмечает в статье весь ряд достижений и китайской и европейской науки. Дважды говорит он о научных заслугах наших выдающихся соотечественников Палладия Кафарова и В. П. Васильева, одного из которых он застал еще на университетской кафедре: «Имена Палладия Кафарова и академика В. П. Васильева — имена почетные, и русской синологии остается поддерживать, если не создавать заново, славу былых достижений».

Пафос статьи и в призыве при всей сложности нашей науки к отходу от любительства, к замене даже малой доли его подлинным профессионализмом, научным творчеством. Ученый и позже писал: «Особая трудность нашего положения заключается в том, что, поневоле отрывая себя из страха перед дилетантизмом, первым врагом всякой науки, от китайского культурного комплекса, мы в то же время от этого комплекса отойти не смеем ни на шаг»**. Для того чтобы заниматься историей Китая, надо уметь все же соединить в себе историка и филолога: научный, профессиональный, требующий выработки терминологии перевод династийных историй В. М. Алексеев рассматривает как «дело ряда поколений тружеников». Эти ученые должны «атаковать китайский фантазм, сковавший тысячелетние тексты». И здесь уже следует прекрасное рассуждение, в кратких словах характеризующее то, чего не должно быть в науке — ни в китайской, ни в европейской: «Однако, атакуя китайский фантазм, разрушая его концепции «Поднебесной», «Срединной империи», «Сына Неба» и прочие в свете общечеловеческих явлений, нельзя замещать фантазм китайский фантазмом европейским, любящим в приложении к Китаю употреблять разные фигуры, вроде ума желтой расы, религиозного массового сознания, а главное, излюбленного ландшафта, который, оказывается, и учение Конфуция создал, и заклинателей, и даосское бессмертие, и все вообще. Поскольку жалок первый, создавший, однако, очень многое, постольку жалок будет и второй, который собирается лишь что-то создавать».

Мысль В. М. Алексеева проникнута интернационализмом. Нас может радовать то, что наша советская историческая наука, основывающаяся на марксистско-ленинском учении, далеко ушла вперед и ей не грозят опасности, от которых предостерегает автор. Вместе с тем принципиальные положения автора, как мы показали, в общем, приемлемы и поныне в тех аспектах, которые рассмотрены в его сравнительно небольшой и в то же время столь многое охватывающей и подвергающей научному рассмотрению статье. Работа В. М. Алексеева принадлежит к дорогому для нас великому наследию, живому и поныне.

** В. М. Алексеев. Эволюция и революция китайского языка и китайской литературы, отраженные в революции Октября. — «Труды юбилейной сессии Академии наук СССР, 1932». Л., 1933, стр. 542.

ВОСПОМИНАНИЯ

Китайские мемуары*

С. А. Далин

3. Кантон в дни Северного похода

Пароход причалил к пристани Кантона. Прошло только четыре года с тех пор, как после контрреволюционного переворота Чэнь Цзюнь-мина я покинул этот город. Много перемен произошло в нем за это короткое время. Кантон трудно было узнать.

Пока решался вопрос о квартире, я остановился на несколько дней у М. М. Бородина. Двухэтажный дом, в котором он жил и работал, находился в Дуншане. Первый этаж был занят служебными комнатами советников, переводчиков, технических сотрудников. Наверху помещалась квартира, в которой Бородин жил со своей семьей. Тут же были приемные комнаты.

Дом М. Бородина представлял собою подлинный штаб. Сюда приезжали министры кантонского правительства, члены ЦИК гоминьдана, китайские коммунисты. Долго здесь не задерживались. Переговорив с кем нужно, уходили. Приходили новые люди, и так с утра до позднего вечера в этом доме шло непрерывное движение. Жена Бородина с трудом вводила мужа на обед.

Здесь я встретился с Хо Ши Мином, с которым познакомился еще в Москве, здесь же работал теперь и Чжан Тай-лэй.

Военные советники — Черепанов, Кончиц, Мацейлик, Куманин, Тесленко, Зенек, Зильберт, Акимов, Рогачев и другие — находились вместе с В. К. Блюхером на севере, в войсках национально-революционной армии.

В ставке М. Бородина работала группа советских политических работников. Здесь был О. Тарханов, которого я знал по работе в РКСМ, а затем в ИККИМ. Он познакомил меня с молодым советским синологом Е. Иолком, с Н. Калачевым. Тут были и советник кантонского правительства по финансовым вопросам В. М. Штейн, и его помощник М. Е. Шасс. Тут же я снова встретился с В. Вишняковой, с которой познакомился в 1922 г. в Пекине.

О. Тарханов и Е. Иолк издавали здесь печатавшийся на пишущей машинке журнал «Кантон», в котором публиковались ценные материалы по экономическим и политическим проблемам китайской революции.

Жена М. Бородина — Фаня Семеновна, — проживавшая некоторое время в США, собирала у себя жен руководящих деятелей гоминьдана. В ее «салоне» я вновь встретился с Сун Цин-лин, познакомился с ее сестрой Сун Мэй-лин, теперь женой Чан Кай-ши, породнившегося таким образом с семьей Сунь Ят-сена. Здесь же я встретился с Хэ Сян-нин, вдовой убитого Ляо Чжун-кая.

М. Бородин находился в Кантоне уже три года. Он проделал здесь огромную работу и пользовался большим авторитетом и влиянием. Его любили и уважали даже и те, кто не всегда согласен был с его точкой зрения по тому или иному вопросу. Человек с большим тактом, интересный собеседник, располагающий к себе одним своим видом, он изучил стиль и манеры гоминьдановских руководителей, их взаимоотношения, китайские церемонии и дипломатию. За отдельными исключениями, все эти люди были словно в масках: всегда спокойны, не повышали голоса, всегда улыбались и учтиво кланялись. Но у них была особая символика, которой выражалось отношение к тому или иному событию, предложению, к тому или иному человеку. В этих чисто китайских условностях М. Бородин уже разбирался и даже сам ими пользовался.

Сунь Ят-сен был человек другого склада, чем его коллеги. Как истый революционер, он не скрывал своего отношения к людям, к событиям. Он не был человеком-маской. Вспоминается его письмо к Чан Кай-ши, написанное в 1924 г., вскоре после окончания съезда гоминьдана. Сунь Ят-сен писал: «Сегодняшнюю революцию мы должны провести, как в России. Ху Хань-мин потерял веру в революцию и не должен поэтому вступать в партию... Ван Цзин-вэй тоже не революционер: если он

* Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», № 4, 1974.

в партию не вступит, то не беда. Мы должны учиться у России, иначе наша народная партия не сможет провести революцию».

Сунь Ят-сен подружился с М. Бородиным. Вместе они разрабатывали план реорганизации гоминьдана, его новую программу. Этой дружбой в значительной степени объяснялся авторитет и влияние М. Бородина в гоминьдане и в правительстве.

В последние годы жизни Сунь Ят-сена гоминьдан становился на путь антиимпериалистической буржуазно-демократической революции. На основе новой программы сплачивались силы единого фронта рабочих, крестьян, интеллигенции, мелкой буржуазии. Однако партия была неоднородной. Как я уже рассказывал, еще в 1922 г. Сунь Ят-сен говорил мне, что в его окружении много врагов Советской России и противников коммунизма. При таком положении ничего удивительного не было в том, что превращение гоминьдана в революционную партию единого фронта одновременно вызвало и консолидацию правого крыла партии, объединившего буржуазные элементы и крупных земельных собственников, которые с самого начала были противниками единого революционного фронта с коммунистической партией.

После смерти Сунь Ят-сена в 1925 г. подталкиваемые английским империализмом реакционные силы предприняли несколько попыток свергнуть революционную власть в Кантоне. Она тогда, по существу, возглавлялась революционным демократом Ляо Чжун-каем, про которого М. Бородин говорил мне, что это был подлинный якорь китайской буржуазно-демократической революции.

Формально после смерти Сунь Ят-сена правительство возглавил Ван Цзин-вэй, которому, как это видно из приведенного только что письма, Сунь Ят-сен уже не доверял. Не Ван Цзин-вэй, а Ляо Чжун-кай был подлинным вождем реорганизованного на революционных началах гоминьдана. Его знали народные массы.

Весь 1925 г. прошел в борьбе за очищение провинции Гуандун от реакционных сил. Это удалось осуществить благодаря тому, что правительство опиралось на народные массы, на союз с коммунистической партией.

Победа над реакционными силами в Гуандуне была одержана в обстановке подъема антиимпериалистического национально-революционного движения, вызванного событиями 30 мая в Шанхае и 23 июня 1925 г. в Кантоне, о которых мы рассказывали в связи с перелетом Москва—Пекин. Однако кантонской реакции удалось вскоре после этого нанести удар революционным силам. Был убит Ляо Чжун-кай.

В Кантоне упорно говорили, что к убийству Ляо Чжун-кай был причастен махрово правый гоминьдановец Ху Хань-мин, который до событий 20 марта 1926 г. был главнокомандующим гоминьдановской армией в Гуандуне.

Убийство революционера Ляо Чжун-кай усилило позиции правых и ослабило положение Ван Цзин-вэй, которого в прошлом поддерживал Ляо Чжун-кай. Отсюда у Ван Цзин-вэй создалась репутация левого в гоминьдане.

20 марта 1926 г. Чан Кай-ши, тогда начальник гоминьдановской военной академии Вампу вблизи Кантона, совершил переворот и устранил правительство Ван Цзин-вэй. Чтобы завуалировать подлинную природу переворота, Чан Кай-ши дал шлепок по ультраправому крылу гоминьдана, но всей своей силой набросился на левых гоминьдановцев и коммунистов, стремясь расколоть рабочее движение. Бывший бандит Ли Фу-линь, командир 5-го корпуса национально-революционной армии, «охранял порядок» в деревне и стремился разогнать крестьянские союзы.

Переворот 20 марта произошел в обстановке подъема антиимпериалистического движения, в обстановке бойкота Гонконга, во время подготовки Северного похода, успех которого был возможен лишь при поддержке со стороны народных масс, и особенно крестьянства. В этих условиях Чан Кай-ши вынужден был поддерживать бойкот Гонконга и произносить антиимпериалистические речи. Он оказался не в состоянии сразу же нанести удар по рабочему и крестьянскому движению, разгромить левых гоминьдановцев и коммунистов. Поэтому переворот 20 марта 1926 г. не был доведен им до конца. Это обстоятельство многим тогда помешало разглядеть истинную сущность событий.

Когда осенью 1926 г. я приехал в Кантон, о перевороте 20 марта почти не говорили. Всюду царил подъем в связи с победами на фронте. Коммунистическая партия проводила большую работу в народных массах. Ежедневно в закрытых помещениях и на улицах проходили митинги.

Бойкот Гонконга проводили рабочие пикеты. После расстрела демонстрации 23 июня 1925 г. забастовка-бойкот Гонконга длилась 16 месяцев. Теперь бойкот был официально отменен, но массы все же продолжали борьбу. Поэтому пароход, на котором я ехал из Шанхая, не зашел в Гонконг, проплыл мимо него и вошел в устье реки Чжуцзян.

Бойкот был прекращен не всюду. Так, например, рабочие Сватоу долгое время продолжали его и после официального прекращения. Председатель сватоуского рабочего союза сказал нам, что отмена забастовки означает усиление, а не ослабление борьбы против англичан. До сих пор бойкот контролировался рабочими пикетами, которые не допускали ни погрузки товаров на английские пароходы, ни торгов-

ли с англичанами, ни работы на английских пароходах. «Теперь, — говорил он, — рабочие пикеты снимем, но обратимся с призывом к рабочим, купцам, ко всем жителям: пусть без всяких пикетов рабочий сам не работает на англичан, пусть купец сам не ведет дел с англичанами, пусть обыватель сам не покупает английских товаров. Вместо пикетов пусть сама масса проводит бойкот». Так расценили в Сватоу распоряжение о снятии пикетов.

Даже в Кантоне прекращение бойкота проходило далеко не гладко. Министром иностранных дел кантонского правительства был теперь Чэнь Ю-жэнь, при посредстве которого поддерживалась моя связь с Сунь Ят-сеном в 1922 г., после переворота Чэнь Цзюн-мина. После официального прекращения бойкота Гонконга в кантонских газетах появилось интервью с Чэнь Ю-жэнем, в котором он заявил, что это решение есть поворот в политике национального правительства в сторону установления нормальных дружественных отношений с Англией. Интервью это было напечатано и в английских газетах в Гонконге. Журналист-интервьюер, зная, что бойкот проводили рабочие, сказал Чэнь Ю-жэню, что он не сомневается в благих намерениях правительства, но не верит в столь же благие намерения рабочих, от которых зависит прекращение бойкота. На это Чэнь Ю-жэнь якобы ответил, что если рабочие будут противиться прекращению бойкота, то их заставят подчиниться силой.

Когда кантонские рабочие узнали об этом интервью, в городе начались волнения. 16 месяцев бастующие рабочие Гонконга вместе с кантонскими рабочими были в авангарде антиимпериалистической борьбы. 16 месяцев рабочие блокировали Гонконг, а теперь правительство угрожало им применением силы. Интервью сразу же вызвало демонстрации протеста. Оно так взволновало массы, что Чэнь Ю-жэнь дал в газетах опровержение, в котором отрицал свою угрозу по адресу рабочих. Но это не внесло успокоения. Рабочие потребовали открытого заявления правительства о том, что прекращение бойкота не является переменной политики по отношению к английским империалистам. И только тогда, когда Чэнь Ю-жэнь вторично выступил с опровержением, заявив на этот раз, что интервью ложно в целом, — только тогда рабочие успокоились.

Больше всего в Кантоне 1926 г. поражали непрерывные забастовки. Кантонские рабочие разгромили отряды контрреволюционных комрадоров, отряды, которые получили тогда ироническое и презрительное название «бумажные тигры». Они помогли гоминьдану справиться с контрреволюцией в те дни, когда власть этой партии в Кантоне висела на волоске. Рабочие были самым верным оплотом правительства при проведении революционных мероприятий; многие из них вступили в гоминьдан. Борясь против иностранного империализма, за власть гоминьдана, рабочие вместе с тем хотели улучшить свое положение.

За последние десять лет и без того нищенская реальная заработная плата упала в среднем на 10%; были профессии, у которых падение составило 35%. Вот почему, как только национальное правительство укрепилось и опасность контрреволюции уменьшилась, рабочие начали борьбу за улучшение своего положения. Следует учесть, что за ничтожную заработную плату рабочим приходилось работать от 11 до 15 часов в день; не все рабочие имели еженедельный отдых; еще учениками они работали от зари до поздней ночи даром, получая от хозяев лишь скудное питание. Левые в гоминьдане им сочувствовали, но провести повышение зарплаты законодательным путем сверху было невозможно: буржуазия такому закону не подчинилась бы. Вопрос решался поэтому стачечной борьбой. Не было ни одного дня в Кантоне без забастовок.

Когда готовился Северный поход, ЦИК гоминьдана обратился к рабочим со специальным воззванием, в котором говорилось:

«Дорогие рабочие! Вы самые несчастные и угнетенные существа на свете. Подумайте и еще раз подумайте: разве национальное правительство не является вашим правительством? Разве национально-революционная армия, на которую возложены задачи очищения страны от милитаризма и иностранного империализма, — разве она не борется за ваше освобождение? Мы надеемся, что вы глубоко задумаетесь, прежде чем начать те забастовки, которые будут неприятны правительству... Пусть в одной цели объединятся все угнетенные: рабочие, крестьяне, купцы, студенты и солдаты... Пусть не будет между вами разногласий и вражды. Товарищи рабочие, вы — авангард национальной революции, помните, что Северный поход — единственный путь к вашему освобождению. Вперед! Становитесь под знамя «белого солнца на голубом небе», чтобы единодушно поддержать Северный поход!»

Все своеобразие положения заключалось в том, что гоминьдан и правительство Чан Кай-ши, обращаясь к рабочим с призывом о поддержке, ничего не делали, чтобы в законодательном порядке, хотя бы в минимальном размере, регламентировать условия наемного труда, установить какое-нибудь рабочее законодательство: регламентировать продолжительность рабочего дня, ограничить применение детского труда и определить условия женского труда, узаконить права профессиональных союзов. Такое куцее рабочее законодательство было установлено в капиталистических

странах Европы еще в середине XIX в. Совершенно очевидно, что буржуазно-демократическая революция в Китае в XX столетии должна была так или иначе решить рабочий вопрос, дать что-то конкретное рабочему классу, улучшить его положение. То же самое касается крестьянского вопроса, и прежде всего условий аренды. Ничего этого не было сделано гоминьданом и правительством Чан Кай-ши в законодательном порядке. При таком положении создание единого национально-революционного антиимпериалистического фронта неминуемо должно было сопровождаться обострением классовой борьбы в городе и деревне, а коммунистическая партия должна была в этой борьбе выступать вместе с рабочими и крестьянами. Что касается гоминьдана, то, обращаясь к рабочим с призывами о поддержке, правительство одновременно угрожало подавить силой борьбу рабочих и крестьян.

Кантонские рабочие откликнулись на призывы гоминьдана. Они вступали в национально-революционную армию в качестве солдат или военных носильщиков-кули, без которых она не могла продвигаться. Однако вместе с призывом к классовому миру по имя победы Северного похода был издан и приказ о военном положении, девятый пункт которого запрещал собрания и забастовки как препятствующие военным операциям.

Ничего с этим приказом, конечно, не получилось. Рабочие не прекратили стачечной борьбы с хозяевами, ибо не могла, например, кантонская чулочница жить на зарплату в два юаня в месяц. Когда же рабочим арсенала пригрозили локаутом, если забастовка не будет прекращена, они под гоминьдановскими знаменами пришли в ЦИК гоминьдана и заявили, что в случае локаута будет объявлена всеобщая забастовка. После этого власти не решились пойти на такую меру в борьбе против рабочих.

Кантонский рабочий бастовал, не слушая речей о классовом мире, — не потому, что он был против гоминьдана, а потому, что он хотел быстрого и последовательно проведения в жизнь гоминьдановской программы, исполнения гоминьданом его широковещательных деклараций.

Но среди многочисленных стачек были и такие, которые заставляли задуматься, которые озадачивали. Я говорил уже о реконструкции Кантона, начатой еще Сунь Ят-сеном. Сносились одноэтажные дома, прокладывались и асфальтировались широкие улицы, муниципалитет закупил автобусы и организовал автобусное движение в городе. Но это вызвало сопротивление со стороны рикш.

Рикши в Кантоне были хорошо организованы. Как-то полицейский по старой памяти ударил палкой одного возницу. На другой день забастовали все кантонские рикши. Они устроили демонстрацию, вышли на нее гуськом со своими колясочками и добились того, что полицейский был уволен.

Теперь рикши вели борьбу против автобусов. Когда муниципалитет решил расширить автобусное движение и впредь до постройки трамвая увеличить количество автобусных маршрутов, рикши начали забастовку, протестуя против этого плана муниципалитета. Под давлением рикш он вынужден был отказаться от своих намерений.

Возникал вопрос: была ли эта борьба доиндустриальных рабочих прогрессивной? Рикша был арендатором колясочки, на которой он вез своих пассажиров. Когда он вел борьбу против хозяина за улучшение условий аренды, эта борьба была справедливой. Но справедлива ли борьба рикши против автобуса, не напоминает ли она борьбу луддитов в Англии против машин в начале XIX в.?

Старое и новое причудливо переплеталось в Кантоне. Мы были свидетелями двух массовых празднеств: 7 ноября — в день Октябрьской революции, и 12 ноября — в день рождения Сунь Ят-сена.

7 ноября, день победы Октябрьской революции в России, являлся тогда в гоминьдановском Китае нерабочим днем. Накануне, 6-го вечером, состоялись специальные собрания, посвященные Октябрьской революции. Собрания происходили всюду: у рабочих, студентов, в организациях гоминьдана. Были случаи, когда после докладов рабочие выступали с заявлениями такого рода: «Пора уж и нам последовать примеру русского пролетариата, ибо только его путь несет освобождение рабочему классу».

В девять часов вечера повсюду на улицах шли праздничные представления, посвященные Октябрьской революции в России. В наиболее оживленных местах были установлены открытые сцены, на которых, к нашему изумлению, мы увидели артистов, загримированных под русского буржуа, белогвардейца, рабочего и крестьянина. Мы не знали китайского языка, но все было понятно в их игре. На следующий день состоялась огромная манифестация на площади Кантонского университета имени Сунь Ят-сена. Здесь преобладали гоминьдановские знамена и транспаранты с пролетарскими лозунгами. Много было и красных знамен с серпом и молотом.

Массовые митинги обычно организовывались по классовому признаку. На одной и той же площади устанавливалось несколько трибун. Одна предназначалась для оратора, выступавшего перед рабочими, другая — перед купцами, третья — солдатская трибуна и, наконец, четвертая, вокруг которой собирались студенты.

7 ноября 1926 г. на площади больше всего было рабочих, но немало народа столпилось и у студенческой и солдатской трибун. Купеческой трибуны на этот раз не было. Мы собрали на этом митинге целую кипу воззваний, листовок, газет и журналов, посвященных Октябрьской революции.

Речи М. Бородина и левого гоминьдановца Сюй Цяня, выступавших на центральной рабочей трибуне, все время прерывались восторженными возгласами: «Хэнь хао!» (Очень хорошо). С каким вниманием, с какой напряженностью слушал кантонский рабочий эти речи!

Большая часть всего мы восторгались кантонскими пионерами. Незабываемая картина. Мал чуть меньше, они пришли на митинг со своими знаменами. Дети рабочих, маленькие сборыши, босые, едва прикрытые ветхой, заплатанной одеждой, с красными галстуками на шее, огромными соломенными шляпами-зонтиками на спине, они, эти маленькие санюлотики, приветствовали нас поднятием сверху сжатых детских кулачков и пели по-китайски «Молодую гвардию». Они прошли маршем, поотрядно, с серьезными личиками и с поднятыми вверх кулачками — «всегда готовые к борьбе». У каждого отряда девушка-вожатый, сиреной отбивавшая такт марша. И были эти девушки — их походка, стиль их одежды — плоть от плоти комсомолок Москвы.

День рождения Сунь Ят-сена был также отмечен многочисленными собраниями и манифестацией. Мы присутствовали на целом ряде гоминьдановских собраний. Здесь выработался и прочно укоренился особый церемониал. Обыкновенно в зале, где происходило собрание, висел портрет Сунь Ят-сена, а по бокам портреты Маркса и Ленина. Так было повсюду, начиная с зала заседания Политбюро ЦИК гоминьдана и кончая уездными организациями. Под портретами висел плакат с текстом политического завещания Сунь Ят-сена. Каждое собрание — будь это огромный митинг, в котором участвуют тысячи людей, или маленькое деловое заседание — открывалось тем, что присутствующие вставали и председательствующий зачитывал завещание Сунь Ят-сена. После прочтения все присутствующие трижды низко кланялись портрету Сунь Ят-сена. Затем собирался президиум и начиналась деловая часть. Когда собрание заканчивалось, все снова вставали и хором провозглашали лозунги в честь национальной революции.

12 ноября 1926 г. манифестация носила более широкий характер, чем 7 ноября. Помимо рабочих, было много студентов и торговцев. Накануне ночью состоялось большое факельное шествие по улицам. В нем преобладали рабочие. Они шли с портретами Сунь Ят-сена, под гоминьдановскими знаменами с символическими изображениями их профессий, с лозунгами, эффектно написанными на китайских фонарях. И снова провозглашалось: «Долой капитализм!»; «Долой иностранный империализм!»; «Вся власть рабочим и крестьянам!»; «Да здравствует диктатура пролетариата!» Это было именно так, несмотря на то что коммунистическая партия не выступала тогда с лозунгом диктатуры пролетариата.

Пять лет назад на демонстрациях преобладали атрибуты традиционного народного праздника: львиные головы, чудовища и страшилища, огромные барабаны для изгнания злых духов. Теперь их заменили оркестры и знамена. Вырос кантонский рабочий, и рост этот чувствовался даже во внешнем облике демонстраций.

Многое изменилось и в гуандунской деревне. В Кантоне были курсы подготовки руководителей крестьянского движения. Курсанты ездили как-то обследовать одну деревню. Крестьяне им пожаловались на местного землевладельца, который все время вел борьбу против крестьянского союза. Были случаи убийства членов союза. Курсанты с помощью крестьян поймали деревенского богатея, отвезли в Кантон и держали у себя в школе под арестом.

Трудно описать Кантон тех дней. Что-то общее было здесь с незабываемым 1917 г. в России. Я всегда чувствовал, что человеческий язык слишком беден для того, чтобы передать силу эмоций: гнев и радость, любовь и ненависть народных масс, вышедших на улицы, на площади, масс, творящих революцию, — не только грозного людского потока в целом, но и выражение лиц, глаз, движения рук каждого его участника в отдельности, готового отдать свою жизнь за общее дело. Здесь, в Кантоне, была колыбель массового революционного движения китайского народа. Я, знавший Кантон в 1922 г., своими глазами увидел теперь, как за последние годы пробудились народные низы, стали вершить историю людские массы, как никогда, обострились классовые противоречия и социальные проблемы сплошь и рядом решались на улице.

4. В ставке Чан Кай-ши. Совецание в Кулине

Уже пять суток плыли мы на сампанах по реке Ганьцзян, прорезающей с юга на север всю провинцию Цзянси, направляясь в ставку Чан Кай-ши.

По три человека напрягались над каждым веслом, укрепленным на корме, весла скрипели, медленно уходили назад обрывистые берега реки, и казалось, что конца не будет нашему путешествию. Понятие о времени, о часах исчезло. Дни и ночи чередовались, а сколько раз день сменялся ночью, не каждый помнил.

Но вот где-то ниже города Цзиань вдали показались шедшие навстречу разукрашенные многоцветными флажками моторные лодки. Мы встретились с ними на остановке у одной доревоньки. Моторки ознакомили нас с некоторыми особенностями трескотной разрывающейся пороховых хлопшек, на борту которых стояли солдаты национально-революционной армии с ружьями «на караул», стоявший впереди генерал выкрикивал приветственные лозунги, подхватываемые солдатами. Это был генерал из ставки Чан Кай-ши, посланный им для передачи приветов и «гостинцев». «Гостинцы» в больших корзинах солдаты, ни о чем не спрашивая нас, вносили в сампаны. Тут были разные консервы, фрукты, галеты, вина, сигареты и пр. К этому прибавились еще корзинки с различными сладкими печеньями, поднесенные нам крестьянами деревни, расположенной в десяти ли от нашей остановки.

Генерал передал привет от Чан Кай-ши, из вежливости поинтересовался состоянием нашего здоровья и немедленно отплыл обратно в ставку, сообщив нам, что в Цзиани приготовлены пароходики, которые возьмут сампаны на буксир и доставят нас в Наньчан.

К Наньчану мы подъезжали 5 декабря 1926 г. Впереди трещал и пытел тащивший нас буксирный пароходик. Стоял светлый день, ослепительно отражались в воде солнечные лучи, но было прохладно: все же стоял декабрь. Вскоре показался катер, на котором подъехал Чан Кай-ши. Широко улыбаясь, он поздравил всех с прибытием и помчался обратно в Наньчан, чтобы снова встретить нас там «при народе». Таков был установленный церемониал.

Наньчан был уже виден. Вот он там, за поворотом широко разлившейся реки. Над сампанами нашими реял «Юнкерс», разбрасывавший приветственные листовки. Вот наконец и наньчанская пристань, заполненная рабочими, представителями гоминьдана, генералитетом ставки. Тут же советские военные советники во главе с В. К. Блюхером, который был известен в Китае под именем генерала Галина. Играл военный оркестр, было множество знамен, транспарантов с приветственными лозунгами. Все было торжественно, парадно.

Сопровождаемые встречавшими нас делегациями и военной охраной, мы пешком отправились во дворец бывшего дубаня Цзянси, где находился теперь штаб Чан Кай-ши. Как и все китайские дворцы, он состоял из одноэтажных довольно высоких каменных палат национальной архитектуры с большим количеством внутренних двориков, бассейнов, садилов и цветников. Роскошь дворца должна была контрастировать с серой монотонностью и невзрачностью окружающих его зданий. Дворцовая роскошь — символ власти, противопоставленной народу.

В зале дворца состоялся завтрак. Стол был сервирован по-европейски. Принимала нас жена Чан Кай-ши. Два дня шли банкеты в Наньчане в честь приезда национального правительства и русских советников, два дня прощупывал Чан Кай-ши настроение и намерения членов правительства, прибывших в Наньчан для военно-политического совещания с ним — теперь не только главкомом, но и фактическим главой правительства и ЦИК гоминьдана.

Наньчан — большой старинный город. По его внешнему виду можно было заключить, что вряд ли он изменился за последние двести-триста лет. Зданий европейского типа здесь почти не было. Это был центр цзянсийской бюрократии, торговли и старинных ремесел.

Главной достопримечательностью провинции были фарфоровые мануфактуры. Их изделия были знамениты не только во всем Китае, но далеко за его пределами. Заграничный спрос отразился на характере выпускаемых изделий. Это был не только китайский, но и уже европеизированный фарфор. Было очевидно, что значительная часть этой продукции предназначена на экспорт в Европу и Америку. Таким образом, наньчанская буржуазия была уже втянута в мировую торговлю и связь с иностранным капиталом.

Выйдя за пределы дворца в город, мы сразу же столкнулись с его политической жизнью, во многом изменившейся после прихода сюда национально-революционной армии. Столкнулись несколько неожиданно и своеобразно. В Наньчане мы решили пойти в баню. После долгого путешествия это было более чем необходимо. Обошли все наньчанские банные заведения, но они оказались закрытыми. На наши вопросы давались короткие ответы, в которых сквозило явное недовольство: «закрыты из-за отсутствия в городе мелких денег». Пробовали купить кое-что в Наньчане, но целый ряд лавок также был закрыт «из-за отсутствия хороших денег».

Мы выяснили, что разместившийся здесь штаб Чан Кай-ши обзавелся своей типографией, в которой печатались бумажные деньги. Эти так называемые военные деньги, кроме штыков, ничем не были обеспечены. Такими деньгами Чан Кай-ши расплачивался за продовольствие и другие товары для армии и выкачивал из провинции реальную ценность, главным образом мелкое серебро. Население ответило на это бойкотом «воонных денег». Лавки стали закрываться. Кончилась эта история тем, что наньчанские купцы объявили всеобщую забастовку, то есть закрыли свои лавки и организовали демонстрацию протеста.

Купцы потребовали прежде всего признания новым правительством займов на сумму сорок миллионов юаней, выпущенных прежними реакционными властями, оплаты всех налогов, национального правительства и т. п. облигациями старых займов или выпущенных под их гарантию бумажными деньгами прежних правительств.

В дни нашего пребывания в Наньчане по приказу Чан Кай-ши было созвано экстренное совещание, которое приняло такие решения: 1) признать прежние займы и допустить к обращению бумажные деньги прежних правительств; 2) приказать купцам открыть все лавки 7 декабря, а в случае неподчинения принудить их к этому вооруженной силой; 3) предложить торговой палате и всем гильдиям пустить в обращение спрятанные ими медные деньги; 4) привести в порядок дела обанкротившегося цзянсийского банка.

Купцы, как видим, одержали победу.

В Наньчане должно было состояться военно-политическое совещание прибывших сюда членов правительства и ЦИК гоминьдана под председательством Чан Кай-ши. Однако обстановка в городе была неблагоприятной для такого совещания: недовольство народных масс, выступивших со своими требованиями, бунт купцов заставили Чан Кай-ши перенести совещание в Кулин.

В спешном порядке все двинулись в Цзюцзян, чтобы оттуда подняться в Кулин. Наньчан и Цзюцзян связаны железной дорогой, принадлежавшей тогда японскому капиталу. Мы отпразднили на вокзал. Нужно было по плоту перейти реку и оттуда километра три идти по пескам до вокзала. Сели в поезд. Из окон вагона видны были следы недавно кончившихся боев: разрушенные артиллерийским огнем железнодорожные станции, воронки от снарядов, кое-где лежали еще не убранные трупы убитых солдат.

Вскоре остановились на полуразрушенной станции. Это был маленький городок Дзэнь. Поезд стоял здесь около 15 мин. На вокзал пришли местные рабочие, главным образом железнодорожники, со знаменами и отпечатанными литографским способом листовками, которые вручались всем пассажирам поезда. Мы разговорились с рабочими, у которых был оборванный и изнуренный вид. В продолжение трех месяцев под руководством своего нелегального рабочего союза они делали все, чтобы помешать продвижению боеприпасов и войск Сунь Чуань-фана. Несколько раз за это время бастовали. Три месяца Сунь Чуань-фан не платил заработной платы. Наконец при поддержке рабочих победила национально-революционная армия. Но вот уже около месяца рабочие по-прежнему не получают заработной платы. Легализовавшийся с приходом национально-революционной армии рабочий союз железнодорожников отправил делегацию к Чан Кай-ши с просьбой уплатить рабочим не только за этот месяц, но и за три месяца, во время которых они помогали национально-революционной армии. Чан Кай-ши ответил, что долгов Сунь Чуань-фана он не будет оплачивать, но обещал выплатить заработную плату за время, прошедшее со времени вступления в городок национально-революционной армии. Тем не менее им до сих пор ничего не уплатили. Рабочие рассказывали нам, что вдобавок ко всему этому им негде жить. И действительно, со станции был виден разрушенный артиллерией Дзэнь. «Четыре месяца мы живем в голоде и холоде. Дети наши умирают. Передайте правительству, попросите их помочь нам». Чан Кай-ши сидел в вагоне и не выходил.

Рабочие продолжали свой рассказ. Оказывается, в ответ на настойчивые требования союза железнодорожников о помощи рабочим Чан Кай-ши объявил этот союз «суньчуаньфановским», приказал распустить его и предложил рабочему отделу гоминьдана организовать вместо существующего новый союз железнодорожников. Старый союз отказался выполнить этот приказ и продолжал действовать, но наряду с ним появилась созданная по приказу Чан Кай-ши другая организация железнодорожников, состоявшая не из рабочих, а главным образом из служащих.

Перед нами стояли рабочие, которые входили в местную организацию гоминьдана. Гоминьдановцы протестовали против создания гоминьданом нового союза железнодорожников.

Они вручили членам правительства и ЦИК гоминьдана две декларации. Одна — приветствовавшая СССР, другая — требовавшая возвращения Ван Цзин-вэя¹.

Требование возвращения Ван Цзин-вэя возникло в результате изменения обстановки в стране. Выше уже говорилось, что события 20 марта 1926 г. повлекли за собой переход власти в руки Чан Кай-ши. До этого делами правительства вершил Ван Цзин-вэй, который искал поддержки у левых гоминьдановцев, коммунистической партии и Советского Союза. За событиями 20 марта последовало устранение Ван Цзин-вэя с поста главы кантонского правительства. Он сказался больным и уехал во Францию.

¹ Ван Цзин-вэй впоследствии оказался таким же предателем национальной революции, как и Чан Кай-ши. Но в то время он еще не раскрыл своего политического лица и считался «левым». После бегства Ван Цзин-вэя его временно сменил на посту главы правительства командующий второй армией генерал Таи Янь-кай. Теперь же всей полнотой власти — и военной и гражданской — обладал Чан Кай-ши.

Чан Кай-ши в борьбе за власть опирался на правых гоминьдановцев. Удар по Ван Цзин-вэю одновременно сопровождался акциями, направленными против коммунистической партии и русских советников. Следует отметить, что сама дата 20 марта была выбрана не случайно. М. Бородин, который пользовался большим влиянием в гоминьдане, и Г. Войтинский, представитель Коминтерна, пользовавшийся не меньшим влиянием в ЦК КПК, уехали в Москву. Переворот был приурочен ко времени отсутствия их обоих.

ЦК Коммунистической партии Китая после «инцидента» 20 марта послал в Кантон члена ЦК Чжан Го-тао, в недавнем прошлом противника вхождения коммунистической партии в гоминьдан. Теперь Чжан Го-тао занял прямо противоположную позицию: он вступил в переговоры с Чан Кай-ши, заверил его в полной лояльности коммунистической партии к нему и заключил с Чан Кай-ши компромисс на условиях удаления целого ряда коммунистов из 1-й армии, которой командовал лично Чан Кай-ши, из военной академии Вампу, начальником которой был тот же Чан Кай-ши, а также из аппарата ЦИК гоминьдана. Ряд коммунистов, занимавших ответственные должности в аппарате гоминьдана, вынуждены были уйти со своих постов, в том числе и Мао Цзэ-дун, который до событий 20 марта заведовал отделом пропаганды в ЦИК гоминьдана.

Между тем Чан Кай-ши готовился к Северному походу. После печального опыта Сунь Ят-сена в 1922 г. Чан Кай-ши понимал, что без поддержки народных масс Северный поход обречен на неудачу. Ему, средней руки военачальнику, нужны были опытные советские военные советники, рассчитывал он и на материальную помощь Советского Союза. Для привлечения народных масс правые гоминьдановцы не были пригодны. Чтобы успешно провести Северный поход, нельзя было ссориться с Советским Союзом. Следовательно, Чан Кай-ши вынужден был пойти на уступки и компромисс с коммунистической партией. В результате переговоров с Чжан Го-тао он вернул оружие рабочим пикетам гонконгского стачечного комитета. Удалив в поста главы правительства Ван Цзин-вэя, Чан Кай-ши одновременно дал шлепок и по правым гоминьдановцам: в военной академии Вампу он распустил как союз молодых офицеров, руководимый коммунистами, так и махрово правое «общество Сунь Ят-сена». Гражданский мир в Кантоне был восстановлен, но на условиях некоторого отступления коммунистической партии. Теперь можно было приступить к подготовке Северного похода.

Северный поход всколыхнул народные массы. Под прямым воздействием коммунистической партии в тылу народно-революционной армии росли рабочие и крестьянские союзы. Левые гоминьдановцы потребовали теперь «возвращения Ван Цзин-вэя», то есть отстранения Чан Кай-ши от руководства правительством и гоминьданом.

После того как был взят Ханькоу, прибой людского моря был настолько силен, что создавалась обстановка двоевластия: наступление народных масс было настолько широко и сильно, что в октябре 1926 г. всекитайская конференция гоминьдана в Кантоне потребовала возвращения Ван Цзин-вэя. Соотношение сил изменилось тогда в пользу левых гоминьдановцев.

Чан Кай-ши был на фронте и оказался не в состоянии тогда выступить против движения народных масс, против коммунистической партии, против левых элементов в гоминьдане. Его покровитель и наставник, уже старый и парализованный шанхайский банкир Чжан Цзин-цзян, рекомендовал ему прикинуться «исполнителем воли народа» и тоже послать телеграмму Ван Цзин-вэю с просьбой вернуться в Кантон.

На октябрьской конференции гоминьдана в Кантоне было принято постановление о возвращении Ван Цзин-вэя, но тут-то и разыгрался фарс. Встал вопрос: куда именно его вернуть. Он ведь был председателем правительства — пост, который сейчас был занят Чан Кай-ши. Делегаты конференции разъяснили, что Ван Цзин-вэй должен вернуться на пост председателя правительства вместо Чан Кай-ши. Тогда на трибуну конференции в кресле внесли парализованного Чжан Цзин-цзяна. Открылся один глаз, перекопился рот, и старец огласил «только что полученную» телеграмму Чан Кай-ши, в которой тот сообщал, что он против возвращения Ван Цзин-вэя.

Вот почему на всем нашем пути из Кантона в Ханькоу, на каждом митинге раздавался призыв «возвратить Ван Цзин-вэя», направленный против Чан Кай-ши, снова начавшего после 20 марта проводить антинародную политику. Вот и теперь на маленькой станции в Дзэни мы снова услышали это требование.

Поезд тронулся. Некоторые члены правительства держали в руках декларацию дзэньских рабочих. Чан Кай-ши, который решил уплатить суньчуаньфановские долги наньчанским купцам, но не платил революционным рабочим, чувствовал себя в нашем присутствии несколько неудобно и молча сидел в углу вагона.

Ему было в это время за сорок лет. Он родился в деревне недалеко от портового города Нинбо (провинция Чжэцзян) в семье торговца, владевшего земельным участком в 40 му. Землю свою его отец сдавал в аренду крестьянам.

Окончив в Нинбо среднюю школу, Чан Кай-ши уехал в Японию, где поступил в военную академию. Он познакомился там с Сунь Ят-сеном и вступил в его револю-

ционную организацию. Во время революции 1911 г. Чан Кай-ши возглавил в Нинбо отряд вооруженных бамбуковыми пиками повстанцев. События занесли его в главный город провинции — Ханчжоу, а затем в Шанхай.

Здесь, в Шанхае, он подружился с Дай Цзи-тао, позднее идеологом правых гоминьдановцев. Помимо Дай Цзи-тао, Чан Кай-ши установил дружеские отношения и с одним из сподвижников Сунь Ят-сена — Чен Ци-мэем.

Все три друга, вышедшие из одной провинции, были связаны в Шанхае с Чжан Цзин-цзяном, крупным землевладельцем и шанхайским банкиром, финансировавшим Сунь Ят-сена.

После поражения революции 1911 г. Чан Кай-ши отходит от политической деятельности. Он живет в Шанхае, занятый личными делами. Лишь в 1921 г., когда Сунь Ят-сену удалось обосноваться в Кантоне, Чан Кай-ши снова устанавливает связь с Сунь Ят-сеном и приезжает в Кантон. Здесь он не добился еще независимого положения и во время переворота Чэнь Цзюнь-мина в 1922 г. бежал вместе с Сунь Ят-сеном на военное судно. Не из преданности Сунь Ят-сену Чан Кай-ши очутился на этом военном судне, а потому что ничего другого, кроме бегства, ему не оставалось делать. У него не было еще своих собственных военных сил для того, чтобы изменить Сунь Ят-сену, не было своей армии, а без армии он не нужен был Чэнь Цзюнь-мину.

Но самый факт, что в тяжелую для Сунь Ят-сена минуту Чан Кай-ши очутился вместе с ним, послужил причиной их сближения. Именно с этого момента Сунь Ят-сен использует Чан Кай-ши в подготовке нового наступления на Кантон. После возвращения в Шанхай Сунь Ят-сен формирует новую военную группировку. Теперь он посылает Чан Кай-ши в Фуцзянь для установления контакта с аньфуистскими генералами, при помощи которых в 1923 г. Сунь Ят-сен вернулся в Кантон.

Потерпев в 1922 г. поражение, Сунь Ят-сен продолжал борьбу. Иначе обстояло дело с Чан Кай-ши. Как и после революции 1911 г., он был охвачен разочарованием и унынием. Находясь в Фуцзяни с военным заданием Сунь Ят-сена, Чан Кай-ши пишет Ху Хань-мину: «Если в течение 10 дней не достигну успеха, тогда бросаю борьбу».

Вот тогда-то и начинается переписка Сунь Ят-сена с Чан Кай-ши. В своем письме от 22 ноября 1922 г. Сунь Ят-сен пытается ободрить Чан Кай-ши. Поучая и браня его, он пишет: «Нужно быть терпеливым, прилежным, не бояться работы и плохого; только тогда можно добиться хорошего результата. Но нельзя ведь так: если через 10 дней не будет успеха, то уже нет желания больше работать. Так, конечно, желаемой цели достигнуть нельзя». В этом же первом письме Сунь Ят-сен сообщает Чан Кай-ши ободряющую новость о том, что Коммунистическая партия Китая решила вступить в гоминьдан.

Поведение Чан Кай-ши после поражения революции 1911 г., когда он отошел от политической борьбы, а также после переворота Чэнь Цзюнь-мина в 1922 г. характеризует Чан Кай-ши как человека в высшей степени неустойчивого и отнюдь не как последовательного сторонника Сунь Ят-сена.

Когда прочитываешь 22 письма Сунь Ят-сена к Чан Кай-ши, которые были опубликованы последним после переворота 20 марта 1926 г., для того чтобы доказать, что не Ван Цзин-вэй, а именно он, Чан Кай-ши, должен быть преемником Сунь Ят-сена, то удивляешься, как Чан Кай-ши решился опубликовать эти письма — ведь они характеризуют его с самой отрицательной стороны.

Чего в них только нет! Вот Сунь Ят-сен приказывает Чан Кай-ши доставить в соответствующее место оружие. Чан Кай-ши приказа не выполняет. После многократных напоминаний Чан Кай-ши наконец доставляет требуемое оружие. Но, как пишет в новом письме Сунь Ят-сен, на «следующее утро хотим начать передвижение, но вдруг вы прислали сюда людей и взяли обратно пулеметы и пистолеты, поэтому мы не можем выполнить план» (последнее письмо от 4 ноября 1924 г.).

После первого съезда гоминьдана в 1924 г. Сунь Ят-сен решил организовать под Кантоном, на острове Вампу, военную академию для подготовки командиров совершенно нового типа, преданных национальной революции. Начальником этой академии он назначил Чан Кай-ши, однако, не слишком доверяя ему, назначил в академию и подлинного революционного гоминьдановца Ляо Чжун-кая — в качестве политического комиссара.

После смерти Сунь Ят-сена правые гоминьдановцы убили Ляо Чжун-кая. Между убийством Ляо Чжун-кая и переворотом 20 марта 1926 г., в результате которого Чан Кай-ши оказался верховным главнокомандующим, существовала определенная связь.

В. К. Блюхер, главный военный советник Чан Кай-ши во время Северного похода, рассказывал мне, что неустойчивость верховного главнокомандующего проявлялась при первой же военной неудаче. Несколько раз, когда противнику удавалось нанести удар национально-революционной армии и перейти в наступление, Чан Кай-ши пытался бежать с фронта. Не один раз его чуть ли не за руки держали, не допуская бегства, которое внесло бы моральное разложение в командный состав национально-революционной армии.

Однако чем больше побед одерживала национально-революционная армия, чем дальше на север она продвигалась, тем самоувереннее становился Чан Кай-ши, тем чаще маячил перед ним образ Наполеона, тем скорее уходил он вправо. Между тем прямо противоположный процесс происходил в народных массах. Северный поход разбудил и поднял самые глубокие пласты рабочих и крестьян, они организовывались в союзы, они требовали социальных реформ. Массы шли влево.

Теперь, упоенный победами, Чан Кай-ши сидел перед нами в вагоне. Стройный, подтянутый, в лакированных туфлях, с блестящими хитрыми глазами, маленького роста человек чувствовал себя Наполеоном. Он искусственно пытался вести себя спокойно, хладнокровно, с достоинством, которое соответствует его чину и рангу. И вместе с тем этот всегда улыбающийся, любезный, вечно ухаживающий за вами генерал вставал каждую минуту, чтобы предложить место другому, с чисто китайской почтительностью складывал руки и любезно расплывался в улыбке. И как-то не верилось, что перед тобой автор переворота 20 марта 1926 г. в Кантоне.

Этот человек, претендовавший на историческую роль, рассматривал политику прежде всего как средство личного обогащения. В этих целях он уже тогда обвораживал собственную армию. Об этом знал каждый его офицер. Правительство отпусало, например, значительные суммы на медицинское обслуживание войск. Деньги эти шли в карман Чан Кай-ши, а раненые солдаты оставались без медикаментов, без госпиталей, без врачей.

Полмиллиона юаней получал Чан Кай-ши ежемесячно для фабрики солдатских одеял, в то время как для снабжения всей армии одеялами на целый год достаточно было трехсот тысяч юаней.

В декабре правительство сидело в полном смысле слова без копейки. Не было даже трех тысяч юаней, чтобы отправить в Москву в Университет имени Сунь Ят-сена студентов, отобранных для этой цели ЦИК гоминьдана, а Чан Кай-ши в это время требовал от министра финансов 7 тыс. юаней для обмундирования его личной охраны. Министр обшарил все углы, но деньги для Чан Кай-ши все же достал. Не брезговал он и малыми суммами. Министр юстиции Сюй Цянь буквально вопил: «Что это за революция, если по-прежнему грабится народ для личного обогащения генералов!» Как и все китайские милитаристы, Чан Кай-ши был прежде всего казнокрадом.

Поезд остановился. Мы приехали в Цзюцзян. На вокзальной площади собрались рабочие, главным образом железнодорожники. Импровизированная трибуна и митинг. Выступил Бородин. Буря оваций. Летят вверх шапки. Громкие, восторженные крики во время речи. Мы стояли как зачарованные. Таких взрывов революционного энтузиазма мы еще не видели.

Цзюцзян был открытым для иностранной торговли внутренним портом. Река Янцзы здесь доступна для больших морских пароходов. Имелась здесь небольшая иностранная концессия, которая представляла собой два ряда домов вдоль набережной. Иностранные консульства и представительства заграничных импортно-экспортных фирм разместились на этой крошечной концессии, вокруг которой вырос довольно большой китайский город, где заправляли богатые компрადоры, связанные с иностранным капиталом.

Иностранная концессия была окружена проволочными ограждениями и баррикадами, сложенными из мешков с землей. В порту стояло несколько английских, американских и японских канонерок.

На следующий день мы стали подниматься в горы, на которых расположен Кулин. Крутые подъемы тянулись на протяжении десяти километров. Вот мы уже в облаках. С трудом разглядываешь уступы, по которым приходится взбираться. Воздух насыщен влагой, кругом густой туман. Слышен шум водопадов. Через два часа облака остались под нами. Яркое солнце. Тепло и красиво. Вот и Кулин — расположенный в высокогорных ложбинах. Иностранцы облюбовали его под курорт. Они построили здесь уютные отели, европейские виллы, несколько церквей, госпиталей и школ, отделения шанхайских иностранных фирм. В данное время мы застали в городе только охранявших имущество служащих: англичан, американцев, русских белогвардейцев и китайскую обслугу. Летом Кулин переполняли приезжавшие со всех концов Китая иностранцы. Здесь имелась даже и русская концессия с так называемым «русским прудом». Китайцы сюда прежде не допускались, но в последнее время китайская буржуазия выстроила для себя целый район вилл европейского типа.

Кулин издавна был известен как «святое» место. Здесь находится знаменитый буддийский монастырь. Христианские миссионеры все же пробрались сюда, и с тех пор это место стало известно иностранцам. Какой-то англичанин, по фамилии Литтл, ухитрился когда-то путем взятка купить почти все горные вершины Кулина за 400 долларов. Купив, он построил здесь сторожку и вывесил английский флаг. Когда китайцы увидели на своих «святых местах» английский флаг, они, возмущенные, разрушили сторожку Литтла. Дальше последовали: нота пекинскому правительству по поводу оскорбления английского флага, требование возмещения убытков и правительство узаконения договора. В результате за свою грошовую сторожку Литтл по-

лучил утвержденный пекинским правительством договор и компенсацию в 4000 долл. Литтл стал царьком здешних мест. Вырос курорт, а Литтл стал миллионером.

В 1926 г. он был вождем фашистской «Лиги борьбы с III Интернационалом» в Китае. За спиной этой организации стоял английский Гонконг-Шанхайский банк. Организация вела активную пропаганду на китайском языке и издавала в Шанхае антисемитский журнальчик на английском языке «Конституционалист», который перепечатывал из московских газет даже открытые письма Коммунистического Интернационала молодежи, сопровождая их злобными ругательствами.

Мы пришли в Кулин. Теперь он был пуст. Боясь народно-революционной армии и военных действий, большинство иностранцев разбежались. Некоторые дома и отели были заколочены, в других оставались не то хозяева, не то их служащие — все иностранцы.

Не успели мы устроиться в одном из небольших отелей, как в окна увидели всех членов правительства, всех ведущих деятелей гоминьдана. Они ходили из дома в дом, что-то расспрашивали. Потом мы узнали, что каждый из них хотел купить себе какую-нибудь виллу.

Тут, в горах, вдали от народных масс, от митингов, где не слышно было народных требований, состоялось военно-политическое совещание, на котором обсуждалась программа дальнейших действий.

Прежде всего рассматривался военный вопрос: наступать дальше или приостановить наступление? Революционные элементы в гоминьдане и в народно-революционной армии считали необходимым приостановить военное наступление в целях консолидации тыла. Разбухшая и разросшаяся до 30 корпусов армия стала политически небогонадёжной. Командный состав состоял из перешедших на сторону Чан Кай-ши воинских частей реакционных милитаристов. Задача заключалась в том, чтобы усилить политическую работу в новых корпусах и разоружить отдельные явно контрреволюционные части.

Следовало также учесть, что солдатам уже три месяца не выплачивалось жалование, началось дезертирство, и наемная неоплаченная армия могла в любое время перейти на сторону противника.

Но основная политическая проблема заключалась в укреплении тыла. Освобожден был ряд провинций; крестьянство, рабочий класс, мелкая буржуазия ждали реформ, направленных на улучшение их положения. Между тем перебежчики генералы по-прежнему продолжали грабить и притеснять рабочих и крестьян. Опасность заключалась в том, что массы могли отвернуться от армии, одержавшей победу под знаменем единого фронта, но оказавшейся сейчас в значительной степени уже в руках перекрасившихся реакционных генералов. При таком положении невозможно было продолжать Северный поход.

Поэтому левые гоминьдановцы и коммунисты настаивали на консолидации, на укреплении тыла, на социально-экономических реформах, на политической реорганизации армии.

На кулинской конференции было решено приостановить наступление. Однако вслед за этим сразу же зашла речь о реформах, о рабочем и крестьянском вопросе. Именно этого больше всего боялись буржуазия и крупные землевладельцы, представленные на военно-политическом совещании в Кулине. И хотя Чан Кай-ши выступил с лозунгом «прекращение классово-борьбы в городе и развертывание крестьянского движения в деревне», никакой конкретной программы по аграрному вопросу он не предложил.

Чан Кай-ши интересовался в первую очередь финансовым вопросом, стремясь сохранить контроль над финансированием отдельных корпусов армии, ибо он понимал: кто дает деньги, тот и держит в руках эту перешедшую на сторону гоминьдана армию.

Поскольку правые гоминьдановцы отнюдь не собирались заняться социальными реформами, они предлагали другой план. Они выступали за продолжение военных действий, за то, чтобы сказать массам: реформы будут после победы, после объединения всего Китая.

Наступать! Но сил для борьбы, для наступления все же не было. Сохранялся лишь старый метод подкупа генералов противника. Армия вступила на родину Чан Кай-ши — в провинцию Чжэцзян. Подкуп совершался на условии сохранения генералами прежнего положения. Реакционные милитаристы, перейдя на сторону кантонцев, первоначально в командиров соответствующих корпусов национально-революционной армии. Таким способом в один месяц была «занята» вся провинция Чжэцзян с ее столицей Ханчжоу, расположенной в нескольких часах езды от Шанхая. Для такой войны требовались не солдаты, не оружие, а только деньги. Они прежде всего и интересовали Чан Кай-ши.

Он рвался в Шанхай к таможенным доходам Шанхая, к сделке с иностранным империализмом.

На совещании в Кулине стоял и вопрос о Ван Цзин-взе. Чан Кай-ши притворился главным и снова призвал его вернуться. Это считалось чуть ли не самым важным решением совещания, уступкой «левым» в обмен за отказ от социальных реформ.

В Кулине я беседовал с Чан Кай-ши о его планах на ближайшее будущее. Он явно нервничал, говоря о резолюции октябрьской конференции в Кантоне, разрешение аграрного вопроса мыслил себе как выкуп земли у крупных землевладельцев. В этой беседе он больше интересовался нашим отношением к нему лично, к его планам, которые были уже довольно ясны. В явно вопросительной форме он сказал мне о своем желании поехать в Москву в качестве профессора университета имени Сунь Ятсена. Дипломатия была настолько прозрачна, что трудно было удержаться от улыбки. Тем не менее сына своего он действительно послал учиться в этот университет, для того чтобы дезориентировать левых.

В разговоре со мной Чан Кай-ши ругал командиров отдельных корпусов национально-революционной армии, в которых, по его словам, политическая работа была очень плохо поставлена. Он говорил мне, что командиры не искренни в своих политических суждениях, что они препятствуют политической работе в частях и что, будучи членами гоминьдана, они на самом деле ничего общего с этой партией не имеют. Все это, конечно, соответствовало действительности, но когда об этом говорил Чан Кай-ши, то всегда следовало догадываться, кого именно он имел в виду.

Нетрудно было понять, что речь шла о генерале Тан Шэн-чжи, войска которого располагались в Ухане. Там же находилось теперь политическое управление национально-революционной армии, начальником которого был левый тогда гоминьдановец Дэн Янь-да. Едва мы успели приехать в Ухань, как Чан Кай-ши через голову Дэн Янь-да уволил сперва начальника агитационного отдела политического управления армии. Вскоре эта участь постигла и самого Дэн Янь-да, который олицетворял тогда блок левых гоминьдановцев с коммунистами в армии.

Итак, на кулинском совещании было достигнуто соглашение о том, что Ван Цзин-вэй возвращается и что национальное правительство будет находиться в Ухане.

8 декабря 1926 г. совещание в Кулине закончилось, и на следующий день все спустились с гор в Цзюцзян. Чан Кай-ши был очень внимателен, заботлив, беспокоился о паланкинах для членов правительства и гостей, суетился, был «большим джентльменом» и сел в паланкин последним.

В ночь на 10 декабря состоялся переезд правительства из Цзюцзяна в Ухань. Все были уже на пристани. Вот и пароходик. Ночь. Холодно. Тащат вещи. Члены правительства уже сидят в кают-компани. Приходит Чан Кай-ши. Он рад, весел, широко улыбается, со всеми чрезвычайно любезен и... протягивает всем руку. Он прощает-ся, он в Ухань не поедет, он остается в Наньчане.

И пароходик, который под утро, поднатужившись, тронулся в Учан, оставил на берегу один центр в Наньчане и вез в своих каютах другой центр в Ухань. 10 декабря правительство было торжественно встречено стотысячной манифестацией в Учане, и в тот же день началась борьба Наньчана с Уханем. 15 декабря был издан приказ Чан Кай-ши о запрещении забастовок в Ханькоу, затем последовали приказы о разоружении рабочих. Из Наньчана шел приказ за приказом о различных мероприятиях, направленных против рабочего класса и крестьянства. Наньчан стал центром всех правых гоминьдановцев и контрреволюционеров. Во главе их стоял Чан Кай-ши.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

«Бичуринский период» русской синологии

П. Е. Скачков

От редакци.

Заметка

Изучение творческого наследия, оставленного многими поколениями китаеведов, работавших в условиях дореволюционной России, является составной частью как современного китаеведческого образования, так и научной и практической работы по Китаю. Следует заметить, что проблема наследия существенно трансформировалась за последние полтора-два десятилетия. Если в первые годы после революции, а также в довоенный период развития советского китаеведения на первый план выдвигалась задача критического анализа работ китаеведов XVIII—XIX вв., ниспровержения идеалистических теорий в трактовке истории Китая, его культуры, религиозно-философских систем, социальных отношений и правовых норм, то на новом этапе, когда в результате многолетнего труда советских китаеведов создано значительное количество исследований, освещающих с позиций марксизма-ленинизма узловые проблемы развития древнего и современного Китая, основной целью обращения к наследию прошлых веков в области китаеведческих дисциплин становится углубленное изучение самого процесса познания Китая, становления и развития китаеведения как науки, прослеживание этапов достижения отечественными китаеведами высшего мирового уровня.

Освоению книжного богатства, созданного за истекшие века, существенно помогло создание известным советским китаеведом П. Е. Скачковым «Библиографии Китая» (М., 1932, и второе изд., М., 1960). Однако практически нетронутым полем деятельности оставалось рукописное наследие русских китаеведов. В архивах и рукописных отделах библиотек хранилось около 700 неизданных трудов, принадлежавших перу таких незаурядных представителей отечественной китаеведной школы, как И. К. Россохин, Н. Я. Бичурин, П. Кафаров, В. П. Васильев и многих других.

О том, с каким вниманием относятся советские китаеведы к этой сокровищнице русского китаеведения, свидетельствует публикация работ Н. Я. Бичурина по исторической географии Центральной Азии (Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений по исторической географии Восточной и Серединной Азии. Чебоксары, 1960 г.), дневников К. А. Скачкова о тайпинском восстании (К. А. Скачков. Пекин в дни тайпинского восстания. М., 1958 г.), художественное переложение В. Е. Ларичевым дневников П. Кафарова о его поездке по Уссурийскому краю (В. Ларичев. Путешествие в страну восточных иноземцев, Новосибирск, 1973 г.). В настоящее время Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР подготовлен к публикации выполненный известным маньчжуроведом XIX в. Г. М. Розовым перевод «Цзинь ши», издание которого включено в план работы Хабаровского книжного издательства.

Одним из зачинателей и энтузиастов публикаторской деятельности в области китаеведения был П. Е. Скачков. Хорошо известна его работа над рукописным наследием К. А. Скачкова, публикации эпистолярного наследия русских китаеведов. В 1955—1956 гг. у Петра Емельяновича созрел замысел двух крупных работ, проекты которых обсуждались тогда в Институте китаеведения АН СССР. Это был план издания «Библиографического словаря русских китаеведов» и справочника «Рукописное наследие русских китаеведов». Эти работы должны были как бы дополнить «Библиографию Китая» подробными сведениями о жизни и творчестве представленных в ней авторов, а также показать, что их творчество не исчерпывалось лишь изданными трудами. В комплексе эти работы поставили бы на службу советскому китаеведению все лучшее, что было в отечественном дореволюционном китаеведении. Однако, как нередко бывает, в дальнейшем этот замысел видоизменился и привел к идее создания одной обобщающей монографии — «Очерков истории русского китаеведения». Этому труду и были посвящены последние годы жизни Петра Емельяновича. Однако он не успел опубликовать его.

В настоящее время Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» готовит эту монографию к выходу в свет. Нет необходимости говорить о том, что публикация этого труда ознаменует новый этап в изучении творческого наследия китаеведов.

ведов прошлых эпох, многих классических работ, созданных ими. Науке будут возвращены имена значительного числа скромных тружеников, которым в условиях царской России порой вообще было не под силу издать свои труды и которые поэтому сейчас известны лишь исключительно узкому кругу специалистов. Вместе с тем во многом по-новому читаются и биографии корифеев нашего востоковедения, ибо для изучения их привлечен широкий комплекс новых архивных материалов. В приложения к монографии включены перечень архивных источников по истории русского китаеведения и аннотированный указатель рукописей китаеведов, хранящихся в различных архивах нашей страны.

Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока», учитывая постоянный интерес читателей к истории отечественного востоковедения, а также в связи с 250-летием Академии наук СССР вновь обращается к этой теме и предпринимает публикацию отдельных фрагментов из готовящейся к изданию книги П. Е. Скачкова. В качестве первого фрагмента в этом номере берется очерк о жизни и трудах того, кто по праву считается основателем китаеведной науки в России, — Никиты Яковлевича Бичурина (Иакинфа).

Фигура Н. Я. Бичурина неоднократно привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей удивительной талантливостью и преданностью науке, позволившими ему совершить истинно научный подвиг. В самое последнее время вышли в свет первая часть посвященного Н. Я. Бичурину романа В. Н. Кривцова «Путь к Великой стене» (М., 1972) и статья чл.-корр. АН СССР Н. Т. Федоренко «Иакинф Бичурин, основатель русского китаеведения» (Известия Академии наук СССР, серия литературы и языка, т. 33, № 4, июль — август 1974, стр. 341—351), в которой прослеживаются духовные истоки научных и общественных взглядов «вольнодумца в рясе», анализируются его связи с передовыми кругами России.

Публикуемый очерк «Бичуринский период» русской синологии» дает представление о творческой биографии Н. Я. Бичурина, его влиянии на целую плеяду видных русских китаеведов. Текст П. Е. Скачкова дается с необходимыми для журнальной публикации сокращениями.

* * *

Иакинф Бичурин, до монашества Никита Яковлевич Пичуринский, сын священника Якова Данилова, родился в сентябре 1777 г. в с. Акулево Свияжской округи. В Казанскую духовную семинарию поступил в 1786 или в 1787 г.¹ В 1799 г., после окончания семинарии, преобразованной в 1798 г. в академию, Никита Пичуринский оставлен в академии учителем грамматики.

Двадцати двух лет Н. Бичурин постригся в монахи и принял имя Иакинф². Переход Бичурина в так называемое «черное духовенство» можно объяснить исключительно особым, привилегированным положением, которое занимали «монашествующие»: все высшие посты церковной иерархии могли занимать только монахи. Даже учителя, принявшие монашество, зачислялись в монастыри и получали от них 128 руб. в год, хотя там и не бывали. Например, И. Бичурин, будучи учителем академии, был одновременно зачислен иеромонахом Александро-Невской лавры.

В 1801 г. Бичурин был назначен настоятелем Казанского Иоановского монастыря. В 1802 г. — возведен в сан архимандрита и благодаря покровительству бывшего главы Казанской епархии Амвросия Подобедова поставлен во главе Иркутского Вознесенского монастыря и духовной семинарии.

В 1803 г. за нарушение монашеского обета И. Бичурин был переведен в Тобольский монастырь без права церковного служения. В 1807 г. по представлению Ю. А. Головкина И. Бичурин назначается на ответственный пост начальника Пекинской духовной миссии вместо отведенного Ю. А. Головкиным «по неспособности» архимандрита Аполлоса. В октябре 1807 г. миссия под главенством И. Бичурина выехала из России, а 10 января 1808 г. прибыла в Пекин.

Несмотря на трудности, связанные с тяжелыми материальными и бытовыми условиями, И. Бичурин посвящал большую часть времени изучению китайского языка и страны. Блестящие способности Бичурина, проявленные им еще в духовной Академии, знание латинского, греческого и французского языков помогли ему сравнительно быстро овладеть китайским языком. В начале жизни в Пекине Бичурин начал изучать, кроме китайского, маньчжурский и монгольский языки, но, убедившись в том, что основная масса источников и литературы написана на китайском языке, а издания на маньчжурском — всего лишь перевод, решил оставить занятия маньчжурistikой. Главная трудность в изучении китайского языка заключалась в полном отсутствии какой-либо преемственности, не было учебных пособий, а самое главное, китайско-русского

¹ И. Д. Мурза с в. Новые документы об Иакинфе Бичурине, выявленные в архивах Ленинграда. — Уч. зап. Научно-исследовательского института... при Совете Министров Чувашской АССР, в. XIX, 1960, стр. 303—319.

² Там же, стр. 305.

словаря. И. Бичурин в первую очередь принялся за его составление. Основой словаря, по замыслу И. Бичурина, должен был стать живой, разговорный язык. Поэтому, одетый в китайский костюм, он ходил по базарам, ярмаркам, лавкам и, показывая на какой-нибудь предмет, просил написать название этого предмета иероглифами и записывал произношение. Полученные таким образом сведения он проверял дома со своим учителем китайского языка. Быстрому усвоению разговорного китайского языка помогали беседы с его хорошими знакомыми — крестьянином деревни Дундинань крещеным китайцем Даниилом и старшиной русской роты албазинцем Алексеем, говорившим по-русски. В результате этого предварительного труда через четыре года им был составлен небольшой китайско-русский словарь.

Бичурин познакомился с католическими миссионерами. Хорошо владея латинским и французским языками, Бичурин был частым их гостем и познакомился с хранившимися в португальской библиотеке трудами западных синологов Семедо, Майя, Грозье, Дюгальда и другими сочинениями о Китае. Изучение трудов этих синологов, несомненно, облегчило Бичурину знакомство с Китаем и помогло в дальнейшей его работе над китайским языком.

Бичурин бывал и в окрестностях Пекина: за воротами Дунаньмынь, где находилось русское кладбище; на «теплых водах», в 35 верстах от города; у Северозападных гор; в г. Тунчжоу, в 20 верстах от Пекина, куда ездил с иеромонахом Серафимом и студентом Сипаковым, пытаясь увидеться в 1816 г. с проезжавшим через этот город английским послом лордом Амхерстом.

Не довольствуясь кратким китайско-русским словарем, который Бичурин составлял в первые годы жизни в Пекине, он приступил к работе над большим словарем, требовавшим упорного, многолетнего труда.

Н. Адоратский, автор большого исследования о жизни и трудах И. Бичурина, называет только два словаря, составленных им в Пекине: «Словарь китайского языка по русскому алфавиту» и небольшой китайский словарь, расположенный «по материям» с неполным переводом на русский язык. Однако С. А. Козин, проделавший большую библиографическую работу с рукописями И. Бичурина, указал на шесть составленных им словарей.

Советский китаевед Л. И. Чугуевский указывает на пять словарей И. Бичурина, хранящихся только в Архиве Института народов Азии Академии наук СССР. Три словаря И. Бичурина обнаружены в библиотеке Ленинградского Государственного университета им. Жданова. Один из них имеет название «Тонический китайский словарь». Словарь состоит из девяти томов на 1922 листах³.

Очевидно, это и есть тот словарь, над которым Бичурин много трудился в Пекине. Словарь все время пополнялся и был четыре раза переписан, «потом в полноте значений и выражений сверен с китайским словарем под названием Кхан-си-цзы-дянь, подведен под русский алфавит по выговорам и снова переписан в девяти томах».

На седьмом году жизни в Пекине Бичурин «по совету учителя перевел «Четырехкнижие» («Сышу». — П. С.) с пространными изъяснениями. При сем упражнении [он открыл], что четырехкнижие составляет ключ к переводу ученых китайских книг на другие языки».

Составление китайско-русского словаря и переводы многотомных сочинений требовали напряженного труда и терпения, но они помогли в дальнейшем Бичурину в подготовке его ученых трудов.

При помощи тибетца Чен-ламы Бичурин перевел несколько сочинений о Тибете и сокращенное изложение монгольских уложений.

Много труда Бичурин вложил в перевод «Описания Пекина», к которому приложил составленный им в 1817 г. план города. Для подготовки плана И. Бичурин исходил и измерил шагами все улицы и переулки города, потратив на эту работу почти целый год.

«Описание Пекина» было издано в Петербурге в 1829 г. и получило заслуженное одобрение как в русской, так и в иностранной печати. Почти одновременно вышел французский перевод этого труда.

Переводами указанных сочинений не ограничивались труды И. Бичурина в Пекине. В статье «О рукописях, вывезенных из Китая арх. Гиацинтом (Иакинфом)» упомянуто семнадцать названий. Большая часть из этих рукописей опубликована. Остались в рукописях: «Трактат о прививании оспы», «Судебная медицина китайцев» и «Об укреплении Желтой реки».

Восемнадцатого ноября 1816 г. Бичурин пишет в синод пространное письмо, доказывая необходимость углубленного изучения Китая.

После тринадцатилетнего пребывания Бичурина в Пекине прибыла новая, 10-я миссия. Ее возглавлял Петр Каменский. Приставом миссии был Е. Ф. Тимковский, сыгравший впоследствии в жизни Бичурина большую роль.

³ Библиотека Восточного факультета ЛГУ, шифр Ху 1, 1—97.

Прибыв в январе 1822 г. в Петербург, И. Бичурин встретил настороженное отношение к себе со стороны синода. Еще во время жизни Бичурина в Пекине в синод на него поступали жалобы студентов и членов миссии, не совсем понимавших истинные причины бедственного положения миссии в Пекине, недовольных строгостью Бичурина, его требованием усердных занятий китайским и маньчжурским языками.

Синод передал дело о Бичурине и подчиненных ему членов миссии в Петербургскую духовную консисторию. До состоявшегося над Бичуриным суда — во время следствия — он находился под домашним арестом в Александро-Невской лавре.

Главные пункты обвинения сводились к следующим: непосещение в течение 12 лет церкви, продажа церковного имущества, полное пренебрежение к миссионерским обязанностям, плохой надзор за подчиненными и другое.

В результате судебного следствия, продолжавшегося целый год, Бичурин был приговорен консисторским судом к ссылке на вечное поселение в Валаамский монастырь, бывший тогда тюрьмой для провинившихся по разным религиозным преступлениям.

О жизни Бичурина во время его заключения в Валаамском монастыре не осталось почти никаких документов или воспоминаний, но можно с уверенностью сказать, что все первые ближайшие после освобождения из монастырской тюрьмы публикации были подготовлены им во время вынужденного сидения в четырех стенах.

Пока имеется два письма Бичурина, относящихся к годам пребывания в монастырской тюрьме. Одно из писем адресовано П. Шиллингу и найдено в его фонде⁴. Оно имеет дату «22 июня» без указания года. Это может быть и 1824, и 1825 и 1826 г. Можно строить различные предположения, к какому году относится письмо, но, пока не будет найдено дополнительных к дате письма материалов, предположения могут оказаться ошибочными.

Это письмо из Валаама открывает нам некоторые новые данные. Во-первых, выясняется, что Бичурин поддерживал связь, во всяком случае в этом (?) году, с П. Л. Шиллингом; уже ко времени отъезда из Петербурга на Валаам у него было личное знакомство с З. А. Волконской, которой он посвятил первую свою книгу «Описание Тибета...» (СПб, 1828), и, во-вторых, что большая часть его библиотеки хранилась в Петербурге и, возможно, у неизвестного Михаила Дмитриевича, который, кроме книг, посылал Бичурину и вещи.

Второе письмо, датированное «гenv. 23, 1824», сохранившееся в черновике, не имеет адресата⁵. Оно могло быть послано или А. Н. Оленину, с которым Бичурин имел переписку, или П. Л. Шиллингу. Вопрос установления адресата в данном случае не особенно существен. Это письмо-прошение должно было быть передано какому-то неизвестному высокопоставленному лицу, которое могло бы благоприятно повлиять на судьбу И. Бичурина.

В прошении Бичурин рассказывает об истории своего назначения «начальником миссии» и о своей «ошибке», совершенной по дороге в Пекин, — подаче жалобы канцлеру на Пестеля (иркутского губернатора), о последующей мести последнего, о доносе учеников и Каменского, обманутого «недоброжелателями» Бичурина, и о предвзятом отношении консисторского суда.

В конце письма, оговариваясь, что он не хочет показаться нескромным, Бичурин пишет, что, занимаясь целых тринадцать лет Китаем, он один сделал «в пять крат более, нежели все прошедшие миссии в течение ста лет, успехи» и теперь в отчаянье, так как «погибли все надежды сделать труды мои полезными отечеству».

Оторванный от общества, продолжая свою неутомимую работу в течение более трех лет над взятой с собой и присылаемой ему китайской литературой и над своими рукописями, Бичурин подготовил на Валааме к печати ряд трудов.

Только заинтересованность Азиатского департамента в лице, хорошо знающем китайский язык, и ходатайство Е. Ф. Тимковского помогли Бичурину после смены царствования выйти из монастырской тюрьмы, в которой он все же пробыл 3 года и 3 месяца.

В 1826 г. в Петербурге Бичурин был поселен в Александро-Невской лавре. От Азиатского департамента ему было назначено жалованье в размере 1200 руб. в год, и 300 руб. ежегодно выдавались на учебные пособия. В Валаамском монастыре И. Бичурин подготовил ряд трудов, высоко оцененных тогдашней отечественной и зарубежной печатью. За короткий период 1826—1834 гг. им были изданы: «Описание Тибета», «Записки о Монголии», «Описание Джунгарии», «Описание Пекина», «История первых четырех ханов», «Троесловие (Саньцзыцин)», «История Тибета и Хухунора», «Историческое обозрение ойратов или калмыков».

⁴ Архив ИНА, ф. 56, оп. 2, д. 3, л. 4.

⁵ «Письма Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы». — «Народы Азии и Африки», 1962, № 1.

Изданные труды И. Бичурина были отмечены Академией наук, избравшей его в декабре 1828 г. членом-корреспондентом по разряду литературы и древностей Востока⁶.

17 января 1829 г. директор Публичной библиотеки Оленин обратился к министру народного просвещения с просьбой включить в число почетных библиотекарей И. Бичурина для разбора и описания книг на китайском и маньчжурском языках, мотивируя это тем, что «ни из чиновников (библиотеки), ни из других известных мне здесь ученых никого не могу употребить, кроме отца Иакинфа».

Бывая в библиотеке, И. Бичурин познакомился с И. А. Крыловым (бывшим тогда библиотекарем), академиком Х. Д. Френом, профессором Шармуа из Учебного отдела Азиатского департамента, профессором университета О. Сенковским, также почетными библиотекарями.

Наибольшее число статей Бичурина опубликовано в «Московском телеграфе», с редактором которого М. П. Погодиным его связывало знакомство с 1830 г.

Из всех семи статей, опубликованных в этом журнале, следует обратить внимание на три статьи, содержащие полемику с Клапротом «Разбор критических замечаний и прибавление г-на Клапрота к французскому переводу книги «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах», «Отчет о книгах Иакинфа Бичурина касательно истории монголов, представленной Парижскому Азиатскому обществу Клапротом в сентябре 1830 года» и ответ Бичурина Клапроту.

Погодин во всех спорах Бичурина с Клапротом охотно предоставлял страницы своего журнала для полемики, всегда благожелательно относясь к Бичурину. Об этом же свидетельствуют рецензии на труды Бичурина, помещаемые в «Московском вестнике», «Московском телеграфе» и «Москвитянине».

Завершив издание главных своих переводных трудов (1825—1840), И. Бичурин начал публиковать небольшие, разнообразные по тематике статьи.

Таковы его статьи «Ежедневные упражнения китайского императора», «Землевладельческий календарь китайцев», «Взгляд на просвещение Китая», «Статистические сведения о Китае», «Меры народного продовольствия в Китае», «Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными» и другие. Большинство всех этих статей оригинальны, основаны исключительно на китайском материале и составили в дальнейшем части сводных трудов Бичурина.

Книги и статьи И. Бичурина привлекли внимание литературных и общественных кругов русского общества. Появление его трудов в таком количестве за короткий срок, — трудов, в которых проявлялась горячая симпатия к китайской культуре, глубокое знание не только Китая, но и народов Средней и Центральной Азии, — вызвало отклики в печати.

Имя И. Бичурина становится широкоизвестным. Он бывает на субботах у В. Ф. Одоевского, где встречается с А. С. Пушкиным, И. А. Крыловым, И. И. Панаевым, А. В. Никитенко и другими. Через журнал «Московский телеграф» И. Бичурин был связан с московскими литераторами М. П. Погодиным, Н. И. Надеждиным, Н. А. Полевым, К. А. Неволлиным, Ю. И. Венелиным, Н. С. Щукиным, С. Н. Шевыревым и др.

В 1830 г. на границу с Цинской империей в районе Халха-Монголии, где находилась основная центр русско-китайской торговли, Кяхта, отправлялась научная экспедиция под начальством П. Л. Шиллинга, в состав которой был включен и И. Бичурин.

Из Иркутска и Кяхты И. Бичурин посылает в «Литературную газету», издаваемую Пушкиным и Дельвигом, и в «Московский телеграф» несколько писем, часть которых была опубликована. Письма наполнены восхищением природой Забайкалья, описанием прибытия миссии в Кяхту, сообщением о занятиях монгольским языком и другими известиями.

Во время своих поездок по Забайкалью И. Бичурин бывал в Петровском заводе, где познакомился с некоторыми из декабристов. Наиболее известна его дружба с Н. А. Бестужевым, который подарил И. Бичурину четки, сделанные из кандалов, и написал с него акварельный портрет.

Может быть, под влиянием Н. А. Бестужева или П. Л. Шиллинга И. Бичурин, чувствуя себя постоянно связанным монашеским званием и платьем, будучи уже пятидесяти четырех лет, решил освободиться от этих цепей.

В августе 1831 г. из Троицкосавска он подает в синод прошение о снятии с него сана. Министерство иностранных дел поддержало это ходатайство, синод согласился с доводами И. Бичурина и министерства и со своим положительным заключением послал на утверждение царю.

Однако Николай I «повелеть соизволил: оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество». Очевидно, в этом «повелении» решающее значение имели связи И. Бичурина с декабристами.

⁶ «Протоколы Академии наук», 1828, XII, 17, § 628 (Архив АН), ф. 1, оп. 1 — а, № 39.

Торговые отношения между Россией и Китаем во второй четверти XIX в. уже вступили в полосу непрерывного развития, и, естественно, у кяхтинских купцов возникла мысль открыть школу китайского языка. Мысль эта, вероятно, была подсказана кяхтинским купцам Иакинфом Бичуриным еще в 1821 г. С его приездом в 1830 г. пожелание купцов осуществилось.

Как сообщил в письме от 17 марта 1831 г. директор кяхтинской таможни в Азиатский департамент «О. Иакинф по желанию торгующих открыл уже с 10 числа января прошедшего года частно (выделено мною.— П. С.) класс сего (китайского.— П. С.) языка, и учащихя есть до 10 человек мальчиков. Некоторые успевают весьма хорошо». И. Бичурин не только подал мысль об открытии школы, но и добровольно взял на себя обязанность преподавателя. На основании этого письма устанавливается факт начала занятий в Кяхтинском училище китайского языка в январе 1830 г., и именно под руководством Бичурина.

Через полтора года, 28 ноября 1832 г., было официально решено открыть училище, которое существовало уже второй год.

И. Бичурин провел в Кяхте почти 18 месяцев и вел занятия в училище около года. В 1831 г., как обычно через Кяхту, возвратилась в Россию 10-я духовная миссия, в числе студентов которой был Конрад Григорьевич Крымский. По просьбе местного купечества он остался здесь в качестве переводчика и преподавателя китайского языка. Вероятно, это произошло не без содействия И. Бичурина.

Курс учения был рассчитан на 4 года. Программа, по всей вероятности, была составлена самим И. Бичуриным и положила начало методологии изучения китайского языка в России.

В начале 1838 г. И. Бичурин уехал в Петербург, и Кяхтинское училище осталось на попечении К. Г. Крымского, который преподавал в нем около 30 лет.

В 1854 г. Крымский был назначен переводчиком VII класса Азиатского департамента, участвовал в 1856 г. в экспедиции по Амуру, где переводил различные документы с китайского и маньчжурского языков и вел устные переводы при переговорах. К. Г. Крымский умер в 1861 г., и училище китайского языка фактически прекратило свое существование. Официально оно было закрыто только в ноябре 1862 г. «до особого распоряжения». В 1867 г. последовало распоряжение — Кяхтинское училище окончательно упразднить. Мотивы для закрытия училища изложены были ранее в отчете кяхтинского градоначальника за 1861 г., который писал, что «при изменившихся наших сношениях с Китаем, представляющих возможность изучать китайским и маньчжурским языком с большим успехом и практически в Китае нет надобности поддерживать существование училища в Кяхте...».

К этому аргументу можно добавить, что после организации Восточного факультета в Казанском университете, а затем с 1857 г. в Петербургском Кяхтинское училище, выполнив свою задачу, представляло уже пройденный этап в развитии такого рода учебных заведений. На предыдущей стадии училище сыграло большую роль, оно дало многим воспитанников, применявших полученные ими знания китайского языка на практике (Петр Нефедьев, М. Г. Шевелев, Степан Пежемский, А. И. Журавлев, Андронов и др.), его открытие стимулировало выпуск китайской грамматики И. Бичурина, апробированной им на собственном опыте преподавания.

«Китайская грамматика», изданная в 1835 г. и в дополненном виде в 1838 г., была последним трудом И. Бичурина в первый период его научной деятельности. Грамматика И. Бичурина имела большое значение в развитии русского китаеведения. Она служила учебным пособием не только в Кяхтинском училище, для которого и была написана, но и на Восточных факультетах Казанского и Петербургского университетов вплоть до первого десятилетия нынешнего столетия.

В сороковых годах начинается новый период научных занятий И. Бичурина. К этому времени он осуществил почти целиком свой план. «Порядок требовал, — писал Бичурин в одном из своих последних трудов, — прежде всего осмотреть Тибет, Туркистан и Монголию, то есть те страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем и чрез которые самый Китай имеет связи с Индией, Средней Азией и Россией».

Ряд статей Бичурина подводил к осуществлению следующей его задачи — написанию труда о собственно Китае. В 1840 г. появилась его книга «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение», трактовавшая многие вопросы культуры, жизни и быта китайского народа, административного устройства страны.

Затем появился труд «Статистическое описание Китайской империи», в котором первая часть посвящена Китаю, вторая — Маньчжурии, Монголии и Восточному Туркестану. В прибавлении ко второй части дано описание водных путей в Китае, обзорные Корей, сообщались сведения о чайной промышленности и др. Это был всеобъемлющий труд, к которому и спустя многие десятилетия обращались для различных справок о Китае. Географическая карта Китая впервые получила широкое распространение.

За эту работу Бичурин был в третий раз награжден Академией наук Демидовской премией.

К 40-м годам относится переписка И. Бичурина с М. П. Погодиным. Она раскрывает многие, не известные до сих пор стороны жизни и работы Бичурина.

Из переписки выясняется, какие большие затруднения пришлось испытать Бичурину с изданием и распространением его работ. На выдающееся сочинение Бичурина («Статистическое описание») по объявлению на подписку «во всей России подписался один чиновник из Варшавы». «От издания «Статистики Китая» («Статистического описания». — П. С.) и «Земледелия в Китае», — пишет Бичурин, — я понес убытку до 2500 р. серебром. «Статистики» продано 30, а «Земледелия в Китае» — до 15 экземпляров».

В ноябре 1844 г. И. Бичурин сообщил М. П. Погодину: «На сих днях я привел к концу два новых сочинения: «Китай в гражданском и нравственном состоянии» и «Религия ученых» с 26-ю чертежами. Только не знаю, что с ними делать. «Горе от ума!» Наша первостатейная ученость требует одних сказок китайских, чтобы после карт с приятностью заснуть». 17 ноября И. Бичурин снова пишет М. П. Погодину, что он представляет две книги в Азиатский департамент: «Китай» и «Религию ученых». Последняя «не может выйти в свет, потому что напечатать ее в 200 экземплярах стоит 6000 р. серебром, а на издание первой буду просить пособия от правительства».

Новое издание о собственно Китае — «Китай в гражданском и нравственном состоянии» — вышло только в 1848 г. Большинство разделов этой книги было известно еще по статьям И. Бичурина в различных журналах. Книга, завершающая труды И. Бичурина в этом плане, также была удостоена Демидовской премии и отмечена шестью рецензиями.

После появления книги «Китай в гражданском и нравственном состоянии» итоги научной и общественной деятельности И. Бичурина большой статьей подвел В. Г. Белинский. Не преминул отозваться на нее и О. Сенковский. О. М. Ковалевский выступил о книге с докладом в Академии наук, после которого И. Бичурин был удостоен за это сочинение почетного отзыва.

Последним сочинением И. Бичурина, над которым он работал в продолжение многих лет, было «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В 1850 г. Бичурин закончил это завершающее все его труды сочинение, и в 1851 г. оно вышло из печати и, как ряд предыдущих работ, было удостоено Демидовской премии.

Несколько позже, в том же 1851 г., вышла дополнительная к книге статья под тем же названием, в которой Бичурин, полемизируя с католическими миссионерами, доказывает на ряде примеров, что уйгуры не тангуты, а калмыки.

Несмотря на одолевавшие его болезни, И. Бичурин в 1851 г. послал М. П. Погодину для публикации две небольшие статьи: «Первоначальное пришествие иезуитов в Китай» и «Дом Чингис-ханов в Китае». Статьи опубликованы не были и обнаружены в архиве М. П. Погодина.

В январе 1852 г. Бичурин в письме к М. П. Погодину обещает прислать статью, хотя, как он пишет, болеет уже третий месяц и ничего не может ни читать, ни писать. «Это будет поход хуннов на Европу, то есть поход, предпринятый калмыками из Чжунгарии», — планировал И. Бичурин, но написать эту статью он уже не смог, хотя в предпоследнем письме к М. П. Погодину обещал прислать «Описание гунов» через три месяца.

11 мая 1853 г. И. Бичурин скончался в келье Александро-Невской лавры.

Нам остается только кратко упомянуть об огромном рукописном наследии Бичурина. Эта задача облегчается возможностью сослаться на имеющиеся описания или регистрацию рукописей И. Бичурина, сделанные почти исключительно советскими учеными: З. И. Горбачевой, С. А. Козиным, Б. А. Малькевич, А. А. Петровым, П. Е. Скачковым, Л. И. Чугуевским.

В первой половине XIX в. вопросы, связанные с Китаем, стали все больше и больше привлекать внимание русского общества. обстоятельные оценки в печати трудов выдающегося Китаеведа принадлежали его современникам В. Г. Белинскому, В. В. Григорьеву, М. А. Казембеку, О. М. Ковалевскому, М. П. Погодину, Н. А. Полевому и О. Сенковскому. В немногих словах высоко оценил И. Бичурина наш великий поэт А. С. Пушкин.

Значение И. Бичурина в истории русской общественной мысли огромно: своими многочисленными, разнообразными по тематике трудами о Китае, основанными исключительно на первоисточниках, своей резкой, справедливой критикой ложных представлений о Китае, появившихся в печати, Бичурин привлек внимание широких кругов русского общества к ранее неизвестным сторонам истории и культуры Китая и заставил пересмотреть неправильные взгляды на Китай, перенесенные с Запада.

Значение Бичурина в русском востоковедении, его прогрессивная роль в современном ему обществе, общая оценка большинства его трудов выяснены и даны советскими учеными.

Историческое исследование судеб корейского народа

Советская историческая наука обогатилась за последние годы многими новыми серьезными исследованиями истории народов Востока, ставших ныне активными творцами мировой истории.

Отличительная черта этих исследований — стремление проникнуть вглубь существа богатой, самобытной культуры народов Востока, их героической борьбы за свое независимое национальное существование, дать четкий анализ классовой расстановки сил в разные периоды истории и условий, обеспечивающих выбор этими народами прогрессивных путей социального и национального развития.

Советские ученые, руководствующиеся марксистско-ленинской методологией, стремятся объективно, подлинно научно разобраться во взаимодействии всех сложнейших факторов, как внутренних, так и междунациональных, при анализе исторического развития всех народов, в том числе и народов Востока, создать достоверную картину этого развития, дающую о нем полное, яркое и правильное представление.

Среди трудов советских историков немаловажное место, безусловно, займет подготовленная Институтом востоковедения АН СССР и вышедшая в свет в 1974 г. двухтомная «История Кореи»* — наиболее все-

объемлющее и полное издание по этой теме, когда-либо выходившее в нашей стране.

Первый том излагает историю Кореи с древнейших времен до 1917 г. При написании этого тома, охватывающего ряд эпох, перед советскими исследователями стояли немалые трудности. Здесь они столкнулись со многими нерешенными, спорными проблемами исторической науки, особенно в том, что касается оценок фактов и событий древнейших времен. Тем не менее, ознакомившись с рецензируемым трудом, можно констатировать: советские ученые с честью преодолели все эти трудности.

Читатель двухтомной «Истории Кореи» сможет ясно представить себе весь процесс складывания современного корейского общества от времени древнейшего ископаемого человека на Корейском полуострове, от единичных свидетельств жизни палеолитического человека, от неолитических стоянок, периода бронзы и т.п. Авторы подробно и детально исследуют развитие в Корее первого классового общества, формирование феодальных отношений, складывание первых феодальных государств, создание единого корейского централизованного феодального государства и его упадок, превращение Кореи в колонию японского империализма незадолго до начала новой эры в мировой истории, которую открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. Заключительные главы труда посвящены новейшей истории Кореи в период между двумя мировыми войнами и после окончания второй мировой войны, вплоть до начала 70-х годов XX века.

Серьезным достоинством труда советских ученых является умелое использование в качестве методологической основы исследования марксистского учения об общенациональной закономерности развития и смены общественно-экономических формаций и применение его к воссозданию истории Кореи, что дало возможность авторам разоблачить и развенчать всякого рода несостоятельные, антинаучные концепции апологетов колониализма и буржуазного национализма.

Несомненно, что освещение авторами проблем истории Кореи, ее различных сторон (развитие культуры, складывание классовой структуры общества, особенности классовой борьбы на различных этапах его истории, характер многочисленных крестьянских восстаний и общенациональных движений, зарождение и развитие рабочего, коммунистического движения и т.п.) вызовет еще немалые отклики советских ученых, специалистов-коллегов.

* История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том 1, 470 стр. Редакционная коллегия: академик Б. Г. Гафуров, Ю. В. Зинин, Г. Ф. Ким, М. Н. Пак, В. Д. Тихомиров, Ф. И. Шабшина. Редактор тома Ю. В. Зинин. Авторы тома: Ю. В. Ванин, М. В. Зворобьев, Л. Е. Еременко, Г. В. Ли, М. Н. Тлак, Г. Д. Тягай, В. И. Шипаев. Том 2, 480 стр. Редакционная коллегия: академик Б. Г. Гафуров, Ю. В. Ванин, И. С. Казакевич, Г. Ф. Ким, М. Н. Пак, В. Д. Тихомиров, Ф. И. Шабшина, В. И. Шипаев. Редактор тома В. Д. Тихомиров. Авторы тома: Г. В. Грязнов, Л. Е. Еременко, В. И. Ивацова, И. С. Казакевич, Г. Ф. Ким, В. М. Магуров, В. К. Пак, Б. В. Синицын, В. Д. Тихомиров, Ф. И. Шабшина, В. И. Шипаев. Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, М., 1974.

Советские ученые, изучившие результаты археологических раскопок, большое число письменных памятников, критически осмыслив сочинения различных историков (в том числе китайских, японских и западных), нарисовали широкое полотно истории корейского народа. Они аргументированно показали, какое воздействие на историю корейского народа оказывали внешние факторы (завоевания, влияния соседних государств), осветили вопрос о том, способствовали ли они прогрессивному и подлинно национальному развитию Кореи.

«История Кореи» дает нам возможность получить правильный ответ на поставленные вопросы, тем более что впервые в советской исторической литературе с такой полнотой освещена понятием героическая многовековая освободительная борьба корейского народа, его трудящихся масс против внутренних и внешних врагов.

Эта борьба велась корейцами с древних времен. Как известно, первым политическим объединением на Корейском полуострове был Древний Чосон, который в начале III в. до н. э. подвергся ударам со стороны китайского государства Янь. Правители Янь вели наступление на Востоке и значительно урезали границы Древнего Чосона.

Когда возвысилась китайская династия Цинь, правитель Древнего Чосона Пу предпринял походы, чтобы вернуть отторгнутые Китаем западные земли Древнего Чосона, но потерпел поражение. Объединение Китая в 206 г. до н. э. династией Хань создало для Древнего Чосона еще более сложную обстановку. Обороняясь от нашествия полчищ династии Хань, Древний Чосон терял свои земли и в конечном итоге пал под ударами ханьских завоевателей в конце II в. до н. э.

Однако местные корейские племена не покорились и вели мужественную борьбу против ханьского ига. В 12 г. до н. э. племя Когурё в результате восстания покончило с ханьским господством.

Ранний железный век в Корее оказался под влиянием китайской культуры ханьского и послеханьского периода. Это авторы «Истории Кореи» показывают на примере развития культуры в корейской области Аннан (см. Т. I, стр. 30—32), которая вместе с тем проявила свою самобытность. Испытав воздействия извне, культура Аннан стала оказывать влияние на соседние народности. Нельзя не согласиться с выводом авторов «Истории Кореи», указывающих, что оценка результатов культурных контактов «не сводится к установлению пропорций «своего — чужого». Она включает в себя проверку жизнеспособности культуры — ее способности обогатиться, усвоив чужое и не утратив своего, существенно важного. В этом отношении корейская культура продемонстрировала свою жизнеспособность. Крайнее положение Кореи на континенте, несомненно, способствовало сравнительно плавному и изолированному ее развитию, хотя и не столь изолированному, как у

Японии в первобытное время. Скифо-сибирская или ханьская культуры, миграции восточных монголоидов или малайцев — все они не захлестывали страну, а задевали ее «краем». В итоге соотношение влияния в автохтонности, миграций и коренного населения оказалось для Кореи благоприятным, более благоприятным, чем для Маньчжурии, так как на рубеже нашей эры корейские племена вступили в эпоху государственного строительства» (Т. I, стр. 32).

Это происходило, по мнению ряда историков (единого мнения нет), от I в. до н. э. и до IV в. н. э. Союз когурёских племен перерос в государство Когурё, которое оказалось перед необходимостью вести войны с сильной китайской династией Хань (поздней). По свидетельствам корейских летописцев, во второй половине III в. н. э. сформировалось другое корейское государство — Пэкче со столицей Пхеньян. К IV в. Силла стала третьим и могущественным корейским государством. Среди трех государств велась борьба за объединение Корейского полуострова под главенством одного из них. Сильным претендентом на руководящую роль в объединении Кореи стало государство Когурё, против которого в середине VI в. выступили совместно Силла и Пэкче.

Объединение Китая под властью династии Суй, создавшей огромное военно-бюрократическое государство, привело его к захватническим войнам с Когурё, которые, однако, не принесли успеха. Падение Суйской династии и воцарение династии Тан (618 г.) не сняло угрозы Кореи со стороны Китая. Эта угроза сближала Когурё с Пэкче. В результате героической борьбы народных масс Когурё удалось сорвать агрессивные планы китайских династий Суй и Тан, во Когурё было сильно ослаблено войнами с Китаем. Подробное рассмотрение сложной цепи событий борьбы корейского народа против иноземных поработителей в VI—VII вв. дает возможность авторам сделать обоснованный вывод, что «феодалы династии объединенного Китая стали серьезным фактором, осложнявшим борьбу трех равнофеодальных государств Кореи за объединение страны» (т. I, стр. 72).

В итоге продолжительной народной борьбы против китайских завоевателей произошло объединение Кореи под властью государства Силла, под главенством которого «произошла консолидация населения Корейского полуострова, поднявшегося на борьбу против иноземного господства» (т. I, стр. 85).

Это объединение ознаменовало важный исторический этап в формировании единой корейской народности, сложившейся на основе новой исторической общности — единого способа производства, общности языка и культуры.

Таким образом, делают вывод авторы, с времени объединенного Силла в Корее сложилась «компактная этническая, языковая и культурная общность населения, послужив

шая основой для формирования в будущем единой корейской нации со своей самобытной культурой» (т. 1, стр. 86).

Авторы, исследовавшие и подвергнувшие анализу огромный исторический материал, на протяжении всего обширного двухтомного издания очень детально и подробно рассматривают процесс исторического развития корейской нации в течение столетий — вплоть до наших дней. Их освещение цепи исторических событий развенчивает мифифицированные версии истории Кореи, в течение долгих лет выдвигавшиеся и пропагандировавшиеся буржуазной исторической наукой (в частности, японской), согласно которым складывание и развитие корейской нации происходило под «решающим влиянием» соседних с ней Японии и Китая.

Ослабление первого корейского централизованного феодального государства произошло в результате роста сил самостоятельных могущественных феодалов и всеобщего восстания 889 г., явившегося следствием усиления феодального гнета. Силла распалась на многочисленные феодальные уделы.

Складывание второго централизованного государства на Корейском полуострове — Корё с центром в Пхеньяне — произошло в конце X в. Корё стало более могущественным корейским государством, чем Силла. Ему пришлось вести борьбу с киданями, захватившими большую часть Северного Китая и провозгласившими в 916 г. создание империи Ляо. В итоге жестокой борьбы с киданями Корё в 993 г. вынуждено было передать империи Ляо обширные северные земли и признать свою вассальную зависимость от киданей.

В 1231—1232 гг. в пределы Корё вторглись монгольские завоеватели. Они натолкнулись на сильное сопротивление корейского народа, который мужественно боролся с захватчиками. Феодальная верхушка Корё пошла на соглашение с монгольскими захватчиками, которые, завоевав Китай, создали огромную империю во главе с династией Юань.

В XIV в. корейскому народу пришлось столкнуться с новыми бедами — набегами японских пиратов, которые, нападая на жителей островов Чайдзо и Санмокто, безжалостно грабили их, жгли дома и убивали всех — от малого до великого. Японские пираты часто высаживались на южном и западном побережьях Корейского полуострова и пытались проникнуть в глубь его.

Рост внешней опасности цементировал государство Корё, заставляя его господствующие классы проявлять большую заботу об укреплении обороны. В начале XV в. феодальная Корея имела флот, насчитывавший 600 кораблей с личным составом в 50 тыс. человек.

В XIV в. Корея находилась в состоянии вассальной зависимости от династии Мин, утвердившейся в Китае после крушения монгольского владычества. Она признала старшинство Китая. Корея обращалась к нему за инвестицией, приняла китайский кален-

дарь и периодически извещала Минского императора о всех важнейших событиях в Кореи. Отправка Китаю дани как символа верноподданности входила в понятие «садэ» (служение старшему). Это понятие являлось конфуцианской нормой дипломатических отношений «малых стран со своим большим соседом — Китаем. Как правило, это символическое признание вассального положения вовсе не влекло за собой для «вассала» потерю самостоятельности во внутренних делах или внешних сношениях. Однако определенное моральное принижение его утвердилось в качестве неперемного условия поддержания мирных дипломатических отношений с китайскими императорами, провозглашавшими себя «повелителями всей Поднебесной» (т. 1, стр. 187).

XVI в. и первая половина XVII в. были временем ослабления корейского централизованного государства. Это было обусловлено обострением классовой борьбы, ростом недовольства народных масс, феодальной эксплуатацией, усилением распрей внутри правящего феодального класса.

Слабеющее корейское феодальное государство оказалось неспособным обеспечить должное укрепление обороны страны в условиях готовящегося японского нашествия, которое в 1592 г. (по корейскому календарю в году имджин) приобрело грандиозные масштабы.

Японская армия, насчитывавшая 220 тыс. человек, и флот, личный состав которого достигал 9 тысяч, под предводительством Хидэёси начали вторжение в пределы Кореи. В 1592 г. часть этих сил высадилась в корейском порту Пусан. Вскоре был занят Сеул, который подвергся страшному разграблению японских войск. Японцы продвинулись на северо-запад и северо-восток страны. Пройдя с юга на север Кореи, японские войска, совершая чудовищные злодеяния, рассчитывали укрепиться здесь и создать плацдарм для вторжения в Китай. Однако корейский народ, поднявшийся на Имджинскую войну, создал народное ополчение, которое проявило чудеса храбрости в борьбе с японскими захватчиками. Планы захватчиков были сорваны, им пришлось убраться с корейской земли.

Авторы дали яркое описание хода Имджинской народной войны (см. т. 1, стр. 225—229), в которой была защищена независимость Кореи.

Японское нашествие привело к огромным жертвам, разрушениям, упадку производительных сил Кореи. Однако важнейшим последствием Имджинской войны было серьезное усиление чжурчжэньского государства в Маньчжурии. Чжурчжэни, которые стали называться маньчжурами, начали систематические набеги на Корею, потребовавшие от последней напряжения всех сил и средств. Особенно тяжелой была борьба с маньчжурской армией в начале 1627 г. Но и на этот раз народ, создавший свое ополчение, развернул упорную борьбу с незваными пришельцами. Борьба велась вплоть до 1637 г.

до капитуляции перед маньчжурами, которые дошли до разрыва Корей с Минской династией.

Корея должна была выполнять все «вассальные обязанности» в отношении Цинской маньчжурской династии, установившей свое господство в Китае с 1644 г.

Приведенные выше факты корейской истории в средние века убедительно свидетельствуют, что вся эта история, по существу, являлась непрерывной эпохой борьбы народных масс Кореи против чужеземных поработителей, в защиту права на независимое национальное существование.

* * *

Начало нового времени Корея встретила, находясь в изоляции от внешнего мира. К XVIII—XIX вв. в Европе уже сложилась капиталистическая формация. В Корею же, в условиях феодальных отношений, небывало усилилась эксплуатация народных масс: страну сотрясали бесчисленные крестьянские волнения.

С начала XIX в. феодальный способ производства уже не мог обеспечить рост производительных сил Кореи. К ней, как и к Китаю, пережившему состояние упадка феодальной империи Цинов, подкрадывались новые враги — капиталистические державы Запада. Корея и Китай привлекали их как рынки сбыта промышленных товаров, источники сырья, как плацдармы агрессии против стран Азии.

После «опиумных войн» в Китае западные державы усиленно готовились к колониальной экспансии на материке Азии, в том числе и в Корею. Вторжение иностранного капитала в эту страну началось в 70-х годах XIX в. Широкие захватнические планы вынашивала Япония, вставшая после «революции Мэйдзи» на путь капиталистического развития. При этом, как указывают авторы «Истории Кореи», «США и Англия поддерживали японские притязания в Китае и Корею, исходя из собственных планов — потеснить позиции царской России на Дальнем Востоке, использовать поражение Китая, чтобы установить там собственное влияние» (т. 1, стр. 363). Так возник сложный клубок противоречий между капиталистическими державами Запада, Японией, царской Россией на Дальнем Востоке, в условиях, когда капитализм вступил в свою империалистическую стадию развития. Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Япония использовала пребывание своих войск в Корею и вела наступление на ее независимость. Россия являлась в то время единственной державой, твердо заявившей, что не признает каких-либо договоров, навязанных Японией оккупированной стране. Однако в результате поддержки Англии и США Япония сумела добиться от корейского правительства подписания ряда неравноправных договоров, которые позволили японскому империализму установить протекторат над Кореей, а после пора-

жения царской России в войне с Японией довести дело до превращения этой страны в свою колонию в 1910 г. Данной акции предшествовали экономическая и политическая экспансия японского империализма в Корею, где начиная с 1904 г. наметился новый подъем национально-освободительного движения корейского народа. Он, как подчеркивают авторы «Истории Кореи», был «логическим продолжением всей предшествовавшей истории сопротивления колонизаторам» (т. 1, стр. 397).

Великая Октябрьская социалистическая революция отозвалась могучим эхом в странах Азии, и в том числе и в Корею, где народные массы не хотели мириться с тяжелым военно-политическим режимом японского империализма.

Во втором томе «Истории Кореи» содержится описание корейского народно-освободительного движения с 1917 г. Оно развивалось под сильным влиянием Великого Октября, коренным образом изменившего международные условия революционной борьбы угнетенных и эксплуатируемых всего мира.

Коммунистическое движение в Корею сложилось в первой половине 20-х годов. Авторы «Истории Кореи» посвятили ему немало страниц, дав глубокий анализ росту рабочего движения в стране, классовым выступлениям корейского пролетариата.

Новым фактором, изменившим характер освободительного движения в Корею, явилась вооруженная борьба корейских патриотов в Маньчжурии, которой советские ученые уделили значительное место. Началом ее положил в 1932 г. партизанский отряд, созданный Ким Ир Сенем на территории Северо-Восточного Китая из числа корейских поселенцев. Взяв курс на развитие вооруженной борьбы, корейские коммунисты связали ее с борьбой китайских патриотических сил против японского империализма.

1934 г. стал годом образования Корейской Народно-революционной армии, которую возглавил Ким Ир Сен. Она часто действовала вместе с китайскими партизанскими отрядами.

В годы второй мировой войны японский империализм, который с 1937 г. вел «большую войну» против Китая, а с 1941 г. — войну против США, Англии, Франции и других государств, отвел колониальной Корею немаловажную роль в качестве своей военно-промышленной базы. Число японских промышленных предприятий Кореи в военные годы значительно возросло. В 1945 г. уже насчитывалось 14 856 предприятий (в 1939 г. их было 6952). Численность корейского рабочего класса составила более 2 млн. человек. В их числе фабрично-заводских рабочих насчитывалось свыше 600 тыс. (т. 2, стр. 131—132).

Это была решающая сила в борьбе против японских колонизаторов, сила, способная возглавить народ на борьбу за новую, независимую, подлинно демократическую Корею.

Объявление Советским Союзом 8 августа 1945 г. войны милитаристской Японии (через три месяца после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии) открыло новый, решающий этап в освободительной борьбе корейского народа. Советская Армия завершила свою освободительную миссию и в той части земного шара, где под гнетом японских милитаристов томилась миллионы китайцев и корейцев. 15 августа 1945 г. части Советской Армии вступили в пределы Кореи.

Благодарный корейский народ, свято чтя память погибших советских воинов, во многих городах Северной Кореи воздвиг памятники своим освободителям. В Пхеньяне, на горе Моранбон, высится обелиск. На нем по-корейски и по-русски высечены слова: «Великий советский народ разгромил японских империалистов и освободил корейский народ. Кровью, пролитой советскими воинами при освобождении Кореи, еще больше укрепились узы дружбы между корейским и советским народами. В знак всенародной благодарности воздвигнут этот памятник. 15. 8. 1945 г.» (т. 2, стр. 162).

Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке в годы второй мировой войны не исчерпывалась существенной помощью в извращении народов Дальнего Востока от внешнего врага — иностранного империализма. Она включала важнейший фактор — содействие социальному прогрессу, революционным изменениям в самом широком смысле, которые возникают в результате глубоких внутренних и международных противоречий капитализма.

Авторы 2-го тома обстоятельно рассмотрели условия, которые были созданы после освобождения Кореи в 1945 г. для корейского демократического лагеря, для его деятельности по возрождению страны. Высадка американских войск в сентябре 1945 г. в Южной Корее, спустя месяц после капитуляции Японии, осложнила политическую обстановку в стране, затормозила осуществление Каирского (1943) и Потсдамского соглашений (1945) о создании независимого корейского государства.

Все последующие части 2-го тома (Корея после освобождения (август 1945 — сентябрь

1948), Корейская Народно-Демократическая Республика (1948—1970), Южная Корея (1948—1970), содержащие огромный фактический материал, мастерски проанализированный авторами, дают возможность читателю уяснить себе те поистине гигантские перемены, которые произошли на Корейском полуострове в результате образования в 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики, отстаившей в Отечественной освободительной войне корейского народа (1950—1953) свое существование и возможность построить под руководством своей Трудовой партии социалистическое индустриально-аграрное государство на Севере Кореи и перейти в 1961—1970 гг. к развернутому социалистическому строительству.

Укрепление и развитие социалистической промышленности Корейской Народно-Демократической Республики, обеспечение высоких темпов ее индустриального роста свидетельствуют о могучих силах, которые таятся в корейском народе, ставшем хозяином своей судьбы. Под руководством своей Трудовой партии корейский народ оказался способным в исторически короткие сроки изменить облик своей страны на Севере.

Авторы вскрыли всю безнадежность усилий антинародного южнокорейского режима и его покровителей затормозить прогрессивный поступательный ход истории на Корейском полуострове. Корейский народ неослабно ведет борьбу за мирное решение вопроса о воссоединении Кореи, за вывод всех иностранных войск из Южной Кореи, за ликвидацию внешнего вмешательства во внутренние дела своей родины, за обеспечение прочного мира в Азии.

Выход в свет «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)» — важное событие в советской историографии, которое будет с большим удовлетворением встречено советской научной общественностью. Этот труд знаменует собой высокий уровень советской исторической науки.

А. М. Дубичский,

доктор исторических наук, профессор

Монография о Нацагдорже

В 1969 г. серия «Литература Востока» предложила вниманию читателей очерк, посвященный монгольской литературе¹.

¹ Г. И. Михайлов, К. Н. Яцковская. Монгольская литература. Краткий очерк. М., «Наука», 1969 (сер. «Литература Востока»).

В разделе «Литература Народной Монголии», написанном К. Н. Яцковской, много места было уделено Дашидоржийну Нацагдоржу, писателю яркому и своеобразному, чьи творения, выдержавшие проверку временем, стоят у истоков современной монгольской литературы. В очерке произведение выдающегося художника рассматриваются как одно из звеньев литературного процесса: анализ творчества Нацагдоржа (так же как и других крупнейших монгольских писателей) является средством раскрытия этого процесса в его конкретных проявлениях и деталях. Когда основная задача работы есть создание синтетически

цельной историко-литературной панорамы, привлечение каждого художественного феномена (сколь бы он ни был значителен) должно являться этапом к подобному обобщению.

Пять лет спустя К. Н. Яцковская выпустила монографическое исследование литературного наследия и творческой биографии Дашдоржийна Нацагдоржа². Соотношение научных целей и методов здесь несколько изменилось. Теперь во главу угла поставлен сам литературный факт, как таковой, — произведение Нацагдоржа, а их разбор дан в аспекте рассмотрения общих закономерностей литературного процесса Монголии XX века. Путь, вне всякого сомнения, закономерный; не случайным кажется и то, что исследователь обратился к книге о Нацагдорже, уже пройдя через опыт написания обобщающего труда. Значение Нацагдоржа для всей современной монгольской культуры чрезвычайно велико, и оценить его просто невозможно без твердой опоры на анализ полувекowego периода литературного развития.

Существенно отметить, что литературный процесс в Народной Монголии с самого начала был весьма динамичен, дал поразительные качественные сдвиги, в силу чего трудно соизмерим со своей реальной протяженностью. Историческая дистанция здесь создается темпами развития нового искусства и концентрированностью литературных фактов. А ведь доживи Нацагдорж до нашего времени, ему сейчас не было бы и семидесяти! Ранняя смерть (он скончался тридцати с лишним лет) так и оставила его человеком 20—30-х годов — молодым строителем молодой культуры.

Эта черта — совпадение молодости обновленного государства и молодости тех, кто трудился над его созданием, — чрезвычайно выразительна; атмосфера «всеобщей молодости» зримо и наглядно передана автором монографии. Из рядов молодежи приходят многие государственные и общественные деятели. В 1922 г. и Нацагдорж «станет секретарем главнокомандующего монгольской Народной армии», — пишет К. Н. Яцковская, — будет принимать участие в работе Военного совета. Ему пятнадцать лет!». Одному из основателей нового монгольского театра, драматургу Ши Аюуши, в начале 20-х годов, когда появились первые постановки, нет и двадцати. Молода литература, столь же молоды ее творцы. Значительному количеству участников первой писательской организации, возникшей в 1929 г. (С. Буяниэмех, М. Ядамсурэн, Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчер и др.), было тогда по 23—28 лет.

А эпоха была сложной и характеризовалась крайним напряжением духовных сил народа, пробуждением подспудно дремавших возможностей, интенсивными консолидационными процессами. В такие периоды

особенно ощущается слитность формирующегося общества, и изолированный анализ феноменов культуры и искусства, если, конечно, стремиться к его полноценности, становится просто невыносимым. Поэтому книга о писателе неизбежно превращается в книгу об эпохе — о подобной зависимости уже говорилось выше. Здесь остается только добавить, что в этом смысле и исследование о Нацагдорже — это очерк о Монголии и монгольской литературе 20—30-х годов. На небольшом объеме автор сумел с достаточной полнотой осветить не только творчество писателя, но и его, так сказать, общественно-политический и литературный контекст. Факты жизни перемежаются отсылками, порой довольно пространными отступлениями о других писателях — современниках Нацагдоржа. Автор вспоминает и о важнейших исторических событиях, создавая непринужденный рассказ об эпохе и среде, породивших художника.

Необходимо иметь в виду, что обстоятельства недолгой жизни Нацагдоржа в настоящее время известны недостаточно. Путем долгого и скрупулезного анализа материала К. Н. Яцковская не только буквально по крупинке накапливает драгоценные сведения, но и вводит в научный обиход новые факты. Заполняются пробелы, проясняются темные места и таким образом конструируется биография писателя.

Портрет этого удивительного человека живущего как бы «в убыстренном ритме», который диктовался требовательной эпохой, не скрывая драматических (а подчас и трагических) поворотов его нелегкой судьбы, выразительно очерчивает автор монографии.

«Он охотно писал стихи в стенную газету Комитета наук, уславливаясь, чтобы к моменту выпуска оставили место. Он влиял на их своим каллиграфическим почерком прямо на лист. Он работал над пьесами для театра, репертуар которого был скуден до чрезвычайности. Написанные акты по мере готовности тут же забирал режиссер... Он создавал рассказы-миниатюры... Работал над короткими повестями. Отдавал их печатать в журнал. Когда понадобилось, написал цикл агитационных стихов «Здоровье». Единственный цикл, опубликованный при жизни автора, правда без его подписи. Он не испытал счастья увидеть собственную книгу, хотя в середине 30-х годов уже начали выходить отдельные поэтические и прозаические сборники других авторов».

В целом творческое наследие Нацагдоржа не столь велико, причем далеко не все дошло до наших дней — многое утрачено, быть может, безвозвратно. Помимо переводов с русского и немецкого языков, это «около ста стихотворений, рассказы, неоконченная повесть, пять пьес. Большинство сочинений писателя вышло в свет посмертно».

Нацагдорж работал в самых разнообразных жанрах, сохранились его прозаические и поэтические произведения, его драматургические опыты. Каждому из этих жанров посвящена отдельная глава работы.

² К. Н. Я ц к о в с к а я. Дашдоржийн Нацагдорж. М., 1974.

Помимо общего обзора поэтического наследия Нацагдоржа, автор специально дает монографический анализ некоторых особенно значительных стихотворений. На их примере рассматривается творческий метод поэта, своеобразие его видения мира, самобытность принципов поэтической организации стиха дает автору возможность обсудить ряд важных теоретических вопросов — о следовании древним традициям и о новаторстве художника, о связи с национальным фольклором и т. д. Чрезвычайно удачно агитационная тематика в творчестве Нацагдоржа рассматривается на примере цикла «Здоровье», однако особенно обращает на себя внимание исследование своего рода «тематических лейтмотивов», связанных с воспеванием Родины и родной монгольской природы и дающих в своих многочисленных ракурсах значительное богатство лирических «обертонов». Эта тематика была задана в одном из самых первых поэтических опытов Нацагдоржа — стихотворном дневнике «От Улан-Батора до Берлина», она развивалась далее в стихотворении «Он едет учиться в далекый край» (к которому непосредственно примыкает пятистишие «Наши ученики», афористически формулирующее другую тему данного произведения), она была разработана с наибольшим совершенством в знаменитом стихотворении «Моя Родина», представляющем собой вершину поэтического творчества Нацагдоржа. И наконец, особый поворот — хотя также в русле традиционной поэзии монголов — она получает в цикле «Четыре времени года» и в предшествующем ему тематически близком стихотворении «Первый снег».

Вне всякого сомнения, нельзя не признать удачным и привлечение для сопоставительного анализа произведений традиционной монгольской литературы, творчества современников Нацагдоржа и поэтов последующих поколений. Использование этих приемов сравнительного исследования чрезвычайно уместно в данной книге еще и потому, что оно не только увеличивает глубину и многосторонность анализа, но и по ходу дела знакомит читателей с рядом произведений и деятелей старой и новой монгольской литературы.

Весьма содержательна глава, посвященная прозе Нацагдоржа. В ней особенно хочется отметить интересные разборы художественных зарисовок писателя, лирических миниатюр, своего рода «стихотворений в прозе», в которых, по мнению К. Н. Яцковской, подчас прослеживается влияние русской литературы, в частности И. С. Тургенева. Убедительно построен анализ и одного из наиболее значительных прозаических произведений Нацагдоржа — рассказа «Слезы ламы», обсуждение проблематики которого в свое время вызвало оживленную

критическую дискуссию (она подробно освещена автором книги). Прозаическое наследие монгольского писателя, как и его поэтическое творчество, опять-таки рождает удачные возможности для постановки и обсуждения ряда литературоведческих проблем.

Драматургия Нацагдоржа, с которой автор знакомит читателей в последней главе книги, является не только важной страницей в творчестве писателя, но и вообще весьма примечательным фактом монгольской художественной культуры первой трети XX в.

Новая действительность наталкивала на интенсивный поиск новых форм, для создания которых монгольские литераторы обращаются к самым разнообразным источникам. В драматургическом творчестве Нацагдоржа был осуществлен органический синтез весьма разнохарактерных литературно-сценических традиций. В их сплаве автор прослеживает не только формы национального театра, но и влияние столь, казалось бы, далекого от их театра Брехта, с которым монгольский драматург мог познакомиться во время своего пребывания в Германии. Здесь в упрек К. Н. Яцковской можно поставить лишь то, что это допущение — вполне, впрочем, вероятное, но все-таки недоказанное — о знакомстве Нацагдоржа с театром Брехта уже в следующих строках приобретает аксиологический характер: сначала — «Нацагдорж... вряд ли мог пропустить нашумевший спектакль» — интонация вполне правомочная; но далее — «театр Брехта показал молодому монгольскому писателю...», «Нацагдорж... воспринял особенности брехтовского искусства» — сказано слишком категорически (тем более что брехтовские приемы могли в Монголии развиваться и непосредственно из национальных истоков, без посредничества европейской традиции).

К. Н. Яцковская пишет, что «вплоть до настоящего времени ни в советском, ни в западном монголоведении не было книги о самом писателе, его произведениях». К этому следует добавить, что вообще монголоведческая литература не богата монографическими исследованиями творчества отдельных писателей, и работа о Нацагдорже, творчество которого сейчас известно далеко за пределами самой Монголии, с этой точки зрения приобретает для нас особое значение. Книга написана легко, хотя и без уступок излишнему популяризаторству; образ писателя с его сложной и яркой судьбой, с его многогранной творческой деятельностью как бы оживает перед читателем.

С. Ю. Неклюдов,

кандидат филологических наук

Новое издание по проблемам современной Японии*

Прогресс в отношениях Советского Союза с Японией, активизация торгово-экономических связей, расширение научного и культурного обмена — все это, естественно, вызывает растущий интерес советской общественности к нашему восточному соседу. Удовлетворить этот интерес широких кругов читателей нашей страны к различным аспектам жизни современной Японии и призван выходящий с 1973 г. ежегодник «Япония». Надо сказать в этой связи, что в последние годы у нас нет недостатка в публикациях по Японии. Однако явственно ощущалось отсутствие издания общего типа, которое охватывало бы широкий круг основных проблем японской действительности и выходило бы в свет регулярно, освещая события, факты и тенденции последнего времени. Бесспорное достоинство материалов ежегодника «Япония» в том, что они подготовлены специалистами-японоведами, причем в большинстве статей высокий научный уровень, глубокий анализ сочетаются с популярностью изложения, что делает их одинаково привлекательными как для специалистов, так и для широкой общественности.

Среди авторов ежегодника известные исследователи, которые в течение многих лет выступают с работами по проблемам современной Японии. Статьи ежегодника знакомят читателей с наиболее актуальными проблемами сегодняшней Японии, в нем помещен обширный информационный материал об отдельных отраслях экономики, новейших научных и технических исследованиях, о различных сторонах культурной жизни японского народа.

Начиная с выпуска 1973 г. составители ежегодника нашли, на наш взгляд, наиболее рациональную структуру, разбив все материалы на следующие разделы: «Обзоры», «Внешняя и внутренняя политика», «Экономика, наука, техника», «Культура и идеология», «Сообщения». В ежегодник включены также большой информационный раздел, публикации документов по вопросам советско-японских отношений, сообщения о научной жизни, хронология, библиография. Само перечисление этих разделов показывает стремление составителей ежегодника охватить возможно более широкий круг проблем современной Японии.

Особенно следует отметить обзорные статьи по вопросам экономики, внутренней и

внешней политики, написанные С. И. Вербицким, Ю. Д. Дмитриевым, С. К. Игнатущенко, И. А. Латышевым, Я. А. Певзнером, Д. В. Петровым. Насыщенные богатым фактическим материалом, использующие многочисленные японские источники, эти статьи не только дают «моментальную фотографию» того, что имело место в описываемый период, но содержат глубокие обобщения, серьезный анализ наиболее актуальных проблем экономики и политики Японии. Думается, что обзорные статьи ежегодника не только помогут современному читателю разобраться в этих проблемах, но и станут весьма полезным пособием для будущих историков Японии.

В разделе «Экономика, наука, техника» — самом полном разделе ежегодника — читатель знакомится с чрезвычайно широким кругом проблем. Это японо-американские экономические противоречия и экспансия японских монополий в Африке, состояние отдельных отраслей промышленности и положение рабочего класса, проблемы обеспечения японской экономики сырьем, проникновение монополий в сельскохозяйственное производство и т. п. Среди материалов этого раздела есть статьи, посвященные из первого взгляд весьма специальным вопросам, но в то же время помогающие понять многие особенности экономики современной Японии. К их числу принадлежит статья «Проблема контроля над персоналом в японских фирмах», дающая серьезный анализ японского варианта пресловутой «системы человеческих отношений», вскрывающая специфику чисто японских форм и методов эксплуатации трудящихся. С этой точки зрения заслуживает внимания также статья «Некоторые тенденции капиталистической модернизации заработной платы в Японии».

Большой интерес представляют статьи раздела «Культура и идеология». Обязательная публикация «Некоторые черты современной японской буржуазной философии» посвящена вопросам, которые до последнего времени находили слабое отражение в наших публикациях по Японии. Статья «Япония: телевидение и общество», написанная очень живо и интересно, дает представление об одном из наиболее важных аспектов так называемой «массовой культуры» современного японского общества. В обоих выпусках ежегодника фигурируют статьи о кино, об искусстве гравюры, а в выпуске за 1972 г. помещена статья «Литература и политика» — об основных тенденциях литературной жизни Японии последних лет.

Уже одно это беглое ознакомление с материалами ежегодника дает представление о том, насколько широк его диапазон. Ежегодник становится, таким образом, важным источником информации для всех, кто интересуется жизнью японского народа. Однако значение ежегодника далеко не исчерпывается этим. Как показывают его первые выпуски, ежегодник позволяет составить представление также и о состоянии нашей японоведческой науки, о ее сильных и слабых

* «Япония 1972». Ежегодник. Изд-во «Наука», М., 1973; «Япония 1973». Ежегодник. Изд-во «Наука», М., 1974.

сторонах. В этой связи хотелось бы высказать несколько соображений.

Выше уже отмечалось, что раздел «Экономика, наука, техника» является наиболее полным в ежегоднике. Во втором выпуске материалы по этой тематике, включая информационные, занимают почти половину всего объема ежегодника. Конечно, интерес к этому аспекту японской действительности особенно велик. Поэтому повышенное внимание к нему на страницах ежегодника может быть оправдано. Тем не менее, думается, в данном случае имеет место известный «перекос», ответственность за который вряд ли можно возложить только на составителей ежегодника. Это отражение того факта, что значительная часть советских исследователей, занимающихся проблемами современной Японии, тяготеет к изучению именно экономики и связанных с ней вопросов. Вместе с тем значительно меньше внимания уделяется исследованиям, например, в области идеологии или культуры, которые, на наш взгляд, являются не менее важными для понимания специфики современной Японии.

Таковы объективные факты. Тем не менее, видимо, имеются все возможности, чтобы на страницах ежегодника находили более широкое отражение не только экономические, но и прочие проблемы современной Японии. Вряд ли оправдано то, что, например, во втором выпуске ежегодника, за исключением обзора Ю. Д. Дмитриева, нет ни одной статьи по проблемам внутриполитической жизни. А ведь таких проблем немало. Взять хотя бы проблемы борьбы между силами демократии и реакции Японии, которая в настоящее время развернулась в самых различных областях общественно-политической жизни, охватывает все новые ее сферы. Это не только выступления рабочего класса Японии в защиту своих жизненных прав, против натиска монополий. Это ведущая уже в течение ряда лет борьба всех демократов против непрекращающихся попыток реакционных сил добиться пересмотра конституции страны с целью ограничения демократических свобод и возрождения милитаризма. Это происки реакции, имеющие целью жесточайший контроль над системой образования, и многолетняя борьба Всеяпонского профсоюза учителей против этих происков. Это значительное повышение политической активности все более широких слоев населения, наблюдающееся в последние годы. Не меньший интерес представляют и проблемы обострения противоречий внутри правящей либерально-демократической партии Японии, отражающего углубление кризиса этой партии монополистического капитала, вопросы расстановки сил в лагере оппозиции, студенческое движение. Эти и другие вопросы, являющиеся неотъемлемыми факторами внутриполитической обстановки Японии, вполне заслуживают более полного отражения на страницах ежегодника.

Чрезвычайно большой интерес представляло бы освещение такого вопроса, как социальные сдвиги в японском обществе на

протяжении последних 10—15 лет, что обуславливает неуклонный процесс полевения масс. В этой связи хотелось бы пожелать, чтобы в ежегоднике публиковалось побольше проблемных статей, материалов, которые отражали бы не какую-то одну сторону вопроса, а проблему в целом. Это, разумеется, не исключает публикаций по отдельным частным темам. Но как бы ни были интересны, например, информации об отдельных мастерах японской гравюры или некоторых течениях современного японского кино, несравненно более важное значение имел бы обобщающий проблемный материал о тенденциях в культурной жизни Японии в целом, тем более что осведомленность нашего читателя в этом вопросе оставляет желать большего. То же самое можно сказать и в отношении освещения проблем идеологии, «массовой культуры» и т. п., что помогло бы составить более полное представление о духовной жизни японского народа в наши дни. В этом плане представляли бы интерес и материалы о современном быте японцев, о тех изменениях, которые происходят в их образе жизни под влиянием научно-технического прогресса.

Информационные разделы ежегодника, думается, существенно выиграли бы, если бы к ним была добавлена рубрика «События и люди», в которой давались бы портреты видных политических деятелей, лидеров мирового мира, наиболее выдающихся деятелей науки и культуры в связи с определенными событиями, имевшими место в период, освещаемый ежегодником.

Раздел «Научная жизнь» было бы желательно пополнить рубрикой «Над чем работают советские японоведы», в которой можно было бы рассказать о научных достижениях не только тех, кто занимается проблемами современности, но также исследователей древней и средневековой истории Японии, классической литературы и искусства. Здесь у нас бесспорные успехи, которыми по праву может гордиться советское японоведение. Достаточно упомянуть исследование А. Е. Глушкиной об антологии японской поэзии VIII века «Манъёсю», исследование В. А. Попова о документальном памятнике древней Японии «Кифудокки», другие подобные работы. Думается, деятельность советских ученых и в этой в силу понятных причин весьма сложной для изучения области, их многолетний кропотливый труд заслуживают большего, нежели краткое упоминание в рубрике «Защита диссертаций».

Эти вопросы могли бы найти отражение и в обзоре литературы по Японии, который, на наш взгляд, должен стать обязательным в каждом выпуске ежегодника. Такой обзор мог бы охватить и наиболее интересные периоды произведений художественной литературы Японии.

Составители ежегодника стараются привлечь к участию в нем возможно более широкий круг авторов. Об этом говорит хотя бы сравнение материалов обоих выпусков, наличие среди авторов представителей моло-

дого поколения советских японоведов. И все же создается впечатление, что в этом отношении еще не исчерпаны все резервы. Хотелось бы пожелать, чтобы на страницах ежегодника чаще выступали ученые-японоведы из Ленинграда и Владивостока, работающие в Японии журналисты, сотрудники различных учреждений и ведомств. Ежегодник должен стать центром, вокруг которого группировались бы кадры советских японоведов.

И еще одно пожелание: надо добиться того, чтобы ежегодник выходил в свет вовремя. Бряд ли можно считать нормальным положение, когда первый выпуск ежегодника, посвященный в основном событиям 1970—1971 гг., появился на прилавках магазинов только осенью 1973 г., а второй выпуск, охватывающий события 1972 г., — осенью 1974 г. Следует, видимо, стремиться

к тому, чтобы выпуск ежегодника, освещающий события данного года, выходил в свет не позже второй половины следующего года.

Разумеется, как и во всяком новом деле в издании ежегодника «Япония» не все идет гладко, не все трудности преодолены. Тем не менее уже сейчас интерес к ежегоднику велик, спрос на него растет. Об этом свидетельствует хотя бы то, что тираж второго выпуска увеличился вдвое по сравнению с первым.

Издание ежегодника «Япония» — нужное и полезное дело, он уже играет существенную роль в ознакомлении советской общественности с различными проблемами политической, экономической и культурной жизни Японии.

Г. Е. Светлов

О подлинном облике маоистов

Государственное издательство Монгольской Народной Республики в 1974 г. выпустило книгу «О событиях в Китае», подготовленную сектором востоковедения Академии наук МНР*. В эту книгу включены документы ЦК МНРП, сообщения Монгольского Телеграфного агентства МОНЦАМЭ о положении в Китае в период «культурной революции», статьи монгольских авторов, анализирующих взаимоотношения между МНРП и КПК, МНР и КНР в период с 1963 по 1973 г.

В сборнике подвергнуты критике теоретические концепции и раскольнические действия китайских руководителей, их попытки навязать свою антимарксистскую линию международному коммунистическому и рабочему движению.

Критике подвергнуты теоретические концепции маоистов по таким важнейшим вопросам современности, как характер нашей эпохи и ее основное противоречие, роль мировой социалистической системы в международном революционном движении, проблемы войны, мира и революции, мирного сосуществования, вопрос о культе личности и другие.

В материалах подчеркивается, что взгляды Мао Цзэ-дуна «игнорируют роль и значение мировой социалистической системы, отрицают авангардную роль рабочего класса в национально-освободительном движении против колонизаторов, препятствуют сотруд-

ничеству социалистических стран, сводятся к авантюризму в вопросах войны, мира и революции и мирного сосуществования, к защите культа личности (стр. 42—43).

Полностью игнорируя ленинскую политику мирного сосуществования государств, нынешние китайские руководители «вместо того чтобы предотвратить войну, призывают к ней, пытаются представить ее как некое благодетельное» (стр. 176).

Такое отношение маоистов к войне расценивается не как следствие недооценки возможных опасных последствий термоядерной войны, а как результат «коварной политической игры, направленной на то, чтобы столкнуть Советский Союз с США, свергнуть их в термоядерную войну, а самим остаться в стороне» (стр. 177). Раскрывается реакционная сущность политики маоистов по вопросу войны и мира — «обосновать собственную подготовку к войне, безудержную гонку ядерного вооружения» (стр. 320).

Преувеличение роли и значения национально-освободительного движения в современном революционном движении расценивается в сборнике как стремление «отделить его от других революционных движений» «противопоставить национально-освободительную борьбу социалистической системе рабочему движению в капиталистических странах», «провозгласить национально-освободительное движение главной силой, выступающей против империализма». Тем самым они проводят линию на раскол единства революционных сил современности, стремятся нанести огромный вред самому национально-освободительному движению (стр. 34—35). В сборнике подчеркивается, что к вопросу о единстве всех антиимпериалистических революционных сил руководители КПК подходят не с классовых марксистско-ленинских позиций, а с расово-географических. Такой подход китайского руководства преследует цель «изолировать национально-освободительное движение от мировой социалистической системы и рабочего

* Хятад дахь хэрэг явдлын тухайд» (1963—1973 гг.), I, Улаанбаатар, 1974, 394 хуудас.

движения в капиталистических странах, взять его под свою эгиду» (стр. 35).

Значительное место в материалах отведено анализу причин, приведших руководителей КПК к разногласиям с мировым коммунистическим движением. Так, в письме ЦК МНРП ЦК КПК от 12 июня 1964 г. отмечается, что «так называемая «особая генеральная линия» китайского руководства имеет своей целью утверждение «китанизированного марксизма» в качестве руководящей идеологии не только в Китае, но и во всем коммунистическом движении». Такие устремления китайских руководителей квалифицируются как «открытая измена делу пролетарской революции и борьбе против империализма», как «предательство интересов народов социалистических стран», как «величайшее преступление перед мировым пролетариатом и международным коммунистическим движением» (стр. 43). В письме ЦК МНРП ЦК КПК подчеркивается также, что «вначале можно было подумать, что все это — ошибки либо заблуждения... Однако теперь ясно, что эти устремления являются плодом заранее продуманной политики руководства КПК» (стр. 41).

Составной частью авантюристического курса китайских руководителей на международной арене, отмечается в сборнике, стала антимонгольская политика. МНР, как ни одна из других соседних с КНР стран, испытывает на себе возмездные антисоциалистической политики маонистов, подвергается ее враждебным наскокам.

В сборнике показана эскалация антимонгольской деятельности в политической, экономической и идеологической областях. В начале 60-х годов маонисты пытались навязать монгольским руководителям свою антисоциалистическую политику, но получили отпор. После этого они стали оказывать на них давление, стали вмешиваться во внутренние дела МНР. Китайские власти организовывали с участием десятков тысяч хунвэйбинов провокации против Посольства МНР в КНР, а также против монгольских официальных лиц на Улан-Баторском железнодорожном вокзале. Однако, убедившись в том, что их грубое посягательство на государственную суверенитет МНР и дипломатическую неприкосновенность монгольских представителей в КНР не дает нужных результатов, они стали оказывать прямое экономическое и идеологическое давление, резко сократили внешнеторговый товарооборот, прекратили оказывать финансово-экономическую и техническую помощь. В результате свертывания экономических связей КНР с СССР и другими социалистическими странами резко сократился объем грузоперевозок по Улан-Баторской железной дороге. Все это нанесло МНР огромный экономический ущерб. Кроме грубого политического шантажа и экономического давления, маонисты стали проводить идеологические диверсии; в китайской пропаганде нарастал поток лжи, клеветы, дезинформации и брани на МНР. В МНР засылались большое количество подрывной литера-

туры, содержащей антимарксистские взгляды китайских руководителей по коренным вопросам современности, беспочвенные измышления и клеветы в адрес марксистско-ленинских партий и братских социалистических стран. При этом маонисты используют самые различные методы и всевозможные каналы, нарушая общепринятые нормы международных отношений. Китайские радиостанции ведут на МНР передачи на монгольском, китайском, русском и казахском языках, полные лжи и клеветы на социалистическую действительность МНР, великие принципы интернациональной дружбы и братства монгольского народа с народами СССР и другими социалистическими странами. Китайские руководители дошли до призывов к свержению законно избранного правительства МНР и руководства МНРП, к ликвидации существующего общественно-государственного строя.

Показана цель этих диверсий — вызвать у людей сомнения в независимом, суверенном существовании МНР, перечеркнуть все ее социалистические завоевания и тем самым подорвать доверие монгольских трудящихся к МНРП, к социалистическому строю, помешать делу социалистического строительства в МНР, принизить престиж МНР на международной арене, подорвать традиционную монголо-советскую дружбу, оторвать МНР от социалистического содружества. Кроме этого, китайские руководители стали прибегать к военной угрозе. Сконцентрировав огромные вооруженные силы вблизи территории МНР, маонисты создали напряженность на ее государственной границе протяженностью около 5000 км.

В материалах разоблачаются попытки маонистов аннексировать МНР. В частности, в сборнике представлена реакция монгольского народа на беседу Мао Цзэ-дуня с группой японских социалистов в 1964 г. Отмечается, что «Мао Цзэ-дун не хочет считаться с историческими фактами, он хотел бы перечеркнуть длительную борьбу монгольского народа за свободу и независимость и забыть, что монгольская армия принимала участие в освобождении китайского народа от японских оккупантов» (стр. 66). Из этой беседы ясно видны подлинные намерения китайских руководителей — «превратить МНР в китайскую провинцию» (стр. 66). Дан отпор Мао Цзэ-дуню по вопросу государственного существования МНР. Великодержавно-шовинистический подход Мао Цзэ-дуня к МНР расценивается как «беспрецедентное и наглое притязание на территориальную целостность МНР» (стр. 66). «Вопрос о государственности Монгольской Народной Республики, — говорится в материалах, — могут решать лишь сами трудящиеся МНР и никто другой» (стр. 65). Отмечается возмущение монгольского народа «бесстыдной политикой китайских руководителей по отношению к независимому, суверенному государству, восстанавливающей захватническую политику китайских помещиков, императоров и гоминьдановцев» (стр. 65), политику, которая

преследует цель «разрушить дружественные отношения монгольского народа с советским народом, поставить под сомнение их искренность» (стр. 66). Содержание этой беседы охарактеризовано как «надругательство над марксизмом-ленинизмом» и сравнивается с реакционной программой завоевания «жизненного пространства» германского фашизма и японской военщины (стр. 67). Подчеркивается, что «в основе антимонгольской политики и действий руководителей КПК лежат их великодержавно-шовинистические притязания на территорию МНР, унаследованные от китайских милитаристов и чанкайшистов» (стр. 52).

Одним из проявлений антимонгольской шовинистической политики КПК явилась публикация в Китае в 1972 г. «Атласа мира», в котором вся территория МНР включена в состав КНР. Публикация этого «Атласа» расценивается как «стремление китайских руководителей вернуть в состав Китая земли, захваченные когда-то маньчжуро-китайскими завоевателями, а включение в состав Китая всей территории МНР — как «продолжение маонистами великодержавно-гегемонистской политики гоминьдановцев» (стр. 120). В статье приведены конкретные исторические факты самостоятельного государственного существования как Монголии, так и Китая. Опровергаются домыслы китайской пропаганды о том, будто «провозглашение независимости Монголии явилось делом подстрекательства царской России» (стр. 120). Отмечается, что «в результате буржуазной революции 1911 г. Китай был восстановлен в форме буржуазной республики, а Монголия была восстановлена независимой в форме монархии. Однако в 1915 г. правительство Юань Ши-кая совместно с правительством царской России под давлением международного империализма ликвидировали независимость Монголии и отдали ее под сюзеренитет Китая» (стр. 120). Замыслы маонистов в отношении МНР расцениваются как «попытки восстановить захватнические устремления Юань Ши-кая». «Пекинские руководители, — говорится в статье, — ставят под сомнение победу народной революции, совершившей коренной поворот в истории монгольского народа, а составители «Атласа» стремятся оклеветать эти успехи МНР».

Генеральной линией внешней политики китайских руководителей стала борьба против СССР, раскол социалистического содружества, сговор с агрессивными силами империализма. Показана эскалация маонистами антисоветизма. Антисоветизм проявляется в развязывании полемики по ряду теоретических вопросов современного положения в международном коммунистическом, рабочем и национально-освободительном движении, клеветнической кампании в отношении общественного строя СССР, провокациях против Посольства СССР в КНР и его дипломатических работников, свертывании экономических, научно-технических, культурных и

прочих связей с СССР, выдвигании территориальных притязаний к СССР, развязывании пограничных инцидентов и создании напряженности на советско-китайской государственной границе. Подчеркнуто, что «цель теоретической полемики состояла в нападениях на СССР и другие социалистические страны, во вмешательстве во внутренние дела других государств, создании раскола в международном коммунистическом движении, стремлении навязать свои концепции коммунистическим партиям, навязать свой опыт другим странам, установить «гегемонию КПК в мировом коммунистическом движении, заменить марксизм-ленинизм маоцздунизмом» (стр. 52).

Антисоветизм в Китае нужен руководителям КНР для того, чтобы отвлечь внимание мировой общественности, в том числе и китайской, от собственных лихорадочных военных приготовлений и милитаризации страны, от трудностей и нестабильности внутриполитического и экономического положения в стране. Разоблачается несостоятельность китайской пропаганды о территориальных притязаниях к СССР, о «неравноправности» русско-китайских договоров о государственной границе. Показано, что «они» имеют международно-правовую основу, поскольку были подписаны и скреплены официальными печатями представителей двух государств» (стр. 138). Дается оценка инцидентам на советско-китайской границе в районе реки Уссури — на острове Даманском и в Семипалатинской области. Подчеркивается, что эти инциденты нужны маонистам для того, чтобы «возбудить у китайского народа ненависть к советскому народу», «оказывать услугу империализму» (стр. 138). Антисоветизм расценивается как «предательство интересов всеобщей борьбы против империализма» (стр. 198). Показываются последствия антисоветской политики маонистов для КНР. Подчеркнуто, что она привела к «изоляции Китая, к отрыву КНР от социалистического содружества, к сближению с самыми реакционными силами империализма — с США и нанесла огромный ущерб Китаю» (стр. 203).

Внешняя политика китайских руководителей стала характеризоваться переориентацией КНР на сближение с капиталистическими государствами Запада в экономической, политической и идеологической областях. «вступая с ними в открытые и тайные сделки и получая от них подачки» (стр. 178), расширением экономических и политических отношений с развивающимися государствами Африки и Латинской Америки, а также Гонконгом и Макао.

Маонисты призывают «бороться с Варшавским договором, оказывать противодействие работе СЭВ, пытаются вывести социалистические страны из состава СЭВ, поддерживают НАТО» (стр. 223—225). О сближении маонистов с империалистами свидетельствует и поведение маонистов в связи с принятием КНР в члены ООН. Выступления китайского представителя на Генеральной Ассамблее

расцениваются как стремление маоистов «угодить американскому империализму и выйти с ним общий язык». Они отказались от участия в голосовании по поводу созыва Всемирной конференции по разоружению, не приняли никаких обязательств в области запрещения производства ядерного оружия, «оклеветали договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией. Такая позиция китайского представителя в ООН расценивается как «предательство интересов всеобщей борьбы против империализма и достойная глубокого презрения», как стремление маоистов «установить гегемонию над странами «третьего мира», как «смыкательство с империалистами по вопросам мира и международной безопасности» (стр. 223—226).

Политикой в Африке маоисты преследуют цель — «изолировать африканские государства от социалистического сотрудничества, навязать им свою гегемонию и направить национально-освободительное движение африканских народов по пути антисоветизма». Для этого они используют теорию «сверхдержав», которая нужна маоистам для того, чтобы «рассматривать международные отношения не с классовых, а с антинаучных, географических позиций» (стр. 206). Под теорией о «сверхдержав» скрывается «стремление Пекина превратить Китай в третью сверхдержаву» (стр. 206).

Внешняя политика маоистов охарактеризована как «проявление шовинизма на международной арене, преследующее цель достижения своих великодержавных замыслов под прикрытием социалистической фразеологии». Подчеркивается, что в основе внешней политики Китая лежит маоизм, защищающий интересы мелкой буржуазии (стр. 225, 226). Внутриполитическая обстановка в Китае характеризуется как поправка нынешними китайскими руководителями принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма и провозглашение маоизма — политического течения, враждебного принципам научного коммунизма, — официальной доктриной Китая. После «культурной революции» была, по существу, ликвидирована КПК (стр. 329) как политическая организация единомышленников (стр. 330). Раскрыта сущность вновь созданной политической организации. Эту организацию авторы называют «мелкобуржуазно-националистической» по своей платформе и сущности, «антимарксистской и антиленинской как по своей идеологии и организационным принципам, так и по своей политике» (стр. 331), «призванной наряду с армией стать послушным инструментом военно-бюрократического режима, орудием подрывной деятельности против коммунистических партий социалистических стран и всего мирового коммунистического движения» (стр. 322). Отличительной чертой новой маоистской организации авторы считают «ярко выраженную монархическую окраску» (стр. 322). В результа-

те «культурной революции» разрушен государственный механизм, система народных представителей. Главным результатом маоистского переворота является замена конституционных выборных учреждений военно-бюрократической диктатурой, лишенной реальной связи с массами и не способной на деле отражать их интересы (стр. 335). Показано, что рабочий класс и крестьянство подвергаются насилью со стороны военно-бюрократической диктатуры (стр. 351). Существующий строй не выполняет функции диктатуры пролетариата. Лозунг о диктатуре пролетариата стал ширмой для диктатуры личности Мао Цзэ-дуна (стр. 350). Создано бесконтрольное правительство феодального типа, возглавляемое своего рода теократом (стр. 351). В социальной области сдерживается рост рядов рабочего класса, сохраняется неразвитая классовая структура, усиливается противоположность между городом и деревней (стр. 351—352).

Одной из характерных черт экономического развития КНР авторы считают подрыв маоистами социалистического строя (стр. 337). Показателями этого они считают прекращение действия основного экономического закона социализма (стр. 339), утрату социалистических элементов в экономике КНР (стр. 340), отсталость материально-технической базы в невоенных отраслях промышленности и сельском хозяйстве, отказ от политики социалистической индустриализации, курс на создание мелких самообеспечивающихся промышленных предприятий, нарушение плановости развития народного хозяйства, несоблюдение закона планомерного пропорционального развития, хозяйственно-организаторские функции государства маоистами не рассматриваются как политические задачи (стр. 339), игнорирование принципа распределения по труду, широкое распространение неоплачиваемого принудительного труда на строительстве военных объектов, утрату государственной собственности характером общенародной собственности, массовое переселение городского населения в сельскую местность (стр. 340—342).

Из материалов, включенных в этот сборник, видно, что МНРП ведет последовательную, принципиальную идеологическую борьбу с китайскими раскольниками. Как отмечено в письме ЦК МНРП, направленном ЦК КПК 12 июня 1964 г., критерием отношения МНРП к маоизму является ее отношение к КПСС. «Отношение к славной Ленинской партии — наиболее опытному и закаленному отряду коммунистического движения, к Советскому Союзу — первой стране социализма, ныне является важнейшим критерием верности коммунистов любой страны всепобеждающему учению Маркса, Энгельса и Ленина, принципам пролетарского интернационализма» (стр. 42).

М. Н. Юмин

Идеалы советско-китайской дружбы восторжествуют¹

В парке Освобождения в г. Ухань возвышается обелиск, воздвигнутый в честь советских летчиков-добровольцев, защищавших небо Китая в самый трудный для китайского народа первый период антияпонской войны — 1937—1945 гг. Надпись на обелиске гласит: «Память о советских летчиках будет вечно жить в сердцах китайского народа. Пусть этот благородный дух пролетарского интернационализма, присущий рабочему классу, всегда развивает и укрепляет дружбу китайского и советского народов».

Эта надпись, очевидно, так же легко, как заводские клейма на советских станках, поставленных в свое время в КНР, может быть уничтожена. Но невозможно вычеркнуть из памяти китайского народа его собственную новейшую историю, органической частью которой является плодотворное и эффективное сотрудничество с Советским Союзом как в революционной борьбе, так и в строительстве социализма в Китае. Невозможно игнорировать тот исторический факт, что братская дружба двух народов родилась и крепла в борьбе за общие революционные идеалы, что она скреплена кровью тысяч советских людей, отдавших жизнь за свободу и независимость Китая, и китайских добровольцев, защищавших советскую власть в годы гражданской войны в нашей стране.

Помощь Советского Союза китайскому народу в период 20—30-х годов была многообразна и широка по масштабам. Она являлась чрезвычайно эффективной именно потому, что была своевременной, предоставлялась в решающие моменты борьбы революционных, патриотических сил Китая. Одной из важных форм этой помощи была посылка в Китай военных и других специалистов. В 1923—1927 гг. советские политические и военные советники во главе с М. М. Бородиным и В. К. Блюхером внесли немалый вклад в успешное развитие революционного движения китайского народа. В 1937—1941 гг. организовывавший отпор японской агрессии в Китае китайскому народу помогали такие видные советские военачальники, как В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко, П. Ф. Батицкий, П. Ф. Жигарев, А. И. Черепанов и мно-

гие другие. В 1937—1939 гг. сотни советских летчиков-добровольцев на советских боевых самолетах наносили удары по воздушным и наземным силам агрессора. Тысячи советских людей занимались доставкой вооружения в Китай. Помощь СССР сыграла огромную роль в срыве плана японской военной «молниеносно» разгромить китайскую армию и поставить китайский народ на колени.

Будучи одним из конкретных проявлений интернационалистической политики СССР, посылка добровольцев в Китай и их самоотверженная работа в этой стране прямо и непосредственно формировали у китайских трудящихся верное представление о том новом мире, который породила Октябрьская революция.

Почти шесть десятилетий, прошедших со времени Октябрьской революции, дали убедительнейшее свидетельство того, что сплоченные с СССР — одним из важнейших факторов прогресса китайского народа, что Советский Союз стоял и стоит на стороне тех политических сил в Китае, которые отстаивают подлинно национальные и коренные социальные интересы китайских трудящихся.

И вполне закономерно, что уважение и чувства дружбы к Стране Советов давно пустили глубокие корни в самых широких слоях китайского народа. «Меня, как и всех нас, — пишет С. П. Константинов, находившийся в 1938—1939 гг. в Китае в числе советских добровольцев, — поражало, что в самой дальней глухомани, где наши документы с трудом осливал единственный на округу грамотей, уже тогда знали и уважали Советский Союз. Стоило только объясниться грамотею разъяснить свирепо глядевшим на нас и готовым к самосуду крестьянам, что мы — советские люди, настроенные мгновенно меняться, появлялись благожелательные улыбки. Нас приветствовали как самых близких друзей. Каждый старался пожать руку, приговаривая: «со-вет-тиски, со-вет-тиски» (стр. 308—309).

Известно, что, предав дело революции 1925—1927 гг., чанкайшисты разорвали дипломатические отношения Китая с СССР. Однако через десять лет, когда агрессия японского империализма создала смертельную угрозу самому существованию китайского государства, только Советский Союз откликнулся на призыв Китая о помощи. Этот шаг советской стороны имел огромное значение для воспитания и закрепления дружественных чувств китайского народа к Стране Советов. Он показал, что ее отношение к китайской нации определяется принципами социалистического государства, а не зигзагами политики реакционных правителей Китая. Этот шаг показал также, что разжигаемая ими антисоветская истерия способна приглушить, но не искоренить в китайском народе доверие, чувства дружбы и уважения к СССР. В этой связи примечательно, что даже в среде гоминьдановского офицерства, в большинстве своем настроенного антикоммунистически, позиция поддержки, занятая Советским Союзом по отношению к Китаю,

¹ «На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925—1945», Изд-во «Наука», 1974, 371 стр.

подвергшемуся японской агрессии, вызвала определенное брожение умов, усилила понимание антинационального, реакционного смысла политики вражды к СССР, проводившейся чанкайшистами с 1927 г. практически до самого начала антияпонской войны. Находившийся в 1938—1939 гг. в Китае в качестве военного советника А. Я. Калягин вспоминает, что во время беседы с офицерами одной из гоминьдановских дивизий они заявили ему: «Нам стыдно глядеть вам в глаза. После того как ваша страна оказывала нам большую помощь в первой гражданской революционной войне (1925—1927 гг. — А. Я.), наше правительство разорвало с вами отношения и причинило много неприятностей. А сейчас мы снова просим вашей помощи» (стр. 187).

Маоистское руководство проводит политику антисоветизма, пытается вызвать у китайского народа неприязнь ко всему советскому. И все же сотрудничество временных интересов советского и китайского народов непременно приведет к торжеству идеалов братской дружбы и сотрудничества между ними. Совместная борьба патриотических и социалистических сил китайского народа и народов Советского Союза за сплочение всегда делала эти идеалы неистребимыми. Исходя из этого, советская сторона определяла и определяет свою политику в отношении Китая. «Мы помним о том, что коренные интересы советского и китайского народов совпадают, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. — Мы стремились и будем стремиться делать все для того, чтобы сохранить и поддерживать дружеские чувства, которые есть в советском народе по отношению к братскому китайскому народу и которые, как мы убеждены, есть также в китайском народе по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам»².

Отстоять эти чувства в условиях, когда маоистское руководство превратило антисоветизм в стержень внешней политики Китая и когда оно приравнивает к национальному предательству любые проявления дружбы и уважения к СССР со стороны китайских граждан, — задача чрезвычайно важная. Успешное решение ее есть одна из важнейших предпосылок объективно неизбежного возвращения КНР к политике сплочения со странами социализма. И именно в рамках этой задачи прежде всего следует рассмотреть роль и значение становящейся все более богатой мемуарной литературы, которая повествует о различных периодах, этапах и аспектах истории развития революционного сотрудничества советского и китайского народов. В 1974 г. эта литература пополнилась рецензируемым сборником воспоминаний советских добровольцев — участников революционной освободительной борь-

бы китайского народа в 20-х и 30-х годах. Авторами сборника являются старейшие военачальники Советской Армии А. И. Черепанов и А. Я. Калягин, уже выступавшие в 60-х годах с обстоятельными воспоминаниями о временах своей работы в Китае, а также ветераны гражданской войны и Отечественной войны советского народа А. Я. Климов, С. Н. Наумов, Т. С. Бородин, И. П. Шуванов, Е. В. Тесленко, В. Т. Сухоруков, С. В. Слюсарев, С. С. Белолипецкий, С. П. Константинов, А. И. Ковтун-Станкевич. В сборник включены воспоминания профессора М. Е. Шасса, являвшегося в 1926—1927 гг. финансовым советником национального правительства Китая.

Издание подготовлено Институтом Востоковедения АН СССР. Оно снабжено комментариями, справками об авторах, содержательным предисловием, написанным редактором-составителем кандидатом исторических наук Ю. Чудодеевым. Включенные в книгу мемуары в большинстве своем живо и увлекательно излагают события. Все это делает сборник доступным и интересным самому широкому кругу читателей. Вместе с тем он представляет определенный интерес для специалистов по истории Китая и советско-китайских отношений. Содержащиеся в нем малоизвестные и даже совсем неизвестные факты позволяют более полно осветить в научной литературе некоторые аспекты освободительной борьбы в Китае и советско-китайских отношений в период до 1945 г. И хотя, как правило, авторы касаются в своих воспоминаниях лишь тех конкретных событий, участниками которых они были сами, в большинстве случаев они стремились увязать эти события с общим развитием ситуации в Китае, оценить их место и роль в борьбе китайского народа. В частности, А. И. Черепанов, являвшийся главным военным советником китайской армии в 1938—1939 гг., подчеркивает, что «по существу, единый фронт (КПК и гоминьдана. — А. Я.), рожденный в огромной степени благодаря нашей интернационалистической политике в Китае, спас в ту пору КПК от уничтожения и создал благоприятную обстановку для работы коммунистов по восстановлению своих сил» (стр. 136).

Примерно треть сборника составляют воспоминания о революционном движении в Китае в 1925—1927 гг. и две трети — воспоминания о начальном периоде антияпонской войны. Книгу завершает очерк, автором которого является генерал-майор в отставке А. И. Ковтун-Станкевич, находившийся в 1945—1946 гг. в должности коменданта Мукдена — крупнейшего города Маньчжурии, где в то время находились советские войска, совместно с монгольскими войсками освободившие от японских оккупантов этот наиболее развитый в промышленном отношении район Китая, ставший во второй половине 40-х годов главной опорной базой китайской революции.

Глубокое сочувствие революционной и освободительной борьбе китайского народа,

² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 73.

самоотверженное отношение к делу, порученному Родиной добровольцам, — таков лейтмотив всех помещенных в сборнике воспоминаний. Их авторы много внимания уделяют деятельности своих коллег-добровольцев, предметно показывая интернационалистическую суть идейно-политической закалки, свойственной посланцам Страны Советов. Китайскому народу, пишет С. С. Белолыпецкий, советские добровольцы «отдали максимум того, что каждый из нас мог дать в той конкретной обстановке, помогая в борьбе с агрессором... Нас не покидало чувство честно исполненного долга» (стр. 299).

Эту краткую рекомендацию читателю интересной и полезной книги хотелось бы закончить оптимистическими словами С. С. Белолыпецкого: «Я верю, что кровь моих соотечественников была пролита на земле Китая недаром, что традиции советско-китайской дружбы вновь восторжествуют» (стр. 301).

Книга по истории китайского кино*

Книгу Д. Лейды можно назвать новой страницей и в синологии, и в общей истории кино. Вся история кинематографа в Китае впервые представлена с такой полнотой и объективностью. Работа Д. Лейды — труд в высшей степени квалифицированный. В нем, конечно, есть и недочеты, ошибки, с чем-то следует поспорить, что-то опровергнуть, но в целом книга «Дяньин» (китайское слово, означающее кино) заметное явление.

Первые шесть из двенадцати глав посвящены периоду развития китайского кино с 1896 по 1949 г. Остальные — 18 годам КНР (1949—1967).

Из этого распределения материала видно, какое значение автор придает послереволюционному кино в Китае. И это не только справедливо, но и крайне важно из-за слабой изученности периода после 1949 г. Содержательная работа Чэн Цзи-хуа «История развития китайского кино», вышедшая в Пекине в 1963 г., снабдила исследователей фактами, однако третий том (1949—1959), уже подготовленный, так и не увидел света, задержанный, как сообщает Д. Лейда, цензурой (стр. 339).

К двухтомнику Чэн Цзи-хуа у Д. Лейды двойственное отношение. С одной стороны, он называет его «ортодоксальным» (предисловие, стр. XIII); с другой — дает в приложении полный текст статьи из пекинского журнала 1968 г., где как раз ортодоксы-мао-

В связи с выходом сборника нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что издаваемая у нас мемуарная литература о Китае касается преимущественно периода 20—40-х годов. Между тем чрезвычайный интерес представляли бы также и воспоминания советских людей, участвовавших в завершающем этапе китайской революции в 1946—1949 гг., в восстановлении народного хозяйства и строительстве основ социализма в Китае в 50-х годах. В этот пятнадцатилетний период наша страна направила в Китай тысячи специалистов (военных и гражданских). И, несомненно, многие из них могли бы, как и советские ветераны китайской революции, поделиться своими воспоминаниями о работе в Китае, чем способствовали бы более полному раскрытию картины многообразного и обоюдодополнительного сотрудничества двух стран в те годы.

А. Г. Яковлев

исты обрушиваются на Чэн Цзи-хуа за ортодоксальность. Это, однако, не мешает Д. Лейде историю китайского кино до 1949 г. излагать, в сущности, «по Чэн Цзи-хуа». И он прав, ибо работа Чэн Цзи-хуа — ценнейшее собрание исторического материала, хотя и содержащее порой политические граффареты, без чего книга (в конкретных условиях тех лет) вообще бы не вышла в свет.

Пользуется автор и другими источниками: от американской прессы начала века до московского журнала «Интернациональная литература». Д. Лейда широко использует мысли Лу Синя об отечественном кино 20—30-х годов, работы Акиры Ивасаки и Айворэ Монтегю, приводит в переводе с китайского мемуары видного деятеля театра и кино Оуян Юй-цзяня, цитирует воспоминания Мэй Лань-фана. Следует отметить серьезное внимание автора к советским источникам: исследованию Р. Соболева о русском дореволюционном кино, книгам о Китае Р. Кармела и С. Юткевича, сборнику переводов «Сценарии китайского кино», конспекту сценария С. Третьякова «Чжунго», прочитанному Лейдой в архиве С. Эйзенштейна, записным книжкам А. Довженко. Вообще научный аппарат книги — весьма ценное справочное пособие. В фильмографии представлены лучшие работы китайского кино (а также китайской темы в зарубежном кино). В словаре кинематографистов — почти сотня имен. Обширная библиография говорит о значительной работе, проделанной Д. Лейдой.

Однако к изысканиям своих предшественников автор не всегда относится с должным вниманием, что порой приводит к ошибкам. Наиболее значительная из них — слишком ранняя (1928) датировка начала «левого кино» в Китае.

По поводу становления «левого кино» Д. Лейда пишет: «Фильмы, сделанные в 1932 и 1933 гг., были схематичны, но действительны. Соединение революционного горе-

* Jay Leyda. *Dianying (Electric Shadows). An Account of Films and the Film Audience in China* (The MIT Press: 1972, 515 p.).

ния с патриотическим волнением придавали фильмам силу и элемент художественности» (стр. 77). Он восхищается талантом лучших кинематографистов Китая, находя им громкие аналогии в мировом кино: Юань Линъюй — «это была одна из великих актрис в истории кино, совершенно и более всего приспособленная для кино, как Грета Гарбо» (стр. 87); режиссер Юань Му-чжи — «сегодняшнему зрителю ясно, что художник, сделавший «Городские сцены», должен быть поставлен рядом с Клером и Кавальканти» (стр. 100).

Интересный материал собран Д. Лейдой о кинематографии оккупированных японскими войсками районов. Подтверждая ту истину, что сотрудничество оккупантов с национальными предателями не приносит достойных плодов и в области кино, автор здесь же говорит и о влиянии — в процессе совместных съемок — более развитого японского кино на китайское.

Касаясь периода после 1949 г., нельзя не заметить, что недостаточная китаеведческая подготовка отчасти снижает точность анализа конкретного фильмового материала. Д. Лейде явно «мешает» широкая кинематографическая эрудиция, заставляющая его ждать от китайских фильмов не того, что они давали. Разбирая китайские фильмы, следует оценивать их скорее «имманентно», чем в широком мировом контексте, не игнорируя политической ситуации, постоянного давления маоистов. Не отрицая этого в принципе, Д. Лейда в частности не всегда последователен. Так, автор обвиняет китайских кинематографистов в невнимании к собственным художественным традициям, в пренебрежении к вековым достижениям национального театра, которые следовало бы трансформировать в кинематографе (стр. 328). Факт подмечен точно (об этом еще в свое время писал С. Эйзенштейн). Но Д. Лейде надо было бы упреки адресовать не творческим работникам, а маоистскому руководству, проводившему общую «жесткую» линию по отношению к художественному наследию.

По мнению автора книги, первые фильмы, созданные в КНР, являются скорее «социальными документами», чем произведениями искусства. Однако Д. Лейда отмечает «необычайно выразительные съемки» в кинофильме «Дочери Китая»; он заметил в «Седой девушке» свежесть и обаяние Тянь Хуа, напомнившей ему актрису 30-х годов Юань Линъюй; «превосходным биографическим фильмом» счел он «Чжао И-мань»; остановился в недоумении перед «инфантильной манерой» фильма «Народные бойцы», увидев в нем «уроки поведения» (иными словами, принятую тогда маоистами на вооружение традицию дидактичности искусства, с давних времен прививавшуюся конфуцианством). Явно недооценил Д. Лейда «Стального солдата».

Мало, к сожалению, места отведено в книге так называемым «кампаниям перевоспитания». Дело, видимо, в том, что литера-

тура, которой пользовался автор книги, не дала ему материала и он ограничился лаконичными упоминаниями об этих «китайских драмах» (стр. 216) и общим выводом о превращении кино после 1949 г. в «мишень для нападок, определяемых политикой» (стр. 154). Д. Лейда приехал в КНР в 1959 г., когда уже позади остались критика фильма «Жизнь У Сюня» (посмотреть который ему не удалось — даже работая в киноархиве!), и волнения 1955 г., и «расцвет» «ста цветов», и последовавшая за этим «борьба с правыми элементами», и начало «большого скачка». Мимо этих кампаний, проводимых маоистами, историк кино не должен проходить мимо, и такое упущение, на наш взгляд, — серьезный недостаток книги.

В обособленную главу, названную «Скачок», выделены 1957 и 1958 гг. Но в начале ее говорится о фильмах, с пресловутым «большим скачком» ничего общего не имеющих: «Во имя мира», «Семья», «Баскетбол-листка № 5», «Глубокая дружба», «Мать» (почему-то обозначенная «свободной адаптацией романа Горького и фильма Пудовкина и Донского» (стр. 229), хотя в китайской кинолитературе указаний на этот счет не встречалось). Здесь же разбирается фильм «Моление о счастье» по рассказу Лу Синя, вышедший на экраны к юбилею великого писателя в октябре 1956 г. Понимая, что работа эта была этапной для китайского кинематографа, Д. Лейда тем не менее увидел в фильме только лишь «упрощение» литературного оригинала, что явно недостаточно для объективной оценки фильма.

В главе о «большом скачке» автор не отметил самой «кинематографии большого скачка», а рассуждает лишь о фильмах, демонстрировавшихся на экранах КНР в то время. Между тем кино было одним из активных идеологических орудий осуществления «большого скачка».

Заключительная глава книги посвящена последнему периоду кино КНР и называется «Кино китайского народа?». Странно, однако, что «культурная революция» не выделена из этого восьмилетия (1960—1967). Неужели автор не усматривает граней между этой кампанией и политикой предшествовавших ей лет? Впрочем, содержание главы говорит о том, что всю кинематографию этого периода автор считает в основном уступкой давлению маоистов.

Д. Лейда не понял и тем более не сумел дать анализа происходивших в Китае после 1966 г. событий. «Культурная революция» с ее эксцессами, шельмованием деятелей культуры, в том числе и многих работников кино, осталась вне его оценки. Тем не менее исследование американского киноведа помогает сегодняшнему пониманию процессов, происходящих в китайской культуре, в частности в кинематографии, выродившейся в примитивный пропагандистский инструмент восхваления «деяний» маоистов.

С. А. Торонцев,
кандидат филологических наук

Конференция в Южно-Сахалинске

В декабре 1974 г. в г. Южно-Сахалинске проходила IX Дальневосточная научная конференция по проблемам методологии истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока и отечественной историографии. Конференция проводилась по постановлению Отделения истории АН СССР и Президиума Дальневосточного научного центра Академии наук СССР.

Стало хорошей традицией, что ученые-историк, занимающиеся проблемами советского и зарубежного Дальнего Востока, собираются в различных городах: Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске.

На нынешней конференции работали секции: истории партийных организаций Дальнего Востока СССР; методологии исследований истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР, включая вопросы историографии советского общества (1917—1974); археологии, этнографии, антропологии и истории народов Дальнего Востока. На конференции в г. Южно-Сахалинске впервые были выделены в 4-ю отдельную секцию доклады по истории, политике и культуре зарубежных государств Дальнего Востока XVII—XX вв. (методология исследования и отечественная историография).

На пленарном заседании были заслушаны доклады первого секретаря Сахалинского обкома КПСС тов. П. А. Леонова о непрерывном возрастании роли партии в коммунистическом строительстве в СССР; члена-корреспондента АН СССР А. И. Крушанова о проблемах исторического развития народов Дальнего Востока СССР и смежных территорий Центральной, Северной и Восточной Азии в XVII—XX вв. в свете марксистско-ленинской концепции всемирной истории; академика А. П. Окладникова о древней истории Американского континента.

На секции истории, политики и культуры зарубежных государств было зачитано 6 докладов: три по вопросам историографии, два по истории международных отношений и один источниковедческий. Доклад д-ра ист. наук В. Н. Никифорова (ИДВ АН СССР, Москва) носил теоретический характер: «О функциях историографии как методологической дисциплины». Научный сотруд-

ник Института истории, археологии и этнографии (ДВНЦ АН СССР, Владивосток) канд. ист. наук В. Г. Шебенков посвятил свой доклад методологии исследований истории, экономики и культуры Хоккайдо в XVII—XX вв. Докладчик выдвинул тезисы о том, что остров Хоккайдо продолжительное время являлся колонией Японии и служил в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии на север. Сообщение канд. филол. наук К. Е. Черевко (ИДВ АН СССР, Москва) «Японская историография о формировании русско-китайской границы» было зачитано в отсутствие автора.

В докладе канд. техн. наук Б. Н. Славинского (ДВНЦ АН СССР, Владивосток) «Борьба СССР за обеспечение коллективной безопасности и мира в Азии (история и современность)» было показано, что принцип коллективной безопасности неизменно лежал в основе политики СССР на Дальнем Востоке и во всей Азии. В подтверждение своей концепции докладчик рассказал о борьбе СССР за заключение Тихоокеанского пакта, о создании антифашистской коалиции в годы второй мировой войны, наконец, о современных акциях советского правительства, направленных на укрепление коллективной безопасности в Азии. Представитель Южно-Сахалинска, канд. ист. наук А. М. Лопачев, взяв, казалось бы, широко освещенную в литературе тему «Борьба советской дипломатии за освобождение Северного Сахалина и Курильских островов от японских милитаристов», сумел придать ей новое звучание и привлек новые материалы.

О маньчжурских документах, хранящихся в архивах Москвы, Улан-Батора и Пекина, сообщила канд. филол. наук И. Т. Мороз (ИДВ АН СССР, Москва). В документах, до последнего времени не введенных в научный оборот, содержатся факты по истории народов Дальнего Востока и русско-китайским отношениям в XVII—XIX вв.

Созыв конференции, носившей по своему составу общесоюзный характер, явился ярким свидетельством расцвета науки и культуры на советском Дальнем Востоке. Конференция подтвердила, в частности, плодотворность контактов между московскими и дальневосточными учеными в области изучения стран советского и зарубежного Дальнего Востока.

Устроители конференции высказали мнение, что X конференция, которая планируется на сентябрь 1976 г., как и последующие, целесообразнее всего проводить во Владивостоке, где сосредоточено большое

количество научных и высших учебных заведений. В 1979 г. предполагается провести XI конференцию с ориентировочной темой «Против фальсификации истории Дальнего Востока за рубежом». Кроме того, выступавший с заключительным словом на IX конференции А. И. Крушанов высказал мнение о желательности созыва в ближайшее время в г. Владивостоке II сессии востоковедов Дальнего Востока (I сессия состоялась там же в марте 1969 г. по проблеме «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке»).

На заключительном пленарном заседании IX Дальневосточной научной конферен-

ции принято решение о публикации сделанных на ней докладов и сообщений.

Говоря о сотрудничестве специалистов по истории Дальнего Востока, следует иметь в виду, что конференции по проблемам методологии истории, археологии и этнографии являются не единственной формой такого сотрудничества: упомянем регулярные сессии дальневосточных исторических чтений, а также научные конференции, посвященные отдельным историческим датам.

И. Т. Мороз,
кандидат филологических наук

Всесоюзная научная сессия по декоративному искусству Китая

В октябре 1974 г. в московском Музее искусства народов Востока проходила Всесоюзная научная сессия «Символика и изобразительные мотивы в декоративном искусстве Китая».

Во вступительном слове старейший советский исследователь китайского искусства О. Н. Глухарева отметила, что предыдущая, первая сессия, посвященная данной тематике, состоялась в 1940 г. В ней участвовали академик В. М. Алексеев, проф. С. В. Киселева, известные ученые-китаеведы К. И. Разумовский, М. Н. Кречетова и другие. Эта сессия дала ценные материалы для искусствоведов, занимавшихся китайским искусством, изучение которого в то время находилось еще в начальной стадии своего развития.

С тех пор были накоплены значительные знания, и от накопления фактов и их объяснения ученые перешли к постановке и разрешению сложных философских и эстетических проблем. Поэтому идея проведения второй сессии получила горячую поддержку и одобрение среди широкого круга специалистов.

Не случайно то, что на повестке дня стояла проблема символика и изобразительных мотивов в декоративном искусстве Китая: она актуальна, поскольку роль символика чрезвычайно велика не только в прикладном искусстве, но и в жизни, в культуре страны. В специальной литературе, как отечественной, так и зарубежной, эта тема затронута лишь частично и в основном в работах общего характера. Однако современных исследователей интересуют и проблема истоков символика, и отражение си-

стемы символов в орнаменте, архитектуре, живописи, и исторической эволюции китайской символика.

В Древнем Китае, как и в любой другой стране в определенный исторический период, очень важное место занимала ритуальная символика. Особенностью китайской культуры явилось то, что с глубокой древности эта символика, отражавшая ранние космогонические представления, связанные с мифотворчеством народа и древней китайской философией, приобрела абстрактный характер.

В докладе искусствоведа Н. А. Виноградова (Москва) «Проблема структуры мироздания и зарождение поэтической символика в искусстве Древнего Китая II тысячелетия до н. э.» было отмечено, что полное и совершенное выражение древняя символика нашла в бронзовых сосудах иньского периода. Их строго зафиксированная иконография стала ритуальной иконографией древних китайцев, причем символично было все — и форма, и тип сосуда, и декор, рельефный и гравированный. Семантика ритуальных символов была очень богата и разнообразна. Геометрические мотивы орнамента (треугольники, ромбы, круги, спирали, зигзаги и т. п.), возникшие в неолите, не имели единого и твердо зафиксированного смысла. В иньской же бронзе возникают устойчивые мифологические образы, которые в своих основах сохраняются в дальнейшем на всем протяжении истории древнего и средневекового китайского искусства. С различными анимистическими и тотемистическими верованиями были связаны многие изображения зверей и птиц, выполнявшихся в рисунке или в рельефе в очень условной манере. При этом эстетический облик сосудов определяется их функциями — культовыми и охранительными.

Многообразие форм, узоров и образов иньских сосудов необычайно велико, но все оно приведено в единую четкую систему, организующим началом которой был мотив столкновения двух начал.

Универсализм иньских сосудов положил начало длительным поискам выражения идеи вселенной в китайском искусстве древности и средневековья.

Последующие поколения развили и конкретизировали символы, заложенные в основе мифологических представлений древности. Уже на протяжении периодов Чжоу и Хань, следом за формированием пантеонистических устремлений даосской философской мысли, попутно с кристаллизацией рациональной схемы вселенной растет интерес к поэтической теме природы. Меняется ритмический строй узоров. Как и в поэзии, он становится более плавным, более пластичным. Параллельно с рационалистическим символизмом зреет линия символизма поэтического, ищущего путей передачи пространства вселенной через образы живой и одухотворенной природы. Эти поиски, принесшие особенно яркие плоды в пору раннего средневековья, привели в конечном итоге к возникновению китайского живописного пейзажа, овеянного дыханием глубокой и тонкой поэзии.

Не случайно поэтому искусствовед И. Ф. Мурман (Москва) в своем докладе «Символика и изобразительные мотивы в древнем искусстве Китая» подчеркнула, что термин «декоративно-прикладное искусство» не характеризует всесторонне существо древних китайских изделий из керамики и бронзы, ибо их оформление содержало в себе серьезную смысловую нагрузку.

В произведениях древности докладчик определяет две системы: информативную систему закодированных символов и императивную систему ритма, определяющую эмоции человека и порядок восприятия отдельных частей системы в целом. Так, в орнаменте керамики Яншао выделяются два аспекта: ритмический (он определяется формой и структурой сосуда) и смысловой. В настоящее время геометрический орнамент древности расшифровывают как знаки солнца, гор, дождя, плодородия и т. п. Он наглядно воплощал первичную систематизацию познаний человека наиболее общих законов окружающего мира.

В орнаменте шанских и чжоуских изделий из бронзы происходит процесс увеличения разнообразия и одновременно сужения смысла формальных элементов. Наряду с древнейшими геометрическими фигурами главенствующее положение здесь начинают занимать зооморфные мотивы. Знаки новых тотемистических культов возобладали, превратив круги, спирали, треугольники из главных элементов во второстепенные. Автор подчеркивает, что момент расслоения мотивов древнего орнамента на главные и второстепенные ведет к появлению декоративности, как таковой.

На древних бронзовых сосудах периода Чжаньго и начала Хань можно видеть фризовые полосы с изображением разнообразных сцен. Но в это время появление изобразительных мотивов не означает исчезновения культового смысла и нарушения системы древнего символика-онтологического представления о мире.

Подводя краткий итог, можно сказать, что символика и изобразительные мотивы в древности развивались от наскальных изображений через синтетическое воплощение их в древних изделиях к позднему разделению на искусство сюжетно-картинное (но с поправкой на особую средневековую синтетичность этого подобия станкового искусства) и декоративно-прикладное (или художественно-ремесленное).

С древними космогоническими представлениями китайцев связана сложная система символика пяти элементов, сторон света, пяти цветов. Эта система символика нашла отражение в архитектуре (например, планировка «Запретного города» в Пекине), в физиономике, географии и т. д. Этому аспекту космогонической символика посвятил свой доклад «Китайский декор как часть единой системы космологических символов» искусствовед Л. П. Сычев (Москва).

Средневековое искусство в целом было не менее символичным, чем древнее. Причем на первый план выходит изобразительная символика (особенно образы природы).

В докладе научного сотрудника Музея искусства народов Востока Л. А. Шмотиковой (Москва) «Опыт изучения декора сунской керамики» указывается, что образы природы, посредством которых осуществлялось эстетическое освоение мира, в средневековом искусстве Китая выражали философские идеи и несли символическую нагрузку.

Изобразительные мотивы, символика которых была связана с даосизмом, буддизмом и конфуцианством, служили стремлению художника в произведении искусства отразить законы мироздания.

Сунские керамические изделия обладали не только утилитарным назначением, они были в такой же степени источником духовных ценностей, как и живопись, поэзия.

Автор отмечает, что средневековый период не знал такого резкого разграничения искусств, какое характерно для нового времени. Керамика, живопись и поэзия близки не только сходством используемых мотивов, но и единым методом построения художественного образа, основанным на особом виде условности, когда отбрасывается все случайное, единичное и выявляется идея, суть предмета или явления.

Непревзойденность на протяжении многих веков сунской керамики объясняется блестящим соединением философского осмысления мира природы и глубокого проникновения в сущность материала, его природу, композиционные и колористические возможности, эстетические достоинства.

Особым разделом китайской символика является символика благопожеланий. Практика поздравлений и связанных с этим пожеланий была необычайно распространена и тщательно разработана в Китае, превратившись поистине в культ благопожеланий, главным среди которых было «сань-до»

(«три много» — много богатств, много лет и много сыновей).

Пожелание долголетия было связано с даосской идеей бессмертия. Искусствовед Е. В. Завадская (Москва) в своем докладе «Символика гриба в китайской живописи» проследила появление и развитие изобразительных мотивов (в частности, мотив гриба «линчжи»), олицетворявших идею бессмертия.

В докладе анализировались взгляды современных ученых на символ гриба: в частности, замечалось, что в исследованиях Уоссона Дж. Р. о Соме и божественном грибе «линчжи» ошибочно появление символа гриба Соме отнесено к юаньскому периоду (XIII в.). Основываясь на анализе свитка Чжао Чана «Пионы», докладчик датировала его X веком. Вторая коррективна связана с символикой «линчжи» в культе богини Си Ван-му. Е. В. Завадская обнаружила в сычуаньских рельефах изображение солнечного зайца с «линчжи», что делает бесспорным утверждение, что изготовление этого гриба связано с таинством создания эликсира бессмертия.

Часто символика пожеланий успехов в различных делах была неотделима от даосских образов «бессмертных гениев». Т. Б. Арапова (Ленинград) свой доклад «Символично-благопожелательные росписи на китайском фарфоре начала XV — первой трети XVIII в.» посвятила освещению вопросов происхождения образов восьми «бессмертных гениев» и мальчиков, их места в декорировке фарфора.

Символика благопожеланий развивалась по линии усложнения. Нередко самые разные понятия символизировались определенными предметами только вследствие созвучия означающих их нероглифов. Эта практика использования омонимов была необычайно широко распространена в позднесредневековом Китае. Нередко сумма таких омонимических замен приводила к тому, что то или иное сочетание предметов на рисунке было настоящим ребусом. Расшифровке и прочтению символов в росписи китайского фарфора XVIII в. был посвящен доклад Л. И. Кузьменко (Москва) «Жанр «цветы и птицы» в росписи китайского фарфора XVIII в.».

Расцвет сложных сюжетов композиций, среди которых особенно выделяется жанр «хуа-няо», приходится на Цинский период. Интерес к этому жанру в Китае был всегда чрезвычайно велик — в изображении птиц, цветов, деревьев, рыбок и насекомых выразилось поэтически образное толкование природы. Вместе с тем каждое отдельное явление природы, незначительное ее изменение связывалось с образом-символом. За каждым временем года или месяцем за-

креплялся определенный цветок или растение, иногда и птица. Автор останавливается на рассмотрении композиций, состоящих из чаще всего встречающихся цветов мэйхуа, лотосов, пионов, хризантем и птиц (фынхуан, сойка), и отмечает, что в фарфоре XVIII в. происходит переосмысление символики в связи с повседневным использованием произведения в быту, перехода от возвышенно-философской, космогонической символики к простым и понятным благопожеланиям.

В образовании символов большую роль сыграла склонность китайцев к ассоциативному мышлению. Так, в китайском искусстве возникла символическая тема «Сыцзюньцзы» — «четыре благородных» (бамбук, орхидея, мэйхуа, хризантема), которые ассоциировались с благородным ученым, совершенным человеком. Возможности трактовки этой темы необычайно широки: в живописи и разнообразных произведениях декоративно-прикладного искусства обнаруживается разный характер и подтекст этих образов. Об этом рассказал в своем докладе «Символическая тема «Сыцзюньцзы» в китайском искусстве» С. Н. Соколов (Москва).

В наши дни средневековая символика теряет свое прежнее значение, хотя художники используют традиционные изобразительные мотивы и орнаменты. Постановку и рассмотрению основных проблем современного китайского искусства посвятил доклад В. Л. Сычев (Москва) — «К вопросу о средневековых традициях в современном прикладном искусстве Китая».

Сравнивая произведения китайского и японского прикладного искусства XVIII в., искусствовед Н. С. Николаева (Москва) в докладе «Методология анализа произведений декоративно-прикладного искусства Китая и Японии» анализировала эстетические представления в этих странах. В докладе была затронута проблема традиций, незавершенности, открытости, определявших образный строй произведений.

Выступившие в прениях ученые — Л. З. Эйдлини, Т. П. Григорьева, В. Л. Сычев, Л. Е. Черкасский — отметили актуальность затронутых докладчиками проблем, разрешение которых дало бы обширный материал для понимания художественного мышления специфики искусства Китая.

Вместе с тем выступавшими был обозначен широкий круг вопросов, все еще стоящих перед исследователями-китаистами, было высказано также пожелание организовать совместную конференцию литературоведов и искусствоведов.

Л. А. Шмотикова

НОВЫЕ КНИГИ

Арская Л. П. Научно-техническая интеллигенция Японии. М., изд. «Наука», 1974, 10 000 экз., 80 к.

В книге рассматриваются социально-экономические аспекты научно-технических работников в Японии. В центре внимания автора стоят такие проблемы, как занятость и положение этих работников на рынке рабочей силы, система подготовки кадров, особенности их эксплуатации и др. Автор показывает уравнивание социально-экономического положения интеллигенции и рабочих.

Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. М., изд. «Наука», 1974, 10 000 экз., 3 р. 50 к.

Избранные работы одного из ведущих советских востоковедов объединяют исследования по истории и проблематике востоковедной науки, а также по вопросам историко-типологического единства развития литератур Востока и Запада в русле мирового литературного процесса. Ведущая идея всех работ — интернациональный характер развития культуры и науки.

Браун Отто. Китайские записки. 1932—1939. (Пер. с нем.). М., изд. «Политиздат», 1974, 100 000 экз., 1 р. 17 к.

Немецкий коммунист-интернационалист Отто Браун в 1932 г. был послан Исполкомом Коминтерна в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК. Он пробыл в стране семь лет, принимая активное участие в освободительной борьбе китайского народа.

Автор рассказывает о героической борьбе китайского народа против отечественных и иностранных угнетателей, за победу народной революции.

Вместе с тем его воспоминания свидетельствуют, что уже в то время Мао Цзэ-дун и его сторонники, игнорируя принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, выступали носителями великодержавных, шовинистических взглядов и настроений.

Мемуары Отто Брауна особенно актуальны в свете той борьбы, которую ведут в наши дни марксистско-ленинские партии против теории и практики маоистов.

Война, история, идеология. (Буржуазная военная история на службе милитаризма). М., изд. «Политиздат», 1974, 45 000 экз., 1 р. 56 к.

В книге раскрывается реакционная сущность буржуазной военной истории, анализируются социальные и гносеологические корни буржуазной военной историографии, ее антинаучная методология. На основе конкретного анализа трудов буржуазных историков исследуется основная идеологическая направленность и специфические черты историографии второй мировой войны в крупнейших капиталистических странах — США, ФРГ, Англии, Италии и Японии. Значительное место в книге отводится разоблачению реакционного характера буржуазной военной историографии послевоенного периода.

Сдано в набор 27/XII 1974 г. Подписано к печати 7/II 1975 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Бум. л. 6,5 Печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 21,37 Изд. № 21054. А 09530. Заказ 2776
Цена 50 коп. Тираж 15 500 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области